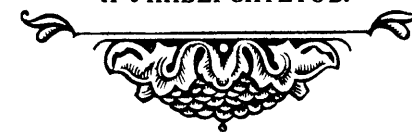

Н.М. ЕЛКИНА

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ СТУДЕНТОВ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
И УНИВЕРСИТЕТОВ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва — 1960

Данную книгу автор посвящает памяти безвременно скончавшегося доцента Московского университета Василия Константиновича Чичагова — прекрасного педагога, читавшего в течение целого ряда лет в стенах Московского университета курс старославянского языка.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курс старославянского языка открывает собой чтение ряда исторических лингвистических дисциплин, необходимых для подготовки филологов-славистов.

Изучение студентами старославянского языка вызывает всегда большие трудности. Особенно труден этот курс для студентов-заочников. Эти трудности усугубляются еще тем, что учебника, отвечающего установкам «Программы по курсу старославянского языка (для студентов филологических факультетов госуниверситетов)», пока еще нет.

Поэтому данная книга является попыткой в какой-то степени помочь студентам овладеть материалом старославянского языка в соответствии с имеющейся программой.

В основу ее положены лекции, читавшиеся автором в течение ряда лет в Московском университете. Однако в ней отсутствует изложение синтаксиса старославянского языка. Также опущены разделы о наречиях, союзах и предлогах. Над этими материалами автор только еще работает и надеется со временем опубликовать их.

При изложении материала автор не останавливается на истории решения того или иного вопроса, а дает в основном изучаемым фактам такие объяснения, какие считает наиболее соответствующими истине.

Чтобы облегчить усвоение материала, при объяснении происхождения форм не выдерживается хронология в объяснении фонетических изменений.

Несмотря на все это, автор решается выпустить в свет эту книгу, так как полагает, что она в известной степени будет полезна студентам.

Автор выражает глубокую благодарность члену-корреспонденту Академии наук СССР профессору Московского университета Р. И. Аванесову за оказанную им помощь и за критические замечания, сделанные им в процессе работы над этой книгой.

Все критические замечания просьба направлять по адресу: Москва, И-18, 3-й проезд Марьиной рощи, 41, Учпедгиз, редакция русского языка.

ВВЕДЕНИЕ

НАУКА О СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ЗАДАЧИ

§ 1. Курс старославянского языка является первой лингвистической дисциплиной в ряду тех исторических лингвистических дисциплин, которые необходимы для подготовки студентов-филологов, будущих преподавателей русского языка.

Старославянский язык представляет собой древнейшую дошедшую до нас письменную обработку, письменное закрепление славянской речи. В нем зафиксированы фонетическая система, грамматический строй и словарный состав одной из разновидностей славянской речи середины IX в., дошедшей до нас непосредственно в письменных памятниках XI и отчасти X вв. Сами эти письменные памятники являются переводами с греческих богослужебных книг на славянский язык. Все другие славянские языки были закреплены письменностью значительно позже (древнейшие сохранившиеся русские памятники письменности относятся ко второй половине XI в. и являются списками с более древних старославянских текстов; древнесербские памятники относятся к XII в.; древнечешские — к XIII в.; среди сохранившихся польских памятников самые древние относятся к XIV в.). Таким образом, старославянский язык в ряде случаев дает возможность представить славянские звуки и формы на их древнейшей ступени развития.

Старославянский язык, далее, являясь первым литературным языком славян, имел важное культурное значение для многих славянских народов.

Все славянские языки, чрезвычайно близкие между собой и теперь, были еще ближе друг к другу в эпоху создания славянской письменности. Поэтому старославянский язык, т. е. язык переводов, сделанных создателями славянской письменности, во многих своих элементах был понятен всем славянам. Правда, вначале он обслуживал только церковь, на нем писали только религиозные книги, но позже он стал обслуживать и другие области письменности. У болгар, например, начиная с X в. старославянский язык способствовал созданию оригинальных произведений не только ду-

ховной, но и светской литературы (лишь со второй половины XII в. болгары стали пользоваться для этой цели так называемым средне-болгарским языком). Старославянский язык долгое время был в употреблении у сербов (до XV в.). Русские стали пользоваться им после принятия христианства, причем вначале и у них этот язык обслуживал церковь, но затем его стали использовать также для светских целей. При употреблении старославянского языка различными славянскими народами он изменялся, проникаясь элементами языка того народа, который пользовался им. В результате возникал церковнославянский язык, представлявший собой результат скрещивания старославянского языка с языком того или иного славянского народа. При этом каждый славянский народ имел свой церковнославянский язык. Даже в памятниках старославянского языка, которые позднее переписывались сербскими, русскими или болгарскими писцами, много новых языковых элементов, внесенных переписчиками. Это объясняется тем, что, несмотря на хорошую выучку, писец при переписке старославянского текста не мог не отразить в переписываемом им памятнике черт своего разговорного языка. Эти старославянские памятники с чертами того или иного славянского языка получили название изводов старославянского языка.

Став церковно-литературным языком для большинства славян, старославянский язык способствовал распространению среди них христианства и культуры. Восприняв этот язык, славяне старались писать языком кирилло-мефодиевских переводов, что привело к превращению последнего в общеславянский литературный язык.

§ 2. Старославянский язык сыграл известную роль в развитии русского литературного языка. Официальное принятие Киевской Русью христианства (988 г.) повлекло за собой признание кирилловского алфавита как единственного, одобренного светской и церковной властью¹. Поэтому русские люди учились читать и писать по книгам, написанным на старославянском языке. На этом же языке, с прибавлением некоторых древнерусских элементов, они стали писать церковно-литературные произведения. В дальнейшем старославянские элементы проникают в художественную литературу, в публицистику и даже в государственные акты.

Церковнославянский язык до XVII в. употреблялся у русских в качестве одной из разновидностей русского литературного языка. С XVIII же века, когда русский литературный язык в основном стал строиться на основе живой речи, старославянские элементы стали использоваться в качестве стилистического средства в поэзии и публицистике.

Современный русский литературный язык содержит в себе значительное количество различных элементов старославянского языка,

подвергшихся в той или иной мере определенным изменениям в истории развития русского языка.

Старославянские слова в составе русского языка можно отличить по фонетическим, морфологическим и смысловым признакам. Так, среди слов, имеющих фонетические признаки старославянизмов, следует в первую очередь отметить:

1. Слова с отсутствием полногласия: *град* — *город*, *глава* — *голова*, *среда* — *середа*, *привратник*, *вратарь* (ср. *ворота*), *безбрежный* (ср. *берег*), *прохладный* (ср. *холод*) и т. д.

2. Слова с сочетанием *жд*, чередующимся с корневым *д*, причем этому *жд* в русском языке соответствует *ж*: *вождь* (ср. *водить* — *вожу*), *утверждать* — *утверждение* (ср. *утвердить* — *утвержу*), *награждать* — *награждение* (ср. *наградить* — *награжу*), *суждение*, *осужденный* (ср. *судить* — *тужу*), *рождество*, *рождение* (ср. *родить* — *рожу*) и т. д.

3. Слова со звуком *щ* (*š'*), чередующимся с корневым *т*, причем этому *щ* в русском языке соответствует *ч*: *освещение* (ср. *осветить* — *освечу*, *свеча*), *возвращаться* (ср. *возвратиться* — *возврачусь*, диалектн.) и т. д.

В русском литературном языке много старославянизмов, легко выделяемых по наличию старославянского суффикса:

-тель: *предатель*, *властитель*, *распорядитель*, *хранитель* и т. д.

-тельн-: *страдательный*, *мучительный*, *растительный*, *поразительный*, *омерзительный* и т. д.

-ствие: *царствие*, *бедствие*, *содействие*, *лицедействие*, *странствие*, *бесчувствие*, *сочувствие* и т. д.

Для смыслового признака старославянских слов характерна их книжность, абстрактность, принадлежность к высокому торжественному стилю, часто используемому в области поэзии. Русские параллели к старославянским словам отличаются простотой смысла. Ср., например, *истина* — *правда*, *чело* — *лоб*, *уста* — *губы*, *втуне* — *напрасно*, *мзда* — *плата*, *сонм* — *сборище*, *одр* — *постель*, *зижду* — *строю*, *вспять* — *назад* и т. д.

Из старославянского языка вошло в русский язык так много слов и употребляются они настолько часто, что некоторые из них, утратив свой книжный оттенок, проникли в разговорный язык, а параллельные им слова исконно русского происхождения вышли из употребления. Например: *сладкий*, *прохладный*, *время*, *плен*, *прозрачный* и т. д.

Все это показывает, насколько органически вросли в русский язык старославянские элементы. Вот почему нельзя основательно изучить современный русский язык, не зная старославянского языка, и вот почему многие явления современной грамматики становятся понятными лишь в свете истории языка. А для изучения истории языка необходимо привлекать факты родственных языков. Об этом

¹ Есть свидетельства (например, в „Житии Константина“) о существовании каких-то русских букв („русьскыѣ писмѣ“) еще до принятия Киевской Русью христианства.

писал еще Ф. Энгельс: „Но ведь «материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки“¹. Следовательно, изучение старославянского языка необходимо для того, чтобы лучше понять и исторически объяснить грамматические явления современного русского языка. Так, например, без исторического объяснения нельзя понять, почему в род. пад. ед. ч. у существительных мужского рода с основой на твердый согласный встречается два окончания (например, *сахара, дома, воза, но кусок сахара, из дому, с возу упало* и т. д.). Это отчетливо разъясняется при знакомстве с системой склонения существительных в старославянскими древнерусском языках.

Нельзя объяснить выпадение гласных звуков (появление так называемых „беглых гласных“): *сучок — сучка, сон — сна, день — дня, весь — всего* и т. д., не познакомившись с историей изменения так называемых редуцированных гласных звуков [ъ] и [ь], что особенно хорошо засвидетельствовано древнейшими памятниками старославянского языка.

Без знания старославянского языка нельзя объяснить процесса появления полных прилагательных; нельзя понять, почему, например, в русском языке глагол в прошедшем времени имеет родовые окончания; нельзя объяснить наличия различного вида основ в словах среднего рода на *-мя* (например, *семья — семени, время — времени*) и т. д.

Знакомство со старославянским языком дает возможность увидеть, как в языковых фактах отражается развитие мышления, движение от конкретного к абстрактному, т. е. к отражению связей и закономерностей окружающего мира. Так, в древних старославянских памятниках многие слова имеют конкретное значение по сравнению с тем, какое они приобрели позднее. Например, современное слово *понятие* восходит к конкретному действию „брать“ (ср. ст.-слав. *ѡти*), слово *соперник* легко расшифровывается ст.-слав. словом *ꙗꙗръ* — „противоположный“ и т. д.

Таким образом, сравнение старославянского и русского языков помогает выяснить историю значения слов, помогает глубже, полнее понять наш родной язык.

§ 3. Необходимо отметить, что по отношению к языку кирилло-мефодиевских переводов в науке о языке нет единого названия. Одни лингвисты называют этот язык древнецерковнославянским, другие — древнеболгарским, третьи — старославянским.

Однако термин „древнецерковнославянский язык“ не является достаточно определенным, т. к. церковнославянская письменность велась у разных славянских народов и в более позднее время.

Термин „древнеболгарский язык“ имеет своей задачей обозна-

чить происхождение языка. Этот термин ближе определяет элементы языка кирилло-мефодиевских переводов, указывая на их связь с языком славян, которые стали известны под именем „болгары“. Однако сам по себе термин „древнеболгарский язык“ недостаточно удовлетворителен. Первоначально слово „болгары“ обозначало принадлежность к народу тюркского племени, который пришел в VII в. на восток Балканского полуострова и покорил жившие там славянские племена. Следовательно, в IX в. на востоке Балканского полуострова болгарами назывались не славяне, а турки. И лишь позднее за славянами болгарского государства утвердилось имя „болгары“. Но и тогда, как и в IX в., это славянское население все еще называлось „словенами“. Такое название держалось за ними как в Болгарии, так и за ее пределами — в Греции и Албании. Язык кирилло-мефодиевских переводов в исторических источниках называют „словенским“.

Более удовлетворительным является термин „старославянский язык“, включающий в себя понятие первого литературного языка славян и указывающий на лингвистическое значение этого языка для изучения истории славянских языков. Однако и он не вполне удачен, т. к. не определяет, к какой именно славянской группе относился этот славянский язык в своей основе.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СТАРОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ¹

§ 4. В 862 или 863 г. моравский князь Ростислав отправил к византийскому императору Михаилу III посольство с просьбой прислать в Моравию² проповедников, которые научили бы моравян христианской вере на их родном языке. По-видимому, эта просьба моравского князя Ростислава была вызвана тем, что он, борясь против латино-немецкого духовенства, являвшегося проводником влияния немецкого императора, хотел получить от Византии политическую и церковную поддержку своей власти. В Византии благосклонно отнеслись к этой просьбе, т. к. это открывало перспективу для распространения и укрепления влияния Византии на западе, в областях Моравского княжества. Было решено отправить в Моравию миссию, во главе которой были поставлены два брата-грека Константин и Мефодий. Первый из них, посвятивший себя церковной деятельности, был известен своей ученостью и миссионерской деятельностью. Его имя в источниках обычно употребляется с эпитетом „философ“. Мефодий был некоторое время правителем одной из славянских областей. Оба они были уроженцы гор. Солуны (Фессалоники), который в то время являлся греческой колонией на славянской территории и был окружен славянскими поселениями.

¹ См. П. А. Лавров, Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, изд. АН СССР, Л., 1930.

² В пределы моравского княжества входили области нынешней Словакии.

Константин и Мефодий хорошо знали язык славян, живших как в самом городе, так и в его окрестностях. Именно об этом, по свидетельству „Жития Мефодия“, сказал византийский император, обращаясь к братьям: „Вы оба — солуняне, а солуняне все хорошо говорят по-славянски“ (кы во юста селунынина да селуныне кыи чисто словѣныкы вѣстѣдоуѣтъ).

По сообщению „Житий“ Константина и Мефодия, Константин еще до отъезда в Моравию составил славянскую азбуку и начал переводить евангелие на славянский язык: „сложи писмена и начатъ вѣстѣдоу писати еуангелъскоу“ („Житие Константина“), „и авиѣ оустроикъ писмена и вѣстѣдоу състакъ поутѣ сѧ патъ моравъскаго“ („Житие Мефодия“).

Более трех лет провели братья в Моравии, где готовили кадры славянских „книжных людей“, будущих служителей церкви, и переводили на славянский язык греческие богослужебные книги. С первых же дней славянский язык в письменности и церковном ритуале был встречен враждебно со стороны немецкого духовенства, видевшего в деятельности Константина и Мефодия большую опасность для себя. Чтобы получить поддержку в своей деятельности, Константин и Мефодий с группой своих учеников отправились в Рим к папе. По пути из Моравии в Рим они остановились в Паннонии¹, славянском княжестве, населенном предками нынешних словенцев. Там они были радушно встречены князем Коцелом, который дал им для обучения славянской письменности около 50 учеников.

В Риме Константина и Мефодия принял папа Адриан II, который, стремясь укрепить свое влияние в Моравии и Паннонии, признал славянский язык в письменности и литургии. Там Константин заболел и умер в 869 г., постригшись незадолго до смерти в монахи под именем Кирилла. После смерти Константина Мефодий с учениками возвратился вначале в Паннонию. В Моравии в это время на престол вступил Святополк, племянник Ростислава, изменивший политическую ориентацию на латино-немецкую. С целью утверждения своего влияния в Моравии и Паннонии папа Адриан II основал для этих областей особую славянскую епископию, и Мефодий был назначен епископом Паннонии. Но вскоре он попал в руки немецких епископов, которые заключили его в тюрьму в Баварии, где он находился более двух лет. В Моравии за это время произошли изменения. После восстания против франков Святополк стал независимым правителем Моравии. Мефодий вернулся в Моравию. Но Святополк, все больше подчиняясь немецкому влиянию, не был сторонником славянской письменности. Поэтому деятельность Мефодия и его учеников проходила в крайне тяжелых условиях.

В 885 г. Мефодий умер. После его смерти противники славянской письменности добились у папы Стефана V запрещения

славянского языка в церковной литургии. Ученики Мефодия были изгнаны из Моравии. Покинув ее пределы, одни из них направились на юг, к хорватам, а другие — на юго-восток, в Болгарию, где они и продолжали дело славянской письменности.

Особенно благоприятные условия для славянской письменности создавались в Болгарии. Наиболее талантливым учеником Мефодия был Климент, деятельность которого протекала в Македонии и юго-восточной Албании. В Македонии он и его ученики переписывают кирилло-мефодиевские оригиналы богослужебных книг и делают новые переводы с греческого языка.

Расцвет старославянской письменности падает на время правления царя Симеона (893—927), когда центр Болгарии Преслав становится не только государственным центром, но и центром славянской письменности на востоке Болгарии. Преславские книжники пользовались тем же языком, каким писали и в Македонии, но в их рукописях отступления от прежних языковых книжных норм отражались более значительно, чем на западе, в Македонии.

В Моравии и Чехии после изгнания учеников Мефодия славянская письменность продолжалась до конца XI в., когда в чешском Сазавском монастыре, где она еще сохранялась, славянские книги были или уничтожены сторонниками латинского письма, или так испорчены, что по ним больше нельзя было читать.

О НАРОДНО-ЯЗЫКОВОЙ ОСНОВЕ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 5. Старославянский язык — язык литературный и поэтому в известной степени язык искусственный. Однако это не освобождает нас от необходимости разрешения вопроса о том, какой язык лег в основу старославянского языка, в основу кирилло-мефодиевских переводов богослужебных книг.

Этот вопрос интересовал ученых-славистов уже в самую раннюю пору разработки славяноведения.

Во второй половине IX в., т. е. когда Константин работал над составлением славянской азбуки и вместе с Мефодием занимался переводами греческих богослужебных книг на славянский язык, славянские языки хотя и были ближе друг к другу, нежели теперь, тем не менее были уже дифференцированными языками с достаточно отчетливо выраженными, присущими отдельным из них, признаками.

Славянские языки являются одной из ветвей так называемой индоевропейской семьи языков. Все они делятся на три группы: южную, западную и восточную.

В южнославянскую группу входят болгарский, сербохорватский, словенский языки и недавно выделившийся как самостоятельный македонский язык. В западнославянскую группу — чешский, словацкий, польский, кашубский, лужицкий (серболужицкий) и полабский языки. В восточнославянскую — русский, белорусский и украинский языки.

¹ Территория Паннонии находилась между верхним Дунаем, Дравой и Муром.

Данная группировка славянских языков имеет под собой лингвистические основания. Так, при сопоставлении славянских языков друг с другом в их настоящем состоянии, а также в их истории, можно заметить, что в отношении ряда черт некоторые славянские языки будут объединяться друг с другом, отличаясь в то же время от других. Это и позволяет выделить (объединить) их в отдельные группы.

Какое же место занимает старославянский язык среди перечисленных выше славянских языков? Сопоставление старославянского языка с другими языками показывает, что он в отношении ряда языковых черт объединяется с языками южно- и восточнославянской групп, в отношении других — с южно- и западнославянскими языками, в отношении третьих — с южнославянскими языками.

1. В старославянском языке представлены сочетания [cv] цк и [zv] <[d̥z'v] зк перед [ě] <[oj] ѣ (например, цѣѣтъ, зѣѣзда).

Подобные сочетания перед [ě] или его заменителями представлены в южно- и восточнославянской группах: словен. svetje, zvezda; сербохорв. свеѣе, zvezda; болгар. цвят, звезда; рус. цвет, звезда.

В языках западнославянской группы в данном случае будут представлены группы [kv] и [gv]: пол. kwiat, gwiazda; чеш. květ, hvězda; словац. kvet, hviezda.

2. В старославянском языке, так же как и в языках южных и восточнославянской групп, в определенных категориях слов представлен согласный [l] л, в то время как в языках западнославянской группы употребляют сочетания [tl] и [dl]: ст.-слав. молитка, рало; сербохорв. molitva, ralo; словен. molitev, ralo; рус. молитва, рало; болгар. молитва, рало.

Ср. пол. modlitwa, radlo; чеш. modlitva, rádlo; словац. modlitva, radlo.

3. Старославянский язык объединяется с языками южно- и восточнославянской групп в отношении употребления в середине слова сочетания губного согласного с последующим [l]: ст.-слав. зѣма, локѣ; сербохорв. zemlja; словен. zemlja, lovljenje, kupljen; рус. земля, ловля, купленный.

Ср. пол. ziemia; чеш. země, koupě; словац. zem, lovenie, kúpa.

4. В отношении одной черты старославянский язык объединяется только с южно- и западнославянскими языками: употребление начального сочетания [je] в соответствии с гласным [oj], характерным для восточнославянских языков: ст.-слав. ѣдинъ, ѣзеро; серб. jedan, jezero, jelen, jesen; словен. eden, jezero, jelen, jesen; бол. един, езеро, елен, есен; пол. jeden, jezioro, jelen, jesień; чеш. jeden, jezero, jelen; словац. jeden, jelen, jeseň.

Ср. рус. один, озеро, олень, осень.

5. В старославянском языке, так же как и в языках южнославянской группы, в начале слова всегда будет представлено сочетание [ra-] ра- и [la-] ла-. Например: растъ, рало, рабънъ, лакътъ, ладнъ, лакѣмъ.

Ср. серб. rast (uzrast), ralo, ravan, lakat, ladja, lakomac; словен. rast, ralo, raven, laket, ladja, lakom(en); болгар. растеж (възраст), рало, равен, лакът, лаком.

Что касается западно- и восточнославянских языков, то в соответствии со старославянским [ra-] и [la-] в начале слова там употребляются или те же сочетания, или сочетания [ro-], [lo-]. Например: пол. wzrost, radło, równy, łokieć, łódź, łakomy; чеш. rádló, rovný, loket, lod'ka, lakomý; словац. vzrast, radlo, rovný, laket', lod'ka, lakomý; рус. рало, ровный, локоть, лакомый.

6. Как и в южнославянских языках, в старославянском языке употреблялись неполногласные сочетания между согласными: [-ra-]-ра-, [-rě-]-рѣ-, [-la-]-ла-, [-lě-]-лѣ-. Например: ст.-слав. градъ, вѣѣтъ, глаба, млѣко; сербохорв. grad, brežuljak („холм“), glava, mleko; словен. grad („замок“), breg, glava, mleko; болгар. град, бряг, глава, мяляко.

Ср. с восточно- и западнославянскими языками (кроме чешского и словацкого): рус. город, берег, голова, молоко; пол. gród, brzeg, głowa, mleko.

7. В старославянском языке на положении слоговых элементов могли выступать плавные [r] и [l]: пѣнѣ [pĕnĕ], прѣхъ [pĕxъ], трѣхъ [trĕxъ].

Ср. сербохорв. pun, prvi, trg; словен. poln, prvi, trg; рус. полный, первый, торг; пол. pełny, pierwszy, targ; чеш. plný, prvý, trh; словац. plný, prvý, trh.

На основании указанного выше видно, что старославянский язык ближе всего к языкам южнославянской группы. Какой же из языков южнославянской группы лег в основу старославянского языка?

Одной из особенностей старославянского языка является наличие в нем сложных согласных [šĕ'] и [žd'] шт и жд. Например: шѣѣта, межда.

Ср. болгар. свещ, межда; сербохорв. sveća, medja; словен. sveča, meja.

Сравнение показывает, что в отношении этой черты старославянский язык объединяется с болгарским языком. Он объединяется с ним и в отношении ряда других черт. Так, в старославянском языке был звук [ě], который обозначался буквой ѣ и произносился как широкое открытое [e], т. е. [ä]. Обследование македонских говоров болгарского языка (в районе г. Фессалоники) показало, что там в конце XIX в. звук [ě] произносился как широкое открытое [e].

В старославянском языке употреблялась аффриката [d̥z']. Для ее обозначения в азбуке существовала особая буква — з „зѣло“. В македонских говорах болгарского языка в конце XIX в. эта аффриката также существовала. Таким образом, все это говорит о том, что старославянский язык был ближе всего к болгарскому языку.

В настоящее время вопрос о народно-языковой основе старославянского языка решается следующим образом: языковой осно-

вой старославянского языка являются македонские говоры болгарского языка, т. е. говоры тех славян, которые во второй половине IX в. жили вокруг г. Солуня.

Не расходится ли этот вывод с историческими фактами?

§ 6. Исторические источники говорят, что Константин составил азбуку и вместе с Мефодием приступил к переводу богослужебных книг еще до того, как они отправились в Моравию. Константин и Мефодий были уроженцы г. Фессалоники (Солуня), который в то время представлял собой греческую колонию, населенную и окруженную славянским населением, говорившим на македонском наречии. Как уроженцы этого города, Константин и Мефодий хорошо знали язык славян, живших как в самом городе, так и в его окрестностях. Поэтому при составлении славянской азбуки Константин и взял за основу македонские говоры. В ту пору различие между отдельными славянскими языками не ощущалось так сильно, как в настоящее время. Язык жителей Моравии мог отличаться от языка жителей г. Фессалоники только некоторыми чертами, которые не имели существенного значения.

То, что в основу старославянского языка легли македонские говоры болгарского языка, подтверждается также следующим: в старославянских памятниках встречается слово *ѣбота* (ср. рус. *суббота*). Это слово было заимствовано из греческого языка. Однако в литературном греческом языке это слово звучало как *sabbaton* (σαββατον). В греческих говорах оно произносилось как *sambaton* (самбатон). Следовательно, в старославянский язык это слово попало из живой народной речи. А это могло быть только там, где происходило непосредственное общение славян с греками, что вновь указывает на район г. Фессалоники.

Таким образом, в основу старославянского языка положены македонские говоры болгарского языка второй половины IX века.

Однако к этой точке зрения по вопросу о народно-языковой основе старославянского языка ученые пришли не сразу.

§ 7. Крупнейший славянский ученый (чех) И. Добровский, выступив против положения о том, что старославянский язык был родоначальником всех славянских языков, считал, что в основу этого языка лег древнесербский язык. Русский филолог А. Х. Востоков разделял взгляд И. Добровского на то, что старославянский язык не является родоначальником всех остальных славянских языков, а что он, напротив, был наречием только одного какого-то племени. А. Х. Востоков высказывал предположение, что старославянский язык тождествен древнеболгарскому. К такому выводу привело его внимательное изучение Фрейзингенских отрывков.

Против взгляда И. Добровского о древнесербской основе старославянского языка выступил словенец В. Копитар, который стал оспаривать у сербского языка его права на ближайшее родство со старославянским языком в пользу своего родного словенского языка. В. Копитар явился основателем так называемой паннонской теории, согласно которой в основе старославянского языка лежат

не македонские говоры болгарского языка, а язык жителей Паннонии второй половины IX в., т. е. словенский язык.

При доказательстве своей теории В. Копитар исходил из следующего:

1. Из соображений исторического характера. Братья Константин и Мефодий находились какой-то период времени в Паннонии, и, следовательно, Паннония представляет собой область, на которую распространилась деятельность Константина и Мефодия.

2. Из лингвистических соображений. Изучая язык старославянских памятников, В. Копитар установил, что в старославянских памятниках есть много слов, относящихся к церковной терминологии, которая по своему происхождению представляет заимствования либо из латинского, либо из немецкого языка. Например: *оцѣтъ* — лат. *acetum*, *оцѣтарь* — лат. *altare*, *погѣтъ* — др.-нем. *fasta*, *попъ* — др.-нем. *paffe*, *цѣсарь* — др.-нем. *kaizar* и т. д. Указывая на слова подобного рода, В. Копитар считал, что они могли принадлежать такому славянскому языку, носители которого жили поблизости от областей с латино-немецкой культурой. А ближе всего территориально к областям с латино-немецкой культурой находилась Паннония. Сторонником паннонской теории был и ученик В. Копитара Ф. Миклошич, который прежде всего старался доказать, что язык древнеславянских памятников не являлся языком болгарским. Понятно, почему так поступал Ф. Миклошич: если удалось бы доказать, что старославянский язык не является болгарским, то, следовательно, в его основу положен словенский язык, ибо чешское происхождение старославянского языка никогда не приписывалось. В пользу паннонской теории Ф. Миклошич выдвинул следующие аргументы:

1. В старославянском языке наметился в ряде случаев переход редуцированных звуков [ъ] и [ь] в гласные полного образования: [ъ] > [o], [ь] > [e], тогда как в болгарском языке [ъ] и [ь] слились в один глухой звук [ъ].

2. В старославянском языке были носовые гласные звуки [õ] и [ẽ] (которые обозначались как ж и ѡ), а в болгарском языке этих звуков нет.

3. Одной из характерных особенностей старославянского языка является наличие в нем сложных согласных [št̚] и [žd̚], тогда как в македонских говорах болгарского языка эти сложные согласные отсутствуют и вместо них представлены [k'] или [č] и [g'] или [d].

Одновременно с этим Ф. Миклошич приписывал наличие носовых звуков и сложных согласных [št̚] и [žd̚] словенскому языку времен Константина и Мефодия. Это свое мнение он основывал на том, что в венгерском языке эти звуки имеются лишь в заимствованных из славянского языка словах: *galamb* (ст.-слав. *голабъ*), *rend* (ст.-слав. *рѣдъ*), *pentek* (ст.-слав. *пѣтъкъ*), *Pest* (произносится *pešt* в названии „Будапешт“, ст.-слав. *пѣшьтъ*), *rozsda* (произносится *rožda*, ст.-слав. *рождѣнье*) и т. д. Эти слова, по мнению Ф. Микло-

щича, могли попасть в венгерский язык только из такого славянского языка, который могли слышать венгры, общаясь с населением, говорившим на этом языке. А соседствующими с венграми славянами были словенцы.

К точке зрения В. Копитара и Ф. Миклошича присоединился П. И. Шафарик, который первоначально придерживался болгаро-македонской теории. П. И. Шафарик, став сторонником паннонской теории, присоединил в ее пользу следующие положения: в наиболее древних старославянских памятниках (следовательно, отражавших, по его мнению, наиболее близко паннонское наречие) имеется ряд слов, которые в настоящее время встречаются только в словенском языке, а также в чешском и хорватском языках, заимствовавших эти слова из языка потомков словенцев, бежавших от венгров при их нашествии. К числу таких слов он относит, например, *локка* (дождь), *рѣиота* (истина), *ашоути* (напрасно), *валии* (врач), *вратрз* (брат), *внжика* (родственник), *отокз* (остров), *отхлѣкз* (остаток), *на-троути* (наполнить) и т. д. По мнению П. И. Шафарика, язык, в состав которого входили перечисленные и подобные им слова, мог принадлежать населению, жившему на западе славянской языковой территории. А таким населением являлось население Паннонии.

Все эти положения сторонников паннонской теории могли бы иметь решающее значение, если бы им удалось ответить еще на один вопрос чисто исторического характера, а именно: как было возможно Константину и Мефодию, начавшим переводы с греческого еще в Византии и затем жившим около трех лет среди моравян, воспользоваться для перевода с греческого языка языком словенцев, среди которых они оказались значительно позднее? Это возражение было снято немецким историком Дюммлером, по мнению которого во времена Константина и Мефодия не только Паннония, но и весь левый берег Дуная были заселены словенцами, а нынешнее чехо-моравское население пришло сюда значительно позднее. Оказывалось, таким образом, что братья переводили богослужебные книги не для моравян, а для словенцев. Ф. Миклошич, ссылаясь на авторитет Дюммлера, заявлял, что в IX в. словенцы жили не только на правом, но и на левом берегу Дуная.

Однако со временем паннонская теория начала подвергаться критике, и дальнейшие исследования показали ее несостоятельность. Особенно большое значение в этом отношении имела работа словенца В. Облака, вышедшая в 1896 г. и посвященная исследованию македонских диалектов, в которой он установил:

1. В современных болгарских диалектах, расположенных территориально в Македонии вокруг г. Фессалоники, и поныне наблюдается переход сильных [ъ] в [о], [ь] в [е], как это свойственно было и старославянскому языку, тогда как в словенском языке [ъ] и [ь] совпали или в [е] или в [а]. Например, болг.-македон.: *сон*, *ден*, в словенском языке в одних говорах *sen*, *den*, в других *san*, *dan*.

2. Наличие говора (около местечка Сухо), где сохраняются следы носовых звуков *gmb* (ст.-слав. *гѣва*), *zmp* (ст.-слав. *зѣва*).

3. Наличие говора, где произносится [št] и [žd] в соответствии со старославянскими [št] шт и [žd] жд.

Таким образом, на основании материала, данного в исследовании Облака, аргументы, выдвинутые Миклошичем, оказались несостоятельными.

Несостоятельными оказались и утверждения немецкого историка Дюммлера.

С другой стороны, тот факт, что в старославянском языке были слова латино-немецкого происхождения, отнюдь не исключает того, что в его основе лежат македонские говоры болгарского языка. Старославянский язык — это язык литературный, а в любом литературном языке всегда есть заимствования из других языков.

В настоящее время общепризнанным является положение о том, что в основу старославянского языка легли македонские говоры болгарского языка.

Согласно данным „Жития Константина“ известно, что перед отъездом в Моравию он уже сделал перевод евангельских чтений. Это говорит о том, что язык перевода мог быть лишь языком солунских славян, живших около г. Фессалоники, но никак не языком моравских или паннонских славян, на территории которых Константин и Мефодий оказались значительно позднее.

СЛАВЯНСКИЕ АЗБУКИ

§ 8. Древнейшие дошедшие до нас старославянские памятники написаны двумя азбуками — глаголицей и кириллицей.

Кириллица в дальнейшем легла в основу русской, украинской, белорусской, македонской, болгарской и сербской азбук. Глаголица вышла из употребления и сохранилась только в Хорватии в церковном обиходе (до XVII в. она употреблялась там и для светских целей).

Каждая буква в обеих азбуках имела свое название. Некоторые буквы употреблялись также в числовом значении. Сопоставление обеих азбук показывает, что, за незначительным исключением, буквы их непохожи друг на друга (см. азбуку на стр. 18—19).

§ 9. Вопрос о возникновении этих двух азбук и о их взаимном отношении с давних пор занимал ученых.

Старославянские памятники свидетельствуют о том, что две сильно отличавшиеся друг от друга азбуки существовали уже в глубокой древности.

В „Житии Константина“ говорится о том, что он изобрел лишь одну азбуку, с которой якобы и повелась славянская письменность.

Изобретателем какой же из двух азбук явился Константин?

Выдающийся чешский славяновед И. Добровский считал, что более древней азбукой является кириллица и что именно она была

Глаголическая буква	Цифровое значение	Кириллическая буква	Цифровое значение	Название буквы	Звуковое значение
ⱁ	1	а	1	азѣ	a
ⱂ	2	в	—	воукы	b
ⱃ	3	к	2	кѣдѣ	v
ⱄ	4	г	3	глаголи	g
ⱅ	5	д	4	добро	d
ⱆ	6	е	5	иетѣ	e
ⱇ	7	ж	—	жиѣте	ž ʒ
ⱈ	8	з, с	6	зѣло	dz
ⱉ	9	з	7	земля	z
ⱊ, ⱋ	10	и	10	ижеи	i
ⱌ	20	и¹	8	иже	i
ⱍ	30	(h)	—	г'ерѣ	g'
ⱎ	40	к	20	како	k
ⱏ	50	л	30	людие	
ⱐ	60	м	40	мыслиѣ	m
ⱑ	70	н	50	нашь	n
ⱒ	80	о	70	онѣ	o
ⱓ	90	п	80	покон	p
ⱔ	100	р	100	рыци	r
ⱕ	200	г	200	глоко	s
ⱖ	300	т	300	тѣрьдо	t
ⱗ	400	ѡ	400	оукѣ	u
ⱘ	500	ф	500	фрьѣ	f
ⱙ	600	х	600	хѣрѣ	ch
ⱚ	700	w	800	отѣ	o
ⱛ	800	щ	—	ща (шта)	št
ⱜ	900	ц	900	ци	c
ⱝ	1000	ч	90	чрьѣ	č
ⱞ	—	ш	—	ша	š
ⱟ	—	х	—	иерѣ	ъ
Ⱡ	—	ь	—	иерь	ь
ⱡ, Ɫ, Ᵽ, Ɽ	—	ѣ, ѥ (ѣ)	—	иеры	y
ⱥ	—	ѣ	—	ѣть (ять)	ě
ⱦ	—	ю	—	ю	ju
Ⱨ	—	ѧ	—	—	ja
—	—	Ѩ	—	—	je

¹ По техническим причинам буква „иже“ передается знаком и.

Продолжение

Глаголическая буква	Цифровое значение	Кириллическая буква	Цифровое значение	Название буквы	Звуковое значение
ⱥ	—	ѧ, ѧ, ѧ	900	юс малый	ę
ⱦ	—	Ѩ	—	юс большой	o
Ⱨ	—	ѩ	—	юс малый йотованный	je
ⱨ	—	Ѫ	—	юс большой йотованный	jo
—	—	ѫ	60	кси	ks
—	—	Ѭ	700	пси	ps
Ⱪ	800	ѭ, Ѯ	9	дита	f
ⱪ	—	ѯ, Ѱ	400	ижица	i, v

составлена Константином. Что касается глаголицы, то, по его мнению, она возникла около XIV в. в Хорватии (Далмации). Ее возникновение он объяснял так: римская церковь в областях, которые входили в ее подчинение, преследовала все, что свидетельствовало о связи с Византией, т. е. с греческой церковью. А так как кириллица, основанная на греческом письме, явно говорила об этой связи с Византией, то она была заменена глаголицей с целью сохранить богослужение на славянском языке. Такая точка зрения вполне соответствовала материалам, которыми располагала в то время наука для суждения по этому вопросу: глаголические рукописи были известны только хорватского происхождения, и они были не древнее XIV века.

В 1836 г. видный славянский филолог В. Копитар открыл в библиотеке графа Клоца древнюю рукопись, писанную глаголицей. По палеографическим данным она была гораздо древнее тех рукописей, которые были известны И. Добровскому. Это открытие привело к пересмотру прежней точки зрения на происхождение славянских азбук. В. Копитар выдвинул положение о сравнительно древности глаголицы по сравнению с кириллицей.

Дальнейшие открытия в этой области подтвердили точку зрения, выдвинутую В. Копитаром.

Русский ученый В. И. Григорович совершил в 40-х годах XIX в. поездку в ряд монастырей Балканского полуострова. Во время этой поездки им было открыто несколько древних славянских памятников, писанных глаголицей и ранее неизвестных. Это по новому осветило вопрос о происхождении славянских азбук. По мере этих открытий возрастал интерес к глаголическому письму.

Выдающаяся роль здесь принадлежит трудам П. И. Шафарика, посвященным глаголице, где он, пересмотрев свои прежние взгляды на ее происхождение, пришел к выводам о том, что, во-первых,

глаголица древнее кириллицы, во-вторых, именно глаголица была изобретена Константином, в-третьих, кириллица была изобретена учениками Константина и Мефодия.

О большой древности глаголицы говорит следующее:

1. Глаголица беднее по количеству букв, и, следовательно, кириллица является более совершенной азбукой.

2. Древнейшие в языковом отношении памятники написаны глаголицей (например, Киевские листки, Зографское и Маринское евангелия).

3. Имеется много рукописей, написанных кириллицей на пергаменте со смытой глаголицей, но нет рукописей, написанных глаголицей по смытой кириллице.

Само название „кириллица“ не может еще указывать на принадлежность этой азбуки Константину-Кириллу. Первоначально это название, по-видимому, применялось по отношению к другой азбуке, к глаголице. Так, в списке „Книги пророков“, скопированном в 1499 г. в Новгороде, повторена запись оригинала 1047 г., сделанная переписчиком рукописи попом Упырем Лихим. В этой записи указано, что рукопись была списана „ис коуриловицъ“, иначе говоря, с письма, имевшего иной вид и называвшегося „куриловица“ (т. е. кириллица). Это дает основание предполагать, что оригинал, с которого переписывал поп Упырь Лихой, по-видимому, был написан глаголицей, которая первоначально называлась кириллицей. Позднее же название „кириллица“ было перенесено на другую азбуку. Это подтверждается также и тем, что в списке попа Упыря, написанном кириллицей, кое-где попадаются глаголические буквы.

На списывание многих кириллических рукописей с глаголического текста указывает и то, что в кириллический текст нередко вносились отдельные слова, а иногда и целые строчки из глаголического оригинала. Правда, в глаголических рукописях также можно встретить слова, написанные кириллицей, но они не одновременны с глаголическим написанием, а позднейшего происхождения и представляют собой различные пометки практического содержания. В настоящее время почти всеми учеными принята та точка зрения, что глаголица древнее кириллицы, и именно она была составлена Константином, кириллица же появилась позднее.

Палеографический анализ кириллицы также указывает на то, что эта азбука не была составлена Константином в IX в.: греческий унциал, который положен в основу кириллицы, относится к X в. На это указывают полуовалы, заостренность и вертикальность букв кириллицы.

В пользу старшинства глаголицы свидетельствуют и языковые черты глаголических памятников: в глаголице не было букв, которые бы соответствовали греческим ξ, ψ. В них не было надобности, так как в славянской фонетической системе IX в. отсутствовали сочетания [ks] и [ps]. Наличие в кириллице букв ѡ и ѱ и передача ими сочетаний [ks] и [ps] говорит о том, что кириллическая азбука

составлялась уже тогда, когда эти сочетания были не совсем чужды славянской фонетической системе, что свидетельствует о более позднем состоянии этой системы сравнительно с той, для которой составлялась глаголица.

Области распространения глаголицы также подтверждают ее старшинство. Киевские листки и Пражские отрывки свидетельствуют о том, что в Моравии применялась глаголица, а не кириллица. В западных областях Болгарии (в Македонии), где протекала деятельность учеников Константина и Мефодия, письменность была также глаголическая.

Когда и где возникла кириллица? Она возникла в восточной Болгарии в период правления царя Симеона (893—927), т. е. тогда, когда там уже давно была принята христианская религия, но богослужение совершалось греческими священниками на греческом языке. Царь Симеон хотел противопоставить Византии не только мощь государственную, но и мощь культурную. Поэтому для ограждения самостоятельности болгарской культуры от излишних посягательств Византии необходимо было ввести богослужение на славянском языке. Но греческие священники с трудом усваивали глаголическую азбуку. Поэтому нужно было пойти на компромиссное решение: заменить глаголицу другой азбукой, сходной с греческой. Предполагают, что по образцу греческого алфавита эту новую славянскую азбуку сложил ученик Мефодия пресвитер Константин. Позднее славянские книжники стали отождествлять пресвитера Константина с первоучителем Константином-Кириллом, а изобретенная им азбука стала называться по имени второго — кириллицей.

Что же послужило прототипом для глаголицы и кириллицы?

§ 10. Мнения ученых по вопросу о происхождении глаголицы весьма противоречивы. Форма ее букв настолько своеобразна, что сближение ее со всеми известными алфавитами терпело неудачу и не всегда могло быть признано удовлетворительным.

Так, некоторые ученые считали ее полностью самостоятельным изобретением Константина-Кирилла. П. И. Шафарик указывал на сходство некоторых букв глаголицы с сирийскими буквами восточных алфавитов. Русский языковед В. И. Григорович выводил глаголицу из арабских писмен. Чешский лингвист Л. Гейтлер пытался доказать, что глаголица возникла на основе албанского письма. Некоторые ученые сближали глаголицу с готским руническим письмом и т. д.

В 80-х годах XIX в. английский палеограф И. Тейлор попытался объяснить происхождение всех букв глаголической азбуки из греческого минускульного письма. Эта мысль И. Тейлора о происхождении глаголицы была поддержана профессором Казанского университета Д. Ф. Беляевым и академиком И. В. Ягичем, которые во всех буквах глаголицы видели греческий источник — буквы минускульного письма или их комбинацию.

Несомненно, между отдельными буквами глаголицы и греческими минускулами существует большое сходство. Например:

глаголическая буква	греческий минускул	кириллическая буква
Ѧ	Ϝ	Г
Ѧ	Ϟ	Д
Ѧ	Ϡ	Д
Ѧ	Ϣ	П
Ѧ	Ϥ, ϥ	Т
Ѧ	Ϧ	Н и Т. Д.

Как показывают приведенные примеры, буквы глаголицы в сравнении с греческими минускулами характеризует более петлеобразный рисунок. Учитывая эту стилевую черту глаголицы, становится ясным происхождение ряда глаголических букв. Так, почти все буквы глаголицы, обозначающие такие же звуки в славянской фонетической системе, какие были в греческом языке, более или менее сходны с соответствующими буквами греческого минускульного письма.

В зависимости от греческой азбуки и в глаголице были две буквы для [i]: Ѧ и Ѧ̃. Третья буква для [i] в глаголице Ѧ̃ была введена в употребление позднее и представляет собой видоизменение Ѧ̃. На то, что первоначально буква Ѧ̃ в глаголице отсутствовала, указывает и то, что она не имела цифрового значения.

В подражание греческой азбуке в глаголице употребляются две буквы для передачи звука [o]. По греческому образцу для передачи звука [u] в глаголице также употребляется соединение двух букв „о“ и „у“: Ѧ̃, что представляет собой упрощение сочетания двух букв Ѧ̃ и Ѧ̃, как это сочетание еще заметно в написаниях Киевских листков.

Но откуда были взяты буквы глаголицы, обозначающие звуки, имевшиеся в славянской фонетической системе, но отсутствовавшие в греческом языке, например для передачи звуков: [š], [št], [ě], [o], [e], [č], [c], [dž], [b], [ž], [ь], [ъ], [y], [’u]?

По вопросу о происхождении глаголических букв для данных славянских звуков нет единого мнения.

Некоторые ученые пытались объяснить происхождение некоторых из них как результат заимствования их из других алфавитов (еврейско-самаритянского письма, коптского письма и других восточных алфавитов). Так, например, Ф. Ф. Фортунатов¹ предполагал, что глаголица в основном была связана с греческими минускулами, но некоторые ее буквы были составлены по образцу коптского письма: ш из коптской Ш („шеи“); Ѧ из коптской Ѧ

¹ См. Ф. Ф. Фортунатов, О происхождении глаголицы, ИРЯС, 1913, кн. 4, стр. 221—256, XVIII, а также „Отчет отделения русского языка и словесности Академии наук“, 1913.

(„джанджа“); Ѧ (χ) из коптской буквы „хеи“; в первой части букв Ѧ̃ (Ѧ̃) и Ѧ̃ (Ѧ̃), по его мнению, отражается нижеегипетский курсивный i.

И. Тейлор указал на возможность происхождения глаголических букв для славянских звуков из греческого источника, а именно, как на комбинацию (лигатуры) букв минускульного письма.

С мнением И. Тейлора были согласны Д. Ф. Беляев и И. В. Ягич, но все же оно не было общепризнанным. В последнее время некоторые исследователи, подкрепляя свои выводы археологическими открытиями, пытаются отвергнуть изложенные выше гипотезы о самостоятельном изобретении глаголицы Константином-Кириллом и о заимствовании отдельных глаголических букв из других, главным образом восточных алфавитов. Дело в том, что, по свидетельству историков, у славян еще до принятия христианства была уже письменность. Как можно судить по дошедшим до нас свидетельствам, самобытная славянская письменность имела культовое значение. Однако дохристианская славянская письменность не дошла до нас, т. к. после принятия славянами христианства беспощадно уничтожалось все то, что имело какое-либо отношение к языческому культу.

Кроме того, в житии Константина-Кирилла указывается, что Константин-философ по пути к хозарам, жившим в Приазовье, куда он был отправлен византийским императором как глава посольства, нашел в Херсонесе евангелие и псалтырь, писанные роушскими (рогскими) писменами, т. е. русскими буквами, а также встретил там человека, знающего этот язык, и быстро научился читать и говорить на этом языке. Следовательно, Константин и Мефодий в переводах с греческого языка на славянский язык богослужебной литературы не были новаторами. Поэтому не исключена возможность, как думают некоторые исследователи, что частичным источником глаголицы могла быть и самобытная славянская письменность.

Представляет интерес статья черноризца Храбра „О письменех“, написанная не позднее начала X в., в которой имеется указание на то, что славяне, будучи язычниками, „чрѣтами и рѣзми чѣтѣхъ и гатаахъ погани сѣще“. По принятии христианства славяне, бывшие в сфере воздействия римской культуры, пользовались латинскими буквами, а славяне юго-восточных областей, находившихся в сфере влияния Византии, — греческими. Но такое применение латинского и греческого письма было лишено системы. Кроме того, латинскими или греческими буквами нельзя было передать многих славянских звуков. Только Константин-философ составил славянам полную азбуку из 38 букв, из которых одни соответствовали греческой азбуке, а другие передавали только славянские звуки: „сѣтвори имѣ а. писмена и оумъ, шка оубо по чиноу грѣшнѣхъ писменъ, шка же по словѣнѣтѣи рѣчи“.

§ 11. Происхождение кириллицы не вызывает сомнения: ее источником явилось греческое унциальное письмо торжественных

книг. Что касается передачи славянских звуков, то кириллица следует здесь за глаголицей, изменяя ее буквы для славянских звуков так, чтобы придать им геометрические формы в стиле прочих букв. Так, например, кириллические ж и л представляют собой угловатую перелицовку глаголических букв ѿ, ѿ, повернутых вправо на 90°.

На связь кириллицы с греческим алфавитом указывает также и то, что в кириллице в цифровом значении выступают только те буквы, которые взяты из греческого алфавита, при этом кириллическая буква обозначает ту же самую цифру, что и соответствующая греческая буква.

Необходимо отметить, что кириллическая азбука в том виде, как она приведена выше (см. стр. 18—19), представляет собой результат более позднего усовершенствования. Так, например, в нее введены многие йотованные буквы, которых не было первоначально.

Алфавитно-буквенный состав кириллицы довольно точно соответствует звуковому составу старославянского языка, передавая своеобразие славянской звуковой системы.

Именно это явилось причиной того, что она до сих пор лежит в основе многих алфавитов славянских народов, и именно это позволило известному французскому языковеду А. Мейе назвать кириллицу шедевром среди других известных алфавитов.

§ 12. Как указывалось выше, буквы глаголицы и кириллицы могли иметь числовое значение, т. е. употреблялись в значении цифр. Над буквой, употреблявшейся в значении цифры, ставился знак ѿ, а по бокам писались точки: ѿ̣, ѿ̤, ѿ̥ и т. д.

Сопоставление глаголицы и кириллицы (см. стр. 16—17) показывает, что в этих азбуках имеет место расхождение в числовом значении букв. Это объясняется тем, что в глаголической азбуке в значении цифры могли выступать и те буквы, которым не было соответствия в греческом алфавите, а в кириллической азбуке в значении цифры выступали только те буквы, которые соответствовали греческому алфавиту.

Для передачи чисел от 11 до 19 включительно употреблялись сочетания показателей единицы с последующим i-десятеричным, при этом единицы писались обычно впереди десятка:

$$\cdot \text{ѿ} \text{ ѿ } \cdot \text{ѿ} = 12.$$

Цифры сверх 20 передавались так: вначале ставились десятки, а потом единицы: ѿ̣ ѿ̣ — ѿ̣ ѿ̣ = 47; ѿ̣ ѿ̣ — ѿ̣ ѿ̣ = 33. Тысячи обозначались буквами, передающими единицы, но только перед ними ставился значок ѿ̣: ѿ̣ = 1, а ѿ̣ = 1000; ѿ̣ = 2, а ѿ̣ = 2000 и т. д.

§ 13. В обеих азбуках употреблялись надстрочные знаки, так называемые диакритические знаки и титла. Для правильного понимания старославянских текстов необходимо знать их значение. Важнейшими из них являлись следующие:

1. Над начальным гласным, а иногда и над другими гласными ставились значки ' и '̣: и̣ принесе глагож̣ его на владѣ; ѿко не ѿмѣша земля̣ многы̣ ѿ̣ авие̣ прозавоша̣. Однако эти значки в старославянском языке значения не имели и ставились в подражание греческому тексту, где они обозначали придыхание разного вида.

2. Для обозначения мягкости согласных употреблялись значки ' и '̣: зан'е, земля'ѣ, глагола̣, кз̣ немоу̣. Мягкость согласных могла передаваться также с помощью употребления йотованной буквы после мягкого согласного: земля̣, кола̣, глагола̣ и т. д.

3. При пропуске редуцированных гласных ѿ или ѿ писцы также иногда употребляют значок '̣, '̣, который называют паерком: к'то, в'его, ч'то, д'ка (вместо кзто, кзего, чьто, дзка).

4. Если слова передавались на письме в сокращенном виде, то по греческому образцу над ними писали титла, вид которых не был одинаковым: ѿ̣, ѿ̣, ѿ̣, ѿ̣, ѿ̣. Под титлами писались обычно часто встречающиеся в речи слова: оца̣ (отца), бз̣ (богз), гз̣ (господз), гла̣ште̣ (глаголаште̣), цр̣ь (ццарь), вж̣е (воже), чл̣ч̣е̣ вж̣ни̣ (члоктчч̣е̣ вожни̣), ѿ̣тн̣х̣ (скатынх̣) и т. д.

Во избежание ошибки при чтении некоторых сокращенных слов писцы ставили над сокращенным словом одну из пропущенных букв: ѿ̣ (выгз), кз̣ оно̣ (кз оно̣ крѣма̣), мц̣ь (мѣлац̣ь), гла̣ (глака̣).

Кроме того, как указывалось выше, титла ставились над буквой, употребленной в значении цифры.

Старославянское письмо является слитным, без отделения слов друг от друга, с довольно редким употреблением знаков препинания и заглавных букв.

Из знаков препинания чаще всего употребляется точка, которая обычно делит предложения на части и ставится не внизу строчки, а выше, над строчкой: рече̣ емоу̣ ѿ̣ ѿ̣ аминь̣ гла̣ж̣ тебѣ̣ ѿ̣ко̣ кз̣ снз̣ ношть̣ прѣ̣жде̣ да̣же̣ коу̣рз̣ не̣ кз̣глаголѣ̣ три̣ кр̣аты̣ отъ̣кр̣же̣ши̣ гл̣ мене̣ (Зогр. ев., Мф. XXVI, 34).

Для указания на конец предложения или главы употребляли комбинацию точек и черточек: ѿ̣, ѿ̣, ѿ̣, ѿ̣, ѿ̣, ѿ̣, ѿ̣, ѿ̣, ѿ̣ и т. д.

§ 14. Сопоставление двух старославянских азбук помогает выявить черты сходства и различия между глаголицей и кириллицей.

Так, основными чертами сходства в общей системе глаголицы и кириллицы являлись следующие:

1. В обеих азбуках существовало две буквы для передачи звука [i] (третья глаголическая буква ѿ̣ представляла собой модификацию буквы ѿ̣). Наличие двух букв для передачи одного славянского звука [i] было вызвано влиянием греческого письма.

2. Две буквы для передачи славянского звука [o], что также объясняется влиянием греческого алфавита, в котором наличие

двух букв „о“ было вызвано существованием разных по количеству гласных: долгого гласного [ō] (передававшегося буквой ѿ) и краткого гласного [o] (передававшегося буквой о).

3. В обеих азбуках для передачи звука [u] в подражание греческому письму буква „и“ состояла из двух частей: **Ѣ** — **оу**.

4. Одинаковый способ для передачи гласного [y]: сочетание буквы **ѣ** (ѣ) с буквой для [i]: **ѣи**, **ѣи** — **ѣѣ**, **ѣѣ**, **ѣѣ**.

5. Одинаковый принцип в передаче [ъ] и [ь]: **ѣ** — **ѣ** (варьирование одного и того же значка).

6. Одинаковый способ передачи [št]: **ѣ** — **ѣ**.

7. Общие элементы в передаче букв, обозначающих славянские звуки [ž], [š], [č], [c], [ě].

8. Одинаковость в написаниях диакритических знаков и титл.

Некоторые общие черты глаголицы и кириллицы могут объясняться тем, что в основе обеих азбук лежит греческое письмо: скорописное, минускульное — в основе глаголицы; уставное, унциальное — в основе кириллицы. Но особенно показательна общность букв даже во внешнем виде при передаче звуков, характерных только для славянской фонетической системы.

Однако, наряду с этим, между обеими азбуками имеются некоторые различия в системе.

1. В глаголице была одна буква **Ѣ**, которой в кириллице соответствовали **ѣ** и **ѣ**.

2. Первоначально в глаголице для передачи [e] употреблялась только одна буква **Ѣ**. Позднее эта буква стала употребляться в соответствии кириллическому **ѣ**, а вторая часть его **ѣ** стала выступать в значении кириллического **ѣ**.

3. В глаголице употреблялась только одна буква **Ѣ**, в соответствии которой в кириллице употребляются **ѣ**, **ѣ** (или **ѣ** после мягкого согласного).

4. В глаголице употреблялись разные буквы для передачи аффрикаты [dž] и звука [z]: **Ѣ** (= dz) и **Ѣ** (= z). В кириллице для аффрикаты [dz] представлена модификация буквы **ѣ** — **ѣ**; там же употреблялась еще буква **ѣ**, но она выступала в основном в значении цифры 6.

5. В глаголице для передачи мягкого [g'] в заимствованных словах употреблялась особая буква **Ѣ**. В кириллице же в этих случаях мягкий звук [g] передавался с помощью буквы **ѣ** и значка мягкости: **ѣ**.

6. В кириллице в соответствии с греческими **ξ** и **ψ** для передачи сочетаний [ks] и [ps] употреблялись буквы **ѣ**, **ѣ**. В глаголице эти буквы отсутствовали.

7. В кириллице в значении цифр могли выступать только те буквы, которые соответствовали греческому письму. В глаголице же такое соответствие не принималось во внимание; там цифры следуют в порядке алфавита.

Не все указанные выше черты различия между глаголицей и кириллицей восходят к первоначальному составу кириллицы. Так, например, в кириллице в ее раннем виде не было йотованных букв **ѣ**, **ѣ**, **ѣ**, как это показывает исследование архаических элементов в написании кириллических памятников.

ПАМЯТНИКИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 15. Все сохранившиеся и дошедшие до нашего времени старославянские памятники в зависимости от того, какой азбукой они написаны, подразделяются на две группы: глаголические памятники, более древние, и кириллические памятники, как мы себе представляем, менее древние.

Однако до нас не дошли старославянские памятники непосредственно от времени деятельности Константина и Мефодия. Большинство старославянских памятников относится к XI в., и, следовательно, они отделены от времени кирилло-мефодиевских переводов периодом в 150—200 лет. Это не могло не отразиться на их языке. Но все отступления от языка кирилло-мефодиевских переводов в поздних памятниках легко выделяются, и за ними обнаруживается основа более ранних оригиналов, восходящих к кирилло-мефодиевским переводам.

Все глаголические памятники идут из западных областей Болгарии. Написаны они большей частью в Македонии. Большинство из них представляет сравнительно точный перевод с соответствующего греческого оригинала.

В глаголических памятниках по сравнению с кириллическими отражен более древний языковой строй. Это касается не только звуковой системы языка, но и его грамматического строя, что особенно наглядно видно на употреблении глагольных форм (главным образом имперфекта и аориста).

В лексическом отношении глаголические памятники характеризуют, с одной стороны, наличие значительного количества непеведенных греческих слов, а с другой — они совершенно свободны от тюркизмов.

1. Самым древним глаголическим памятником являются Киевские листки („Киевский миссал“). Этот памятник относится к X в. и представляет собой отрывок католической обедни по славянскому образцу. От него сохранилось всего 7 листов. Так как этот памятник является наиболее древним из глаголических, то из него берутся обычно образцы глаголического письма. Для глаголических букв в Киевских листках характерна округлость форм.

Некогда этот памятник был вывезен из Иерусалима и находился в библиотеке Киевской духовной академии, где он в 1874 г. был открыт И. И. Срезневским. Лучшее издание данного памятника сделано И. В. Ягичем в Вене в 1900 г. В языковом отношении памятник характеризует одна западнославянская черта:

вместо [št] и [žd'], восходящих к [tj] и [dj], в памятнике употреблены [c'] — ч и [z'] — џ. Это является языковой чертой славян западной части прежнего Моравского государства. На западное происхождение памятника указывает и его содержание.

Памятник характеризуется правильным употреблением ж и љ. Лишь в двух случаях написана форма кжѣхъ вместо кѣхъ, что А. М. Селищев считает опиской писца.

Кроме того, для памятника характерно употребление ѐ еще в значении нейотованного юса малого.

2. Зографское евангелие. Относится к XI в. и состоит из 304 листов. Однако не все листы одинаково древни. Так, 17 листов (с 41 по 57) вставлены позднее.

Зографское евангелие хранилось в Зографском монастыре на Афоне. В 1860 г. оно было подарено императору Александру II, который передал его в Публичную библиотеку (в настоящее время оно находится в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в г. Ленинграде).

В Зографском евангелии имеются вставки и надписи, сделанные кириллицей. Это лишний раз говорит о том, что кириллица появилась позднее глаголицы. В нем еще продолжается употребление округлой глаголицы.

Памятник не датирован. Ученые долгое время колебались, к какому веку отнести его: к X или XI в. Так как для Зографского евангелия характерно уже смешение и пропуск в употреблении ж и љ, то отнести его к X в. нельзя. Наиболее отличительной языковой чертой является то, что здесь имеются случаи прояснения редуцированных љ и ж: вместо ж можно встретить употребление о, а вместо љ — е.

В ряде случаев перед гласными и и љ наблюдается пропуск согласного л после губного.

По грамматическому строю Зографское евангелие продолжает традиции Киевских листков.

Памятник издан в 1879 г. в Берлине акад. И. В. Ягичем.

3. Мариинское евангелие. Относится к XI в. и содержит 173 листа. Хранился этот памятник на Афоне в монастыре св. богородицы (Марии). В 1842 г. он был там найден В. И. Григоровичем. В настоящее время этот памятник находится в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

Так же, как и в Зографском евангелии, в Мариинском евангелии наблюдается смешение и иногда пропуск в употреблении букв ж и љ. Возможны случаи употребления о и е вместо ж и љ.

В ряде случаев перед гласными и, љ, а иногда и перед е не употребляется после губного согласный л.

Однако наиболее характерными грамматическими особенностями данного памятника являются следующие:

1. Смешение в употреблении [ɔ] и [u], что отражается в смешенном употреблении букв ж и оу (ж и ю):

мжжж мждрѡу (вм. мжжѡу мждрѡу) — Мф. VII, 24; кѣржжшѣ (вм. кѣроушѣ) — Ио. XX, 31; лжжжѣ (вм. лѡжжѣ) — Ио. V, 42; кжжжѡю (вм. кжжжѡж) — Ио. XIV, 21; кжжжѡю (вм. кжжжѡю) — Мр. IV, 24; Ио. IV, 53; V, 28 и т. д.

2. Употребление в начале слова оу вместо кж: оуѣленжж (вм. кжѣленжж) — Лук. II, 1; оуоржжѣ (вм. кжоржжѣ) — в Зограф. евангелии — Лук. XI, 21.

3. Форма ѣга вместо ѣго (ѣга ради — Мр. VI, 14).

В отражении этих грамматических особенностей в Мариинском евангелии видят отражение некоторых языковых черт писца из сербской языковой области.

Мариинское евангелие было издано И. В. Ягичем в Петербурге в 1883 г. со статьей о языке и полным словарем. Есть два вида евангелия: четвероевангелие и евангелие-апракос. Четвероевангелие включает в себя сочинения 4-х евангелистов: Матвея, Марка, Луки и Иоанна. Евангелие-апракос — это недельное евангелие.

Упомянутые выше Зографское и Мариинское евангелия по содержанию представляют собой четвероевангелия.

4. Ассеманиево евангелие. Относится к XI в. По содержанию представляет собой евангелие-апракос. Состоит из 158 листов. Свое название это евангелие получило в честь востоковеда Ассемани, который в конце XVIII в. вывез эту рукопись из Иерусалима. Хранится оно в библиотеке Ватикана. Отсюда его другое название — Ватиканское евангелие. В данном памятнике отражен новый этап в утрате редуцированных ж и љ: писец довольно часто не пишет знака редуцированных в конце слова.

Грамматические формы и лексика его имеют много архаизмов.

Первое издание памятника (глаголическим шрифтом) сделал Ф. Рачки в Загребе в 1865 г. Однако это издание малоудовлетворительно. Лучшее издание памятника (глаголическим шрифтом) сделано И. Вайсом и И. Курцем в Праге в 1929 г. В 1955 г. в Праге вышло издание этого памятника (кириллическим шрифтом), сделанное И. Курцем.

5. Сборник Клоца. Относится к XI в. и представляет собой отрывок из сборника поучений. Состоит из 14 листов, из которых 12 были найдены В. Копитаром в библиотеке графа Клоца в Триенте и изданы им в 1836 г. Позднее были открыты в музее в Инсбруке еще 2 листа, изданные Ф. Миклошичем в 1860 г. Полное издание памятника с палеографическим введением и словарем было сделано В. Вондраком в Праге в 1893 г. В лексике его встречаются новые варианты по сравнению с более древними.

6. Синайская псалтырь. Относится к XI в. На горе Синай (Синайский полуостров) есть монастырь св. Екатерины, где до сих пор хранится этот памятник. Лучшее издание памятника сделано С. Северьяновым в Петрограде в 1922 г.

По содержанию и языку данный памятник связан с кирилло-мефодиевской эпохой. Об этом свидетельствуют такие архаизмы,

как употребление форм простого аориста; в области лексики — непереуведенные греческие слова, характерные для древнейших евангельских текстов.

7. Синайский требник, или Синайский эвхологий. Хранится в монастыре св. Екатерины на Синае.

Словом „требник“, или „эвхологий“, называется сборник молитв или служб на разные случаи жизни, касающихся выполнения различных ритуалов религиозного значения.

Лучшее издание памятника (глаголическим и кириллическим шрифтом) сделано Р. Нахтигалом в 1941—1942 гг. в Любляне.

Оригинал переводов требника был сделан в моравско-паннонский период старославянской письменности, на что указывает наличие в составе памятника переводов с немецкого и латинского языков (наряду с основными переводами с греческого языка).

По мнению акад. Н. С. Державина, данный памятник относится к X в. (См. по этому вопросу его статьи в „Сборнике статей и исследований в области славянской филологии“, М.—Л., 1941 г.)

8. Охридские листки. Найдены В. И. Григоровичем в Охриде. Хранятся в рукописном фонде Одесского университета. Состоят из одного полного листа и из половины другого листа.

Лучшее издание этого памятника сделано в Петрограде в 1915 г. в „Памятниках старославянского языка“, т. III, вып. 2.

9. Македонский глаголический листок. Найдены В. И. Григоровичем и хранятся в библиотеке Академии наук (в фонде И. И. Срезневского).

Издан в Петербурге в 1909 г. в „Памятниках старославянского языка“, т. I, вып. 6.

Глаголические памятники, дошедшие до нас, не датированы. Время их написания определяется приблизительно по палеографическим, языковым и отчасти историческим данным.

Древнейшими из перечисленных выше старославянских памятников считаются Киевские листки, относящиеся к X в.

§ 16. Кириллические памятники характеризуются более поздним этапом возникновения по сравнению с глаголическими. В них представлено более низкое качество перевода с греческого языка, в лексике памятников встречаются тюркизмы. Отсюда делают вывод, что они были написаны в восточных областях Болгарии, т. к. там тюркское воздействие на славянскую среду было значительно, чем на юге и на западе страны.

Все кириллические памятники, за исключением одного, не датированы.

В кириллических памятниках довольно своеобразно представлено падение редуцированных [ъ] и [ь] (см. об этом ниже, §§ 31—32).

1. Древнейшим кириллическим памятником является надпись царя Самуила, относящаяся к 993 г.

Надпись была сделана на каменной плите по распоряжению царя Самуила на могиле его родственников. Найдена она была в 1894 г. в юго-западной Македонии в селе Герман, недалеко от

озера Преспа. Содержание надписи состоит из 11 строчек. Правый угол каменной плиты отбит.

В языковом отношении эта надпись дает мало. Значение ее главным образом палеографическое. Надпись датирована, а это для палеографа является исходным пунктом в определении сравнительной древности недатированных кириллических памятников старославянского языка, так как дает возможность судить о способах начертания кириллических букв в определенный исторический период.

Имеется несколько изданий этой надписи. У нас эта надпись была издана в 1899 г. в „Известиях Русского археологического института в Константинополе“, т. IV, кн. 1.

2. Саввина книга. Относится к XI в. Написана на маленьких листочках пергамента. Свое название данный кириллический памятник получил по двум припискам с упоминанием попа Саввы. По содержанию он представляет собою евангельские чтения. Хранится в Московском главном архиве, в фонде Типографской библиотеки.

Издан этот памятник В. Н. Щепкиным в Петербурге в 1903 г. в „Памятниках старославянского языка“, т. I, вып. 2. Немного раньше, в 1899 г., вышло исследование В. Н. Щепкина о языке данного памятника под названием „Рассуждение о языке Саввиной книги“. До сих пор это исследование В. Н. Щепкина наряду с его другими исследованиями считается образцом работ подобного рода.

Данный памятник создает впечатление одного из наиболее ранних кириллических памятников. В нем не употребляются йотованные буквы ѣ и ю, а вместо ѣ чаще употребляется ѣ.

Памятник интересен в языковом отношении: в нем не отражен переход сильных [ъ] и [ь] в гласные полного образования [о] и [е].

В морфологии и лексике здесь меньше сохраняется старины, чем в Зографском и Маринском евангелиях.

3. Супрасльская рукопись. Относится к XI в. и отличается от названных выше памятников по содержанию. Если большинство из последних представляло собой евангельские чтения, то Супрасльская рукопись содержит мартовскую mineю (книгу церковных чтений на все дни марта — жития святых, легенды, беседы Иоанна Златоуста и др.).

Рукопись найдена в монастыре в Супрасле около Белостока. Она включает в себя около 260 листов и состоит из трех частей. Первая часть хранится в Любляне, в бывшей Лицейской библиотеке, вторая часть (151 л.) находилась в Варшаве, в библиотеке Замойских, третья часть (16 л.) принадлежала И. А. Бычкову в Ленинграде и хранится в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Памятник отличается от указанных выше по морфологии и лексике. В нем есть отражение изменения сильного [ъ] в [е], но нет перехода сильного [ъ] в [о].

Наряду с начальным сочетанием [ra-] (из *ort-) встречается сочетание [ro-] (т. е. наряду с ra- пишется ro-). В лексике памятника отражены некоторые слова тюркско-болгарского происхождения, отсутствующие в других старославянских памятниках.

Полное издание памятника сделано С. Северьяновым в Петербурге в 1904 г. в „Памятниках старославянского языка“, т. II, вып. 1.

4. Хиландарские листки. Они содержат отрывок поучения Кирилла Иерусалимского. Найдены В. И. Григоровичем в Хиландарском монастыре на Афоне. Хранятся в рукописном фонде Одесского университета.

Изданы в „Памятниках старославянского языка“, т. I, вып. 1, СПб, 1900.

5. Зографские листки. Содержат отрывок из „Правил“ св. Василия и хранятся в библиотеке Зографского монастыря.

Открыты они были П. А. Лавровым, им же описаны и изданы в журнале „Revue des études slaves“, VI (и отдельно).

6. Листки Ундольского. Представляют собой отрывки из евангельского текста. Принадлежали библиофилу В. М. Ундольскому.

Изданы в „Памятниках старославянского языка“, т. I, вып. 3, СПб, 1904.

7. Македонский листок. Содержит отрывок текста, напоминающего одно из произведений Иоанна экзарха болгарского. Хранится в библиотеке Академии наук СССР.

Издан в „Памятниках старославянского языка“, т. I, вып. 5, СПб, 1906.

§ 17. Старославянским языком пользовались книжники в областях чехо-моравских, сербо-хорватских и русских. Книги, написанные там, отражали в той или иной мере черты языка самого писца.

Ценный материал по изучению старославянского языка дают ранние памятники чешские, сербские, среднеболгарские и восточнославянские, созданные на старославянской основе. При изучении этих памятников необходимо четко различать черты старославянских оригиналов, с которых они переписывались, и те языковые наслоения, которые отразились в них при переписке.

Восточнославянские памятники XI—XII вв. многочисленны. Среди них отметим Остромирово евангелие. Этот памятник датирован 1056—1057 г. и написан в Новгороде для новгородского посадника Остромира (отсюда и его название). Памятник писан двумя писцами. Остромирово евангелие — монументальный, роскошно оформленный и прекрасно сохранившийся памятник, состоящий из 294 листов. Он хранится в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В Остромировом евангелии сочетаются две языковых стихии: старославянская и древнерусская.

Так, памятник отличается тем, что в нем редуцированные ж и ѣ употребляются правильно, тогда как в старославянских памятниках XI в. они уже смешиваются.

Среди других древнерусских черт следует отметить:

1. Замену носовых гласных [o] и [e] неносовыми [u] и [a], что в памятнике представлено как смешение в употреблении букв ж с оу, ѣ с ю, а с и, и наоборот. Например, земаю (вм. земаѣ), ѣштѣ (вм. ѣштю, дат. п. ед. ч.), мора (вм. морѣ, род. п. ед. ч.).

2. Написание ѣр, жр, жл между согласными корня вместо старославянских рь, рж, ль, лж. Например, кжрь (вм. кржвь), зрьно (вм. зрьно), напжаниша (вм. наплжнѣша).

3. Частое употребление глагольного окончания в 3 л. ед. и мн. ч. в формах настоящего и простого будущего времени в виде [-тъ] -тъ вместо [-тъ] -тъ, характерного для старославянского языка.

4. В творит. п. ед. ч. у существительных муж. рода вместо окончания [-омъ] -омъ, характерного для старославянского языка, встречается древнерусское окончание [-ѣтъ] -ѣтъ. Например, гладѣтъ вместо гладомъ и др.

Данный памятник был издан три раза: первое издание сделано А. Х. Востоковым в 1843 г., второе и третье издания — фотолинографические, сделаны купцом Савиновым в 1883 и 1889 гг. Лучшим изданием памятника является третье.

О языке и письме этого памятника имеется много работ. Правда, многие из исследований уже устарели.

Кроме Остромирова евангелия, из памятников старославянского языка русской редакции следует назвать Чудовскую псалтырь XI в., Изборник Святославов 1073 г., Изборник Святославов 1076 г. и др.

Из памятников старославянского языка сербской редакции следует отметить Мирославо евангелие XII в. и Вуканово (или Волканово) евангелие XIII в.

Из памятников старославянского языка среднеболгарской редакции заслуживают внимания Добромирово евангелие XII в., Добрейшево евангелие XIII в. и Болонская псалтырь XIII в.

Из памятников старославянского языка чешской редакции следует назвать Пражские глаголические отрывки XI—XII вв.

ФОНЕТИКА

ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IX ВЕКА

§ 18. Памятники старославянского языка позволяют проследить совершенно сложившуюся звуковую систему, характерную для этого языка. Эта звуковая система сложилась в период, предшествовавший возникновению старославянской письменности, и представляет собой продукт многочисленных процессов, имевших место до возникновения письма. Звуковая система не была застывшей, но постоянно изменялась и развивалась.

О характере звуковой системы старославянского языка кирилло-мефодиевской поры можно судить на основании сравнения старославянских памятников между собой.

Для звуковой системы старославянского языка второй половины IX века были характерны следующие черты.

I. В старославянском языке в ту пору господствовал закон открытого слога. Это значит, что все слоги в словах были открытыми, т. е. каждый слог должен был оканчиваться слогообразующим звуком. Например: пра-вѣ-да, сы-нѣ, зна-ѣ, гла-го-лѣ и т. д.

II. В середине слова могли употребляться только такие группы согласных, с которых могло начинаться слово. Например: жи-знѣ, же-заѣ и т. д. Ср. зна-ти, зла-ти-ца и т. д.

При этом расположение согласных в подобных группах шло по принципу восходящей звучности. Это значит, что каждый последующий согласный был более звонким, чем предшествовавший ему.

При передаче заимствованных слов сохранялось действие закона открытого слога. Если в заимствованных словах употреблялись группы согласных [mn], [dn (tn)], [pt], [ps], [ts], [kch], [tl (dl)] или группы согласных, начинавшихся с носового согласного [m] или [n], плавного [r] или [l] и с губного согласного [v], то они не были характерны для славянской фонетической системы. (Исключение составляют только группы [tl] и [dl], которые не подвергались никаким изменениям в языке предков западных славян.) Для того

чтобы избежать этих звуковых сочетаний, а следовательно, чтобы избежать закрытости слога, в славянской фонетической системе IX в., отраженной в старославянском языке, происходило образование редуцированного гласного [ъ], реже [ь], между согласными, группу которых было невозможно употребить в то время в старославянском языке. Например: каперѣнаоумѣ (ср. греч. [kapernaúm] — Καπερναούμ), скандѣлѣх (ср. греч. [skándalon] — σκάνδαλον), егупѣтъ (ср. греч. [aigüptos] — Αἰγύπτος), псалмѣх (ср. греч. [psalmós] — ψαλμός), ехидна (ср. греч. [échidna] — ἐχίδνα), пакълѣх (ср. греч. [paûlos] — Παῦλος).

Написание х, ь в этих случаях не представляло только графического явления: и в произношении этих слов между указанными согласными были редуцированные гласные [ъ] и [ь]. Так, наряду с указанными написаниями егупѣтъх, псалмѣх, пакълѣх и т. д. в памятниках XI в. встречаются написания егупѣтъх, псаломх, Пакелх, что свидетельствует о том, что в фонетическом отношении редуцированные [ъ] и [ь] подвергались тем же изменениям, которые были вообще характерны в XI в. для редуцированных гласных [ъ] и [ь] в болгарской языковой области.

III. В старославянском языке на положении слогообразующих звуков могли выступать не только гласные, но в ряде случаев и плавные звуки [r] и [l]. Например: прѣхъ, трѣхъ, зрьно, павъх и т. д. ([prvъ], [trgvъ], [zrno], [pavъ] и т. д.).

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ

§ 19. В старославянском языке были представлены следующие гласные фонемы: [a], [e], [ě], [i], [e], [o], [u], [o], [y], [ъ], [ь].

Все гласные в старославянском языке подразделялись на гласные полного образования и гласные неполного образования. В свою очередь среди гласных полного образования можно выделить гласные переднего ряда: [e], [i], [ě], [e] и гласные непереднего ряда: [a], [u], [o], [o], [y]. Среди гласных неполного образования гласным переднего ряда являлся [ъ], а гласным непереднего ряда [ь].

Гласные неполного образования принято называть редуцированными, или глухими, гласными. Редуцированные гласные отличались от гласных полного образования тем, что напряжение и вибрация голосовых связок при их произношении были неполными.

В звуковой системе старославянского языка второй половины IX в. можно предположить еще наличие редуцированных гласных [i] и [y], возникавших на месте редуцированных [ъ] и [ь], когда последние оказывались в позиции перед следующим [j] ([i]) или [i].

Среди гласных полного образования гласные [e] и [o] являлись носовыми. При их произношении нёбная занавеска была опущена, так что звучащая струя воздуха попадала не только в полость рта, но и в полость носа.

Звук [ě] обозначался буквой „ять“. О качестве данного звука можно судить на основании его графического изображения. В гла-

голице употреблялся один значок **Δ**, в соответствии с которым в кириллице писался или **ѣ** или **и** (или **'а**). Основываясь на этом, можно предполагать, что звук, изображавшийся буквой „ять“, был близок к звуку [а] после мягкого согласного. Именно только этой близостью можно объяснить, что писец глаголицей воспринимал гласный [ѣ] и гласный [а] после мягкого согласного как один звук, то есть не различал их и передавал оба звука на письме одним значком. Предполагают, что буквой „ять“ передавался в старославянском языке широкий открытый [е], близкий к [а], т. е. [ǣ].

§ 20. В качестве слоговых звуков, как указывалось выше, в старославянском языке могли выступать плавные звуки [г] и [л]. Они становились слоговыми тогда, когда оказывались в позиции между двумя согласными. Однако в старославянских азбуках не было специальных значков для обозначения слоговых плавных [г] и [л]. Поэтому писцы для подчеркивания слоговости плавных обычно после букв **р** и **л**, обозначающих слоговые плавные [г] и [л], писали буквы **х** или **ь**. Например, **прѣхх**, **плѣхх**, **трѣхх**, **кльхх** — [pɾvʲ], [plnʲ], [trgʲ], [vlkʲ].

Возможно, что буквы **х** и **ь** служили первоначально в этих случаях не только указанием на слоговость плавных [г], [л], но и передавали некоторый гласный элемент, похожий на [ъ] или [ь] и сопровождавший артикуляцию слоговых плавных. Однако позднее эти слабые неслоговые гласные были утрачены. Так, старославянские памятники XI в. указывают лишь на графическую традицию писать **х** или **ь** после плавного. Для употребления в этих случаях букв **х** или **ь** была характерна свободная мена их (зрѣно и зрѣно, мрътѣх и мрътѣх, дльхх и дльхх и т. д.), а иногда в некоторых памятниках и пропуск их. Например, в Зограф. ев.: **кх** цркхѣ — Мф. XII, 5, 6, **ръдѣ** — Мф. VI, 21; XIII, 15, **ръдѣ** — Лук. XVI, 15; в сб. Клоца: **кх** цркхѣ — I, 670; в Синайской пс.: цркхѣ 31^{6/9} и т. д., что свидетельствовало о том, что в данном случае носителем слога являлся плавный. Сходное написание, „плавный + редуцированный“ между согласными, можно встретить в старославянских памятниках и в том случае, когда на положении слогового элемента выступал не плавный, а редуцированный. Например, **крѣхх**, **плѣхх**, **крѣхх**, **слѣхх** [krʲvʲ], [plʲvʲ], [krʲstʲ], [slʲza].

Однако в этом случае почти не наблюдается свободной мены и пропуска букв **х** и **ь** после плавного. Чтобы отличить сочетания первого типа от сочетаний второго типа, следует прибегать к сопоставлению с русским языком. Если в русском языке произносится в позиции между двумя согласными сочетание [ol], [or], [er] (например, *первый*, *полный*, *торг*, *волк*), то это значит, что в старославянском языке слогаобразующим элементом являлся плавный [г], [л] и, наоборот, если в русском языке в позиции между двумя согласными произносится сочетание [ro], [lo], [re], [le] (например, *кровь*, *плоть*, *крест*, *слеза*), то, следовательно, в старославянском языке на положении слогового элемента выступал редуцированный [ъ] или [ь].

§ 21. Гласные звуки старославянского языка отличались той особенностью, что они могли изменять свое звучание в зависимости от их положения (позиции) в слове.

Наиболее ярко это сказывалось при произношении редуцированных звуков.

В зависимости от положения в слове различают слабую и сильную позицию редуцированных. При этом позицию редуцированных следует определять с конца слова. В слабой позиции редуцированные [ъ] и [ь] оказывались:

- 1) в конце слова: **домх** [domʲ], **сынх** [synʲ], **конь** [konʲ];
- 2) перед слогом с гласным полного образования (или перед слогом с редуцированным, находящимся в сильной позиции): **прахѣда** [pɾavʲda], **кхто** (kʲto).

В слабой позиции редуцированные гласные, являясь и без того гласными неполного образования, настолько ослабевали, что в дальнейшем переставали произноситься. Эта утрата редуцированных в слабой позиции в памятниках старославянской письменности XI в. передается или меной редуцированных, т. е. смешением в употреблении значков редуцированных, или пропуском их.

В сильной позиции редуцированные [ъ] и [ь] находились:

- 1) в начальном слоге под ударением: **дхкхѣ** (вин. пад. ед. ч. от **дхка**) — [dʲskʲo];
- 2) перед слогом с редуцированным в слабой позиции: **конѣхх** [konʲsʲʲ], **крѣпѣхх** [krʲɛpʲsʲʲ], **тельѣхх** [tʲelʲsʲʲ], **жньѣхх** [ʒʲnʲsʲʲ].

В сильной позиции редуцированные [ъ] и [ь], наоборот, усиливались и позднее переходили в гласные полного образования: [ъ] > [o], [ь] > [e], что нашло свое отражение в старославянских памятниках XI в.

§ 22. Редуцированные [ъ] и [ь] легко подвергались воздействию соседних звуков. Особенно сильно влияли на них последующие [j] ([i]) и [i]. В положении перед данными звуками при произношении [ъ] и [ь] несколько повышался подъем спинки языка. Благодаря этому редуцированный [ъ] в своем звучании приближался к [y], а редуцированный [ь] — к [i]. Но этот переход не был полным, редуцированный характер этих звуков сохранялся. Следовательно, на месте редуцированных [ъ] и [ь] возникали редуцированные [ǔ] и [ǐ]. Для передачи этих редуцированных гласных в старославянских памятниках не было специальных значков, и потому они передавались двояко: редуцированный [ǔ] передавался с помощью буквы **ы** или **х**, а редуцированный [ǐ] — с помощью буквы **и** или **ь**. Например: **доврыи** и **доврхи**, **гостие** (им. пад. мн. ч. от **гость**) и **гостье**.

Редуцированные [ǔ] и [ǐ], подобно редуцированным [ъ] и [ь], могли находиться в слабой и сильной позиции. В слабой позиции они находились тогда, когда употреблялись перед следующим слогом с гласным полного образования (при этом данный слог всегда начинался с [j] ([i]), что на письме обычно передавалось

написанием йотованной буквы)¹: пѣтиѣ (им. пад. мн. ч. от пѣть) [pɔtije], костыѣж (твор. пад. ед. ч.) [kostijɔ].

В сильной позиции редуцированные [ŷ] и [i] находились:

1) в начальном слоге под ударением: мыѣж [mŷjɔ], биѣж [bijɔ], кыѣ [vŷja];

2) перед конечным гласным [i], подвергшимся в дальнейшем сокращению: довриѣ [dobryi], синиѣ [sin'ii], костиѣ [kostii].

Если во второй половине IX в. редуцированные [ŷ] и [i] в старославянском языке были живыми звуками, то в X—XI вв. они пережили изменения, состоявшие в том, что редуцированные [ŷ] и [i] в слабой позиции утрачивались, а в сильной прояснялись в гласные полного образования [y] и [i] (см. об этом ниже, § 34).

§ 23. В зависимости от смягченности предшествующего согласного гласные также могли подвергаться позиционным изменениям. Так, после мягкого согласного в старославянском языке не могли употребляться гласные [o], [ъ], [y], [ě] (<[ē]). В позиции после мягкого согласного [o] изменялось в [e], [ъ] в [ь], [y] в [i], [ě] (<[ē]) в [a]. Например: сынъ — конь [synъ] — [konъ], село — полъ [selo] — [pol'e], елы — полъ [sely] — [pol'i], жаръ (вм. жѣръ) [ž'argъ < *gērgъ] и т. д.

Для некоторых гласных это изменение было менее чувствительным, но также несомненным. Так, гласные [a], [u], [ɔ] после мягких согласных не становились гласными переднего ряда, но, несомненно, их артикуляция немного продвигалась вперед, что в транскрипции обозначается постановкой точки над этими гласными: после [t']² [a] > [ā], [u] > [ū], [ɔ] > [ō]. Например: рѣка — гѣка — троуга [rɔka] — [s'ěč'ā] — [strujā], рѣжж — гѣжж — троугж (вин. пад. ед. ч.) [rɔkɔ] — [s'ěč'ō] — [strujō], равоу — коюу — краю (дат. пад. ед. ч.) [rabu] — [kon'ū] — [krajū].

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАСНЫХ В НАЧАЛЕ СЛОВА

§ 24. В старославянском языке слово не могло начинаться с любого из перечисленных выше гласных. Это было связано с особой фонетикой начала слова, восходящей еще к доисторическому времени.

Наиболее свободно в начале слова употреблялись гласные [o] (око, охъ, ога, онъ) и [ɔ] (жгъ, жзи, жтрова, ждица). В отношении употребления гласных [a] и [u] в начале слова наблюдаются колебания на письме: в одних случаях писцы пишут слова с начальным [i] ([ij]) перед [a], [u] — я ю, а в других нет: азъ — ѡзъ, агньць — ѡгньць, акити — ѡкити, оутро — ютро, оуже — юже и т. д. Однако старосла-

¹ В глаголических памятниках не было специального значка для передачи йотованного „е“ [je]. Поэтому при переводе глаголических памятников на кириллицу сохранена эта их особенность, и для передачи [e] и [je] использован только один значок ѣ.

² [t] = любой мягкий согласный.

вянский язык обнаруживал тенденцию к утрате [i] особенно перед начальным [a]. Это подтверждают заимствованные из греческого языка слова с начальным [a]: акка (греч. [abbā] — „отец“ — ἄββα), аеръ (греч. [āēr] — „воздух“ — ἀήρ), ароматъ (греч. [āroma] — ἄρωμα), архитриклинь (греч. [architriklinos] — „главный столыник“ — ἀρχιτρίκλιнос) и т. д.

Более последовательно развивался [i] перед начальным [e], в связи с чем в старославянских памятниках употребляется буква ѣ в начале слова. Например: ѡзъкъ, ѡза, ѡтро, ѡти (но кззати), ѡтры и т. д.

В отношении решения вопроса об употреблении начального [e] или развития перед ним [i] старославянские памятники вследствие своей графики представляют большое затруднение: в глаголических памятниках для передачи [e] и [je] служит только один значок ѣ; кириллические памятники, следуя глаголическим оригиналам, тоже не всегда различали е и ю. Только в Супрасльской рукописи наиболее последовательно различаются написания е и ю.

В старославянском языке наблюдаются колебания в употреблении е в начале слова: возможны употребления и с начальным ѣ и с развившимся перед ним [i] (ю). Например, еше — юше, егль — югль, едка — юдка, езеро — юзеро, елень — юлень и т. д.

Но, по-видимому, произношение слов с [i] перед начальным [e] было уже неактуально в фонетической системе старославянского языка X—XI вв., так как заимствованные из греческого языка слова с начальным [e] передавались в старославянских памятниках посредством употребления в начале этих слов буквы е: елинъ (греч. [ellēn] — ἑλλήν), епитимиа (греч. [epitimía] ἐπιτιμία — „наказание“) и т. д.

В старославянском языке совершенно невозможно было употребление в начале слова редуцированных [ъ], [ь] и гласного [y].

Если слово должно было начинаться с редуцированного [ъ], то вместо него в старославянском языке употреблялся гласный [i], входящий к сочетанию [iъ]. Например: имъ (1 л. ед. ч. наст. вр.) [imɔ < iъm,] — „беру“. Ср. кзъмж [vъzъmɔ].

Если слово должно было начинаться с редуцированного [ъ] или гласного [y], то перед ними развивался [v] (<[y]). Например, кзплъ [vъp'lъ], кзпити [vъp'iti] (ср. кззпити [vъzъp'iti]), кыкжти [vukɔti], кыдра [vudra] и т. д.

Согласный [v] в этих словах не является приставкой, т. к. в то время приставка выступала не в виде одного согласного [v], а в виде [vъp-] кжн-.

Как указывалось выше, процесс развития [i] и [y] > [v] в начале слова протекал еще до возникновения славянской письменности, а старославянский язык лишь фиксирует те изменения, которые происходили в славянской фонетической системе в общеславянский период.

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ

§ 25. Классификация согласных в старославянском языке может быть представлена следующей таблицей.

Место образования Способ образования		Губные	Язычные			
			зубные	небно-зубные	средне-небные	задне-небные
Шумные	взрывные	звонкие глухие	b p	d t		g k
	фрикативные	звонкие глухие	v (f)	z, ž' s, š'	j	ch
	аффрикаты	звонкие глухие		dz' c'	č'	
	сложные	звонкие глухие		žd' št'		
Сонорные	носовые		m	n, n'		
	плавные			l, l'	r, r'	

§ 26. В старославянском языке имелись глухие и звонкие согласные. Распределение их по звучности было такое же, как и в современном русском языке, однако соотношения между ними были иными.

Благодаря закону открытого слога отсутствовала ассимиляция согласных по глухости и звонкости. Количество исключений из этого было незначительно. Так, в тех случаях, когда приставки [iz-] из-, [bez-] без-, [gaz-] газ-, [vъz-] вз- встречались с корнями, начинавшимися с глухого согласного, то происходила ассимиляция по глухости, вследствие чего конечный согласный приставки [z] изменялся в [s]. Например: *исхѣдити*, *искоушити*, *разпѣти*, *расточити*, *взскрѣсити*, *взхотѣти*, *вспахѣти* и т. д.

Если данные приставки-предлоги оказывались в позиции перед корнем, начинавшимся с согласных [s], [z], [š], то в старославянском языке был представлен результат фонетического изменения: один согласный [s], [z], [š] вместо долгих [ss] < [zs], [zz], [šš] < [sš] < [zš], получившихся вследствие объединения артикуляции согласного [z] > [s] в приставке с согласными [s], [z] или [š], которым начинался корень. Например, в Зографском евангелии:

вѣстраха — Лук. 1, 74 (вм. *вѣстраха*), *исѣченъ* — Мр. XV, 46 (вм. *исѣченъ*), *исѣчмишта* — Мр. I, 29 (вм. *исѣчмишта*), *ишѣдше* — Мф. XXVII, 53; XII, 14, Мр. I, 29; III, 6; VI, 11; IX, 30; Лук. X, 10 (вм. *ишѣдше*), *вѣзаконне* — Мф. XIII, 41 (вм. *вѣззаконне*). В Маринском евангелии: *и-сѣчмишта* — Ио. XII, 42 (вм. *исѣчмишта*), *вѣ-страха* — Лук. I, 74 (вм. *вѣстраха*), *ишѣдъ* — Лук. XXII, 62 (вм. *ишѣдъ*), *вѣзаконьника* — Мр. XV, 28 (вм. *вѣззаконьника*), *исакнетъ* — Мф. XXIV, 12 (вм. *исакнетъ*), *вѣ-сапогъ* — Лук. XXII, 35 (вм. *вѣсапогъ*). В сборнике Клоца: *вѣстоудна(ѣ)* — II, 96; I, 217. [вм. *вѣстоудна(ѣ)*], *вѣстоудъ* — II, 148 (вм. *вѣстоудъ*), *вѣзмрътье* — I, 605 (вм. *вѣзмрътье*), *вѣзаконникъ* — I, 931 (вм. *вѣззаконникъ*). В Синайской псалтыри: *рашири* — 156 ⁶/₁₀, 109 ⁶/₉ (вм. *расшири*), *козъригъ* — 152 ⁶/₁₇ (вм. *козъригъ*), *вѣзаконеньѣ* — 18 ²/₁, 19 ²/₂₂, 30 ⁶/₁₉ и т. д. (вм. *вѣззаконеньѣ*), *рагъдѣтъ* — 110 ²/₁₄ (вм. *рагъдѣтъ*). В Супрасльской рукописи: *вѣзмрътьнаго* — 69₂₈ (вм. *вѣзмрътьнаго*), *вѣзаконьнаго* — 217₇ (вм. *вѣззаконьнаго*).

Перед согласным [с'] сочетания с этими предлогами в памятниках старославянского языка представлены неодинаково: Например, в Зографском евангелии: *ицѣли* — Мф. XII, 15, 22; XIV, 14; XV, 30; Мр. I, 34; III, 10; VI, 5; Лук. VII, 21; IX, 42; XIV, 4 (вм. *ицѣли*), *ицѣли* — Мф. XXI, 14 (вм. *ицѣли*); в Маринском евангелии: *и-цѣрке* — Мф. XXIV, 1; Ио. II, 15; VIII, 59 (вм. *изцѣрке*); в Синайской псалтыри: *ицѣлениѣ* — 40 ²/₁₈ (вм. *ицѣлениѣ*); в Саввиной книге: *ицѣлѣ* — Лук. IX, 42, *ицѣли* — Мф. VIII, 16 (вм. *ицѣлѣ*, *ицѣли*).

Перед согласным [ѣ'] сочетания с этими приставками-предлогами подвергались изменениям, в результате или возникал сложный согласный [št] < [šč] < [sč] < [zč]: в Зографском евангелии: *иштѣтити* — Мр. I, 40 (вм. *ишѣтити*), *иштадѣ* — Мф. XII, 34; Лук. III, 8 (вм. *ишѣдѣ*), *вѣштѣтна* — Мр. XII, 4 (вм. *вѣштѣтна*); в Маринском евангелии: *иштѣзе* — Лук. XXIV, 31 (вм. *ишѣзе*), *вѣштадъ* — Лук. XX, 28 (вм. *вѣсчадъ*), *вѣштадънъ* — Лук. XX, 30 (вм. *вѣсчадънъ*); в сб. Клоца: *иштѣжъ* — I, 829 (вм. *ишѣжъ*); в Синайской псалтыри: *иштѣка* — 25 ²/₁₈ (вм. *изчѣка*), *иштѣзѣще* — 47 ⁶/₄, *иштѣжъ* — 47 ⁶/₄, 77 ²/₁₋₂ (вм. *иштѣзѣще*, *ишѣжъ*), *иштѣжѣтъ* — 80 ⁶/₇ (вм. *ишѣжѣтъ*); — или происходила утрата конечного согласного приставки [z] < [s]; в Зографском евангелии: *иштѣка* — Мф. XIX, 12 (вм. *исчѣка*), *вѣштѣти* — Мф. XIII, 57 (вм. *вѣсчѣти*); в Маринском евангелии: *и-чѣка* — Мф. XIX, 12; Лук. I, 15 (вм. *исчѣка*); в Синайской псалтыри: *иштѣка* — 146 ⁶/₁₄; в Ассеманиевом евангелии: *иштѣти* — Мр. I, 40, 41 (вм. *иштѣти*); или иногда сохранялось книжное образование с *и-*, *вѣ-*, *вз-*: *ишчѣка* — Саввина кн., Мф. XIX, 12, *вѣсчѣти* — Супр. рук. 74₂₅₋₂₆; *взшѣудитѣ* — Супр. рук. 55₁₄.

§ 27. Большие своеобразия в системе согласных в старославянском языке представляла категория твердости и мягкости. В зависимости от этого признака все согласные старославянского языка делились на следующие группы.

1. В старославянском языке выделялась группа согласных, которые постоянно выступали только как несмьагченныи звуки. К ним относились задненебные [k], [g] и [ch], которые не могли употребляться перед гласными переднего ряда ([e], [i], [e], [ě], [ь]) и перед [j]. Эти согласные могли сочетаться только с гласными переднего ряда. Например: *гъвѣтъ*, *хъитръ*, *къинѣти*. Ср. в русском языке: *гибель*, *хитрый*, *киснуть*. Однако были и отступления от этого правила: в заимствованных из греческого языка словах возможны были сочетания задненебного согласного с последующим гласным переднего ряда: *кегари*, *кинѣзъ*, *евангелие* и т. д. В глаголических текстах писцы передавали в этих случаях смьагченныи согласныи [g'] знаком *м*. В кириллических текстах не было особых букв для передачи смьагченныи задненебных согласных, и в заимствованных словах они передавались теми же буквами, что и несмьагченныи задненебные согласные.

2. В противоположность первой группе согласных в старославянском языке выделялась группа согласных, выступавших только как мягкие согласные звуки: [š'], [ž'], [č'], [c'], [št'], [žd'], [j], [dž']. После этих согласных не могли употребляться гласные [ě], [o], [ъ], [y]. Под воздействием предшествующих мягких согласных [ě] изменялось в [a], [o] в [e], [ъ] в [ь], [y] в [i]. Например: *видѣти* [viděti], но *дышати* [dyš'ati], *мьахчати* [mlč'ati], *стоѣти* [sto'jati]; *око* [oko], но *плече* [pleč'e], *лице* [lic'e], *рубище* [rubišt'e]; *бръзъ* [vragъ], но *ножь* [pož'ь].

В ряде случаев после [c'] и [dž'] мог употребляться гласныи переднего ряда [ě] (< [oi]), например: *члѣкъъ* — *члѣкъѣ*, *дрѹгъ* — *дрѹгѣ* (местн. пад. ед. ч.).

3. Губные согласные [b], [p], [m], [v] и зубные [t], [d] могли выступать в старославянском языке и как твердые, несмьагченныи согласные, если они употреблялись перед гласными переднего ряда, и как полумьагкие согласные, если они оказывались в позиции перед гласными переднего ряда. Например: *вѹгъ* — *вѣгъ* [bogъ] — [b'ěsъ], *вода* — *кѣкъ* — *видѣти* [voda] — [v'ěкъ] — [v'iděti], *даръ* — *дѣка* [darъ] — [d'ěva], *тыща* — *тѣтъ* [t'št'a] — [t'atъ] и т. д.

4. В старославянском языке выделяется группа согласных, которые могли выступать и как твердые, несмьагченныи, и как мягкие согласные фонемы. К числу этих согласных относились [l], [n], [r], [s], [z]. В позиции перед гласными переднего ряда согласные [l], [n], [r] сохраняли твердость, в позиции перед гласными переднего ряда они получали полумьагкость. Смьагчение же согласных [l], [n], [r] последующим [j] приводило к возникновению мягких фонем [l'], [n'], [r']. Например: *равъ* — *рекъ* [rabъ] — [r'ekъ], но *морѣ* [mor'e]; *нашь* — *нѣсти* [naš'ь] — [n'ěsti], но *конь* [kon'ь]. Согласные [s] и [z] являлись мягкими фонемами тогда, когда они выступали на месте задненебных согласных [ch] и [g] в результате палатализации последних. При этом согласныи [z'] восходит к бывшей аффрикате [dž'], утратившей свой звонкий затвор. Напри-

мер: *нога* — *ногѣ*, *нозѣ* [noga] — [nodž'ě], [noz'ě] (мест., дат. ед. ч.); *снаха* — *снахѣ* [sn'acha] — [sn'as'ě] (мест., дат. ед. ч.).

В заключение обзора согласных следует сказать, что в старославянском языке отсутствовал звук [f]. Буквы *д* (*дита*) и *ф* (*фрътъ*), употреблявшиеся для передачи звука [f], встречались только в заимствованных словах.

§ 28. Для передачи согласного звука [j] в старославянских азбуках не было особой буквы. Сочетания с [j] передавались с помощью употребления йотованных букв: *ю*-[je], *ѡ*-[ja], *ю*-[ju], *ѡ*-[jē], *ѡ*-[jō]. Йотованная буква в составе слова могла иметь разное значение. Так, если йотованная буква употреблялась в начале слова (или после гласной), то она указывала на наличие целого слога, состоявшего из [j] в сочетании с последующим гласным. Например: *ютро* [ju-tro], *юсѣнь* [je-se-нь], *мюго* [mo-je-go], *юбага* [po-va-ja] и т. д.

Если же йотованная буква употреблялась после согласной, то она указывала только на мягкость предшествующего согласного. Например: *морѣ* [mor'e], *морѡ* [mor'a], *мюрю* [mor'u] и т. д. Наряду с этим мягкость согласного могла обозначаться и надстрочным значком: *морѣ* [mor'e], *морѡ* [mor'a], *конь* [kon'ь] и т. д.

Иногда писцы при обозначении мягкости согласных использовали оба эти способа: *морѣ*, *земѡла* и т. д.

ПОЗДНЕЙШИЕ ЗВУКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ, ОТРАЗИВШИЕСЯ В ПАМЯТНИКАХ XI И ОТЧАСТИ X ВВ.

§ 29. Возникновение старославянской письменности относится ко второй половине IX в. Между тем старославянские памятники, дошедшие до нас, были написаны в X—XI вв. и, следовательно, отделены от момента возникновения старославянской письменности периодом в полтора-два века. За это время старославянский язык не оставался неизменным, он продолжал развиваться.

Изменения, отраженные в памятниках старославянского языка, следует разделить на две группы: 1) изменения, связанные с судьбой редуцированных, и 2) изменения, не связанные с судьбой редуцированных.

СУДЬБА РЕДУЦИРОВАННЫХ [ъ] И [ь]

§ 30. Редуцированные [ъ] и [ь] пережили в старославянском языке несколько изменений. Одно из наиболее ранних изменений редуцированных [ъ] и [ь] состояло в том, что в положении после шипящих [š], [ž], [č], [št], [žd], редуцированныи [ъ] заменился редуцированныи [ь]. Данное изменение еще не отражено в наиболее древних старославянских памятниках, в Киевских листках и Зографском евангелии. Однако эта замена редуцированного переднего

ряда [ъ] редуцированным заднего ряда [ъ] после шипящих отражена в большинстве старославянских памятников, особенно в Саввиной книге. Например: *пришѣдѣ* (шѣ) — Лук. XV, 15; X, 32; Ио. XIX, 33; *кѣзложѣше* — Лук. X, 30; *кѣчѣнѣжѣ* — Лук. X, 25; *дѣжѣнѣжѣ* — Ио. XIX, 7; *кашѣ* — Ио. XIX, 14; *грѣчѣжѣ* — Ио. XIX, 24 и т. д. (вместо *пришѣдѣ* (шѣ), *кѣзложѣше*, *кѣчѣнѣжѣ*, *дѣжѣнѣжѣ*, *кашѣ*, *грѣчѣжѣ* и т. д.). Как показывают приведенные примеры, подобное изменение происходило независимо от того, в какой позиции находился редуцированный [ъ], в сильной или слабой.

Некоторые исследователи полагают, что подобная замена редуцированного [ъ] редуцированным [ъ] была вызвана отверждением шипящих. Однако А. М. Селищев связывает подобную замену редуцированных с явлением диспалатализации гласных, считая, что здесь отразился тот же процесс, который имел место при изменении [ĕ] (<[ē]) в гласный [а] после сильно смягченных согласных [j], [ž], [š], [č].

§ 31. Редуцированные гласные [ъ] и [ь] в X—XI вв. подверглись двум изменениям в зависимости от позиции в слове: 1) в одних условиях они утрачивались, 2) в других — прояснялись в гласные полного образования. Утрата редуцированных происходила тогда, когда они находились в слабой позиции, а прояснение их в гласные полного образования [е] и [о] — когда они были в сильной позиции (см. выше § 21).

Эти процессы изменения редуцированных нашли отражение в памятниках старославянской письменности.

Киевские листки еще не дают никаких данных, которые позволили бы судить об изменении редуцированных [ъ] и [ь]. В этом памятнике знаки редуцированных *ѣ* и *ь* употребляются всегда правильно, т. е. там, где они произносились в живой речи. В памятнике только два раза вместо *кѣчѣжѣ* написана форма *кѣчѣжѣ*, что А. М. Селищев считает опиской писца. В Зографском евангелии наблюдается уже много отклонений от правильного употребления букв *ѣ* и *ь*, и это свидетельствует о существенных изменениях, происшедших в живой речи писца. Так, Зографское евангелие в ряде случаев отражает переход в сильной позиции [ъ] > [о], [ь] > [е]: *црѣкоѣ* — Мф. XVI, 18; XXVII, 40; Мр. XI, 16 (вм. *црѣкъѣ*), *тогда* — Мф. IV, 1, 5, 10, 11; VII, 23; XII, 22; XVI, 20, 24 (вм. *тѣгда*), *пришѣдѣ* — Мф. IV, 13; VIII, 7, 14; IX, 23 (вм. *пришѣдѣ*), *сѣчѣ* — Мф. VII, 4 (вм. *сѣчѣ*), *подобѣнѣ* — Мф. XIII, 52; Лук. VI, 48, 49 (вм. *подобѣнѣ*), *токмо* — Мф. V, 47; X, 42 (вм. *тѣкмо*), *висѣрѣ* — Мф. VII, 6 (вм. *висѣрѣ*), *отѣ старѣцѣ* — Мф. XVI, 21 (вм. *отѣ старѣцѣ*), *образѣ* — Мф. XII, 16 (вм. *образѣ*), *когда* — Мф. XXIV, 3; XXV, 38, 39, 44; Лук. XVIII, 20 (вм. *къгда*) и др. Эта черта была свойственна тем глаголическим старославянским памятникам, которые отражали македонскую речь (Мариинское евангелие, Ассеманиево евангелие, сборник Клоца и особенно Синайская псалтырь). Например, в Мариинском евангелии: *кѣренѣ* — Лук. XVI, 10, XIX, 17 (вм. *кѣренѣ*), *крѣпокѣ* — Лук. XV, 14 (вм. *крѣпѣкѣ*), *дѣнь* — Лук. XIII,

14, 31; XVII, 30, 31; XVIII, 7 (вм. *дѣнь*), *лакотѣ* — Мф. VI, 27; Лук. XII, 25 (вм. *лакотѣ*), *скѣроѣ* — Лук. XII, 53 (вм. *скѣроѣ*), *кѣроѣ* — Лук. IX, 19 (вм. *кѣроѣ*), *сѣпецѣ* — Лук. XVIII, 35, (вм. *сѣпецѣ*), *отѣ концѣ* — Лук. XI, 31 (вм. *отѣ конѣцѣ*), *кѣнецѣ* — Ио. XIX, 5 (вм. *кѣнецѣ*), *пришѣдѣ* — Мф. II, 23; IV, 13; IV, 21; V, 24; VIII, 7; XII, 44; Лук. VII, 3 и т. д. (вм. *пришѣдѣ*), *подобѣнѣ* — Мф. XIII, 52; Ио. VIII, 55 (вм. *подобѣнѣ*), *отѣ старѣцѣ* — Мф. XVI, 21 (вм. *отѣ старѣцѣ*), *когда* — Мф. XIII, 15; Мр. XIII, 33, 35; Мф. XXV, 38, 39, 44 (вм. *къгда*), *крѣпокѣ* — Мф. XI, 29; XXI, 5 (вм. *крѣпѣкѣ*) и т. д.; в Ассеманиевом евангелии: *пришѣдѣ* — Ио. XI, 17; Мф. XXV, 27; Ио. XII, 35 (вм. *пришѣдѣ*), *конѣ* — Лук. XVI, 24; Мф. XXIV, 31 (вм. *конѣ*), *тогда* — Ио. XI, 6, 14; XII, 16; Мф. XXIV, 6, 9, 10, 14, 16 и т. д. (вм. *тѣгда*), *къ кѣ* — Ио. XI, 30; Мф. XXVI, 36; Лук. XVII, 12 (вм. *къ кѣ*), *дѣнь* — Ио. XII, 1, 12; Мф. XXVI, 50; Ио. VI, 39; Лук. XXIV, 47 и т. д. (вм. *дѣнь*), *когда* — Мф. XXIV, 3 (вм. *къгда*), *црѣкоѣ* — Мф. XXVII, 40 (вм. *црѣкъѣ*), *кѣнецѣ* — Мф. XXVII, 29 (вм. *кѣнецѣ*), *оцѣтѣ* — Мф. XXVII, 34 (вм. *оцѣтѣ*) и т. д.; в сборнике Клоца: *кроѣжѣ* — I, 313, 316 (вм. *крѣжѣ*), *начѣтокѣ* — I, 625 (вм. *начѣтѣжѣ*), *кѣренѣ* — II, 20 (вм. *кѣренѣ*), *Пѣсѣлѣ* — I, 284; II, 82, 142 (вм. *Пѣкѣлѣ*), *крѣтѣ* — I, 608 (вм. *крѣтѣ*), *люѣкоѣ* — II, 31 (вм. *люѣкѣ*), *люѣкѣнѣмѣ* — I, 534 (вм. *люѣкѣнѣмѣ*), *тогда* — I, 292, 413, 421, 432 и т. д. (вм. *тѣгда*), *пришѣдѣшѣ* — I, 333 (вм. *пришѣдѣшѣ*) и т. д.; в Синайской псалтыри: *конѣ* — 2^а/₁₈, 5^а/₁₃, 8^а/₁₆, 20^а/₂₁ и т. д. (вм. *конѣ*), *пракѣдѣнѣ* — 2^б/₁₁ (вм. *пракѣдѣнѣ*), *пракѣдѣнѣ* — 6^б/₁₅, 171^б/₂₂ (вм. *пракѣдѣнѣ*), *прѣподобѣнѣ* — 19^б/₅ (вм. *прѣподобѣнѣ*), *непорѣченѣ* — 20^а/₉₋₁₀, 22^а/₁₀ (вм. *непорѣченѣ*), *отѣ стѣсѣ* — 21^а/₁₂ (вм. *отѣ стѣсѣ*), *кѣжѣ* 23^а/₉, 29^а/₁₀ (вм. *кѣжѣ*), *дѣнь* 21^б/₁₃, 22^б/₂₂, 24^б/₂₁ и т. д. (вм. *дѣнь*), *крѣпокѣ* — 28^б/₂₋₃, 86^б/₉ (вм. *крѣпѣкѣ*), *сѣ сонѣмомѣ* — 30^б/₉ (вм. *сѣ сонѣмомѣ*), *црѣкоѣ* — 30^б/₅ (вм. *црѣкъѣ*), *тогда* — 170^б/₁, 126^а/₁₉ (вм. *тѣгда*), *когда* — 160^б/₄, 149^б/₂₀ (вм. *къгда*), *пришѣлѣ* — 155^б/₁₂, 52^а/₁₂, 52^а/₁ (вм. *пришѣлѣ*), *кѣшѣдѣ* — 153^б/₉ (вм. *кѣшѣдѣ*), *дѣньсѣ* — 125^а/₉ (вм. *дѣньсѣ*), *жѣзлѣ* — 146^б/₇ (вм. *жѣзлѣ*), *кѣренѣ* — 118^б/₂₆ (вм. *кѣренѣ*), *морѣкѣ* — 101^б/₁₀ (вм. *морѣкѣ*).

Что касается слабой позиции редуцированных, то в этих памятниках отражается смешение в употреблении букв *ѣ* и *ь*, а также пропуск их. Например, в Зографском евангелии: *сѣдѣ* — Мф. XII, 42; XIV, 8, 17; XXIV, 23; XXVI, 38; XXVIII, 6 и т. д. и *сѣдѣ* — Мф. XVI, 28; XVII, 7; *мѣного* — Мр. VI, 20 и *мѣного* — Мр. VIII, 31; *кѣгда* — Мф. XXVI, II; Мр. XIV, 7; Лук. XVIII, 1 и *кѣгда* — Лук. XIV, 31; *висѣрѣ* — Мф. XIII, 46, но *висѣра* — Мф. XIII, 45; *кѣлѣ* — Мр. V, 40 и *кѣлѣ* — Мф. IX, 35; XXV, 7; Мр. I, 32; III, 13 и т. д.; *дѣньсѣ* — Мф. VI, 30, но *дѣньсѣ* — Мф. XXVII, 19, *дѣньсѣ* — Мф. XXI, 28; *подобѣно* — Мф. III, 15; XIII, 31, 33, 44, 45; Лук. XIII, 18, 19 и *подобѣно* — Мф. XX, 1; Лук. XIII, 20; *къто* — Мф. VII, 9; VIII, 27; XII, 11, 48; Мр. II, 7 и др. и *къто* — Мф. XII, 29; XIX, 25; XXI, 3; *къдѣ* — Мр. XIV, 14; XV, 47; Лук. VIII, 25; XVII, 37 и *къдѣ* — Мф. VIII, 20 и т. д.; в Мариинском евангелии: *пѣтиѣ* —

Лук. XII, 8 и птицъ — Мф. X, 31; Лук. XII, 6, 24; мѣздѣ — Мф. X, 41 и мѣздѣ — Мф. X, 41; кѣси — Мф. XII, 23 и кѣси — Мф. XI, 13, 28; многоз — Мф. XIV, 14 и многоз — Мф. II, 18, кѣрѣни — Лук. XVI, 11, 12 и кѣрѣни — Лук. XVI, 10; обѣде — Лук. XVII, 21 и окѣде — Лук. XVII, 23; подобѣни — Лук. VII, 31, 32, подобѣно — Мф. XIII, 23, 44, 45, 47; XX, 1; Лук. XIII, 18, 19 и подобѣно — Мф. XIII, 31; III, 15; книжники — Мф. VII, 29; XV, 1; XVII, 10 и книжники — Мф. XII, 38; XVI, 21, книжники — Мф. II, 4, книжники — Мф. V, 20; чѣто — Мф. VI, 3, чѣто — Мф. IX, 5; XII, 3; XVI, 8 и чѣто — Мф. V, 47; VI, 25; IX, 11; X, 19; XVI, 26 и т. д.; в Ассеманиевом евангелии: дѣкою — Лук. VIII, 42, дѣка — Мф. XXV, 22 и дѣкою — Лук. VIII, 43; пришедез — Лук. XIV, 21, пришедез — Мф. XXIV, 42 и пришедез — Лук. VIII, 51; дондеже — Ио. XII, 35 и дондеже — Ио. XII, 36; сѣтворѣти — Ио. XI, 37, сѣтворѣша — Мф. XXVI, 19 и сѣтворѣ — Ио. XIV, 13; кѣси — Лук. IX, 6; VIII, 52; кѣси — Лук. XIV, 18; Мр. I, 37 и кѣси — Ио. VI, 37; чѣто — Мф. XVIII, 12; Лук. VIII, 28; X, 26 и чѣто — Лук. XXVI, 38 и т. д.; в сборнике Клоца: подобѣно — I, 406, подобѣна — I, 244 и подобѣни — II, 55; кѣсего — I, 630 и кѣсего — I, 630 (ср. кѣси — I, 401, 419), мѣзды — I, 710; II, 122 (вм. мѣзды); кто — I, 287, 109 и кѣто — I, 46, 236, 565, 929; сѣзѣнѣ — I, 577, 587, 679, 837 и сѣзѣнѣ — I, 328, 561, 787, 949, кѣзѣ — I, 89 и кѣзѣ — I, 104; кѣрѣно — I, 912 и кѣрѣна — I, 148 (ср. кѣрѣнѣ — II, 20); в Синайской псалтыри: до конѣца — $9\frac{a}{6}$, $10\frac{b}{9}$, $14\frac{c}{14}$, $13\frac{a}{5}$, $16\frac{a}{5}$ и т. д. и до конѣца — $9\frac{a}{6}$, пракѣдѣ — $27\frac{a}{13}$, $4\frac{b}{12}$, $14\frac{b}{4}$ и пракѣдѣ — $8\frac{a}{10}$, $21\frac{a}{10}$, $12\frac{a}{4}$, озѣлобленѣ — $19\frac{a}{7}$ и зѣлова — $6\frac{b}{9}$, кѣсѣ — $7\frac{b}{9}$ и кѣсѣ — $7\frac{b}{21}$, кѣнидезѣ — $28\frac{a}{20}$ и кѣнидезѣ — $28\frac{b}{8-9}$, кѣто — $3\frac{b}{18}$, $5\frac{b}{5}$, $14\frac{a}{19}$, $22\frac{b}{6}$, $28\frac{b}{2,9}$ и т. д., кѣто — $12\frac{b}{5}$ и кѣто — $144\frac{a}{13,14}$, мѣнѣ — $21\frac{a}{16}$, мѣнѣ — $83\frac{a}{21}$ и мѣнѣ — $3\frac{a}{14}$, $13\frac{b}{4}$, $51\frac{a}{7}$, $52\frac{b}{14}$, $85\frac{b}{8}$, грѣшѣнѣ — $9\frac{a}{1}$, $121\frac{b}{22}$ и грѣшѣнѣ — $11\frac{b}{3}$, кѣсѣ — $4\frac{b}{1,3}$, $7\frac{b}{10}$ и кѣсѣ — $31\frac{b}{6-7}$, мѣдѣнѣмѣ — $17\frac{a}{17}$, мѣдѣнѣмѣ — $177\frac{a}{17}$ и мѣдѣнѣмѣ — $164\frac{a}{13}$, сѣтворѣ — $151\frac{a}{20}$ и сѣтворѣ — $7\frac{a}{5}$.

В Ассеманиевом евангелии буквы **ж** и **ь** зачастую не пишутся даже в конце слова, где они, несмотря на то что обозначали редуцированные гласные, находящиеся в слабой позиции, и, следовательно, подвергались утрате, долго еще сохранялись в написании в других старославянских памятниках по традиции: ѣдѣм — Ио. XI, 16, градезѣ — Ио. XI, 20, кѣроуѣ — Ио. XI, 27, плачет ѣ — Ио. XI, 31, былѣ — Ио. XI, 32, сѣблюдезѣ — Ио. XII, 7, нам — Мф. XXIV, 3; прѣдадезѣ — Мф. XXIV, 9, вѣдезѣ — Мф. XXIV, 28; XXVI, 2; Ио. XV, 7, кѣплачат ѣ — Мф. XXIV, 30, речетѣ — Мф. XXIV, 48, начѣнетѣ — Мф. XXIV, 49, положѣтѣ — Мф. XXIV, 51, коупѣтѣ — Мф. XXV, 10, кѣдѣуѣ — Мф. XXV, 24, жестокѣ — Мф. XXV, 24, кѣ домѣ — Мф. XXVI, 6, оученикѣ — Мф. XXVI, 18, нѣдеѣмѣ — Ио. VI, 39, 47, мѣнитѣ ѣ — Ио. XVI, 2, кѣ нѣдеѣхѣ — Ио. XI, 54, ѣтѣ нѣхѣ — Ио. XII, 36, много — Лук. VIII, 27, неѣренѣ — Лук. IX, 41, прѣдѣ — Мр. I, 38 и т. д.

Иначе отражается судьба редуцированных в кириллических памятниках. Так, в Саввиной книге и Зографских листках отражается изменение в сильной позиции [ъ] > [о], [ь] > [е] только

в ударенном конце односложных слов. В Саввиной книге, как полагают, отражен один из диалектов восточной Болгарии.

Супрасльская рукопись, „Листки Ундольского“ и „Хиландарские листки“ представляют примеры перехода сильного [ъ] в [е], но почти не дают примеров на переход сильного [ъ] в [о].

Например, в Хиландарских листках: вѣзгрѣшенѣ — I, Аа 14 (вм. вѣзгрѣшѣнѣ), пришегѣти — I, Аа 24 (вм. пришегѣти), доврочѣстѣнѣ — II, Вв 1 (вм. доврочѣстѣнѣ), благочѣстѣнѣхѣ — II, Вв 6—7 (вм. благочѣстѣнѣхѣ, нечѣстѣнѣхѣ — II, Вв 15 (вм. нечѣстѣнѣхѣ); в „Листках Ундольского“: пришедезѣ — 9 (вм. пришедезѣ), тогда — 8, 33 (вм. тѣгда), шедезѣ — 13, 16—17 (вм. шѣдезѣ), пришедезѣ — 63 (вм. пришедезѣ), пракѣдѣнѣ — 33 (вм. пракѣдѣнѣ), скрѣжетѣ — 32 (вм. скрѣжетѣ); в Супрасльской рукописи: пришедезѣнѣмѣ — 47₂₄₋₂₅ (вм. пришедезѣнѣмѣ), пришедезѣ — 50₁, 72₁₈ (вм. пришедезѣ), конѣцѣ — 51₃₈, 67₃₀ (вм. конѣцѣ), денѣ — 72₁₉ (вм. денѣ), пракѣдѣнѣка — 215₁₀ (вм. пракѣдѣнѣка).

Что касается слабой позиции редуцированных, то в этих памятниках наблюдается смешение и пропуск букв **ж** и **ь**, когда они отражали слабые редуцированные [ъ] и [ь] (при этом в „Листках Ундольского“ представлена в написании только одна буква **ж**): в Хиландарских листках: тѣмоуѣ — II, Ав 11 (вм. тѣмоуѣ), сѣтѣзѣ — II, Аа 23 (вм. сѣтѣзѣ), оуѣхѣдѣти — II, Ва 15 (вм. оуѣхѣдѣти), пракѣтѣрѣнѣхѣ — II, Вв 19 (вм. пракѣтѣрѣнѣхѣ); в листках Ундольского: подобѣно — 3 (вм. подобѣно), полѣзѣ — 161 (вм. полѣзѣ), кто — 68, 71 (вм. кѣто), многоз — 57 (вм. мѣнозѣ), пѣшенѣца — 7 (вм. пѣшенѣца), кѣсѣ — 30 (вм. кѣсѣ); в Супрасльской рукописи: зѣло — 211₂₇ и зѣло — 211₂₂, мѣнѣ — 49₁₄, 54₁₄ и мѣнѣ — 210₃₀, сѣкѣшѣти — 50₁₈ и сѣкѣшѣти — 50₂₁, мѣтѣуѣжѣ — 52₁₈ и мѣтѣуѣжѣ — 52₁₁, пракѣдѣнѣка — 215₁₀ и пракѣдѣнѣка — 216₂₇, 217₄, пракѣдѣнѣка — 217_{6, 20}, 219_{13, 25}, кѣзѣмѣшѣ — 219₁₆ и кѣзѣмѣшѣ — 219₇, цѣжѣкѣ — 220₂₉, 254₁₈ и цѣжѣкѣ — 219₁₀, градезѣ — 221₄ и градезѣ — 218₉, дѣка — 255₁₂, дѣка — 52₂₁ и дѣкѣма — 217_{1, 24}, старѣцѣ — 299₈ и старѣцѣ — 298₂₀, и т. д.

В Македонском кирилловском листке, независимо от позиции, представлена только одна буква **ь** для обозначения редуцированных гласных [ъ] и [ь]: ѣнабѣдѣкѣшѣ — I, 3; жѣтѣ — I, 5, 7, 24; II, 19; зѣловѣрѣнѣ — I, 10; оученикѣ — II, 26; глакѣнѣ — II, 5; кракѣнѣ — II, 3; кѣликѣ — II, 26; кѣде — I, 18.

§ 32. Отражение утраты слабых редуцированных в старославянских памятниках.

Старославянские памятники представляют незначительное количество примеров с отсутствием **ж** и **ь** в конце слова. Но малочисленность написания слов без **ж** и **ь** в конце слова не имела фонетического значения: книжники легко запоминали, что в конце слова следует писать **ж** или **ь**, и употребляли их там по традиции. Исключение в этом отношении составляет только Ассеманиево евангелие,

¹ По техническим причинам для передачи аффрикаты [dz] в старославянских примерах использована буква „з“.

где имеется много написаний без **х** и **ь** в конце слова. Утрата редуцированных **[ъ]** и **[ь]** перед слогом с гласным полного образования происходила в болгарских говорах, отразившихся в старославянских памятниках, не одновременно во всех словах. При некоторых условиях редуцированные утрачивались раньше, при других — позднее.

По-видимому, наиболее благоприятными фонетическими условиями ранней утраты слабых редуцированных являлись следующие:

1. Употребление редуцированных **[ъ]** и **[ь]** в начале слова между согласными **[p]/[s]** (пыгати), **[p]/[š]** (пышеница), **[m]/[n]** (мзного), **[v]/[s]** (кыге), **[p]/[t]** (пытца).

2. Употребление редуцированного **[ь]** в суффиксе перед сонорным согласным: кѣрына, подовьна, приятьна, козыла и т. д.

3. Чаше редуцированный **[ъ]** или **[ь]** утрачивался тогда, когда он не получал в пределах данного слова чередования с сильной позицией. Ср. книжыныкѣ и гзна (от гзнѣ).

4. Более ранняя утрата **[ъ]** и **[ь]** перед слогом с гласным полного образования была обусловлена не только артикуляцией соседних согласных и положением в начале слова, но известную роль здесь играл и синтаксический фактор. Так, например, во многих местоимениях и наречиях, в связи с более слабым их произношением по сравнению с именами и глаголами, редуцированные **[ъ]** и **[ь]** в слабой позиции подвергались довольно ранней утрате. Например: кто, что, гдѣ и т. д. (вместо кѣто, чѣто, гдѣ и т. д.).

В отличие от перечисленных выше существовали и такие условия, где редуцированные **х** и **ь** сохранялись дольше. Это прежде всего относится к тем группам согласных, произношение которых без редуцированных было затруднено. Например: **[d]/[n]** (дзно), **[t]/[m]** (тъма), **[m]/[st]** (мыстити) и т. д. Но и здесь в дальнейшем редуцированные подвергались утрате. Следовательно, слабые редуцированные **[ъ]** и **[ь]** не были устойчивой категорией, в одних условиях они исчезали быстрее, в других — медленнее.

§ 33. В старославянских памятниках XI в. наблюдается весьма частое смешение в употреблении букв **х** и **ь** в том случае, когда ими обозначались редуцированные **[ъ]** и **[ь]** в слабом положении: пишется **х** вместо **ь**, и наоборот.

Акад. И. В. Ягич впервые обратил внимание на то, что подобная мена знаков редуцированных находилась в зависимости от следующего слога: перед слогом с гласным заднего ряда писался **х** (вхрати, дхрати, вхдокица, кѣрхна, дхка и т. д.), а перед слогом с гласным переднего ряда писался **ь** (дѣхѣ, вѣдѣти, кѣрыни, зыѣ и т. д.). И. В. Ягич и его последователи считают, что подобная мена букв **х** и **ь** отражала соответствующее явление речи, а именно ассимиляцию слабых редуцированных с последующим слогом. По их мнению, это явление относилось к более раннему времени, чем эпоха написания дошедших до нас памятников, и именно к тому периоду, когда в славянской фонетической системе употреблялись

еще редуцированные **[ъ]** и **[ь]** в слабом положении. В период же написания дошедших до нас старославянских памятников слабые редуцированные **[ъ]** и **[ь]** уже не произносились. В связи с этим нет выдержанности в передаче мены букв **х** и **ь** в зависимости от следующего слога: пишут дхка и дѣба, дхни и дѣни и т. д.

Однако мена букв **х** и **ь** в старославянских памятниках XI в. имеет и другое объяснение. Так, А. Лескин и А. М. Селищев считают, что подобная мена отражает явление, имевшее место после утраты редуцированных **[ъ]** и **[ь]** в слабой позиции. По их мнению, написание, например, вхрати вместо вѣрати отражает твердое произношение губного согласного **[b]**, оказавшегося после утраты редуцированного **[ь]** перед следующим твердым звуком, и, наоборот, написание дѣхѣ вместо дѣхѣ отражает смягченное произношение звука **[d]**, оказавшегося после утраты редуцированного **[ъ]** перед следующим смягченным согласным.

РЕДУЦИРОВАННЫЕ **[ǫ]** и **[i]**

§ 34. В старославянском языке, как об этом упоминалось выше (см. § 22), наряду с редуцированными **[ъ]** и **[ь]** существовали редуцированные **[ǫ]** и **[i]**. Эти редуцированные, находясь в слабой позиции, ко времени написания дошедших до нас старославянских памятников XI в. утратились. Вот несколько примеров, указывающих на утрату редуцированного **[i]** в слабой позиции: вреніе — Син. пс. 21^{а/з} (вм. врьніе), крокиж — сб. Кл. I, 313, 316 (вм. крѣкиж), пришеѣткѣ — Ас. ев., Мф., XXIV, 27, 39 (вм. пришеѣткѣ) и т. д. Гласные **[o]** и **[e]** вместо **[ъ]** и **[ь]** появились благодаря утрате в следующем слоге редуцированного **[i]**, находившегося в слабой позиции.

Примеров с редуцированным **[ǫ]**, находящимся в слабой позиции, в старославянских памятниках не сохранилось. По-видимому, его утрата произошла значительно раньше.

Что касается редуцированного гласного **[i]**, находившегося в слабой позиции, то в XI в. он, как показывают приведенные выше примеры, уже не существовал в фонетической системе тех говоров, которые отразились в старославянских памятниках. Поэтому слова типа знаменіе, когыѣж и т. д. произносились в это время как [znaпeн'je], [kɔst'jo], а буква и/ь, обозначавшая **[i]**, имела здесь чисто графическое значение: она указывала на наличие **[i]** ([j]) после согласного.

Редуцированные гласные **[ǫ]** и **[i]**, находясь в сильной позиции, прояснились к X—XI вв. в гласные полного образования **[u]** и **[i]**.

На письме они по-прежнему передавались буквами **ѣ** и **и**. В старославянских памятниках очень часто можно встретить употребление стяженных форм: сочетания **[ǫ i]**, **[i i]** или позднее **[u i]**, **[i i]** (гласный **[i]**, находясь в заударном слоге после гласного, становился редуцированным, а позднее и неслоговым) подверглись асси-

миляция и стяжению в один гласный [y] или [i]. Например, *мѣдрѣи* — Зограф. ев., Мф. XXV, 9 (вм. *мѣдрѣи*), *кѣчѣнѣи* — Зограф. ев., Лук. XVIII, 18 (вм. *кѣчѣнѣи*), *кѣчѣнѣи* — Мар. ев., Лук. VII, 43, XXII, 23 (вм. *кѣчѣнѣи*), *чѣчѣнѣи* — Мар. ев., Лук. VII, 34; Ио. XIII, 31 (вм. *чѣчѣнѣи*), *дрѣугѣи* — Мар. ев., Лук. IX, 61 (вм. *дрѣугѣи*), *лѣ(ка)кѣи* — Син. пс., 4 ^а/₁₉ (вм. *лѣкѣи*), *пракѣдѣи* — Син. пс., 47 ^б/₃₀ (вм. *пракѣдѣи*), *дѣвѣи* — Мар. ев., Ио. X, 11, 14 (вм. *дѣвѣи*).

Если не происходило стяжения, то конечный редуцированный [i] < [i] в сочетаниях [yī] и [iī] становился в славянских языках неслоговым: [umyī], [dobryī], [piī] (вместо [umy], [dobry], [pi]). В старославянских памятниках встречаются формы типа *господен* — Мар. ев., Мф. XV, 27 (вм. *господи*), *людѣи* — Мар. ев., Мр. XIII, 15 (вм. *люди*), *дѣтѣи* — Мар. ев., Мф. XV, 38; Лук. VII, 16 (вм. *дѣти*), *волѣи* — Мар. ев., Лук. XXII, 24; Ио. IV, 12; VIII, 53; XIII, 16 (вм. *воли*), *нарицаѣмои* — Мар. ев., Ио. XXI, 2 (вм. *нарицаемыи*), *дѣнѣи* — Мар. ев., Лук. II, 44; V, 17 (вм. *дѣни*), *оумерѣи* — Мар. ев., Ио. XII, 1 (вм. *оумерыи*), *скрѣвѣи* — Син. пс., 40 ^б/₁₇₋₁₈ (вм. *скрѣви*), *пѣчѣи* — Син. пс., 41 ^б/₇ (вм. *пѣчалыи*), *пѣчѣи* — Син. пс., 176 ^б/₃₀ (вм. *пѣчи*), *запоѣдѣи* — Син. пс., 160 ^б/₁₅, 156 ^б/₁₉, 155 ^б/₁₄, 20, 118 ^б/₉ (вм. *пѣкѣи*), *лѣкаѣи* — Син. пс. 14 ^б/₁₂ (вм. *лѣкѣи*), *прѣподѣи* — Син. пс., 12 ^а/₉ (вм. *прѣподѣи*), *нѣчѣи* — Син. пс., 10 ^б/₁₆ (вм. *нѣчѣи*), *ништѣи* — Син. пс., 11 ^а/₃, 40 ^б/₂₂ (вм. *ништи*), *болѣи* — Син. пс., 124 ^а/₁₆ (вм. *болѣи*), *опракѣи* — Син. пс., 161 ^а/₁₂, 160 ^б/₁, 156 ^б/₁₂ (вм. *опракѣи*), *людѣи* — Син. пс., 149 ^а/₁₆, 137 ^б/₁₀, 124 ^а/₁, 118 ^а/₆ (вм. *люди*), *дѣи* — Син. пс., 160 ^б/₃, 3, 131 ^а/₁₃, 51 ^а/₁₂, 121 ^б/₁ (вм. *дѣи*) и т. д. Употребление здесь гласных [o] и [e] вместо [y] и [i] указывает на то, что они возникли в данном случае на месте редуцированных [ъ] и [ь], находившихся в сильной позиции. Наличие [ъ] и [ь] в этих формах было вызвано влиянием родственных форм и основ, в которых [ъ] и [ь] не находились перед [i]. Например, в слове *лѣкѣи* звук [ъ] перед [i] мог не измениться в [y] > [y] под влиянием именной формы *лѣкѣи*; форма род. п. мн. ч. с окончанием [-ѣи], например *дѣи*, *люди* и т. д., вместо окончания [-ii]: *дѣи*, *люди* и т. д., вызвана связью с другими формами, где сохранялся [ъ], например *дѣи*, *дѣи*, *дѣи* и т. д.

СЛЕДСТВИЯ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ [ъ] И [ь]

§ 35. В результате утраты редуцированных [ъ] и [ь] в слабой позиции произошли очень большие изменения в фонетической структуре старославянского языка, отразившиеся в памятниках письменности.

1. С утратой слабых редуцированных [ъ] и [ь] создавалась возможность употребления закрытых слогов (как в конце слова, так и в середине слова). Например: [rabъ] *рабѣ* > [rab], [synъ] *сынѣ* > [syn], [damъ] *дамѣ* > [dam], [pōtъ] *пѣтѣ* > [pōt] и т. д.

Однако в конце слова еще долго сохранялось традиционное употребление (написание) букв *ѣ* и *ь*, хотя они уже не обозначали звуков. Написание их указывало на выучку писца, а может быть имело и некоторое морфологическое значение. Так, например, написание слова *губѣи* [gubēi] с *ь* в конце слова указывало на то, что данное слово относится к склонению существительных типа *когѣи* (бывш. скл. с основой на -i).

2. Вследствие утраты слабых редуцированных [ъ] и [ь] возникли сочетания согласных, ранее невозможные в старославянском языке. Например, [tl], [dl], [tn], [dn], [pn], [bs], [ks], [kt], [ps] и др.: [kъto] (*кто*) > [kto] (*кто*), [sedъlo] (*сѣдѣло*) > [sedlo] (*сѣдло*), [světъla] (*свѣтъла*) > [světla] (*свѣтъла*), [dъni] (*дѣни*) > [dni] (*дни*), [rъsi] (*рѣси*) > [rsi] (*рси*) и т. д.

В XI в. появились в старославянском языке сочетания [pn], [bn] (*пн*, *бн*) и иного происхождения; они возникли вследствие нового присоединения глагольных суффиксов [-nō] -нѣ в инфинитивной основе, [-ne] -нѣ в основе настоящего времени к корню, оканчивающемуся на [b-] и [p-]: *погубѣи* — Зограф. ев., Ас. ев., Сав. кн., Лук. XXI, 18; Зограф. ев., Ио. VI, 12; Син. пс., 54 ^а/₁₄; *погубѣи* — Зограф. ев., Мар. ев., Ас. ев., Сав. кн., Остр. ев., Мф. XXVI, 52; Мр. II, 22; Лук. V, 37; Ио. X, 28; Син. пс., 8 ^а/₆, 131 ^а/₂₁; *погубѣи* — Син. тр., 83 ^б/₂₁, 84 ^а/₆; *погубѣи* — Супр. 323, *погубѣи* — Супр., 197₁₀, *погубѣи* — Зограф. ев., Мар. ев., Мф. XXIV, 32; Мр. XIII, 28 и т. д.

3. В новых сочетаниях согласных, возникших вследствие утраты слабых редуцированных [ъ] и [ь], стала возможна ассимиляция их по глухости и звонкости. Например, [sbde] *сѣдѣ* > [sde] *сѣдѣ* > [zde] *здѣ* — Зограф. ев., Мф. XVII, 4; XX, 6; XXIV, 2; [kъto] *кто* > [kto] *кто* > [hto] *хто* — Мар. ев., Мф. III, 7.

Вследствие тесного объединения слов во фразе в ряде сочетаний произошла ассимиляция конечного согласного одного слова с начальным согласным следующего слова. Многочисленные примеры такой ассимиляции отражены в Синайской псалтыри: на -дѣи — 7 ^б/₇ (вм. *надѣи*), *подѣи* — 79 ^б/₁₄ (вм. *подѣи*), *поклонѣи* — 78 ^б/₁₃ (вм. *поклонѣи*), *вздѣи* — 5 ^б/₇ (вм. *вздѣи*), *сздѣи* — 115 ^а/₃ (вм. *сздѣи*), *сздѣи* — 118 ^а/₈ (вм. *сздѣи*).

4. Происходит образование вторичных слоговых плавных перед согласными в результате утраты между ними слабых редуцированных [ъ] и [ь].

Ед. ч. Им. [krъstъ] (*крѣстѣ*) > [krestъ]
Род. [krъsta] (*крѣста*) > [krsta] > [krsta]
Дат. [krъstu] (*крѣстоу*) > [krstu] > [krstu] и т. д.

Если в первом случае редуцированный [ъ] после плавного [r], оказавшись в сильной позиции, прояснялся в гласный полного образования [e], то в двух других редуцированный находился

в слабой позиции и, следовательно, подлежал утрате. Утрата слабого редуцированного перед слогом с гласным полного образования приводила к развитию слоговости плавным согласным. В результате одно и то же слово в разных формах имело разные основы: то со слоговым редуцированным, проявлявшимся в гласный полного образования, то со слоговым плавным, развившим слоговость после утраты слабого редуцированного. Утрата слабых редуцированных после плавных [r] или [l], развивших слоговость, отражена в памятниках старославянской письменности смещением в употреблении знаков редуцированных **ѣ** и **ь** или иногда их пропуском: **гѣзѣми** — Мар. ев., Мр. IX, 24; Лук. VII, 38, 44 (вм. **гѣзѣми**); **крѣтителѣ** — Мар. ев., Мр. VIII, 28; Зогр. ев., Мф. XI, 11, 12; XIV, 8; XVI, 14; **крѣстителѣ** — Мар. ев., Лук. VII, 28; Мф. XI, 11, 12 (вм. **крѣстителѣ**); **ѣзѣ крѣта** — Зогр. ев., Мф. XXVII, 40, 42 (вм. **ѣзѣ крѣта**); **ѣзѣ крѣте** — Зогр. ев., Мф. XIV, 2; Мар. ев., Лук. XIII, 55; IX, 8 (вм. **ѣзѣ крѣте**); **до крѣте** — Мар. ев., Мф. XXIII, 35 (вм. **до крѣте**); **оутѣри** — Мар. ев., Мф. VI, 34 (вм. **оутѣри**); **козѣкѣнѣ** — Син. пс., 12 ⁶/₈ (вм. **козѣкѣнѣ**); **гѣзѣ** — Син. пс., 55 ^а/₇, 69 ⁶/₉ (вм. **гѣзѣ**); **пѣтъѣ** — Син. тр. 3 ^а/₁₃ (вм. **пѣтъѣ**); **крѣкѣ** — Син. пс., 8 ⁶/₈ (вм. **крѣкѣ**); **крѣта** — Супр., 428_{16, 19-20}, 65₂₂ (вм. **крѣта**); **крѣта** — сб. Клоца 1. 718 (вм. **крѣта**); **пѣтъѣ** — Супр. рук., 11_{8, 26}, 448_{8, 6}, 456₆ и т. д.

Старославянские памятники XI в. представляют указание на объединение звукового вида основы для разных форм. При этом объединение основы шло в направлении обобщения для всех форм основы со слоговым плавным [r] или [l].

В памятниках письменности это нашло отражение в том, что знаки редуцированных **ѣ** и **ь**, отражавшие сильные редуцированные [ъ] и [ь], смешивались или совсем пропускались: [krv(ъ)] **крѣкѣ** — Мар. ев., Мф. XVI, 17 (вм. **крѣкѣ**), [pl(ъ)] **пѣтъ** — Мар. ев., Ио. VI, 51; Зогр. ев., Мф. XVI, 17; Ас. ев., Ио. VI, 51 (вм. **пѣтъ**), [krv(ъ)] **крѣкѣ** — Зогр. ев., Мф. XXVII, 4; Сав. кн., Мф. XXVI, 28; XXVII, 4, 25, 49 (вм. **крѣкѣ**), [krst(ъ)] **крѣстѣ** — Зогр. ев., Мр. X, 21; сб. Кл. I, 574, 587, 610, 611, 648, 718—719 (вм. **крѣстѣ**), [krst(ъ)] **крѣстѣ** — сб. Кл. I, 588, 591 и т. д.

ПРОЦЕССЫ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С ПАДЕНИЕМ РЕДУЦИРОВАННЫХ

§ 36. В фонетической системе болгарских говоров, которые легли в основу языка кирилло-мефодиевских переводов, согласные [š], [ž], [č], [š̌], [ž̌], [c], [ď] были мягкими по своему происхождению. Гласные переднего ряда [a], [o], [u] после данных согласных несколько продвигались вперед: [a], [o], [u]. Мягкость данных согласных нашла отражение в графике старославянских памятников. Так, в них можно встретить после ш, ж, ч, шт, жд написание **ѣ** (**Δ**). Например, **доушѣми** — Киев л. III⁶ 12—13; **нашѣ** — Киев. л.

V⁶ 8, 16, II⁶ 16, III 20, V 21, VII⁶ 12; **чѣкѣ** — Мар. ев., Лук. IV, 5; **покажѣте** — Мар. ев., Зогр. ев., Лук. XX, 24; **иштѣте** — Мар. ев., Зогр. ев., Мф. VI, 33; **можѣхѣ** — Мар. ев., Лук. VIII, 19; **покажѣте** — Сав. кн., Мф. XXII, 14; **множѣша** — Сав. кн., Мф. XXI, 36; **иштѣте** — Сав. кн., Мф. VII, 7; Лук. IX, 9; XI, 9; **плаштѣницѣ** — Ас. ев., Мр. XV, 46; **оужѣтѣ** — Син. пс., 37 ^а/₂₁; **всплѣштѣте** — Син. пс., 60 ⁶/_{а-д}; **вѣздѣжѣте** — Син. пс., 174 ^а/₁₆; **хѣждѣше** — Зогр. ев., Мар. ев., Ио. XXI, 18; **чѣкѣ** — Зогр. ев., XIV, 35; **множѣша** — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XXI, 36; **конжѣтѣ** — Зогр. ев., Мф. XIX, 1 и т. д.

Однако наряду с подобным написанием встречается и употребление буквы **ѣ** (**+**).

Так, в наиболее древнем старославянском памятнике — Киевских листках — написание с буквой **ѣ** (**+**) после этих согласных еще единичны: **гѣгрѣшѣти** — IV₂₁, **папѣжа** — I ⁶/₄.

В Зографском ев., Маринском ев., Синайской псалтыри и особенно в Ассеманиевом ев. написание с **ѣ** (**+**) значительно чаще: **чаѣ** — Мар. ев., Мф. XXVI, 39, 42; **мѣжѣше** — Мар. ев., Мф. XXIV, 63; **ишѣдѣша** — Мар. ев., Мф. IX, 31; **шѣдѣша** — Зогр. ев., Мф. IX, 31; **вѣжѣша** — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. VIII, 33; **можѣше** — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. VIII, 28; **гѣша** — Син. пс., 37 ⁶/₃; **слоужѣше** — Син. пс., 129 ⁶/₁₃; **льѣани** — Син. пс., 81 ⁶/₄₋₅, **чааниѣ** — Син. пс., 163 ^а/₆, **хѣждаѣше** — Ас. ев., Ио. V, 9; VIII, 59; X, 23; **чѣкѣча** — Ас. ев., Ио. I, 52; **вольѣша** — Ас. ев., Ио. I, 51; **ѣща** — Ас. ев., Ио. I, 51; **отжѣща** — Ас. ев., Ио. II, 19; Ио. V, 7, 19; Лук. XXIV, 18; Ио. III, 5, 9, 10 и т. д. Для Сборника Клоца и Супрасльской рукописи характерны уже написание с **ѣ** (**+**) **дрѣжѣка** — сб. Кл. 552, **обѣжѣжѣтѣ**, **пѣчатѣ** — сб. Кл. 913, **выжѣшаго** — сб. Кл. 320, **гѣшаѣхѣ** — Супр. 19₂₈, **мѣжа** — Супр. 43₂₉, **нагѣжѣжѣтѣи** **Δ** — Супр. 23₂₄, **чаѣжѣ** — Супр. 469₂₂, **оужѣѣхѣ** — Супр. 45₂₆₋₂₇ и т. д.

В написаниях с **ѣ** (вместо **ѣ** — **Δ**) после ш, ж, ч, шт, жд многие видят указание на отверждение данных согласных. По мнению же А. М. Селищева, подобные написания не обязательно свидетельствуют об отверждении предшествующих согласных, а скорее отражают диспалатализацию (диссимиляцию) гласного после мягкого согласного, подобно древнейшему славянскому изменению [e] в [a] после [j], [č], [š], [ž].

В старославянских памятниках, в которых встречается написание **ѣ** (**+**) после ш, ж, ч, шт, жд, наблюдается очень частое употребление буквы **ю** после этих шипящих (исключение составляет только Супрасльская рукопись), что лишний раз свидетельствует о том, что звуки, обозначавшиеся этими буквами, являлись мягкими: **тѣо-рѣштѣ** — Зогр. ев., Мф. VI, 3; **чѣдиша** **ѣа** — Зогр. ев., Мф. VIII, 27; IX, 8; Лук. VIII, 25; Мар. ев., Лук. I, 63; **шѣща** — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. VI, 3; **шѣмѣ** — Зогр. ев., Лук. IV, 37; **гѣжѣмѣштѣ** — Зогр. ев., Мф. V, 22; Мар. ев., Лук. VIII, 41; **мѣжду** — Зогр. ев., Мар. ев., Мр. VII, 31; Лук. XVI, 26; **мѣжѣ** — Мар. ев., Мр. X, 2; Лук. XIX, 17; **хѣдаштѣ** — Мар. ев., Мр. II, 23; Мф. IX, 26; **гѣдѣштѣ** — Мар. ев.,

Мр. XV, 21; *чюдеса* — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XXIV, 24; Мр. XIII, 22; Син. пс. 30^{6/13}, 60^{а/15}; *нищомоу* — Син. пс. 81^{а/17}; *келациомоу* — Син. пс. 56^{а/13}; *шюма* — Син. пс. 55^{а/16}, 98^{6/11-13}; *междурамье* — Син. пс. 81^{6/4}; *кождю* — Син. тр. 51^{6/9}; *чюкыткиѣ* — Син. тр. 7^{6/8}; *брачу* — Син. тр. 24^{6/1}; 25^{6/18}; 38^{6/10}; 68^{а/9}; *ѣжизномоу* — Син. тр. 12^{6/3-6}; *пришедшю* — Син. тр. 7^{а/6}; *выкшю* — сб. Кл. I, 127, 756, 935, 948; *тажю* — сб. Кл. I, 145; *ѣштю* — сб. Кл. I, 329; *гѣштю* — сб. Кл. I, 112, 135; *междю* — сб. Кл. I, 527—528; *нечюкытыѣ* — сб. Кл. II, 113; *чюдо* — Ас. ев., Ио. IV, 54; *ѣщю* — Ас. ев., Ио. V, 13; *междю* — Ас. ев., Ио. IV, 31; *брачу* — Ас. ев., Лук. IV, 23; *шюж* — Ас. ев., Мр. X, 40 и т. д. Но и здесь начинается сказываться результат диспалатализации гласного после мягкого согласного, что в старославянских памятниках отражается в написании буквы *оу* после *ш*, *ч*, *ж*, *шт*, *жд* и наиболее последовательно проведено в Супрасльской рукописи: *чюдо* — 458₂₁; *междю* — 451₉; *можштоу* — 465₈₋₉; *на плештоу* — 469₁₃, *мжжоу* 25₇; *глаголжштоу* — 471₁ и т. д.

Особого замечания требуют свистящие аффрикаты [с], [дз] и мягкий согласный [с'], возникший на месте [ch] в результате палатализации последнего.

В старославянских памятниках большей частью после букв *ц* и *з* (>з) пишется *а* и *оу* и крайне редко встречаются написания с *ѣ* и *ю*: *шюца* — Зогр. ев., Мф. VI, 3; *дѣница* — Зогр. ев., Мф. VI, 3; *лица* — Зогр. ев., Мф. VI, 16; *польза* — Зогр. ев., Мр. VIII, 36; Лук. IX, 25; *ѣжизаѣтѣ* — Мар. ев., Мф. XIII, 40; *польза* — Мар. ев., Мр. VIII, 36; *пианицами* — Мар. ев., Мф. XXIV, 49; *отца* — Мар. ев., Мр. X, 7; *пѣназоу* — Мар. ев., Мф. XX, 2, 10; *коньца* — Син. тр. 2^{6/23}; Супр. рук., 467₁₃; *оца* — Син. тр. 63^{6/23}; Ас. ев., Ио. II, 16; V, 18; VI, 57, 65; *рца* — Син. тр. 76^{а/21}; *подкизаетѣ* *га* — Син. тр. 76^{6/17-18}; *(миро)творца* — Супр. рук. 453_{5,7}; сб. Кл. I, 519, 930, 932; *оца* — сб. Кл. I, 87, 554; *влицанимъ* — сб. Кл. I, 821; *к'наза* — Супр. рук. 19₂₃; *лицоу* — Супр. рук., 458₁; *раждизаетѣ* *га* — Син. пс. 79₁₃₋₁₄; *въздкизала* — Син. пс. 149₆; *ѣтлаза* — Ас. ев., Лук. XXIV, 17; *пѣназоу* — Ас. ев., Мр. XX 2, 10, 13; *госьца* — Ас. ев., Лук. XI, 27, и т. д.

По мнению А. М. Селищева, подобные написания свидетельствуют о более раннем отвердении аффрикат [с] и [дз] по сравнению с шипящими. Он полагает, что данные аффрикаты отвердели уже в XI в.

Что касается отвердения шипящих, то оно происходило не одновременно в разных болгарских говорах и относится уже к периоду среднеболгарской эпохи.

Об отвердении [с'] можно судить только по образованиям с местоименной основой [vъs-]. Так, в больших по объему глаголических памятниках в основном после [с'] в словах с этой основой употребляется написание буквы *ѣ* (Δ): *кѣѣ* — Зогр. ев., Мф. IV, 9; *кѣѣкѣ* — Зогр. ев., Мф. IV, 29; V, 11, 28, 32; VII, 8; X, 1, 32; XII,

25; XIII, 52 и т. д.; *кѣѣхъ* — Зогр. ев., Мф. VI, 32; Мр. XII, 22, 30, 33; Лук. I, 71; *кѣѣко* — Зогр. ев., Мф. VII, 17, 19; XII, 25, 36; *кѣѣ* — Мар. ев., Мф. VI, 33; VIII, 33; XXIII, 3, XXIV, 8, *кѣѣми* — Мар. ев., XXIV, 9; *кѣѣкон* — Мар. ев., Мф. XIX, 3, *кѣѣкѣ* — Мар. ев., Мф. IV, 23; V, 11, 21; *кѣѣ* — Син. пс., 131^{6/9}, 132^{6/16}; 161^{а/5}, *кѣѣхъ* — Син. пс. 135^{а/8}, 174^{6/11}, *кѣѣ* — Син. пс. 59^{а/21}; 78^{6/13}; *кѣѣчѣскаа* — Син. пс. 134^{6/4} и т. д.

В больших же по объему кириллических памятниках (Саввина книга, Супрасльская рукопись) данные слова пишутся главным образом с *а*: *кѣа*, *кѣахъ* и т. д.

Подобное написание, по мнению А. М. Селищева, свидетельствует о том, что мягкий согласный [с'], возникший на месте [ch], в XI в. по говорам, отразившимся в этих памятниках, отвердел.

§ 37. Во второй половине IX в. в старославянском языке употреблялась звонкая аффриката [дз], для передачи которой в глаголических памятниках использовалась буква Ѣ, а в кириллических — З (s).

В дальнейшем данная аффриката подверглась изменению: утратился звонкий затворный элемент, в результате [дз] > [з]. Это привело к совпадению произношения аффрикаты с произношением фрикативного согласного [з], что нашло отражение и в графике старославянских памятников.

Древнейший старославянский памятник — Киевские листки — еще не дает материала, на основании которого можно было бы судить об изменении аффрикаты [дз]. В нем всегда правильно употребляется буква Ѣ, соответствующая аффрикате [дз], возникшей в общеславянском языке на месте [g] в результате палатализации последнего. Ассеманиево евангелие, Синайская псалтырь и позднейшая часть Зографского евангелия также еще не отражают изменений в судьбе данной аффрикаты, буква „ѣло“ пишется здесь везде правильно, т. е. там, где исторически возникла аффриката [дз]: *кѣназѣ* — Ас. ев., Ио. III, 1; XII, 31; *ѣтлазаниѣ* — Ас. ев., Ио. III, 25; *нозѣ* — Ас. ев., Ио. XX, 20, *мнози* — Ас. ев., Мф. VIII, 1; Ио. VI, 60, 66; VII, 40; *польза* — Ас. ев., Ио. VI, 63, *ѣло* — Ас. ев., Мр. XVI, 2, 4; Мф. VII, 27; *пѣназѣ* — Ас. ев., Ио. VI, 7, *немнози* — Син. пс. 135^{6/11}, *раждизаетѣ* *га* — Син. пс. 79₁₃, *открѣзи* — Син. пс. 65₁₄, 86^{6/15}, *въздкизала* — Син. пс. 149₆; *польза* — Зогр. ев., Мф. XVI, 26; *мнози* — Зогр. ев., Мф. XIX, 2 и т. д.

Однако в Синайской псалтыри имеются единичные случаи употребления буквы „земла“ — з: *открѣзѣмъ*, 2₃; *зѣло*, 49^{6/14}; *раждзи* — 30₁₈. В Маринском евангелии и особенно в старшей части Зографского евангелия уже значительно чаще употребляется буква „земла“ — з вместо буквы „ѣло“ — З (s): *зѣѣзды* — Мар. ев., Мф. XXIV, 29; Мр. XIII, 25; *кѣнази* — Мар. ев., Мф. XX, 25; *брази* — Мар. ев., Мф. X, 36; *пѣназѣ* — Мар. ев., Мф. XXII, 19; *мнозѣхъ* — Мар. ев., Мф. XXV, 19; *друзини* — Мар. ев., Мф. XXI, 8; *открѣзе* — Мар. ев., Ио. IX, 14, 17, 21; Лук. III, 21, *зѣло* — Зогр. ев., Мф.

XXVI, 22; XXVII, 14; Лук. XXIII, 8; Лук. XVIII, 39; польза — Зогр. ев., Мр. VIII, 36; Лук. IX, 25; польза — Зогр. ев., Мр. V, 26; пѣназа — Зогр. ев., Мр. VI, 37; XII, 15; стѣза — Зогр. ев., Мр. I, 3; нозѣ — Зогр. ев., Лук. VII, 38, 44; мнози — Зогр. ев., Мф. VII, 13; VIII, 1; XIII, 2, 17; Мр. II, 2, 15; V, 9; VI, 2; Лук. I, 1, помози — Зогр. ев., Мф. XV, 25; Мр. IX, 22, 24; друзи — Зогр. ев., Мф. XVI, 14 и т. д.

В Саввиной книге и Супрасльской рукописи обычным является употребление буквы „земля“ — з для передачи аффрикаты [dz]: кзи Δзъ — Сав. кн., Лук. VIII, 41, 52, 102, 105; Ио. XIV, 30; XVI, 11; пѣназа — Сав. кн., Мф. XXII, 19; Ио. XII, 5; пѣн Δзоу — Сав. кн., Мф. XX, 9; кзи Δза — Сав. кн., Лук. XIV, 2; нозѣ — Супр. рук. 2а; мнози — Супр. рук. 6а; возѣхъ — Супр. рук. 8а; взи — Супр. рук. 34а; ѡтѣкрѣзи — Супр. рук. 65а и т. д.

Таким образом, факты орфографии старославянских памятников ясно указывают на тот процесс, какой был пережит аффрикатой [dz] в старославянском языке.

§ 38. В старославянском языке, как об этом говорилось выше, имелись мягкие звуки [r'], [l'], [n']. В образовании мягких [l'] и [n'] в старославянском языке не было пережито никаких изменений за исключением сочетания мягкого [l'] с предшествующим губным согласным не в начале слова (см. об этом ниже). Что касается мягкого [r'], то, возможно, что в ряде говоров, отраженных в старославянских памятниках, в XI в. мягкого [r'] уже не было, так как произошло его отверждение. Мягкость плавного [r] передавалась в памятниках двояко: или с помощью надстрочного значка над буквой р — $\dot{p}$, или написаниями $p\alpha$ (рѣ), $p\gamma$, $p\kappa$. Так, в Киевских листках, в Синайской псалтыри, в Мариинском евангелии, в Ассеманьевом евангелии обычным способом передачи мягкого [r] являются написания рѣ, $p\gamma$, $p\kappa$. Например: раширѣхъ — Мар. ев., Мф. XXIII, 5; (по) морю — Мар. ев., Мф. XIV, 26; Мф. VIII, 26; шатарю — Мар. ев., Мф. V, 23; оузырѣхъ — Син. пс. 4^а/₁₆; козырѣхъ — Син. пс. 152^б/₁₇; цѣкарѣхъ — Син. пс. 118^а/₂; црѣхъ — Син. пс. 176^а/₁₉; 128^а/₁₆; корѣхъжѣ — Син. пс. 168^а/₆; корѣхъжѣ — Син. пс. 69^а/₁₆₋₁₇; црю — Син. пс. 74^б/₇; разарѣхъжѣ — Ас. ев., Ио. V, 18; морѣхъ — Ас. ев., Ио. V, 25; VI, 1, 17; по морю — Ас. ев. Ио., VI, 19; ткорѣхъжѣ — Ас. ев., Ио. VI, 14; Мр. VI, 20; црѣхъ — Ас. ев., Ио. VI, 15; XIX, 15; (ѣ)ткорѣхъ — Ас. ев., Ио. VI, 38; X, 38; Мр. X, 36; црю (зв. ф.) — Ас. ев., Мр. XV, 18.

В Зографском евангелии очень часто мягкость согласного [r'] передается не только указанными выше написаниями, но также и употреблением еще надстрочного значка мягкости: морѣхъ — Мф. IV, 15; XIV, 24; морю — Мф. VIII, 26; кз морю — Мр. II, 13; III, 7; по морю — Мф. XIV, 26. Однако уже здесь имеются случаи употреб-

ления ра вместо рѣ: кѣгара — Зогр. ев., Лук. II, 1, наряду с кѣгарѣхъ — Лук. III, 1 и кѣгарѣхъ — Ио. XIX, 15; лазора — Зогр. ев., Лук. XVI, 23, наряду с лазарѣхъ — Ио. XI, 5.

В Саввиной книге и Супрасльской рукописи часто можно встретить написания ра, $p\gamma$, $p\kappa$ вместо $p\alpha$ (рѣ), $p\gamma$, $p\kappa$: сѣткорѣхъ — Супр. 17а; 23а; корѣхъжѣ Δ — Супр. 74^а/₁₆₋₁₇; корѣхъжѣ Δ — Супр. 69^а/₂₆; цѣгара — Супр. 69^а/₂₉, 257^а/₁₆₋₂₀; црюу (зв. ф.) — Супр. 65^а/₂₆₋₃₀; оузырѣхъ — Супр. 18а; ткорѣхъжѣ — Супр. 25^а/₁₈; расѣра — Сав. кн., Ио. VII, 43; разарѣхъжѣ — Сав. кн., Мф. XXVII, 40; сѣмирагѣхъжѣ — Сав. кн., Мф. V, 9, кѣгара — Сав. кн., Лук. II, 1; сѣткорѣхъ — Сав. кн., Мф. IV, 29; ткорѣхъ — Ио. XIV, 31.

Аналогичная картина наблюдается в Остромировом евангелии: цра — Ио. VI, 15; Ио. XIX, 15; Лук. 1, 5; воура — Лук. VIII, 23; оударѣхъжѣ — Лук. XI, 8; сѣпѣра — Лук. XVIII, 3; сѣткорѣхъжѣ — Мф. XIX, 16; XX, 32; Лук. XII, 18; Ио. IV, 34, XVI, 15, XVII, 5; црюу (зв. ф.) — Мф. XXVII, 29; оузырѣхъжѣ — Ио. XVI, 22; прозырѣхъжѣ — Лук. XVIII, 42.

Подобные написания свидетельствуют об отверждении мягкого согласного [r'] в говоре писцов этих памятников, что в свою очередь нашло отражение в графике последних.

§ 39. Во второй половине IX в. мягкий согласный [l'] после предшествующего ему губного согласного (так называемый [l]-эпентетикум) всегда употреблялся в старославянском языке как в начале слова, так и не в начале слова. Древнейший старославянский памятник — Киевские листки — еще не фиксирует никаких изменений в употреблении [l]-эпентетикума: извакѣхъжѣ — IV, 10; приѣмѣхъжѣ — V, 14; кзжабѣхъжѣ — V, 3—4; земьскѣхъжѣ — V, 22.

В старославянских памятниках XI в. уже представлены довольно частые отступления от правильного употребления [l]-эпентетикума не в начале слова.

Так, в Зографском евангелии, Мариинском евангелии, сборнике Клоца, Синайском требнике наблюдаются случаи утраты [l]-эпентетикума перед гласными [i] и [ѣ]: на земѣ — Зогр. ев., Мф. VI, 19; IX, 6; X, 29, 34; XIII, 23; XVIII, 18; Мр. II, 10; Лук. II, 14; Мар. ев., Мф. VI, 10, 13; X, 29; XIII, 8, 23; XVI, 19; XVIII, 18, 19; XXIII, 9; Мр., II, 10; VI, 47 и т. д.; пристѣхъжѣ — Зогр. ев., Мф. VIII, 2, 19; XXV, 21; XXVIII, 2; Мар. ев., Мф. VIII, 2, 19; XVII, 7; XVIII, 21; XIX, 16; XXVII, 58; XXV, 20; XXI, 30 и т. д.; (кз) корѣхъжѣ — Зогр. ев., Мф. IV, 22; IX, 1; XIII, 2; XIV, 22, 32; XV, 39; Лук. V, 11; Мар. ев., Мф. VIII, 23; IX, 1; XIII, 2; XIV, 22, 32, 24; XV, 39; Мр. III, 1; VI, 45 и т. д.; пристѣхъжѣшѣ — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XIII, 10; XIV, 12; XV, 12; XVI, 1 и т. д.; корѣхъжѣшѣ — Зогр. ев., Мар. ев., Лук. V, 2; оѣтакъ — Зогр. ев., Мф. IV, 13; Мр. VIII, 13; дѣтѣхъжѣшѣ — Зогр. ев., Мф. XXII, 33; прѣломъшѣ — сб. Кл. 378; на земѣшѣ — сб. Кл. 179, 361 и т. д.; кззѣхъжѣшѣ — сб. Кл. II, 126; (на) земѣшѣ — Син. тр. 3^а/₁₀, 4^б/₁₅, 12^б/₁₅, 13^а/₁₁ и т. д.; поѣтакъшѣшѣ — Син. тр. 38^б/₅, поѣтѣхъжѣшѣшѣ — Син. тр. 52^б/₁₆ и т. д.

¹ Это свидетельствует уже о том, что аффриката [dz], утратив звонкий затвор, полностью совпала с фрикативным согласным [z].

В Зографском евангелии и Синайском требнике (и крайне редко в Мариинском евангелии) наблюдаются также случаи утраты [I]-эпентетикум перед гласным [e] (главным образом при образовании страдательных причастий прошедшего времени): *оумрзшткено* — Син. тр. 73^{6/9}; *благ(о)окенне* — Син. тр. 5^{6/18}, 7^{а/7}, 9^{а/11, 15}, 12^{6/12}, 13^{а/1}, 14^{6/9} и т. д.; *бл(а)г(о)кена* — Син. тр. 16^{6/10}; *дрекъе* — Син. тр. 85^{а/13}; *пристаѣнье* — Зогр. ев., Лук. V, 36; *благослокенъ* — Зогр. ев., Ио. XII, 13; *блгкенъ* — Зогр. ев., Мар. ев., Лук. I, 42; *оглавеныа* — Мар. ев., Мф. IV, 24.

В Синайской псалтыри, Ассеманиевом евангелии и Саввиной книге наблюдается утрата [I]-эпентетикум и перед другими гласными: *оуглазѣж* — Син. пс. 83^{а/14}; *земиж* — Син. пс. 104^{а/7}; *отъ землиа* — Син. пс. 109^{6/7}; *на землиа* — Син. пс. 17^{а/2}; *избавѣж* — Син. пс. 19^{6/18}; *крѣпшихъ* — Син. пс. 42^{6/15}; *корабъ*, *корабъ* — Ас. ев., Ио. VI, 17^{а/1}; Мф. IV, 22; Ио. VI, 22; Мф. VIII, 23 и т. д.; *оттакше* — Ас. ев., Лук. V, 11; *прѣломъ* — Ас. ев., Мф. XXVI, 26; *кз земли* — Ас. ев., Ио. XII, 24; *(кз) корабн* — Ас. ев., Ио. VI, 23; Мф. IV, 21; XIV, 33; Лук. V, 7; *кзлюбж* — Ас. ев., Ио. XIV, 21; *оглавеноумоу* — Ас. ев., Лук. V, 23; *бл(а)г(о)кѣше* — Ас. ев., Лук. XXIV, 51; *любѣше* — Ас. ев., Ио. XI, 5; *отъ землиа* — Ас. ев., Ио. XXI, 8; *кзлюбенъ* — *кзлюбж* — Ас. ев., Ио. XIV, 21; *земьа* — Сав. кн., Мф. XXIV, 35; XXVII, 51; *земьж* — Сав. кн., Мф. XIV, 34; XXV, 18; V, 5; *земьа* — Сав. кн., Ио. XII, 32; XXI, 8; *земн* — Сав. кн., Лук. VIII, 8, 15; *корабн* — Сав. кн., Мф. IV, 21; Мф. XIV, 33; *оттакша* — Сав. кн., Мф. IV, 20, 22; *оглавена* — Сав. кн., Мф. II, 3 и т. д.

Особенно часто пропускается [I]-эпентетикум в Супрасльской рукописи. В данном памятнике пропуск [I]-эпентетикум перед гласными [i] и [ъ] является закономерным: *корабъ* — 150^{13, 17, 28}; 151^{2, 9, 13} и т. д.; *постакъши* — 317¹²; *земи* — 5⁹; 17⁸; 28⁸; 39⁸ и т. д.; *ловни* — 98¹⁰; 105³; 109⁹ и т. д.; *корабн* — 66²⁴ и т. д. Пропуск [I]-эпентетикум в позиции перед другими гласными обычно на письме передавался употреблением ѣ: *дикѣхъ* ѣ — 134¹⁷; *земьа* — 322¹⁰; 448⁴⁻⁵; 503¹⁷; 555⁶; *коравьа* — 60¹⁰; 428²⁴; *любѣше* — 383²⁶; 562³; *олавѣше* — 33²⁸; *земьѣж* — 464⁵; *дрекъе* — 110⁴; 482¹³; 560¹⁶; *вогослоукѣние* — 324²⁸; *томыение* — 1⁵; *пристѣпѣныа* — 499²³; *земьа* — 89³; 111¹⁰⁻¹¹; 271²¹; *капѣа*, *капѣа* — 453³; *прѣмѣа* — 281⁵; 286²⁷; 297¹⁴; 437³⁰; *земьж* — 2²³; 6¹⁹; 7⁹; 8²⁸; 9¹⁹ и т. д. *избавѣж* — 162²¹; 512²¹; *иправѣж* — 469⁹; *олаѣпѣж* — 554¹⁵; *погоувѣж* — 12¹⁴; 104²³; *капѣу* (род.-мест. дв. ч.) — 499²⁰; *коравьу* — 151¹⁷; 400⁵ и т. д.

Таким образом, приведенные выше примеры показывают, что в Синайской псалтыри и особенно в Саввиной книге и Супрасльской рукописи пропуск [I]-эпентетикум в середине слова перед гласными, кроме [ъ] и [i], передавался на письме с помощью букв ѣ или ж. Применение этих букв указывает на то, что артикуляция губного согласного после утраты [I]-эпентетикум не находилась непосредственно перед гласным и что ее отделяло какое-то образование. Употребление букв ѣ или ж имело здесь чисто графическое значе-

ние: оно указывало на наличие [j] (i) после губного: *коравьа* [korab'ja], *коравьу* — [korab'ju] и т. д.

Отсутствие употребления букв ѣ или ж вместо утратившегося [I]-эпентетикум в Ассеманиевом евангелии дает основание предполагать, что в данном памятнике отражен такой болгарский говор XI в., в котором произошла ассимиляция [j] ([i]) (вместо [I']) с предшествующим мягким губным согласным: [korabI'a] → [korab'ja] → [korab'a]. В современном болгарском языке [I]-эпентетикум не в начале слова не употребляется, утрата его началась очень давно, о чем свидетельствует и материал старославянских памятников XI в.

ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНО ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

§ 40. О характере тех или иных звуков старославянского языка мы можем судить на основании сравнительно-исторического метода, прибегая к сопоставлению данных старославянских памятников с данными других славянских языков, а также с данными других индоевропейских языков.

Применение сравнительно-исторического метода при анализе материала славянских языков дает возможность показать те общие черты, которые характеризуют эту группу языков в целом, и вместе с тем отметить то особенное, что специфично для исторического пути развития каждого языка в отдельности.

Время, предшествовавшее возникновению славянской письменности, принято называть доисторическим, в котором в свою очередь выделяют следующие периоды:

1. Наиболее древним периодом является период так называемого общиндоевропейского языка-основы.

2. Более поздним доисторическим периодом является период общеславянского языка-основы, выделившегося из общиндоевропейского языка-основы.

3. И, наконец, наиболее поздним доисторическим периодом является период распада общеславянского языка. Это — период, когда в общеславянском языке начал намечаться ряд диалектных черт, приведших в дальнейшем к выделению из общеславянского языка отдельных славянских языков.

Общеславянский язык, так же как и индоевропейский язык-основа, является реконструкцией, так как нет непосредственных письменных данных, в которых был бы зафиксирован этот язык. Но эта реконструкция имеет объективное значение, ибо факты общеславянского языка-основы в том виде, в каком мы его воссоздаем, действительно существовали. Правда, реконструкция общеславянского языка неизбежно соединяет в одно целое частично и то, что в действительности было разъединено и хронологически и территориально. Кроме того, некоторые отдельные факты до сих пор не определены еще с достаточной полнотой. Это заставляет

сделать вывод, что общеславянский язык в том виде, в каком он известен науке, по характеру самого материала, которым она располагает, не существовал в какой-то определенный момент как конкретная величина. Однако не вызывает сомнения, что все устанавливаемые наукой факты общеславянского языка действительно существовали в определенные исторические моменты, хотя и в разных комбинациях друг с другом. Сравнительно-историческое изучение отдельных славянских языков показывает, каким был общеславянский язык в момент своего распада. Сравнение данных общеславянского языка в момент его распада с данными других индоевропейских языков помогает установить начальный период в существовании общеславянского языка.

§ 41. Основными чертами звуковой системы индоевропейских языков древнейшей поры являлись следующие.

1. Для индоевропейской звуковой системы было характерно наличие как открытых, так и закрытых слогов. Наличие закрытых слогов делало возможным употребление дифтонгов и дифтонгических сочетаний.

2. Различались долгие и краткие гласные. Например, [ā] и [a], [ō] и [o], [ē] и [e] и т. д.

3. На положении слоговых звуков могли выступать плавные [r] и [l] и носовые [ŋ] и [m].

4. Существовала развитая система взрывных согласных. Они подразделялись не только на глухие и звонкие, но в то же время и на придыхательные и непридыхательные. Например: звонкий непридыхательный [b] и звонкий придыхательный [bh], глухой непридыхательный [p] и глухой придыхательный [ph] и т. д. Задненебные согласные могли быть лабиализованными и нелабиализованными, при этом нелабиализованные задненебные могли выступать как палатальные и как непалатальные согласные. Задненебные согласные свободно употреблялись перед всеми гласными.

5. Количество фрикативных согласных было незначительно: [s], [z], [i (j)] и [u (v)]. Отсутствовали шипящие и аффрикаты. На положении сонорных согласных выступали носовые [n], [m] и плавные [r], [l].

6. Возможно было употребление сочетаний согласных и групп согласных с [j].

7. В составе слова возможны были любые группы согласных звуков.

Сопоставление основных черт звуковой системы индоевропейских языков древнейшей поры со звуковой системой славянских языков показывает, что славянская звуковая система претерпела большие изменения.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЛАСНЫХ В ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 42. Графика старославянских памятников не дает никаких указаний на количество гласных в старославянском языке, так как старославянское письмо не имеет специальных знаков, с помощью которых обозначалась бы долгота или краткость гласных звуков.

Однако наличие в некоторых современных славянских языках (например, сербохорватском, чешском, словенском) долгих и кратких гласных позволяет предполагать количественное различие гласных и в общеславянском языке-основе. Сопоставление славянских языков с другими индоевропейскими языками подтверждает это предположение.

В общеславянском языке-основе имелись долгие и краткие гласные. В определенных условиях происходило сокращение долготы слога, долготы гласного. Так, например, было в конечном открытом слоге. Но в связи с тем, что еще недостаточно выяснены все условия, при которых происходило такое сокращение долготы в общеславянском языке, мы условно не будем обозначать долготу гласных общеславянского языка.

§ 43. Фонема [a].

Общеславянский гласный [a] является по своему происхождению долгим звуком. Можно сопоставить следующие слова:

о.-слав. *mati* — ст.-слав. *мати*. Ср. лат. *māter*, греч. (дорич.) *mātēr*, др.-инд. *mātā* (*mātār* —), авест. *mātar* —;

о.-слав. *bratъ*, *bratrъ* — ст.-слав. *вратъ*, *вратръ*. Ср. лат. *frāter*, греч. *frātēr*, др.-инд. *bhrātā*, прус. *brāti*.

Сопоставление приведенных славянских форм с формами других индоевропейских языков показывает, что в соответствии со славянским [a] в других индоевропейских языках употреблен долгий гласный [ā]. Следовательно, в данном случае славянское [a] восходит к [*ā]¹, т. е. [a] < [*ā].

С другой стороны, сопоставление славянских форм с соответствующими формами других индоевропейских языков показывает также следующее:

о.-слав. *darъ* — ст.-слав. *даръ*. Ср. лат. *dōnum*, греч. *dōron*;

о.-слав. *znajo*, *znati* — ст.-слав. *знати*, *знати*. Ср. лат. *cognōscō*, греч. *gignōskō*.

В данном случае, как свидетельствуют об этом приведенные примеры, славянский гласный [a] восходит к [*ō], т. е. [a] < [*ō].

Славянский гласный [a], далее, мог возникнуть и на месте [*ē], после мягких (палатальных) согласных [j], [č'], [ž'], [š']. Особенно наглядно это видно в формах инфинитивов, у которых основа оканчивалась на гласный [-ē] [-ēti]: [gorēti], [vidēti], [tŕpēti] и т. д. (ст.-слав. *горѣти*, *видѣти*, *трьпѣти* и т. д.), но после мягких согласных [j], [č'], [ž'], [š'] вместо [ē] < [*ē] выступает гласный [a]: [stojati], [krič'ati], [dyš'ati], [lež'ati] и т. д. (ст.-слав. *стојати*, *кричати*, *дышати*, *лежати* и т. д.). То, что действительно [*ē] после твердого согласного дал у славян гласный [ē], а после мягких согласных [j], [č'], [ž'], [š'] — [a], подтверждают сопоставления с другими индоевропейскими языками. Например:

¹ Значок „звездочка“ * указывает на то, что звук или форма слова, около которых он употреблен, являются доисторическими.

о.-слав. viděti < veiděti — ст.-слав. видѣти. Ср. лат. vidēre, лит. veizdėti;

о.-слав. dyš'ati < *dychēti < *dūsēti — ст.-слав. дышати. Ср. лит. dūsėti.

Данное фонетическое явление отражается и в других формах: о.-слав. žarъ < *gērъ < *gēros — ст.-слав. жаръ. Ср. gorěti — ст.-слав. горѣти;

о.-слав. gubělъ — ст.-слав. гувѣль, но о.-слав. реč'аль — ст.-слав. печаль и т. д.

Следовательно, славянский гласный [a] ← $\begin{cases} [*ā] \\ [*ō] \\ [*ē] \text{ после } [j], [č'], [ž'] [š']. \end{cases}$

§ 44. Фонема [o].

Общеславянский гласный [o] по своему происхождению является кратким звуком. Славянскому [o] в других индоевропейских языках соответствуют краткие гласные [ō] и [ā]:

о.-слав. domъ — ст.-слав. домъ. Ср. лат. dōmus, гр. dōmos;

о.-слав. oko — ст.-слав. око. Ср. лат. ōculus, греч. ōsse, лит. ākis, прус. āckis;

о.-слав. osъ — ст.-слав. ось. Ср. лат. āxis, греч. ἄksōn, лит. āšis, прусс. āssis, др.-инд. āksah;

о.-слав. ovъsa — ст.-слав. овъца. Ср. лат. ōvis, греч. ōis < ōfis, лит. āvis, др.-инд. āvikā.

Гласный [o] на славянской почве мог возникнуть и другим путем: так, в соответствии с индоевропейским ослабленным (иррациональным) гласным [*ə], представлявшим собой результат ослабления долгих гласных [ā], [ō], [ē] в корне или суффиксе, в древнеиндийском языке представлен гласный [i], в греческом, латинском, литовском, германских языках — [a], а в славянских языках — [o]. Например: о.-слав. stojъ, stojati — ст.-слав. стоѣ, стоѣти. Ср. др.-инд. sthitāh¹, лат. status, греч. statōs, гот. staps, лит. statyti — «ставить».

Следовательно, общеславянский гласный [o] ← $\begin{cases} [*ō] \\ [*ā] \\ [*ə]. \end{cases}$

§ 45. Совпадение долгих индоевропейских гласных [*ā] и [*ō] в гласный [a], а кратких индоевропейских гласных [*ā] и [*ō] в [o] было определенной фонетической закономерностью в общеславянском языке. Это особенно наглядно видно на заимствованных славянами словах в эпоху, непосредственно предшествующую возникновению славянской письменности. Например, иран. tарага — ст.-слав. топоръ, гот. asilus — ст.-слав. осьль, лат. satanās (греч. satanās — Σατανᾶς) — ст.-слав. сатана.

В общеславянскую эпоху между гласными [o] и [a] не было

¹ Древнеиндийское [h] выступает вместо [s] на конце слова и употребляется в абсолютном конце слова.

сильного различия в тембре, оно касалось главным образом количества (т. е. длительности) гласного.

В древнейших славянских заимствованиях из греческого языка безударное [a] передается как [o], а ударяемое греческое [a] передается как [a]: греч. kaḡábi(o)n — ст.-слав. корабль, рус. *корабль*; с греч. krabbāti(o)n ср. рус. *кровать*.

§ 46. Фонема [e].

Общеславянский гласный [e] по своему происхождению является кратким звуком и восходит к [*ē]:

о.-слав. berъ — ст.-слав. веръ. Ср. лат. fērō, греч. fērō; о.-слав. desetъ — ст.-слав. десѣтъ. Ср. лат. decem, греч. déka, лит. dēsimtis;

о.-слав. medъ — ст.-слав. медъ. Ср. лит. mēdūs, греч. mēthu;

о.-слав. jestъ — ст.-слав. ѣстъ. Ср. лит. ēst, греч. ēstí.

Следовательно, в данном случае общеславянский гласный [e] восходит к индоевропейскому [*ē]. Однако позднее общеславянское [e] могло возникнуть на месте общеславянского [o], оказавшегося в позиции после мягкого согласного.

Например: о.-слав. selo — ст.-слав. село, но о.-слав. pol'e — ст.-слав. полюе;

о.-слав. bedro — ст.-слав. ведро, но о.-слав. mor'e — ст.-слав. море;

о.-слав. ženojъ вин. п. ед. ч. — ст.-слав. женоѣ, но о.-слав. gabyn'ejъ — ст.-слав. равнынеѣ и т. д.

Таким образом, общеславянский гласный [e] ← $\begin{cases} [*ē] \\ [o] \text{ (после мягкого согласного)}. \end{cases}$

§ 47. Фонема [ě].

Общеславянский гласный [ě] по своему происхождению является долгим звуком и в ряде случаев восходит к [*ē].

Например: о.-слав. sēmъ — ст.-слав. сѣма. Ср. лат. sēmen, лит. sēmens — «семена»;

о.-слав. zvěъ — ст.-слав. зѣръ. Ср. лит. žvėlis, гр. thēr (θήρ);

о.-слав. viděti — ст.-слав. видѣти. Ср. лат. vidēre, лит. veizdėti;

о.-слав. dēti («класть») — ст.-слав. дѣти. Ср. лит. dėti, латыш. dēt.

Однако, если гласный [ē] оказывался в позиции после согласных [j], [č'], [ž'], [š'], то вместо [ě] на месте [ē] у славян возникал гласный [a] (см. об этом в § 43).

То, что гласный [ě] являлся долгим, восходящим в ряде случаев к [*ē], подтверждает старославянская форма [něstъ] нѣтъ, возникшая из [ne-estъ] > [nēstъ] > [něstъ].

Общеславянский гласный [ě] мог иметь и другое происхождение, о чем см. ниже, § 55.

История отдельных славянских языков показывает, что общеславянский гласный [ě] в период распада общеславянского языка основы по своему звуковому образованию был неодинаков. В языковых группах, легших в основу языка болгарских славян и северо-

западных славян (поляков, полабан, поморян), гласный [ě] представлял долгий открытый [e], близкий к [a], продвинутому в передний ряд (в транскрипции он передается как [ǣ]). Такого типа гласный долгое время был представлен во всей болгарской языковой группе. Изменения, которым в дальнейшем подвергся гласный [ǣ] в этой звуковой группе, состояли в том, что перед слогом с гласным непременного ряда он изменился в [ʼa], а перед слогом с гласным переднего ряда — в [e] (например, *бягство*, *избягал*, но *беглец*; *лято* — „лето“, но *летен* — „летний“).

В языковых группах, легших в основу других славянских языков, звуковое образование [ě] было иным: он представлял собой напряженный гласный переднего ряда, с повышенным подъемом языка, передававшийся в транскрипции как [ě].

Таким образом, гласный [ě] в своем образовании в период распада общеславянского языка-основы не был одинаковым. Что касается звукового образования [ě] в более ранний период общеславянского языка-основы, то этот вопрос до некоторой степени остается открытым. Но можно предполагать, что [ě] по своему образованию представлял собой в то время широкое открытое [e], близкое к [a]. Для вывода о подобном звуковом образовании [ě] в ранний период общеславянского языка следует принять во внимание и изменение гласного [e] в [a] после [j], [čʼ], [žʼ], [šʼ].

§ 48. Фонема [i].

Общеславянский гласный [i] был долгим, и в ряде случаев он возник в соответствии с индоевропейским долгим гласным [*i]:

о.-слав. *pīti* — ст.-слав. *пити*. Ср. др.-инд. *pītáḥ*, греч. *píthi* *πίθι* — повел. накл., *pínō* — „пью“;

о.-слав. *živъ* — ст.-слав. *живъ*. Ср. лит. *gívas*, лат. *vīvus* < *vivos*, прус. *jīva* —, др.-инд. *jīvás*.

Примечание. Славянский согласный [ž] из [g], восходящий к лабиализованному задненебному, утратившему свою лабиализацию; латинский согласный [v] в начале слова также восходит к старому задненебному лабиализованному [g]:

о.-слав. *grīva*, *grīvna* — др.-серб. *грива*, *гривна*. Ср. др.-инд. *grīvā* — «затылок», латыш. *grīva* — «устье реки».

Как показывают примеры, славянскому гласному [i] в других индоевропейских языках соответствует долгий гласный [i]. Следовательно, в данном случае славянское [i] < [*i].

Гласный [i] возникал также у славян на месте сочетания [jъ] (= [jъ]) в начале слова или на месте сочетания [jъ], которому в других индоевропейских языках соответствует [jū]:

о.-слав. *imъ* < *imъ* — ст.-слав. *имъ*. Ср. славянское слово с тем же корнем, сохранившимся без изменения при употреблении после приставки, оканчивающейся на согласный: о.-слав. *възмъ* — ст.-слав. *взмъ*.

о.-слав. *igo* < **jъgon* — ст.-слав. *игъ*. Ср. лат. *jūgum*, др.-инд. *yugám*, хет. *jūgan*.

Гласный [i] у славян мог возникнуть на месте [*ū], оказавшегося в позиции после мягкого согласного звука:

о.-слав. *š'iti* < **siūti* — ст.-слав. *шити*. Ср. лит. *[s'ūti]*, гот. *siūjan*, др.-инд. *siūtás* — „шитый“.

Процесс изменения шел таким образом: *siūti* > *siūti* > *š'ūti* > *š'iti*. (Гласный [i] в позиции перед следующим гласным становился неслоговым и ассимилировался с предшествующим согласным [s], смягчая его. В результате возникал мягкий согласный [šʼ]. Гласный [ū], оказавшись в позиции после мягкого согласного, продвигался несколько вперед, вследствие чего возникал [ʼū]. По утрате лабиализации гласный [ʼū] переходил на славянской почве в [i], т. е. [ʼū] > [i].

Таким образом, общеславянский гласный [i] ← [ʼū] ← [*i],
[jъ] < [jū],

[jъ] ([jъ]) в начале слова.

Общеславянский гласный [i] мог возникнуть и при монофтонгизации дифтонгов с [i], о чем см. ниже § 55.

§ 49. Фонема [ъ].

В соответствии с индоевропейским кратким гласным [*i] в общеславянском языке представлен редуцированный [ъ], для передачи которого в старославянском языке употреблялась буква „ерь“ — ѣ:

о.-слав. *въдова* — ст.-слав. *вьдока*. Ср. лат. *viduā*, др.-инд. *vidhāva*, гот. *widuwo*;

о.-слав. *мъзда* — ст.-слав. *мъзда*. Ср. греч. *misthós*, гот. *mizdō*;

о.-слав. *овъса* — ст.-слав. *оьца*. Ср. лат. *ovis*, др.-инд. *aviká*, лит. *avis*;

о.-слав. *дънь* — ст.-слав. *дынь*. Ср. лат. *dinum*, греч. *diós* < *diFós*, др.-инд. *dīnam*;

Следовательно, общеславянский гласный [ъ] < [*i].

§ 50. Фонема [ъ].

В соответствии с индоевропейским кратким гласным [*ū] в общеславянском языке представлен редуцированный [ъ], для которого в старославянском языке употреблялась буква „ер“ — ѣ:

о.-слав. *дъшти* — ст.-слав. *дхшти*. Ср. лит. *duktē*, др.-инд. *duhitá*, греч. *thūgátēr*;

о.-слав. *супъ* — ст.-слав. *гынъ*. Ср. лит. *sūnūs.*, др.-инд. *sūnūḥ*;

о.-слав. *дъва* — ст.-слав. *дхва*. Ср. греч. *dúō*, др.-инд. *duvā*;

о.-слав. *мъхъ* — ст.-слав. *мххъ*. Ср. лат. *muscus*, лит. *musai* — мн. ч. „плесень на молоке“;

о.-слав. *бъдѣти* — ст.-слав. *вхдѣти*. Ср. лит. *budėti*, прус. *budē*, др.-инд. *búdhyaṭē*.

Следовательно, общеславянский гласный [ъ] < [*ū].

В заимствованных славянами из латинского и германских языков словах краткий гласный [ū] представлен также как [ъ]: о.-слав. *кънѣдъ* — ст.-слав. *кьназь*. Ср. др.-в.-нем. *kuning*.

§ 51. Фонема [y].

Славянский гласный [y] по своему происхождению является долгим и восходит к индоевропейскому [*ū]:

о.-слав. byti — ст.-слав. выти. Ср. лит. būti, латыш. būt;

о.-слав. думъ — ст.-слав. дымъ. Ср. лит. dūmai, др.-инд. dhūmāh, греч. thūmós — „дух, ум, горячность, мужество, гнев“, прус. dumis, лат. fūmos < *dhūmos, латыш. dūmi;

о.-слав. супъ — ст.-слав. ѡмъ. Ср. лит. sūpūs, др.-инд. sūnūh;

о.-слав. муъъ — ст.-слав. мышъ. Ср. греч. mūs, лат. mūs, др.-в.-нем. mūs, др.-инд. mūh.

Следовательно, общеславянский [y] < [*ū].

Подобное происхождение славянского [y] подтверждается и словами, заимствованными славянами из латинского и германских языков: ст.-слав. хъзъ: Ср. др.-в.-нем. hūs — „дом“; ст.-слав. тынъ — „забор“. Ср. др.-в.-нем. zūn < *tūn, известный в древневерхнесаксонском языке; ст.-слав. выколъ. Ср. лат. būbalus.

Однако славянский гласный [y] возникал на месте [*ū] только в том случае, если последний употреблялся в позиции перед следующим согласным или на конце слова. Если же [*ū] употреблялся перед следующим гласным, то происходило его распадение на [u], в связи с чем у славян возникало сочетание [ъv].

Например: (za)byti — (za)bъveпъ — ст.-слав. (за)выти — (за)въкенъ; ryti — ръvati — ст.-слав. рыти — ръvати; им. п. ед. ч. svekry, род. п. ед. ч. svekrъve — ст.-слав. ѡекръ — ѡекръке и т. д.

ДИФТОНГИ И ДИФТОНГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ

§ 52. В фонетической системе индоевропейского языка-основы было значительное количество дифтонгов и дифтонгических сочетаний. В качестве слогового элемента дифтонгов и дифтонгических сочетаний выступали гласные [e], [o], [a], которые могли быть долгими и краткими ([ē], [ē], [ō], [ō], [ā], [ā]). В качестве неслоговых элементов дифтонгов выступали неслоговые гласные [i] и [u], а неслоговыми элементами дифтонгических сочетаний служили сонорные согласные [r], [l], [n], [m].

Следовательно, в индоевропейском языке-основе были представлены следующие дифтонги и дифтонгические сочетания:

[ei],	[ēi],	[oi],	[ōi],	[ai],	[āi];
[eu],	[ēu],	[ou],	[ōu],	[au],	[āu];
[er],	[ēr],	[or],	[ōr],	[ar],	[ār];
[el],	[ēl],	[ol],	[ōl],	[al],	[āl];
[en],	[ēn],	[on],	[ōn],	[an],	[ān];
[em],	[ēm],	[om],	[ōm],	[am],	[ām].

Эти дифтонги и дифтонгические сочетания подверглись изменениям в общеславянском языке. При этом судьба их зависела от

того, в каком положении в слове они находились: в позиции перед следующим гласным, перед следующим согласным или на конце слова. Однако общим законом при изменении дифтонгов и дифтонгических сочетаний у славян было стремление к открытому слогу.

§ 53. В позиции перед следующим гласным они перестали выступать в общеславянском языке как дифтонги и дифтонгические сочетания, так как слогораздел стал проходить между слоговым и неслоговым элементами дифтонга или дифтонгического сочетания, так что слоговая часть отошла к предшествующему слогу, а неслоговая — к последующему. При этом составные элементы бывших дифтонгов и дифтонгических сочетаний могли подвергнуться изменениям. Эти слоговые элементы изменялись так же, как изменялись у славян соответствующие индоевропейские гласные в самостоятельном употреблении.

Например, если слоговым элементом был [*ō], то у славян в соответствии с ним возникал гласный [o], а если слоговым элементом был [*ō], то возникал [a] и т. д. Следовательно, дифтонг [*ōi] изменился у славян в [o-i], а дифтонг [*ōi] — в [a-i] и т. д. Особо внимания заслуживает изменение бывшего индоевропейского дифтонга [*ēi]. Краткий гласный [*ē] подвергался в общеславянском языке воздействию последующего [i] ([j]), в результате чего перед следующим гласным возникало сочетание [y], в котором редуцированный [ъ] отошел к предшествующему слогу, а [i] ([j]) — к последующему. В дальнейшем на месте [ъ] возникал редуцированный гласный [i] (т. е. [ъ-i] > [i-i]), что зафиксировано уже в памятниках старославянской письменности.

Что касается изменения неслоговых элементов дифтонгов, то в позиции перед следующим гласным неслоговой [u] изменялся в губно-зубной [v], т. е. [u] > [v].

Примеры:

1. [ei] > [y-i] > [i-i]: о.-слав. vьjo — ст.-слав. вѣжъ. Ср. лит. vėjù.

2. [oi] > [o-i]: о.-слав. doiti < *dojiti — ст. слав. доити. Ср. др.-инд. dhāyati.

3. [eu] > [e-v]: о.-слав. devęty — ст.-слав. дѣкати. Ср. лит. dėvini < *dēuini.

В позиции перед гласным переднего ряда дифтонг [*ēu] у славян заменялся посредством [o-v]:

о.-слав. повъ — ст.-слав. поѡъ. Ср. греч. néos < néFos, нем. neues, др.-прус. pauns.

В позиции же перед гласным переднего ряда в соответствии с индоевропейским дифтонгом [ēu] у славян употреблялось [e-v]. Поэтому тот же самый корень (что и в слове повъ) мог выступать у славян в другом виде: о.-слав. nevęsta — ст.-слав. неѡѡта.

4. [ou] > [o-v]: о.-слав. plovъ — ст.-слав. плоѡъ. Ср. греч. pléo < pléFo и т. д.

§ 54. Судьба индоевропейских дифтонгов и дифтонгических сочетаний у славян была иной, если они употреблялись в середине слова перед следующим согласным или в конце слова.

Судьба дифтонгов и дифтонгических сочетаний в конце слова в ряде случаев совпала с их судьбой в середине слова перед согласным, а в ряде случаев отличалась. Поэтому подробнее о судьбе дифтонгических сочетаний в конце слова будет сказано в разделе о явлениях конца слова (§§ 76—78).

В положении перед следующим согласным индоевропейские дифтонги претерпели у славян следующие изменения: благодаря сокращению долготы слогового элемента дифтонги с долгим слоговым элементом совпали с дифтонгами, имеющими краткий слоговой элемент. Это привело к сокращению количества дифтонгов в общеславянском языке. Утрата долготы слоговой частью дифтонга нашла у славян отражение в его интонации: дифтонг, имевший прежде долгий слоговой элемент, стал произноситься с восходящей интонацией, а дифтонг с бывшим кратким слоговым элементом — с нисходящей интонацией.

Например, в индоевропейском языке-основе были представлены следующие дифтонги:

[ei]	[ēi]	[eu]	[ēu]
[oi]	[ōi]	[ou]	[ōu]
[ai]	[āi]	[au]	[āu]

Благодаря совпадению дифтонгов с долгим слоговым элементом с дифтонгами, у которых слоговой элемент был кратким, количество их сократилось, и поэтому в общеславянском языке представлены только следующие дифтонги: [ei], [oi], [ai], [eu], [ou], [au]. Так как краткие индоевропейские гласные [*ō] и [*ā] у славян дали гласный [o], то это привело к совпадению дифтонгов [ai] с [oi] и [au] с [ou]. В результате в позиции перед следующим согласным из всех индоевропейских дифтонгов в общеславянском языке сохранились лишь дифтонги [ei], [oi], [eu], [ou].

Аналогичная картина наблюдалась и в отношении изменения дифтонгических сочетаний.

В связи с тенденцией славянской фонетической системы к открытости слога дифтонги и дифтонгические сочетания в середине слова перед согласным подвергались у славян дальнейшим изменениям.

§ 55. Судьба дифтонгов с неслоговыми [i] и [u] перед следующим согласным.

Дифтонги с неслоговым элементом [i] в позиции перед следующим согласным монофтонгизировались и дали простые гласные. Дифтонг [ei], монофтонгизируясь, дал гласный [i], совпавший с гласным [i] < [*i]:

о.-слав. vīdъ — ст.-слав. видѣ. Ср. лит. véidas — „лицо“, греч. eĩdos < Feĩdos — „вид, наружность“;

о.-слав. iti — ст.-слав. ити. Ср. лит. ėiti, греч. eĩmi, лат. is < *eis; о.-слав. zima — ст.-слав. зима. Ср. греч. cheĩma, cheimōn, лат. hibernus — „ненастный, зимний“ из *heimrinos; ~

о.-слав. krivъ — ст.-слав. крикъ. Ср. лит. kreivas.

Дифтонг [oi] ([ai]) при монофтонгизации дал гласный [ě], совпавший по звучанию с [ě] < [*ē]. Однако [ě], образовавшийся из дифтонга, и [ě] из [*ē] различались между собой по тому, что после мягких согласных первый чередовался с гласным [i], а второй — с гласным [a]:

о.-слав. sněgъ — ст.-слав. ѿнѣгъ. Ср. гот. snaiws, др.-прус. snaugis; о.-слав. vĕnъсь — ст.-слав. вѣнѣць. Ср. лит. vainikas; о.-слав. berĕte (2 л. мн. ч. повелит. накл.), ст.-слав. верѣте. Ср. греч. féroite;

о.-слав. [otylĕkъ] („остаток“) — ст.-слав. (отъ)лѣкъ. Ср. греч. loipós — „остальной“, лит. āt-laikas;

о.-слав. lĕvъ — ст.-слав. лѣкъ. Ср. греч. laiós < laiFós, лат. laevus < laivos¹.

В заимствованных славянами из латинского и германских языков словах дифтонг [ai] передавался через [ě]: ст.-слав. цѣсарь. Ср. гот. kaisar (лат. caesar < *caisar). В конце слова дифтонг [oi] ([ai]) также подвергался монофтонгизации. Однако результат его изменения при монофтонгизации находился в зависимости от того, при какой интонации он произносился. Если дифтонг [oi] в конце слова произносился при восходящей интонации, то при монофтонгизации возникал гласный [ě], а если он произносился при нисходящей интонации, то в результате монофтонгизации возникал гласный [i]:

о.-слав. им. пад. мн. ч. vьlci < *vīlkoī — ст.-слав. кѣзци. Ср. лит. vilkaĩ, греч. lūkoĩ;

о.-слав. местн. пад. мн. ч. вьlцĕchъ < *vīlkoisū — ст.-слав. кѣзцѣхъ. Ср. греч. lūkoisi.

С неслоговым элементом [u] в общеславянском языке было два дифтонга: [eu] и [ou]. Оба этих дифтонга в позиции перед следующим согласным подверглись монофтонгизации.

Дифтонг [ou] ([au]), монофтонгизируясь, дал гласный [u]:

о.-слав. turъ („зубр, буйвол, дикий бык“) — ст.-слав. тоуръ. Ср. лит. tauras, др.-прус. tauris, греч. taĩros, лат. taurus;

о.-слав. ucho — ст.-слав. оухъ. Ср. лат. auris < *ausis (в латинском языке согласный [r] в данном слове из более раннего [s], так же как славянское [ch] < [s]); гот. aušo, лит. ausis;

о.-слав. suchъ — ст.-слав. оухъ. Ср. лит. saũsas.

Дифтонг [eu], монофтонгизируясь, дал гласный [u], смягчив при этом предшествующий согласный, т. е. [eu] > [u]. Очевидно, при переходе [eu] > [u] звук [e] сужался и развился в неслоговой [i], который и воздействовал на предшествующий согласный, смягчая его:

о.-слав. bl'udō („наблюдаю“) — ст.-слав. вѣюдѣ. Ср. греч. (гомер.) peĩthomai — „спрашиваю, расспрашиваю“;

о.-слав. l'ubъ („любимый“) — ст.-слав. любъ. Ср. др.-инд. leubhoh;

¹ Дифтонг [ae] в латинском языке восходит к более раннему дифтонгу [ai], дифтонг [oe] < [oi], а [i] < [ei].

о.-слав. bl'udo, ст.-слав. блюдо. Ср. др.-инд. beudhoḥ;
о.-слав. l'udije, ст.-слав. людие. Ср. лит. liáudis, др.-в.-нем. liut,
совр. нем. Leute, бургунд. leudis „свободный человек.“

С помощью гласного [u] передавали славяне дифтонги с неслоговым [y] при заимствовании слов из германских языков. Например, со ст.-слав. коупити ср. гот. kaupōn — „торговать“, нем. kaufen.

§ 56. Судьба дифтонгических сочетаний с неслоговыми элементами [n] и [m] принципиально не отличалась от судьбы дифтонгов с неслоговыми [i] и [y]. Находясь в позиции перед следующим согласным в середине слова, дифтонгические сочетания с неслоговыми [n] и [m] монофтонгизировались. В результате возникали носовые гласные [ɛ̃] и [ɔ̃]. В позиции же перед следующим гласным благодаря тенденции к открытому слогу слогораздел проходил между составными элементами этих дифтонгических сочетаний: слоговой элемент отходил к предшествующему слогу, а неслоговой — к последующему. Материал старославянского языка подтверждает эти положения:

ст.-слав. [zvɔ-nъ] зѡнѣ — ст.-слав. [zvɔ-kъ] зѡкѣ;

ст.-слав. [pɔ-to] пѡто — ст.-слав. [o-po-na] опона;

ст.-слав. [mъ-nɔ] мѡнѣ — ст.-слав. [mъ-ti] мѡти;

ст.-слав. [i-mɔ]; имѣ — ст.-слав. [jɛ-ti] ѣти и т. д.

Славянскому носовому гласному [ɔ̃] в других индоевропейских языках соответствуют дифтонгические сочетания [ɔ̃n], [ɔ̃p], [ɔ̃m], [ɔ̃m], [ɔ̃n], [ɔ̃n] [ɔ̃m], [ɔ̃m], а славянскому носовому гласному [ɛ̃] — дифтонгические сочетания [ɛ̃n], [ɛ̃p], [ɛ̃m], [ɛ̃m]:

о.-слав. svěť — ст.-слав. ѡвѣтъ. Ср. лит. šventas, др.-прусс. swenta;

о.-слав. рѣть — ст.-слав. пѣть. Ср. лит. penkl., греч. pénte;

о.-слав. jětro „печень“ — ст.-слав. ѡтро. Ср. греч. 'éntera — „внутренность“;

о.-слав. oḡtъ — ст.-слав. ѡгълъ. Ср. лат. angulus;

о.-слав. рѣть — ст.-слав. пѣть. Ср. лат. pons (под. pontis) — „мост“, др.-инд. pánthāḥ — „дорога“;

о.-слав. rɔka — ст.-слав. рѣка. Ср. лит. rankà < *ronka;

о.-слав. рѣто — ст.-слав. пѣто. Ср. др.-прусс. panto — „цепь, оковы“, лит. pántis.

Данные славянских языков, а также данные других индоевропейских языков указывают и на иное происхождение носовых гласных [ɛ̃] и [ɔ̃].

Так, в ряде случаев славянскому [ɛ̃] соответствуют в других индоевропейских языках сочетания, развившиеся на месте древнейших индоевропейских слоговых [n] и [m]. У славян слова с таким [ɛ̃] чередуются в позиции перед гласным с сочетаниями [ɛ̃n], [ɛ̃m] < [*in], [*im]: [рѣп] — [рѣти], [мѣп] — [мѣти]. В литовском языке в соответствии с этим славянским [ɛ̃] будут употребляться сочетания [in], [im], [un], [um] с разной интонацией под ударением или без ударения; в готском языке этому славянскому [ɛ̃] соответствуют сочетания [un], [um]; в латинском языке — сочетания [en], [em],

[nā], [mā]; в греческом — [a], [na], [ma]; в древнеиндийском — [a], [ā]:

о.-слав. desěť — ст.-слав. дѣсѣтъ. Ср. лит. dėšimt, др.-инд. daśát, лат. decem, греч. déka;

о.-слав. tysěť'a — ст.-слав. тысяща. Ср. лит. šimtas, гот. tāihun, др.-прусс. tūsimtōns (вин. п. мн. ч.);

о.-слав. памѣть — ст.-слав. памѣть. Ср. лит. mintis — „мысль, мнение“, гот. gamunds, др.-инд. matiḥ, лат. mēns (под. п. mentis).

Примеров с [ɔ̃], которые указывали бы на более ранние сочетания [ɔ̃n], [ɔ̃m] < [*ūn], [ūm] перед согласным, развившиеся на месте древнейших индоевропейских слоговых [n] и [m], у славян мало. Наиболее показательно слово [dɔ̃ti] — ст.-слав. дѣти, где [ɔ̃] образовалось в результате монофтонгизации перед согласным дифтонгического сочетания [ɔ̃m] < [*ūm]. Наличие данного сочетания в составе этого слова подтверждают формы настоящего времени [dъmɔ], [dъmeši] — ст.-слав. дѣмѣ, дѣмѣши и форма страдательного причастия прошед. вр. [(na)dъmепъ] — ст.-слав. (на)дѣмепъ. Ср. литовские параллели с сочетанием [um]: dūmti, dumiū.

Однако в ряде случаев на месте древнейших сочетаний [un], [um] в позиции перед следующим согласным у славян возник гласный [y].

Например, о.-слав. lyko — ст.-слав. лыко. Ср. лит. lūnkas, др.-прусс. lunkan.

По предположению некоторых исследователей, возникновение гласного [y] в данном случае объясняется следующим образом: в результате монофтонгизации дифтонгического сочетания [un] возникал долгий носовой гласный [ū̃]. Но носовой характер этого гласного не удерживался, а поэтому возникал [ū], который и давал у славян гласный [y].

В заимствованных славянами словах из германских языков дифтонгические сочетания [an] и [in] переданы через [ɔ̃] и [ɛ̃]:

ст.-слав. кнѣзь. Ср. др.-сакс. kuning, др.-англ. cyning, др.-в.-нем. kuning;

ст.-слав. цѣта — „мелкая монета“. Ср. гот. kintus;

ст.-слав. хѣдогъ — „искусный“. Ср. гот. handugs, др.-в.-нем. hantag.

ДИФТОНГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ С ПЛАВНЫМИ [r] И [l]

§ 57. К числу этих сочетаний относились в общеславянском языке дифтонгические сочетания [er], [or], [el], [ol].

При рассмотрении изменения этих сочетаний следует помнить о тенденции к открытому слогу, характерной для славянской фонетической системы. В положении перед гласным звуком у данных дифтонгических сочетаний, как и у рассмотренных выше дифтонгов и дифтонгических сочетаний, слогораздел проходил между их составными элементами, так что слоговой элемент относился к предшествующему слогу, а неслоговой — к по-

следующему. В положении перед согласным звуком, т. е. тогда, когда в середине слова возникал закрытый слог, эти дифтонгические сочетания подвергались изменению. Однако открытие слога происходило здесь не с помощью монофтонгизации, а благодаря перестановке звуков или путем развития дополнительного гласного после плавного.

Перед следующим согласным звуком эти сочетания могли находиться или в середине слова или в начале слова. Так как судьба дифтонгических сочетаний с плавными в указанных положениях была неодинакова, то каждое из них будет рассматриваться отдельно.

Дифтонгические сочетания с плавными в середине слова между согласными

§ 58. Условно данные дифтонгические сочетания в указанном положении обозначают так: [tert], [tort], [telt], [tolt], где [t] равен любому согласному звуку.

Результаты изменения перечисленных дифтонгических сочетаний в указанном положении по разным славянским группам были таковы:

о.-слав. южнослав., чеш., словац. западнослав. восточнослав.

*tert	trět	tret	teret
*tort	trat	trot	torot
*telt	tlèt	tlet	tolot
*tolt	tlat	tlot	tolot.

Процесс изменения дифтонгических сочетаний с плавными у славян в общих чертах протекал следующим образом. Эти сочетания по своему происхождению представляли долгий слог.

У предков южных славян долгота сосредоточивалась на гласном. Следовательно, в исходном положении дифтонгическое сочетание имело такой вид: [*tört]. Долгий гласный [ō] изменялся у славян в [a]. Затем открытие слога шло путем перестановки гласного в позицию после плавного. Таким образом, [*tört] > [tart] > [trat].

У предков восточных и западных славян долгота сосредоточивалась не на гласном, а на плавном: [*tořt]. После долгого [r], может быть через стадию слоговости [r̥], развивался дополнительный гласный такого же качества, что и предшествовавший плавному. Этот гласный в дальнейшем становился полным. Таким образом, [*tořt] > [(tořt)] > [tor°t] > [torot].

В западнославянской группе (кроме чешского и словацкого языков) наряду с развитием дополнительного гласного после плавного гласный, предшествующий плавному, редуцировался. Таким образом, [*tořt] > [(tořt)] > [tor°t] > [t°rot] > [trot]. То, что сказано об изменении дифтонгического сочетания [or], относится к изменению и других дифтонгических сочетаний с плавными.

У восточных славян сочетания [*telt] и [*tolt], изменившись, совпали в одно сочетание [tolot]. В связи с этим следует сделать замечание о судьбе сочетания [el] у восточных славян. Группа [*telt] изменялась у них так: плавный [l] в позиции перед следующим твердым согласным отвердевал. Отвердевший плавный [l] воздействовал на предшествующий ему гласный переднего ряда [e], веляризуя его. В связи с этим [e], передвинувшись в задний ряд, изменился в [o]. Возникшая группа [tořt] подверглась тем же изменениям, что и первоначальная группа tořt. Таким образом, [telt] > [teřt] > [tořt].

Вот почему о.-слав. melko — ст.-слав. млѣко, сербохорв. mléko, mlijèko, чеш., пол. mleko, а в русском — молоко.

Рассмотрим примеры.

о.-слав. gōrdъ (° — знак нисходящей интонации) — ст.-слав. градъ, сербохорв. grād (с долгим нисходящим ударением), чеш. hrad, пол. gród, рус. город (ударение на первом гласном полногласия). Ср. лит. gārdas — „ограда“;

о.-слав. vōlsъ — ст.-слав. вѣлѣхъ, сербохорв. vlās, чеш. vlas, пол. włos, рус. волос. Ср. др.-инд. vālcaḥ „ветвь“;

о.-слав. bōlto (° — знак восходящей интонации) — сербохорв. blāto (° — знак краткого нисходящего ударения), пол. błoto, рус. болото. Ср. лит. báltas „белый“;

о.-слав. dēvno — ст.-слав. дрѣво, др.-серб. дрѣво, чеш. dřevo — drževo, пол. drzewo — dżewo, рус. дерево. Ср. лит. deřva (вин. п. ед. ч.);

о.-слав. vōrna — сербохорв. vrāna, чеш. vrāna, пол. wrona, полаб. vornó, рус. ворона. Ср. лит. vārna;

о.-слав. gōlsъ — ст.-слав. гѣлѣхъ, сербохорв. glās, чеш. hlas, пол. głos, рус. голос.

На этих примерах видно, что доисторическая нисходящая интонация в сербохорватском языке передается как долгое нисходящее ударение, а в русском — как ударение на первом слоге полногласия, доисторическая же восходящая интонация в сербохорватском языке передается как краткое нисходящее ударение, а в русском — как ударение на втором слоге полногласия.

Таков общий характер направления изменения дифтонгических сочетаний с плавными в середине слова перед согласным. Однако в ряде древнеболгарских говоров, язык которых отражен в памятниках старославянской письменности, изменение указанных дифтонгических сочетаний перед согласным могло происходить иначе. Открытие слога шло не с помощью перестановки гласного в позицию после плавного, а путем развития дополнительного гласного — редуцированного [ъ] после плавного. Так, например, в соответствии с русским словом золото и южнославянским злато в Синайской псалтыри встретилась форма золѣта — 89 б/10. Здесь, как видим, на месте бывшего дифтонгического сочетания [ol] выступает сочетание [o + l + ъ], то есть открытие слога про-

изошло благодаря развитию дополнительного гласного [ъ], что позволило сохранить то же расположение звуков, какое было характерно для дифтонгического сочетания.

Дифтонгические сочетания с плавными в начале слова

§ 59. В славянских языках сохранились данные только о сочетаниях [*ort-], [*olt-]. Для сочетаний [*ert-], [*elt-] нет достоверных примеров.

Изменение сочетаний [or-], [ol-] перед согласным в начале слова было обусловлено действием закона открытого слога. Однако характер изменения этих дифтонгических сочетаний по славянским языковым группам зависел от того, при какой интонации они произносились.

Если в группах [ort-], [olt-] дифтонгические сочетания произносились с восходящей интонацией, то тогда результаты изменения были одинаковы по всем славянским группам, а именно: дифтонгическое сочетание [or] изменилось в [ra], а [ol] — в [la].

Если же дифтонгические сочетания [or], [ol] произносились с нисходящей интонацией, то тогда результаты их изменения по славянским группам были различны. У предков южных славян [or-], [ol-] и здесь также изменялись в [ra-], [la-]. У предков же восточных и западных славян они изменились в [ro-], [lo-]. Только в словацком языке в ряде случаев возникали сочетания [ra-] и [la-].

Рассмотрим примеры.

1. О.-слав. *ordlo* („соха“) — ст.-слав. *рало*, сербохорв. *rālo*, чеш. *radlo*, пол. *radło*, рус. *рало*. Ср. лит. *árklas*. (Если же данное дифтонгическое сочетание оказывалось в позиции перед гласным, то расположение звуков сохранялось. Например, *orati* („пахать“) — ст.-слав. *орати*, рус. (сев. говоры) *орать*;

о.-слав. *ólnjī*, церк.-слав. *лани*, сербохорв. *lāne*, чеш., словац. *laň*, пол. *łania*, рус. *лань*. Ср. латыш. *alnis* — „олень“; лит. *alnė*;
о.-слав. *ólkomъ* („жадный“) — ст.-слав. *лакомъ*, сербохорв. *lākom*, чеш. *lakomý*, пол. *łakomu*, рус. *лакомый*. Ср. лит. *álkti* — „быть голодным“;

о.-слав. *órka* („гробница“) — ст.-слав. *рака*, сербохорв. *rāka*, чеш. *rákev*, рус. *рака*. Ср. лат. *arca*, гот. *arka*, греч. *árka*.

2. О.-слав. *ôrstъ* — ст.-слав. *растъ*, сербохорв. *rāst*, пол. (wz) *rost*, словац. (wz) *rast*, рус. *рост*. Ср. лат. *arduus* „высокий, крупный“;

о.-слав. *ólkътъ* — ст.-слав. *лакътъ*, сербохорв. *lākat*, чеш. *loket*, словац. *laket*, пол. *łokieć*, рус. *локоть*. Ср. лит. *alkūnė*;

о.-слав. *ôldъji* — ст.-слав. *ладни*, сербохорв. *lāda* (*ladja*), чеш. *lodí*, словац. *lod'*, пол. *łodzia*, рус. *лодья*. Ср. лит. *aldijà* (вин. п. *aldijà*);

о.-слав. *ôgvъпъ* — ст.-слав. *равънь*, сербохорв. *rāvan*, чеш., словац. *rovňu*, пол. *równu*, рус. *ровен*. Ср. др.-прус. *arwis* „истинный, верный“.

Иногда в южнославянской языковой группе встречаются слова,

в которых вместо ожидаемых сочетаний [ra-], [la-] выступают сочетания [ro-], [lo-]. Так, например, в болгарских говорах, отразившихся в ст.-слав. памятниках: *робъ* (вм. *равъ*) — Зогр., Ио. XV, 15; Супр. 292¹⁸, 239¹⁹, 106⁸; *розбоиникъ* (вм. *разбоиникъ*) — Супр. 558⁹; *росткорикъ* (вм. *расткорикъ*) — Супр. 554²⁶⁻²⁷; *розмышлага* (вм. *размышлага*) — Супр. 543¹⁴ и т. д. Причины такой двойственности не совсем ясны.

Иногда в старославянских памятниках встречаются слова, в которых не отражена перестановка гласного в позицию после плавного при изменении дифтонгического сочетания [ol-] в начале слова. Например, наряду с *ладни* встречается форма *ал'ни* (Зогр., Мр. I, 19), *ал'ни* (Супр. 428²¹), *ал'ды* (Супр. 522⁸), наряду с формой *лакати* встречается форма *алжати* (Син. тр., 103 б/22) и формы с тем же корнем *кжалка* (Мар. ев. Сав. кн. Мр. II, 25; Мф. IV, 2), *кжалка* (Мар. ев. Мф. XII, 3; Лук. IV, 2), *алжжца* (Сав. кн., Мф. XXV, 44), *кжалка* (Ас. ев., Мф. IV, 2; Мр. II, 25, Лук. VI, 3) и т. д.

В указанных случаях открытие слога происходило путем развития редуцированного [ъ] после плавного, что давало возможность сохранить старое расположение звуков в бывшем дифтонгическом сочетании. В дальнейшем этот [ъ], находясь в слабой позиции, утрачивался.

СОЧЕТАНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ С ПЛАВНЫМИ

§ 60. В общеславянской фонетической системе было два типа сочетаний редуцированных [ъ], [ь] с плавными [r], [l] в положении между двумя согласными:

1. Редуцированный предшествовал плавному: [tъrt], [tъrt], [tъlt], [tъlt];

2. Редуцированный следовал за плавным: [trъt], [trъt], [tlъt], [tlъt].

Этот порядок в сочетании славянских редуцированных [ъ], [ь] с плавными между согласным подтверждается данными других индоевропейских языков.

Разберем каждый из этих типов сочетаний отдельно.

1. Сочетания редуцированных с плавными, в которых редуцированный предшествовал плавному: [tъrt], [tъrt], [tъlt], [tъlt]. В соответствии с этими славянскими сочетаниями в литовском языке представлены сочетания [ur], [ir], [ul], [il] между согласными.

Южнославянские языки и два западнославянских (чешский и словацкий) показывают, что издавна в этих сочетаниях в качестве слогового элемента выступали плавные [r], [l]. Усиление плавного как слогового элемента приводило в дальнейшем к ослаблению предшествующего плавному редуцированного и, наконец, к его полному исчезновению: [tъrt] > [tъrt] > [tъrt] > [trt].

Таким же образом возникли из [tъrt] > [trt], из [tъlt] > [tlt], из [tlъt] > [tlt].

В настоящее время в чешском, словацком, сербохорватском и словенском языках представлены сочетания со слоговыми [ɾ] и [l] (с заменой слогового [l] в сербохорватском языке на [u], в словенском на [ou] и в чешском языке в определенных условиях на [lu]).

Например:

сербохорв.: pīvi, vūk, pūn, gřlo, přst, mřtvi, dūg.

чеш.: prŭý, vlk, plný, hrdlo, prst, mřtvý, dluh.

В болгарском языке в более позднее (историческое) время слоговые плавные вышли из употребления и заменились посредством сочетания плавных [ɾ], [l] с глухим гласным [ъ]: *първи, пръв, вълк, плен, грло, пръст, мъртав, дълг*.

В языках северо-западных славян и в восточнославянских языках слоговость плавных не удержалась. За счет утраты этой слоговости происходило усиление предшествующего плавному редуцированного [ъ] или [ь].

У восточных славян редуцированный усиливался настолько, что в любой позиции, независимо от следующего слога, он становился сильным. Позднее такие [ъ] и [ь] прояснились в гласные полного образования: [ъ] > [o], [ь] > [e].

Другое значительное изменение, пережитое предками восточных славян, состояло в том, что плавный [l] в позиции перед следующим согласным отвердевал. Такой твердый [l] воздействовал на образование предшествующего редуцированного [ь], веляризуя его, в связи с чем [ьl] > [ъl].

Следовательно, [ъlt] > [ъlt] > [tlt]:

о.-слав. рьгъвъ вьлкъ рылнъ гьрдло рьрстъ мьртвъ;

рус. *первый волк полный горло перст мертвый*;

пол. pierwszy wilk pełny gardło parst martwy.

Ср. с соответствующими формами в литовском языке: pīrmas (прежде, сначала), vilkas, pilnas, gurklīs (вин. п. gūrklī), pīštas, mirtas.

В старославянском языке в данном случае на положении слогаобразующего элемента выступал плавный. Но так как в старославянских азбуках не было специальной буквы для слоговых плавных [ɾ], [l], то для передачи их в памятниках использовались буквы л и р, после которых обычно писался любой редуцированный: [pɾvъ] *прѣкъ* и *прѣкъ*, [pɾnъ] *плѣкъ* и *плѣкъ*, [mɾtvъ] *мрѣтъкъ* и *мрѣтъкъ* и т. д. (подробнее об этом см. выше в § 20).

Таким образом, в ранний доисторический период жизни славянских языковых групп в их фонетической системе были сочетания [tɾt], [tɾt], [tɾt], [tɾt] со слоговыми [ɾ] и [l], которые в дальнейшем по славянским языковым группам начинают претерпевать разные изменения.

2. Второй тип представляют сочетания, в которых редуцированный [ъ] или [ь] находился после плавного: [trɾt], [trɾt], [tlɾt], [tlɾt].

Этот порядок в расположении звуков подтверждается данными других индоевропейских языков. Наиболее близкие сочетания к славянским представляет литовский язык: [rū], [rī], [lū], [lī].

Например, krūvinas — ст.-слав. *крѣкѣъ*, trisè — ст.-слав. *трѣъ*, plūtà („корка“) — ст.-слав. *пѣтъ* и т. д. Судьба этих сочетаний по славянским группам была неодинакова.

а) Если после сочетания плавного с редуцированным шел слог со слабыми гласными [ъ] и [ь] (например, kɾvъ, plɾъ, kɾstъ, slɾъ [род. мн. ч. от slɾa]), то тогда слог „плавный + редуцированный“ являлся сильным. В отдельных славянских языках (например, в русском) судьба редуцированных [ъ] и [ь] в этих сочетаниях совпала с судьбой редуцированных [ъ] и [ь], находящихся в сильной позиции. Следовательно, редуцированный [ъ] в этих сочетаниях в дальнейшем прояснился в [o], а [ь] — в [e]. В результате в русском языке возникли формы [krov'] *кровь*, [plot'] *плоть*, [krest] *крест*, [slez] (род. п.) *слез*.

б) Если же после [ɾ], [ɾ], [lɾ], [lɾ] следовал слог с гласным полного образования, то редуцированный, следовавший за плавным, находился в слабой позиции и подлежал утрате.

Например, Им. п. [kɾvъ] > [kɾvъ]
Род. [kɾvɐ] > [kɾvɐ]
Дат. [kɾvɪ] > [kɾvɪ].

Как показывают эти примеры, в одном и том же слове корень оформлялся в звуковом отношении по-разному: то со слоговым редуцированным, находившимся в сильной позиции, то со слоговым плавным. (При этом слоговость плавного возникла после утраты следовавшего за ним слабого редуцированного.) Чтобы избежать такой двойственности, в языке возникает объединение основ. В одних языках (южнославянских и частично в чешском и словацком) объединение проходит по основам со слоговым плавным. В других языках (например, в северо-западных, а также в русском) объединение начинается по основам с редуцированным, находящимся в сильной позиции. Вот почему в русском языке возникли формы *кровь*, *крови* и т. д., а в сербохорватском языке — *krv*, *krvi* и т. д.

О том, как отражены подобные сочетания в старославянском языке см. § 35.

Таким образом, в ранний доисторический период жизни славянских групп в их фонетической системе были сочетания [trɾt], [trɾt], [tlɾt], [tlɾt] со слоговыми редуцированными [ъ] и [ь], которые позднее по славянским группам начинают претерпевать разные изменения.

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

§ 61. Как отмечалось выше, в доисторическую пору для индоевропейских языков была характерна развитая система взрывных согласных звуков.

Некоторые из этих согласных перешли в общеславянский язык без изменения, некоторые претерпели сильные изменения, а ряд согласных совершенно утратился.

Одним из наиболее характерных изменений, пережитых в общеславянскую эпоху, являлась утрата придыхательных согласных.

Так, в древнейшую пору в индоевропейских языках имелись придыхательные согласные и непридыхательные. Например, [b] и [bh], [d] и [dh], [g] и [gh].

В общеславянском языке придыхательные согласные совпали с непридыхательными. Правильность этого положения можно подтвердить следующими примерами:

① о.-слав. *berǫ* и *bolii* — ст.-слав. *берѣ* и *воли*. В старославянском языке в обоих словах употреблен звук [b]. Между тем в других индоевропейских языках согласному [b] в первом и во втором словах соответствовали разные звуки. Так, ст.-слав. *берѣ* в др.-инд. соответствует *bhāgāmi*, в греч. *fégō*, в лат. *ferō*.

Слова с др.-инд. [bh], греч. [f (φ)], лат. [f] указывают на более раннюю фонетическую стадию с придыхательным [bh]. Таким образом, звук [b] в слове *берѣ* восходит к индоевропейскому придыхательному [*bh].

Если же мы сопоставим ст.-слав. *воли* с другими индоевропейскими языками, то увидим, что в др.-инд. ему соответствует *bāliuān*, в греч. *beliōn*, в лат. *debilis*, т. е. во всех языках в данном случае представлен непридыхательный звук [b]. Таким образом, славянский звук [b] в данном случае восходит к непридыхательному [*b]. Следовательно, в соответствии с индоевропейскими звуками [*b] и [*bh] у славян имеется только один звук [b].

② о.-слав. *dojǫ* — „кормить материнским молоком“, *domъ*, *dъva* — ст.-слав. *домъ* (1 л. ед. ч., наст. вр.), *домъ*, *дъва*. Первой славянской форме [dojǫ] в др.-инд. языке соответствует *dhāyati*, в греч. *thēsato*, в лат. *fēlāre*.

Таким образом, в соответствии со славянским звуком [d] в др.-инд. языке представлен придыхательный [dh], в греч. — придыхательный [th], в лат. — звук [f] < [*dh]. Следовательно, в данном случае славянский звук [d] восходит к индоевропейскому [*dh]. Сопоставление славянских форм [domъ] и [dъva] с соответствующими формами в других индоевропейских языках показывает следующее:

ст.-слав. *дъва*, др.-инд. *duvā*, греч. *dūō*, лат. *duo*;

ст.-слав. *домъ*, др.-инд. *dāmah*, греч. *dōmos*, лат. *domus*.

Из этих примеров видно, что во всех этих языках в соответствии со славянским звуком [d] употреблен непридыхательный звук [d]. Следовательно, в данном случае славянский согласный [d] восходит к индоевропейскому [*d].

Таким образом, в соответствии с индоевропейскими [*d] и [*dh] в славянской фонетической системе употребляется только один звук [d].

Приведенные примеры показывают, что придыхательные и непридыхательные согласные у славян совпали в соответствующие непридыхательные согласные. Только придыхательный согласный [kh] оставил след в славянской фонетической системе, изменившись в [ch]. Аналогичное изменение придыхательного [kh] > [ch] отражено в греческом языке.

§ 62. Второе изменение, которое было пережито согласными на славянской почве, состояло в совпадении задненебных лабиализованных и нелабиализованных звуков. След лабиализованного образования [k] и [g] представлен в некоторых индоевропейских языках в том, что при задненебном согласном развивался лабиальный элемент. Так, например, было в латинском и германских языках. Например, в соответствии со ст.-слав. *къто* в латинском языке представлено *quis*, в готском — *hwās*.

Иногда губная артикуляция получала перевес, что приводило к замене лабиализованного задненебного губным. Так, например, было в греческом языке: *póteros* — „который, кто из двух“. Ср. также: ст.-слав. *отѣкъ* — „остаток“, лат. *linquo* — „оставляю“, гот. *leihwa* — „суживаю“, греч. *leirō* — „оставлять“.

Таким образом, в славянской фонетической системе лабиализованные задненебные согласные не сохранились, совпав с нелабиализованными задненебными.

§ 63. Следующим изменением взрывных согласных на славянской почве является то, что в соответствии с палатальными нелабиализованными задненебными [k'], [g'], [g'h] у славян возникли согласные [s] и [z]. Например: [*k']: о.-слав. *съто* — ст.-слав. *къто*. Ср. лат.

centum, греч. *e-katón*, лит. *šimtas*;

о.-слав. *desęть* — ст.-слав. *десѣть*. Ср. лат. *decem*, лит. *dešimtis*, греч. *déka*;

о.-слав. *slovo*, *slava* — ст.-слав. *слово*, *слава*. Ср. греч. *kléos* — „слава“, лит. *šlāvinti* — „славить“;

[*g']: о.-слав. *znati* — ст.-слав. *знати*. Ср. лат. *co-gnōscō*, греч. *gi-gnōskō*, лит. *žinōti*. Ср. также гот. *kann*;

о.-слав. *зыно* — ст.-слав. *зъно*. Ср. лат. *grānum*, др.-ирланд. *grán*;

[*g'h]: о.-слав. *зима* — ст.-слав. *зима*. Ср. греч. *cheimōn*, лат. *hiems*, лит. *žiemà*;

о.-слав. *vezǫ*, *vozъ* — ст.-слав. *вѣзъ*, *возъ*. Ср. греч. *óchos* < *Fóchos* — „повозка“, лат. *veho*, лит. *vežù*, др.-сканд. *vagn* — „повозка“.

Наряду с указанными выше изменениями, пережитыми в системе индоевропейских согласных на славянской почве, в общеславянском языке при определенных условиях подвергался изменениям согласный [s] > [ch]. Кроме того, в общеславянском языке возник целый ряд мягких согласных звуков, не характерных для индоевропейского языка-основы. Рассмотрим происхождение каждого из них в отдельности.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗВУКА [ch]

§ 64. Звук [ch] в славянской фонетической системе имеет разное происхождение.

1. Иногда, как об этом упоминалось выше, звук [ch] на славянской почве возникал на месте придыхательного [*kh]:

о.-слав. chorbъръ — ст.-слав. хрѣвѣръ. Ср. др.-инд. kharah — „твердый“;

о.-слав. chochotati — ст.-слав. хохотати. Ср. др.-инд. kakhati, греч. kachádzō.

Образование согласного [ch] в начале слова [chochotati] могло находиться в связи с экспрессивностью слова: [ch] могло быть экспрессивным вариантом согласного [k] в начале слова.

2. Однако чаще звук [ch] в славянской фонетической системе возникал в результате изменения [s] при определенных фонетических условиях, а именно: если [s] употреблялся после индоевропейских звуков [*i], [*u], [*r], [*k], то он изменялся в [ch]. При этом индоевропейские звуки [*i] и [*u] могли быть долгими и краткими [i], [ī], [ū], [ū] и могли входить в состав дифтонгов [ei], [oi], [eu], [ou]. А так как на славянской почве [i] > [i], [i] > [y], [ū] > [y], [ū] > [ъ], [oi] > [ě], [eu] > [u], [ou] > [u], [ei] > [i], то [ch] < [s] мог употребляться у славян после звуков [i], [y], [y], [ъ], [ě (oi)], [u], а также после звуков [r] и [k].

Примеры:

о.-слав. blъcha < *blūsa — рус. *блоха*. Ср. лит. blusa;

о.-слав. ucho < *ousos — ст.-слав. оухо. Ср. лат. auris < *ausis, лит. ausis, гот. auso;

о.-слав. тъсчъ < *m'usos — ст.-слав. мѣхъ. Ср. лит. mūsos, лат. muscus;

о.-слав. mucha < *mousa — ст.-слав. моуха. Ср. лит. musė, лат. musca;

о.-слав. vьrchъ < *vīrsus — ст.-слав. вѣрхъ. Ср. лит. viršus < *vīrsūs, латыш. vīrsus.

Очень нагляден переход [s] > [ch] при образовании форм сигматического аориста, где в более древний период в качестве суффикса выступал согласный [s]:

1 л. ед. ч. о.-слав. rěchъ < *rēkson от *rekti — ст.-слав. рѣхъ;

о.-слав. molichъ < *molison от *moliti — ст.-слав. молихъ;

о.-слав. bychъ < *būson от *būti — ст.-слав. выхъ и т. д.

То, что суффиксом сигматического аориста в древнейший период действительно являлся согласный [s], подтверждают, например, формы сигматического архаического аориста от глаголов nesti и vesti, встречающиеся в старославянских памятниках. Так, от [nesti] — *нѣсти* 1 л. ед. ч. сигм. арх. аориста — [nēsъ] нѣхъ < *nēs-s-on, а от [vesti] вѣсти — [vēsъ] вѣхъ < *vēs-s-on.

3. В ряде случаев [ch] в славянской фонетической системе встречается на месте бывшего [s] не только после индоевропейских звуков [*i], [*u], [*r], [*k], но и после других гласных, в частности после [a] и [ě]. Однако во всех этих случаях образования с согласным [ch] возникли по аналогии с родственными образованиями, в которых [s] изменился в [ch] фонетически закономерно.

Например, от глагола znati форма 1 л. ед. ч. сигматического аориста znachъ < *zna-s-on — ст.-слав. знахъ. Ср. bychъ, molichъ, rěchъ и др. Глагол choditi < *soditi — ст.-слав. ходити образован

по аналогии с приставочными глаголами prichoditi < *prisoditi — ст.-слав. приходити, uchoditi < *ousoditi — ст.-слав. оуходити, где [ch] < [s] после звуков [i] или [u].

Аналогичная картина наблюдается при образовании формы местн. пад. мн. числа у существительных с *ā-основой. Например, о.-слав. vodachъ < *vodāsū — ст.-слав. водахъ (ср. др.-инд. ācvasu) образовано по аналогии с формами kostьchъ, супьchъ, ploděchъ — ст.-слав. костьхъ, сынхъ, плодѣхъ, где [ch] < [s] после [i], [ū], [ě] < [oi].

4. Звук [ch] у славян мог появиться также в результате заимствования: ст.-слав. хлѣвъ — ср. гот. hlaibs; ст.-слав. хлѣкъ — ср. гот. hlaiw и т. д.

5. В ряде случаев [ch] возник у славян в результате звукоподражания. Например, чеш. chuchati — „дышать, дуть“, рус. *хухать, хихикать, хорохориться*.

Такого же происхождения согласный [ch] в русских диалектных глаголах сильной экспрессивной значимости: *ужахнуться, шарахнуться*.

ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ ЗАДНЕНЕБНЫХ СОГЛАСНЫХ

§ 65. Заднеязычные согласные [k], [g], [ch] под влиянием гласных переднего ряда подверглись у славян в разные доисторические периоды изменениям.

Наиболее ранним изменением, пережитым заднеязычными согласными в общеславянском языке, являлось изменение их перед гласными переднего ряда: [e], [y], [ē], [ē] (< *ē), [i] (< *i) или [ei]). В результате этого изменения возникли шипящие: [k] > [č'], [g] > [dž'] > [ž'], [ch] > [š']. Данное смягчение заднеязычных согласных принято называть первой палатализацией:

о.-слав. rōka — poroč'iti	— ст.-слав. рѣка — порѣжити;
о.-слав. grěchъ — grěš'iti	— ст.-слав. грѣхъ — грѣшити;
о.-слав. otrokъ — otroč'ę	— ст.-слав. отрокъ — отроча;
о.-слав. bogъ — bož'ьskъ	— ст.-слав. богъ — божьскъ;
о.-слав. bęgъ — bęž'ati < *bęgęti	— ст.-слав. вѣгъ — вѣжати;
о.-слав. goręti — ž'agъ < *gęros	— ст.-слав. горѣти — жаръ;
о.-слав. oko — oč'ese (под. пад. ед. ч.)	— ст.-слав. око — очесе и т. д.

Особо следует сказать о сочетаниях [*kē], [*gē], [*chē]. Под влиянием долгого гласного [ē] заднеязычные согласные смягчались. Возникшие мягкие согласные [č'], [ž'], [š'] оказывали влияние на следовавший за ними гласный переднего ряда [ē], передвигая его назад. В результате вместо [ē], который у славян должен был дать [ě], возникал гласный [a]: slyš'ati < *slūchęti; krič'ati < *krikęti и т. д.

В более поздний период общеславянского языка вновь обнаружилась тенденция к смягчению заднеязычных согласных. Однако результат этого смягчения отличался от более раннего, т. е. от

первой палатализации. На этот раз задненебные согласные, смягчаясь, изменились уже не в шипящие, а в свистящие: [k] > [c'], [g] > [dʒ'], [ch] > [s'].

Подобное смягчение задненебных согласных происходило в разное время и зависело от одного из двух следующих условий.

§ 66. 1. Задненебные согласные [k], [g], [ch] могли подвергнуться смягчению и переходить в свистящие [c'], [dʒ'], [s'] под влиянием предшествующего гласного переднего ряда [i], [ɛ], [e]:

о.-слав. *myšъ's'a* < *mūsika — ст.-слав. *мышца*. Ср. др.-инд. *mūsikā*;
о.-слав. *lic'e* < *likon. — ст.-слав. *лице*. Ср. [likъ], ст.-слав. *ликъ*;

о.-слав. *ovъ's'a* < *ovika — ст.-слав. *о́вца*. Ср. др.-инд. *avikā*;
о.-слав. *vъ'sъ, vъ's'a* < *vъchъ < *viso — ст.-слав. *вѣсъ, вѣса*. Ср.

лит. *visas*, др.-прус. *wissa* —, латыш. *viss*.

Данная фонетическая тенденция сказывалась и при заимствовании славянами слов из германских языков:

о.-слав. *kъpъdъzъ* — ст.-слав. *кѣназь*. Ср. др.-в.-нем. *kuning*;

о.-слав. *pъpъdъzъ* — ст.-слав. *пѣназь*. Ср. др.-в.-нем. *pfenning* — „монета“, др.-сакс. *penning*;

о.-слав. *gobъdъzъ* — ст.-слав. *говѣзь*. Ср. гот. *gabigs* — „богатый“.

Однако эта палатализация имела ограничения (не совсем ясные). Есть целый ряд слов, в которых задненебные согласные [k], [g], [ch], несмотря на наличие предшествующего гласного переднего ряда [i], [ɛ] или [ɛ], не изменились в свистящие. Так, например, отсутствие палатализации наблюдалось в случае, если после задненебного согласного находился другой согласный: о.-слав. *stьgna* — „улица, переулок“ (но *stьdъz'a* — „дорога“), *mygla*, *dvignoti* (но *dvidъz'ati*), *sъtęgnoti* (но *sъtędъz'ati*), *kliknoti* (но *klic'ati*) — ст.-слав. *стъгна* (но *тъгна*), *мыгла*, *двигнати* (но *двизати*), *кътагнати* (но *кътазати*), *кликнати* (но *клицати*) и т. д. Кроме того, не происходило палатализации также в том случае, если после задненебного согласного употреблялся гласный [ɤ] или [y]: о.-слав. *likъ, lъgъkъ, mękъkъ, otęgъč'iti, lъgyn'i, kъpęgyn'i, dvъgъnikъ* — „привратник“, *tichъ* и т. д. — ст.-слав. *ликъ, лъгъкъ, макъкъ, отагъчити, лъгъини, кѣнагъини, дѣръникъ, тихъ* и т. д.

Отсутствие палатализации в данном случае объяснялось тем, что артикуляцию задненебных согласных перед гласными [ɤ] и [y] сопровождал лабиальный элемент, который и препятствовал передвижке задненебных вперед после гласных переднего ряда. Этот лабиальный элемент при артикуляции задненебных согласных возникал за счет утраты лабиальности гласными [ɤ] < [*ɥ] и [y] < [*ɥ].

Однако в ряде слов и форм задненебные согласные, несмотря на наличие следовавшего за ними гласного [ɤ] или [y], подверглись палатализации: о.-слав. *отъсъ* < *отъкъ*, *licъ* (род. пад. мн. ч.) < *likъ* и т. д. — ст.-слав. *отѣць, лицъ* (род. пад. мн. ч.) и т. д.

Возникновение здесь палатальных согласных вместо задненебных явилось в результате обобщения основы. Например, от существи-

тельного *отъсъ* < *отъкъ* были представлены следующие формы в ранний период существования общеславянского языка:

Ед. ч.	Им.-вин. п.	<i>отъкъ</i>	Тв.	<i>отъкомъ</i>
Род.		<i>отъка</i>	Зв.	<i>отъке</i>
Дат.		<i>отъку</i>		

Как показывают приведенные формы, в звательной форме задненебный согласный [k], оказавшись в позиции перед гласным переднего ряда [e], смягчился по первой палатализации. В результате [k] > [c'] и возникла форма *отъс'е* (ст.-слав. *отѣче*. Ср. аналогичные формы *кѣнаже, вѣже, члвкъче* и под.).

В более поздний (по сравнению с временем действия первой палатализации) период общеславянского языка на задненебный согласный начинает оказывать действие предшествующий гласный переднего ряда [ɤ]. Это приводит к тому, что в формах родительного, дательного и творительного падежей ед. числа вместо [k] возникает свистящая аффриката [c']. Под влиянием этих форм происходит обобщение основы данного слова в формах именительного и винительного падежей ед. числа, несмотря на то, что там после задненебного согласного [k] употреблялся гласный [ɤ]. Возникшая мягкая аффриката [c'] воздействовала на следующий за ней гласный переднего ряда, передвигая его в передний ряд. В результате [o] > [e], [ɤ] > [ɤ]. Таким образом, возникли формы:

Ед. ч.	Им.-вин. п.	<i>отъсъ</i>	Тв.	<i>отъс'емъ</i>
Род.		<i>отъс'a</i>	Зв.	<i>отъс'е</i>
Дат.		<i>отъс'у</i>		

Подобное обобщение основы происходило и во множественном и двойственном числах.

§ 67. 2. Задненебные согласные [k], [g], [ch] подвергались смягчению и переходили в свистящие [c'], [dʒ'], [s'] также в том случае, если после них употреблялся гласный переднего ряда [ɛ] или [i] по происхождению из дифтонга [oi] ([ai]):

о.-слав. *c'ēna* < *koīna — ст.-слав. *цѣна*. Ср. лит. (диал.) *kainà*, (оба по ст.-слав. *каѣна, каѣти* — „каяться“);

о.-слав. *c'ēsarъ* < *kaisarъ — ст.-слав. *цѣсаръ*. Ср. гот. *kaisar*;

о.-слав. *dz'ēlo* < *goīlo — ст.-слав. *зѣло*. Ср. лит. *gailūs* — „вспыльчивый, яростный“, гот. *gailjan* — „оживленный“;

о.-слав. дат.-местн. пад. ед. ч. основы на -*ā- *roč'ě* < *ronkai — ст.-слав. *рѣцѣ* (от *рѣка*). *podz'ě* < *nogai — ст.-слав. *ногѣ* (от *нога*), *mus'ě* < *mouchai < *mousai — ст.-слав. *моуѣ* (от *моуѣ*);

о.-слав. им. пад. мн. ч. основы на -*ō- *vyłc'i* < *vilkoī — ст.-слав. *вѣлци* (от *вѣлкѣ*). Ср. греч. *l'úkoī*, лит. *vilkaĩ*;

о.-слав. местн. пад. ед. ч. основы на -*ō- *vyłc'ě* < *vilkoī — ст.-слав. *вѣлцѣ* и т. д.

Вопрос о том, какое смягчение заднеязычных согласных в славянских языках является более ранним, пока не может считаться окончательно решенным, т. к. есть известные доказательства в пользу того и другого. В связи с этим одни лингвисты называют смягчение заднеязычных перед гласными $\ddot{e}$ и $i < oi$ второй палатализацией, а после гласных переднего ряда — третьей, другие — наоборот.

ИЗМЕНЕНИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ ПЕРЕД ГЛАСНЫМИ ПЕРЕДНЕГО РЯДА

§ 68. Группы согласных, в состав которых входили заднеязычные согласные, претерпевали у славян в разные доисторические периоды изменения перед гласными переднего ряда. К таким группам согласных относились следующие: [kv-], [gv-], [sk-], [zg-], [kt-], [gt-].

1. Сочетания [kv-] и [gv-] перед $\ddot{e}$ ($< oi$) изменились в славянских группах, легших в основу восточнославянских и южнославянских языков, в сочетаниях [c'v-] и [dz'v-]: c'vĕť, dz'vĕzda — ст.-слав. цѣѣтъ, звѣзда, рус. цвет, звезда.

Точно так же памятники старославянского языка дают пример изменения сочетания [chv-] перед i ($< oi$) в [s'v-]: vlsvi — ст.-слав. вльски (им. пад. мн. ч. от вльхъ) — Супр. 257₉₋₁₀, 258_{14, 25}; Сав. кн.; Ас. ев.; Мар. ев., Мф. II, 1.

У предков западных славян в сочетаниях [kv-] и [gv-] перед $\ddot{e}$ ($< oi$) заднеязычные согласные сохранились без изменения: пол. kwiat, gwiazda; чеш. kvĕť, hvĕzda; словац. kvet, hviezda.

Подобное различие в судьбе сочетаний [kv-] и [gv-] перед $\ddot{e}$ ($< oi$) по славянским группам было вызвано тем, что у предков восточных и южных славян согласные в этих сочетаниях были тесно объединены друг с другом. Поэтому палатализация согласного [v] перед гласным переднего ряда повлекла за собой соответствующее смягчение и предшествовавшего ему заднеязычного согласного. У предков же западных славян согласные в данных сочетаниях находились в свободном примыкании друг к другу, и поэтому палатализация согласного [v] перед $\ddot{e}$ ($< oi$) не отразилась на изменении предшествовавшего заднеязычного согласного [k] или [g].

2. Сочетания [sk-] и [zg-] перед гласными переднего ряда (кроме $\ddot{e}$ и $i < oi$) палатализировались и изменялись в общеславянском языке в сочетания [š'tš'] и [ž'dž'], откуда в старославянском языке [št'] и [žd'].

Процесс изменения данных групп протекал следующим образом: [sk] > [sč'] > [š'č'] (= [š'tš']), откуда ст.-слав. [št']. Заднеязычный [k] перед гласными переднего ряда (кроме $\ddot{e}$ и $i < oi$) подвергался первой палатализации и изменялся в [č'] (= [tš']). Под влиянием данной мягкой аффрикаты происходило смягчение предшествующего ей согласного [s] и уподобление его последующему [š]. В результате

в общеславянском языке возникло сочетание [š'tš']. У предков южных славян последний шипящий позднее утрачивался, что привело к возникновению сложного согласного [št'], который и представлен в старославянском языке:

dъšt'ic'a < *dъskika — ст.-слав. дѣштица. Ср. dъska — ст.-слав. дѣска;

št'edĕti < *skĕdĕti — ст.-слав. штѣдѣти. Ср. skodъ — ст.-слав. скѣдъ;

blъšt'ati < *blъskĕti — ст.-слав. вльштати. Ср. blĕskъ — ст.-слав. вльскъ;

vošt'anъ < *voskĕnъ — ст.-слав. вѣштѣнъ. Ср. voskъ — ст.-слав. вѣскъ;

pišt'alъ < piskĕlъ — ст.-слав. пишталъ. Ср. piskati — ст.-слав. пискати.

Аналогичная картина наблюдалась и в отношении изменения [zg-] перед гласными переднего ряда (кроме $\ddot{e}$ и $i < oi$): [zg] > [zdž'] > [ž'dž'], откуда в ст.-слав. [žd'].

Заднеязычный согласный [g] по первой палатализации изменился в мягкую аффрикату [dž], под влиянием которой происходило смягчение предшествующего ей согласного [z] и уподобление его последующему [ž']. Это привело к возникновению сочетания [ž'dž']. У южных славян в дальнейшем происходила утрата конечного шипящего и возникновение сложного согласного [žd'], который и представлен в старославянском языке:

rožd'ije < *rozgъje — ст.-слав. рѣдѣе. Ср. rozga — ст.-слав. рѣзга;

izmožd'anъ < *izmozgĕnъ — ст.-слав. измѣдѣнъ. Ср. mozgъ — ст.-слав. мѣзгъ;

drežd'ьnъ < *drezgъnъ — ст.-слав. дрѣдѣнъ. Ср. drezga — ст.-слав. дрѣзга.

Если же сочетания [sk-] и [zg-] оказывались в позиции перед гласным $\ddot{e}$ или i (оба по происхождению из дифтонга oi), то они при смягчении изменялись в сочетания [sc'] (= [stš']) и [zdž'], откуда в старославянском языке группы [st] и [zd].

Процесс изменения шел следующим образом: [sk] > [sc'] (= [stš']); [zg] > [zdž']. Заднеязычный согласный [k], смягчаясь, изменялся в [c'], а [g] в [dž']. Это привело к возникновению сочетаний [sc'] (= [stš']) и [zdž']. В дальнейшем у южных славян происходило отпадение конечного согласного в этих сочетаниях, откуда в старославянском языке сочетания [st] и [zd]. Однако в ряде случаев (что, например, нашло отражение в Саввиной книге) сочетание [stš'] (= [sc']) сохранилось без изменения:

č'lověč'ьstĕ < č'lověč'ьskĕ ($\ddot{e} < oi$) — местн. пад. ед. ч. прилагательного муж. р. — ст.-слав. члѣчѣстѣ;

č'lověč'ьsti < č'lověč'ьski ($i < oi$) — им. пад. мн. ч. прилагательного муж. р. — ст.-слав. члѣчѣсти (в Сав. кн. члѣчѣсти). Ср. č'lověč'skъ — ст.-слав. члѣчѣскъ;

dreždè < drežgè (è < ai) — дат.-местн. ед. ч. — ст.-слав. драздѣ. Ср. drežga — ст.-слав. дразга.

3. Перед гласными переднего ряда подверглись изменению в общеславянском языке и сочетания согласных [kt-] и [gt-]. Процесс изменения данных сочетаний у предков южных славян протекал следующим образом: ([gt]) > [kt] > [tʰ] > [tʰtʰ] > [tʰ] [tʰsʰ] > [sʰtʰ] > [sʰtsʰ] > [štʰ].

Группы согласных [kt] и [gt] были невозможны. Задненебный согласный [g], оглушаясь перед следующим глухим согласным [t], переходил в [k], а затем процесс изменения исконной группы [kt] и группы [kt] < [gt] был одинаков и сводился к следующему. Согласный [t] смягчался перед гласным переднего ряда. Вследствие ассимиляции задненебного [k] последующему [tʰ] возникало сочетание [tʰtʰ], которое изменялось в долгий мягкий согласный [tʰ]. Утрата долготы данным согласным у предков южных славян (в частности, в болгарской языковой группе) шла за счет развития фрикативного элемента [š], который возникал не только после мягкого [tʰ], но и перед ним. Фрикативный элемент [š] становился полным звуком. Так возникало сочетание [štʰsʰ], в котором позднее последний согласный утрачивался, что приводило к возникновению сложного согласного [štʰ]:

poštʰ < noktʰ — ст.-слав. поштѣ. Ср. лит. naktis, лат. pox, noctis;

dʰštʰi < dʰkti — ст.-слав. дшти. Ср. лит. duktė;

moštʰi < mogti — ст.-слав. мошти. Ср. mogo — ст.-слав. могъ (1 л. ед. ч. наст. вр.), гот. magen, лит. mėgti.

reštʰi < rekti — ст.-слав. ршти. Ср. reko — ст.-слав. рекъ (1 л. ед. ч. наст. вр.), др.-инд. raktāḥ „сваренный, вскипевший“.

У предков восточных славян в результате изменения сочетаний [kt] и [gt] перед гласными переднего ряда возникала аффриката [čʰ] ([tʰsʰ]). Ср. рус. *ночь, дочь, мочь, печь*. У предков западных славян утрата долготы согласным [tʰ] происходила за счет развития фрикативного согласного [s], что привело к возникновению аффрикаты [cʰ] ([tsʰ]). Например, пол. *pos, ріес, піс, сога, сорка*; чеш. *pos, pěci, moci, dcera*.

СОЧЕТАНИЯ СОГЛАСНЫХ С ПОСЛЕДУЮЩИМ [j]

§ 69. Для общеславянской фонетической системы не были характерны сочетания согласных с последующим [j]. Поэтому одним из наиболее ранних фонетических процессов, происходивших в общеславянском языке, было смягчение и ассимиляция согласных с последующим [j] ([i]).

При ассимиляции зубных согласных [s] и [z] последующему [j] место артикуляции языка отодвигалось назад, к месту образования [j]. Затем происходила ассимиляция [j] с предшествующим ему мягким согласным, возникшим в результате передвижки зубных [s]

и [z] в палатальную зону, и возникали долгие мягкие согласные [šʰ] и [žʰ], которые в дальнейшем утрачивали долготу. Таким образом, [sj] > [sʰj] > [šʰ] > [šʰ]; [zj] > [zʰj] > [žʰ] > [žʰ]:

pošʰo < posjō — ст.-слав. пошѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. positi — ст.-слав. погити;

vožʰo < vozjō — ст.-слав. кожѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. voziti — ст.-слав. козити;

požʰь < pozjь — ст.-слав. ножь. Ср. vьpoziti — ст.-слав. вьнозити, рус. *вонзить*;

gašʰo < gasjō — ст.-слав. гашѣ. Ср. gasiti — ст.-слав. гасити;

vežʰo < vezjō — ст.-слав. кажѣ. Ср. vezati — ст.-слав. казати.

При ассимиляции задненебных согласных [k], [g], [ch] последующему [j] место артикуляции языка продвигалось вперед, к месту образования [j]. В результате передвижки задненебных согласных [k] и [g] в палатальную зону и последующего слияния с [j] возникали долгие мягкие согласные [tʰ] и [dʰ] (ср. в русских говорах формы *рути* и *ноду* вместо *рукʰи* и *ногʰи*). Утрата долготы данными согласными происходила за счет развития фрикативных элементов [š] и [ž]. Итак: [kj] > [kʰj] > [tʰ] > [tʰsʰ] > [tsʰ] (= [čʰ]); [gj] > [gʰj] > [dʰ] > [dʰzʰ] > [džʰ] > [žʰ]; [chj] > [chʰj] > [šʰ].

Таким образом, в результате ассимиляции задненебных согласных [k], [g], [ch] последующему [j] у славян возникли те же самые палатальные шипящие звуки, которые возникали у них на месте задненебных по первой палатализации (см. § 66):

sěčʰa < sējka — ст.-слав. гѣча. Ср. sěko — ст.-слав. гѣкъ (1 л. ед. ч. наст. вр. от гѣшти);

plačʰo < plakjō — ст.-слав. плачѣ. Ср. plakati — ст.-слав. плакати;

lʰžʰa < lʰgja — ст.-слав. лѣжа. Ср. lʰgati — ст.-слав. лѣгати;

stražʰa < storgja — ст.-слав. стража. Ср. stergo — ст.-слав. стрѣгъ (1 л. ед. ч. наст. вр. от стрѣшти — „стеречь“);

dušʰa < duchja — ст.-слав. доуша. Ср. duchъ — ст.-слав. доухъ;

rěčʰь < rěkjь — ст.-слав. речѣ. Ср. reko — ст.-слав. рекъ (1 л. ед. ч. наст. вр. от рѣшти).

При сочетании сонорного согласного [n], [l] или [r] с последующим [j] происходила передвижка артикуляции сонорного в палатальную зону. Затем происходила ассимиляция [j] с тем палатальным согласным, который появился в результате этой передвижки. Возникал долгий мягкий согласный, который в дальнейшем утрачивал долготу. Таким образом, [nj] > [nʰj] > [nʰ] > [nʰ]; [lj] > [lʰj] > [lʰ] > [lʰ]; [rj] > [rʰj] > [rʰ] > [rʰ]:

род. пад. ед. ч. konʰa < konja — ст.-слав. конѣ; morʰa < morja — ст.-слав. морѣ;

им. пад. ед. ч. burʰa < burja — ст.-слав. бурѣ; volʰa < volja — ст.-слав. волѣ;

1 л. ед. ч. наст. вр. golgol'o < golgoljo — ст.-слав. глаголаѣ (от глаголати); stel'o < steljo — ст.-слав. стѣлаѣ (от стѣлати); ryg'o < rygjo — ст.-слав. pyrѣѣ (от pyrѣти — „сопоставляться, спорить“);

3 л. ед. ч. наст. вр. sten'etъ < stenjetъ — ст.-слав. стѣнетѣ (от стѣнати); bor'etъ se < borjetъ se — ст.-слав. борѣтъ сѧ (от брати сѧ — „бороться“).

§ 70. Результаты изменения сочетаний [*tj] и [*dj] по разным славянским языковым группам различны. Это, возможно, свидетельствует о том, что изменение данных сочетаний происходило в период распада общеславянского языка-основы.

Характер изменения сочетаний [*tj], [*dj] сводится к следующему.

Зубные согласные [t] и [d], ассимилируясь последующему [j], продвигались в своей артикуляции назад, к месту образования [j]. Затем [j] сливался с мягким согласным, возникшим в результате этой передвиги, что привело к образованию долгих мягких согласных [t'] и [d']. Последующая утрата ими долготы происходила за счет развития дополнительного фрикативного элемента после этих мягких согласных. При этом у южных славян (болгарская языковая группа) и восточных славян развивался фрикативный элемент [š] и [ž], а у западных славян — [s] и [z]. Процесс изменения сочетаний [*tj] и [*dj] можно представить следующим образом.

У западных славян:

$$[tj] > [t'j] > [\bar{t}'] > [t'^s] > [\bar{t}s' (= c')]$$

$$[dj] > [d'j] > [\bar{d}'] > [d'^z] > [\bar{d}z'];$$

У восточных славян:

$$[tj] > [t'j] > [\bar{t}'] > [t'^s] > [\bar{t}s' (= č')]$$

$$[dj] > [d'j] > [\bar{d}'] > [d'^z] > [\bar{d}ž'] > [\bar{ž}'];$$

У южных славян (болг. яз. гр.):

$$[tj] > [t'j] > [\bar{t}'] [t'^s] > [\bar{t}'s'] > [\bar{t}s']$$

$$[dj] > [d'j] > [\bar{d}'] > [d'^z] > [\bar{z}'d'] > [\bar{z}d'] > [\bar{ž}d'].$$

Следующие примеры иллюстрируют конечные результаты изменения сочетаний [*tj] и [dj] по славянским языковым группам:

о.-слав. světja — ст.-слав. свѣшта [sʋěšt'a], пол. świeca, др.-рус. свѣча, совр. рус. свеча;

о.-слав. medja — ст.-слав. межда [mežd'a], пол. miedza, рус. межа;

о.-слав. vidjo — ст.-слав. видѣѣ [vižd'ɔ] (1 л. ед. ч. наст. вр. от видѣти), пол. widzę, рус. вижу;

о.-слав. chotjo — ст.-слав. хотѣѣ [choštɔ] (1 л. ед. ч. наст. вр. от хотѣти), пол. chcę, рус. хочу;

о.-слав. tjudъ — „чужеземец“ — ст.-слав. штоуждъ [št'ujzd'ъ], пол. cudzy, рус. чужой.

§ 71. Сочетания губных согласных [m], [p], [b], [v] с последующим [j] также подверглись у славян изменениям. При ассими-

ляции губных согласных с [j] губная артикуляция осложнялась артикуляцией языка, поднимавшегося к твердому небу. Конечные результаты ассимиляции губных с последующим [j] были неодинаковы в зависимости от их положения в начале или в середине слова.

В начале слова при ассимиляции губных с [j] перед гласным язычная артикуляция отстала от губной артикуляции, причем подъем языка был высокий. Это привело к возникновению после губного мягкого согласного [l'], получившего название [l] — „эпентетикум“, что значит „вставной“. Таким образом, [mj] > [ml'], [pj] > [pl'], [bj] > [bl'], [vj] > [vl'].

Подобное изменение губных с последующим [j] в начале слова было характерно для всех славянских языковых групп:

о.-слав. bjudo — ст.-слав. вюдѣ [bl'udɔ], рус. блюду, др.-серб. блюдоу. Ср. др.-инд. bheudhos;

о.-слав. rjujo — ст.-слав. рюѣ [pl'ujɔ], рус. плюю, сербохорв. pljūjet, пол. pluję. Ср. лит. spiauju — „я плюю“;

о.-слав. bjudo — ст.-слав. вюдѣ [bl'udɔ], рус. блюдо, сербохорв. bljudo, др.-пол. bluda. Ср. гот. biups (род. п. biudis).

Иначе обстояло дело, если сочетания губных с [j] перед гласным употреблялись в середине слова. Здесь конечный результат изменения сочетания „губной + [j]“ был неодинаков по славянским группам. Так, западнославянские языки не имеют [l]-эпентетикум в этом положении: пол. ziemia — „земля“, kupia — „купля“, kapia — „капля“; чеш. země, koupě, kápe.

Остается неясным, был ли когда-либо в западнославянских языках [l]-эпентетикум в середине слова или нет, ибо древнейшие западнославянские памятники письменности относятся к XIII—XIV вв. Возможно, что к этому времени произошла уже утрата [l]-эпентетикум в середине слова, а может быть, в языке предков западных славян такого [l] никогда и не развивалось.

У восточных и южных славян сочетания губных с [j] перед гласным в середине слова дали тот же результат, что и в начале слова. Однако в болгарском языке к X—XI вв. [l]-эпентетикум был утрачен, что нашло отражение в старославянских памятниках:

о.-слав. zemja — ст.-слав. зѣмѧ [zeml'a], сербохорв. zemlja, рус. земля, бол. земя;

о.-слав. kupjo — ст.-слав. коупѣ [kupl'ɔ], др.-серб. коупѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.), рус. куплю, болг. купя;

о.-слав. karja — ст.-слав. капѧ [kapl'a], сербохорв. kārļa, рус. капля, болг. капка;

о.-слав. lovjo — ст.-слав. ловѣ [lovl'ɔ], рус. ловлю, болг. ловя (1 л. ед. ч. наст. вр.);

о.-слав. pogubjo — ст.-слав. погубѣ [pogubl'ɔ], рус. погублю (1 л. ед. ч. наст. вр.), болг. погубя.

Об употреблении [l]-эпентетикум в середине слова в старославянском языке см. § 39.

§ 72. Судьба сочетаний [skj] и [zgj]. В этих сочетаниях заднеязычные согласные [k] и [g], ассимилируясь с [j], изменялись

в [č'] и [dž'] (см. об этом выше, § 70). Согласные [s] и [z] ассимилировались с шипящими [š] и [ž], входившими в состав аффрикат [č'] [= š'] и [dž']. Таким образом, [skj] > [sč'] > [š'č'] (= š'tš'), откуда ст.-слав. [št'] > [zg] > [zdž'] > [ž'dž'], откуда ст.-слав. [žd']:

о.-слав. iskjo — ст.-слав. [išt'ŋ] иштѣ 1 л. ед. ч. наст. вр. Ср. ст.-слав. [iskati] искати;

о.-слав. pleskjo — ст.-слав. [plešt'ŋ] плештѣ 1 л. ед. ч. наст. вр. Ср. ст.-слав. [pleskati] плескати;

о.-слав. dъzgъ — ст.-слав. [dъžd'ъ] дъждь. Ср. лит. *duzgjęti. Как показывают приведенные примеры, судьба сочетаний [skj] и [zgj] полностью совпала с судьбой сочетаний [sk] и [zg] перед гласными переднего ряда (см. об этом выше § 69).

Судьба сочетаний [stj] и [zdj]. Под влиянием [j] зубные согласные [t] и [d] продвигались в палатальную зону, т. е. к месту образования [j]. Затем [j] ассимилировался с возникшим палатальным согласным, что привело к образованию долгих мягких согласных [t'] и [d']. Согласные [s] и [z] ассимилировались с этими дорсально-палатальными согласными, в результате чего [s] > [š'], [z] > [ž'], т. е. в процессе ассимиляции возникал тот же результат, который наблюдался при изменении сочетаний [sj] и [zj]:

о.-слав. rustjo — ст.-слав. [rušt'ŋ] роуштѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. ст.-слав. [rustiti] роустити;

о.-слав. lъstjo — ст.-слав. [lъšt'ŋ] льштѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. ст.-слав. [lъstiti] льстити;

о.-слав. prigvozdjo — ст.-слав. [prigvožd'ŋ] пригкождѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. ст.-слав. [prigvozditi] пригкоздити;

о.-слав. kрьstjenije — ст.-слав. [kрьšt'enije] крьштѣние. Ср. ст.-слав. [kрьstъ] крьстѣ;

о.-слав. tьstja — ст.-слав. [tьšt'a] тьшта. Ср. ст.-слав. [tьstъ] тьстѣ;

о.-слав. vьgnězdъšumu sę — ст.-слав. [vьgněžd'ъš'umu sę] вьгнѣ-ждьшумоу сѧ (дат. пад. ед. ч. причаст. дейст. прош. вр., муж. и ср. р.). Ср. ст.-слав. [vьgnězditi sę] вьгнѣздити сѧ.

§ 73. Судьба сочетаний [slj], [znj], [trj], [drj], [zlj]. Сонозные согласные [l], [n], [r] под воздействием [j] передвигались в палатальную зону и ассимилировались с [j]. В результате возникали долгие мягкие согласные [l'], [n'], [r'] (см. § 70). Согласные [s], [z], [t], [d] ассимилировались со следовавшими за ними палатальными согласными. Результат этой ассимиляции был такой же, какой вообще возникал в процессе ассимиляции [s], [z], [t], [d] последующему [j]. Таким образом:

[slj] > [sl'] > [š'l']; [trj] > [tr'] > [št'r']; [znj] > [zn'] > [ž'n'];
[zlj] > [zl'] > [ž'l']; [drj] > [dr'] > [žd'r'];

о.-слав. mysljenije — ст.-слав. [myš'l'enije] мышление. Ср. ст.-слав. [mysliti] мыслити;

о.-слав. vьzljubjenъ — ст.-слав. [vьž'l'ubl'enъ] вьжлюбленъ. Ср. ст.-слав. [vьzljubiti] вьзлюбити;

о.-слав. sьblaznjenъ — ст.-слав. [sьblaž'n'enъ] сьблажененъ. Ср. ст.-слав. [sьblazniti] сьблазнити;

о.-слав. sьmotrjo — ст.-слав. [sьmošt'r'ŋ] сьмоштрѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. ст.-слав. [sьmotriti] сьмотрити;

о.-слав. umodrjo — ст.-слав. [umožd'r'ŋ] оумждрѣ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. ст.-слав. [umodriti] оумждрити.

Однако результат изменения указанных выше сочетаний удерживался не всегда. Так, например, наряду с указанными сочетаниями, возникшими в результате изменения [trj], [drj] и [zlj], встречаются сочетания [tr'], [dr'] и [zl']: оумждрѣ [umodr'ŋ], сьмоштрѣ [sьmotr'ŋ], вьзлюблѣ [vьzljubl'ŋ].

УПРОЩЕНИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ

§ 74. В славянской фонетической системе доисторической поры в середине слова не могла употребляться любая группа согласных. Этому препятствовал закон открытого слога. В связи с этим в составе слова употреблялись лишь такие группы согласных, с которых мог начинаться слог. В ином случае группы согласных подвергались упрощению.

Так, в общеславянском языке не употреблялись удвоенные согласные, например [tt] или [ss].

Сочетание [tt] (восходящее к [tt] или [dt]) подверглось диссимиляции и изменилось у славян в [st] ([tt] > [tst] > [st]):

*metti — ст.-слав. [mesti] мети. Ср. [metŋ] метѣ, [meteš'i] метеши;

*vedti — ст.-слав. [vesti] вѣти. Ср. [vedŋ] вѣдѣ, [vedeš'i] вѣдеши.

Сочетание согласных [ss], ассимилировавшись, дало у славян долгий согласный [s]. Но долгие согласные не были характерны для славян. Поэтому позднее происходило сокращение долготы, в результате чего возникал согласный [s]. Таким образом, [ss] > [s̄] > [s]:

*nēssъ < *nēsson (1 л. ед. ч. сигмат. арх. аориста) — ст.-слав. [nēsъ] нѣсѣ (от глагола [nesti] негти).

Подверглись изменениям также некоторые группы согласных неодинакового образования.

1. Сочетания двух согласных, у которых вторым был [s]: [ps], [bs], [ts], [ds], [ks].

Изменение данных групп шло за счет утраты первого согласного. В результате вместо сочетаний [ps], [bs], [ts], [ds] в славянской фонетической системе сохранился только согласный [s]:

[ps] > [s]: *opsa — ст.-слав. [osa] оѧ. Ср. лит. vapsà, др.-в.-нем. wafsa, лат. vespa (с метатезой), др.-прусс. wobse, латыш. vapsene;

[bs] > [s]: *grēbsъ < *grēbson — ст.-слав. [grēsъ] грѣсѣ (сигм. арх. аорист, 1 л. ед. ч.). Ср. ст.-слав. [grebo] гревѣ;

[ts] > [s]: *č'itsъ < *č'itson — ст.-слав. [č'isъ] чисѣ (сигм. арх. аорист, 1 л. ед. ч.). Ср. ст.-слав. [č'ьto] чѣтѣ;

*otstopiti — ст.-слав. [ostopiti] *остѣпѣти*;
[ds] > [s]: *vědsъ < *vedson — ст.-слав. [věsъ] *вѣхъ*. Ср. ст.-слав. [vedo] *вѣдѣ*;

*bōdsъ < *bōdson — ст.-слав. [basъ] *басъ*. Ср. ст.-слав. [bodo] *бодѣ* (сигм. арх. аорист, 1 л. ед. ч.);

*dadsi — ст.-слав. [dasi] *даси* (2 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. [dadetъ] *дадатъ* (3 л. мн. ч. от [dati] *дати*).

Группа [ks] перед следующим гласным переходила в [ch]. Процесс изменения шел следующим образом. Согласный [s] в позиции после [k] переходил у славян в [ch]. Возникла группа [kch], состоявшая из двух звуков, близких друг другу по артикуляции. Упрощение данной группы шло или за счет уподобления [k] последующему [ch], в связи с чем возникала группа [chch] > [ch] > [ch], или, может быть, просто происходила утрата заднеязычного согласного [k] перед следующим [ch]:

*rěksъ < *rěkson — ст.-слав. [rěchъ] *рѣхъ*. Ср. ст.-слав. [rekъ] *режѣ* (сигм. арх. аор., 1 л. ед. ч.).

Если же после группы [ks] шел согласный, то упрощение ее шло за счет утраты [k], согласный же [s] оставался без изменения, т. е. [ks] перед согласным > [s]:

*rěkste — ст.-слав. [rěste] *рѣсте* (сигм. арх. аорист, 2 л. мн. ч.). Ср. ст.-слав. [rekъ] *режѣ*.

2. Сочетания двух согласных, из которых вторым элементом был [t]: [pt], [bt], [kt].

Изменение групп согласных [pt] и [bt] шло за счет утраты губного согласного, т. е. [pt] > [t], [bt] > [t]:

[pt] > [t]: *tepti — „ударять“ — ст.-слав. [teti] *тѣти*. Ср. ст.-слав. [terъ] *тѣрѣ*;

[bt] > [t]: *grebti — ст.-слав. [greti] *грѣти*. Ср. ст.-слав. [grebo] *грѣвѣ* [progrebati] *погрѣвати*.

Группа согласных [kt] перед гласными непятого ряда упрощалась за счет утраты заднеязычного согласного, т. е. [kt] > [t]:

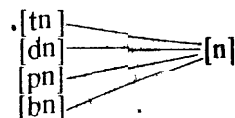
*plekto — ст.-слав. [pletъ] *плѣтъ*. Ср. лат. plectō, греч. plēktē — „сеть, веревка“.

*pektъ — „пятый“ — ст.-слав. [pētъ] *пѣтъ*. Ср. лит. peĩktas, лат. quintus < *quinctus, др.-прусс. piēnctis.

В позиции перед гласными пятого ряда судьба сочетания [kt] ([gt]) была иной (см. выше § 68).

3. Сочетание двух согласных, из которых вторым элементом является сонорный [n]: [tn], [dn], [pn], [bn].

Упрощение данных групп шло за счет утраты зубных и губных согласных. Таким образом:

[tn] > [n]: *osvьnъti — ст.-слав. [osvьnъti] *освѣнѣти* — „засветить, рассветать“. Ср. ст.-слав. [světъ] *свѣтъ*, [světeti se] *свѣтъѣти се*;

[dn] > [n]: *vędnъti — ст.-слав. [vęnъti] *вѣнѣти*. Ср. [uvędati] *увѣдати*.

*bъdnъti — ст.-слав. [(vъz)bъnъti] *(вѣз)вѣнѣти*. Ср. ст.-слав. [bъdēti] *вѣдѣти*, [buditi] *боудити*;

[pn] > [n]: *sъpnъ — ст.-слав. [sъpnъ] *сѣнѣ*. Ср. ст.-слав. [sъpati] *сѣпати*, но [usъnъti] *оусѣнѣти*, лит. sárpas, греч. ūpnos (ὑπνος — густое придыхание вместо начального [s]);

*topnъti — ст.-слав. [tonъti] *тонѣти*. Ср. ст.-слав. [topiti] *топити*, [utorati] *оутопати*;

[bn] > [n]: *gъbnъti — ст.-слав. [gъnъti] *гѣнѣти*. Ср. ст.-слав. [razgybati] *разгѣвати*, [gybělъ] *гѣвѣль*.

4. Сочетания двух согласных, из которых вторым согласным являлся сонорный [m]: [tm], [dm].

Изменение данных групп шло за счет утраты зубного согласного, т. е. [tm] и [dm] > [m]:

[dm] > [m]: *damъ — ст.-слав. [damъ] *дамѣ*. Ср. ст.-слав. [da-detъ] *дадатъ*;

*vędmъ — ст.-слав. [vęmъ] *вѣмѣ*. Ср. ст.-слав. [vę-detъ] *вѣдатъ*;

*pledme — ст.-слав. [pleme] *плѣма*. Ср. ст.-слав. [plodъ] *плодѣ*.

Для группы [tm], из которой должно было возникнуть [m], нет ни одного достоверного примера. Возможно, что ст.-слав. [vrěme] *врѣмѣ* объясняется как восходящее к *vert-mēn. Ср. ст.-слав. [vrěti] *врѣтѣти* — „вертеть“, др.-инд. vārtma „путь, дорога, колея, водосток“.

5) Изменение групп [skn] и [bv].

В результате изменения первая группа упростилась в [sn], а вторая в [b]:

[skn] > [sn]: *těsknъ < *toiskno — ст.-слав. [těsnъ] *тѣснѣ*. Ср. ст.-слав. [tiskati] *тискати* — „давить“;

*plesknъti — ст.-слав. [plesnъti] *плѣснѣти*. Ср. рус. *плеск*;

[bv] > [b]: *obvolko — ст.-слав. [oblako] *облако*; *obvelkati — ст.-слав. [oblēkati] *облѣкати*. Ср. рус. *обволакивать*, ст.-слав. [vlačiti] *влачити*;

*obvitati — ст.-слав. [obitati] *обитати*. Ср. ст.-слав. [vitati] *витати*.

6. Судьба групп [tl] и [dl] по славянским языкам.

Судьба данных сочетаний в разных славянских группах доисторического времени была различна. У предков южных и восточных славян в этих сочетаниях произошло упрощение в [l]. У предков западных славян данные сочетания сохранились без изменения. Подобное различие в судьбе этих сочетаний по славянским группам,

по-видимому, было вызвано тем, что у предков западных славян при артикуляции согласных, входивших в сочетания [tl] и [dl], не было тесного примыкания, как это наблюдалось при их произношении у предков южных и восточных славян (аналогичная картина наблюдалась и в судьбе сочетаний [kvě-] и [gvě-], см. § 68), что, возможно, объяснялось в данном случае разным местом слого-раздела. По-видимому, у западных славян в этих группах согласных слогораздел проходил между зубным и плавным:

*ordlo — ст.-слав. *рало*, сербохорв. *rālo*, рус. *рало*, пол. *radło*, чеш. *rádlo*;

*pletlъ — ст.-слав. *плелз*, сербохорв. *plěo*, рус. *плёл*, *plótł*, чеш. *pletl*;

*šidlo — ст.-слав. *шило*, сербохорв. *šilo*, рус. *шило*, пол. *szydło*, чеш. *šídlo*;

*padlъ — ст.-слав. *палз*, сербохорв. *пао*, рус. *пал*, пол. *padł*, чеш. *padl*;

*modlitva — ст.-слав. *молитѣа*, сербохорв. *mòlitva*, рус. *молитва*, пол. *modlitwa*, чеш. *modlitba*.

7. Изменение сочетаний [sr] и [zr].

Эти группы согласных также не сохранялись у славян. Однако в данном случае изменение группы [sr] шло за счет развития между согласными нового звука [t], который представлял собой переходную артикуляцию от фриктивного согласного [s] к последующему плавному [r]. Может быть, этому способствовало наличие в славянских языках подобного сочетания древнего происхождения (например, ст.-слав. [strigo] *стригъ*. Ср. с др.-в.-нем. *strihan*).

Подобное явление наблюдается и в некоторых балтийских и германских языках.

Таким образом, [sr] > [str]:

*sruja — ст.-слав. [struja] *струѣа*. Ср. лит. *srovė* и диалект. *sraujà*, латыш. *strauja*, др.-инд. *sravati*;

*sesra — ст.-слав. [sestra] *сестра*. Ср. др.-инд. *svasré* (дат. п. ед. ч.), гот. *swistr-*, лит. *sesuõ* (под. п. *seseĩs*);

*ostrъ — ст.-слав. [ostrъ] *остръ*. Ср. лит. *ašrūs*, греч. *ákros*, др.-инд. *áçrīḥ* — „вершина, острое, край”.

Сочетание [zr] переходило в [zdr]. Много примеров с развитием [d] между согласными [zr] дают ст.-слав. памятники, где согласный [d] обычно употреблялся между приставкой-предлогом и корнем слова, начинавшимся с согласного [r]: из-д-ръжы — Син. пс. 141^{а/в}, 138^{б/з}, 127^{а/15}, 42^{б/14}, 36^{б/17} и т. д.; Зогра. ев., Лук. I, 71, 74; Мар. ев., Лук. I, 74 (вм. из *ръжы*), *раздроушение* — Зогра. ев., Мф. VII, 27; Зогра. ев., Мар. ев., Лук. VI, 49 (вм. *раздроушение*); *издрече* — Зогра. ев., Мф. XIV, 7 (вм. *изрече*); *кздрасте* — Зогра. ев., Лук. VIII, 7; Мар. ев. XIII, 19 (вм. *кздрасте*); *кздрыдаате* — Мар. ев., Ио. XVI, 20 (вм. *кздрыдаате*); *издранелекома* — Мар. ев. Лук. XXII, 30 (вм. *изранелекома*) и т. д.

ЯВЛЕНИЯ КОНЦА СЛОВА

§ 75. Для конца слова у славян были характерны особые фонетические закономерности, зачастую отличные от фонетики начала и середины слова.

Конец слова подвергался ослаблению в произношении. Степень ослабления его находилась в зависимости от значения слова или формы в предложении, от частоты его применения, от ударения и произношения. Особенно сильной редукции подвергались частицы и наречия.

Результаты ослабления конца слова выражались в утрате конечных согласных, в их отвердении, в усилении лабиализации согласного [o] и в редукции конечных долгих гласных.

§ 76. Утрата конечных согласных. В связи с тем, что для общеславянского языка была характерна тенденция открытости слога, конечные согласные [t], [d], [s], [r] подвергались утрате:

[s]: им. пад. ед. ч. *synъ* < **sünūs* — ст.-слав. *гынз*. Ср. лит. *sūnūs*, гот. *sunus*, др.-инд. *sūnūḥ*;

slovo < **slovoš* (ср. род. пад. ед. ч. *slovese*) — ст.-слав. *слоко*. Ср. греч. *kléos* < **kleFos*;

gostъ < **gostis* — ст.-слав. *гостъ*. Ср. лат. *hostis* — „чужой человек, враг”, гот. *gasts*;

noktъ < **noktis* — ст.-слав. *ношть*. Ср. лит. *naktis*;

аорист 2 л. ед. ч. *pade* < **pades* — ст.-слав. *паде*. Ср. др.-инд. *ābharali*;

[t]: аорист 3 л. ед. ч. *pade* < **padet* — ст.-слав. *паде*. Ср. др.-инд. *ābharat*;

[r]: им. пад. ед. ч. *mati* < **mātēr* — ст.-слав. *мати*. Ср. греч. *mātēr*, лат. *māter*;

dъkti < **dūktēr* — ст.-слав. *дъшти*. Ср. греч. *thūgātēr*;

[d]: им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. указат. местоим. *to* < **tod* — ст.-слав. *то*. Ср. др.-инд. *tad(t)*, лат. *istud*.

Если в конце слова употреблялись [ōnt] или [int] < [nt], то в позиции перед конечным согласным [t] происходила монофтонгизация дифтонгических сочетаний [on] и [in], а затем конечный согласный утрачивался:

3 л. мн. ч. простого аориста *padō* < **padont* — ст.-слав. *падѡ* [padō].

3 л. мн. ч. сигм. аориста *něsē* < *nēsint* < **nēsnt* — ст.-слав. *нѣсѧ* [něsē]. Ср. соответствующую форму в греч. *éferon* и др.-инд. *ābharan* с утратой конечного согласного [t].

Конечный согласный [n(m)] также подвергался ослаблению. Однако ослабление согласного [n(m)] приводило не только к утрате его, но также и к ассимиляции предшествующим гласным. Особенно наглядно это видно в том случае, если перед ним употребляется долгий гласный [ē] или [ā], т. е. если в конце слова употреблялись дифтонгические сочетания [ēn(m)] и [ān(m)]. В ре-

зультате монофтонгизации данных дифтонгических сочетаний возникли носовые гласные [e] и [o]:

[o]: вин. пад. ед. ч. основ на -ā:

roko < *ronkân(m) — ст.-слав. рѣкъ. Ср. прус. rānkan, лит. rāŋka < *raŋkan;

zemjo < *zemjān(m) — ст.-слав. земѣ. Ср. лат. terrām;

storno < *stornān(m) — ст.-слав. странѣ. Ср. греч. chōrān.

Подобное окончание наблюдалось и в др.-инд. языке. Ср., например, ту же форму вин. п. ед. ч. aṣvām.

[e]: вин. пад. ед.: me < *mēn(m) — ст.-слав. ма. Ср. др.-инд. mām, прус. mien;

te < *tēn(m) — ст.-слав. та. Ср. др.-инд. tvām, прус. tien;

se < *sēn(m) — ст.-слав. са. Ср. прус. sien, sin.

В конечных сочетаниях [in] и [ün] фонетические стадии изменения не совсем ясны. Возможно, что если перед конечным носовым согласным [n(m)] употреблялись краткие гласные [i] или [ü], то происходила утрата конечного носового согласного. А возможно, что здесь также происходила ассимиляция носового согласного с артикуляцией предшествующего гласного, в результате чего возникали носовые [i] и [ü] (ср. данные литовского языка). Но носовой характер данных гласных у славян не удержался. Они заменились неносовыми [i] и [ü], которые на славянской почве соответственно дали [ь] и [ъ]:

вин. пад. ед. ч. основ на -*ū: synъ < *sūnūn(m) — ст.-слав. сынъ.

Ср. прус. sinup, лит. sūnų < *sūnup, др.-инд. sūnūt.

Подобное окончание в данной падежной форме наблюдалось также в греческом и латинском языках. Ср., например, греч. pēschūn — „локоть“ и лат. senātum.

вин. п. ед. ч. основ на -*i: poktъ < *poktin — ст.-сл. ношть. Ср. прус. paktin, лит. paktį < *paktin.

Подобное окончание у существительных с основой на -*i в данной падежной форме наблюдалось и в других индоевропейских языках. Ср., например, др.-инд. agnīm — „огонь“, греч. pólin — „город“, лат. sitim — „жажда“.

Такое же изменение носового согласного [n(m)] происходило у славян и в том случае, если перед ним употреблялся краткий гласный [ö] (см. об этом ниже §§ 77).

Несколько замечаний следует сделать об употреблении предлогов-приставок въ, къ, съ < *въп, къп, съп.

Если данные предлоги-приставки оказывались в позиции перед следующим словом (корнем), начинавшимся с согласного (кроме [j]), то происходила утрата конечного носового согласного. А если они оказывались перед словом (корнем), начинавшимся с гласного или [j], то согласный [n] сохранялся, примыкая к следующему гласному или [j], употребленному перед гласным.

въп: въпегда < въп-jegda — ст.-слав. кѣпегда — „когда“;

въпiti < въп-iti — ст.-слав. кѣпiti — „войти“;

въпimati < въп-imati — ст.-слав. кѣпimати;

въпъ < въп-jъ — ст.-слав. кѣ нь (сочетание предлога въп с формой местоимения муж. р. в вин. пад. ед. ч.);

но въкупѣ < въп-купѣ — ст.-слав. кѣкупѣ — „вместе“;

въдvoriti се < въп-dvoriti се — ст.-слав. кѣдворити са;

съп: съпiti < съп-iti — ст.-слав. кѣпiti — „сойти, спуститься“;

съпimъ < съп-jimъ — ст.-слав. кѣ нимъ (сочетание предлога съп с формой местоимения муж. или ср. р. в твор. пад. ед. ч.);

но съборъ < съп-borъ — ст.-слав. кѣборъ;

съплесть < съп-plesti — ст.-слав. кѣплетти;

къп: къп'ему < къп-jemu — ст.-слав. кѣ нѣмоу (сочетание предлога къп с формой местоимения муж. или ср. рода в дат. пад. ед. ч.).

По образцу сочетаний въпъ, въп'емъ, съп'имъ, съп'ими, къп'ему в славянских языках стали образовываться формы этого местоимения с начальным согласным [п] и после других предлогов: за п'имъ, о п'емъ и т. д. Позднее по славянским языкам стали употребляться формы данного местоимения с начальным [п] и без сочетания с предлогом.

§ 77. Усиление лабиализации гласного [o] в конечном слоге. Гласный [o] в конечных сочетаниях [-ōn], [-ōp] и [-ōs] подвергался более усиленной лабиализации и переходил в гласный [ū] с последующим изменением. Таким образом:

[ōn] > [ūn] > [(ū)] > [ū] > [ъ]

[ōp] > [ūp] > [(ū)] > [ū] > [y]

[ōs] > [ūs] > [ū] > [ъ].

Такой же процесс усиленной лабиализации гласного [o] был пережит латинским языком: вин. пад. lupum < *lupom; им. пад. jugum < *jugom. Ср. греч. dzūgón;

[ōn]: вин. пад. ед. ч. основ на -*ō: о.-слав. vьlkъ < *vīlkon(m) — ст.-слав. кѣлкъ [vĭlkъ]. Ср. лит. vīlką < *vīlkan, лат.

lupum < *lupom, греч. lúkon, др.-инд. vṛkam;

1 л. ед. ч. аориста: о.-слав. padъ < *padon — ст.-слав. паdx [padъ]. Ср. греч. éferon, др.-инд. ábharam;

[ōs]: им. пад. ед. ч. основ на -*ō: о.-слав. vьlkъ < *vīlkos — ст.-слав. кѣлкъ [vĭlkъ]. Ср. лит. vīlkas, лат. lupus < *lupos, греч. lúkos, др.-инд. vṛkas;

[ōp]: им. пад. ед. ч. основ на согласный: о.-слав. kamu < *kamtōp — ст.-слав. камы. Ср. греч. aktōp, лит. ákmuõ, -eĩs, др.-инд. áṣtā, -apas.

§ 78. Конечные слоги, оканчивающиеся на носовой согласный + [s]: [ins], [uns], [ons (onts)], [jons (jonts)]. Конечные слоги, в состав которых входила группа [nts], подверглись изменению, состоявшему в том, что согласный [t] в позиции перед

следующим согласным [s] утратился, т. к. группа [ts] была невозможна в славянской фонетической системе (см. об этом выше § 74). В результате конечные слоги [-onts] и [-jonts] изменились в [ons] и [jons] и, следовательно, совпали с исконными группами [ons] и [jons]. Под влиянием группы согласных [ns] происходило удлинение предшествующего гласного.

Например, [-ins]: [ins] > [ĩns] > [(ĩs)] > [is] > [i].

Возможно, что дифтонгическое сочетание [in] в позиции перед следующим согласным [s], монофтонгизировавшись, дало долгий носовой гласный [ĩ]. Но носовой характер у гласного [ĩ] не удержался, в связи с чем [ĩ] > [i]. Конечный согласный [s] утрачивался в связи с тенденцией к открытому слогу. В соответствии с долгим гласным [ĩ] в славянской фонетической системе возникал гласный [i]:

вин. пад. мн. ч. основ на -*i: о.-слав. noktĩ > *noktins > noktĩ > (noktĩs) > noktĩ > noktĩ — ст.-слав. ношти. Ср. лит. naktis < *naktins.

Ср. также образование данной формы от существительных этого типа склонения в других индоевропейских языках: лат. turĩs < *turrĩns, греч. (критск.) rĩlĩns, гот. gastĩns, прус. akĩns — „глаз“.

Аналогичному изменению подвергался конечный слог [-uns]: [uns] > [ũns] > [(ũs)] > [ũs] > [y].

Возможно, что дифтонгическое сочетание [ũn], монофтонгизировавшись, дало долгий носовой гласный [ũ]. Однако носовой характер этого гласного не удерживался, в результате [ũ] > [ū]. Конечный согласный [s] утрачивался в связи с тенденцией к открытому слогу. Долгий гласный [ū] в конце слова давал у славян гласный [y]:

вин. пад. мн. ч. основ на -*ũ: о.-слав. syny < *sũnuns > sũnũns > [sũnũs] > sũnũs > syny — ст.-слав. ѡны. Ср. лит. sũnus < sũnũns.

Сочетания [-ons (-onts)] и [-jons (-jonts)] имеют различную судьбу. Сочетание [-onts], как указывалось выше, совпало с сочетанием [-ons]. Гласный [o] в конечном слоге в данном сочетании подвергался более усиленной лабиализации. В результате возникло сочетание [-uns], которое в конце слова изменялось у славян так же, как и исконное сочетание [-uns].

Таким образом, [ons] > [uns] > [ũns] > [(ũs)] > [ũs] > [y]:

вин. пад. мн. ч. основ на -*o муж. р.: о.-слав. vylky < *vil-kons > vylkuns > vylkũns > [vylkũs] > vylkũs > vylky — ст.-слав. клъкы [v|ky]. Ср. лит. vilkũs < *vilkons, лат. lupõs < *lupons, греч. (критск.). lũkons, гот. wulfans.

Изменение сочетания -onts очень наглядно видно на образовании причастий действительного залога настоящего времени мужского рода в форме им. пад. ед. ч.: [onts] > [ons] > [uns] > [ũns] > [(ũs)] > [ũs] > [ũs] > [y].

о.-слав. bery < *bero-nt-s, nesy < *neso-nt-s (к глагольной основе наст. вр. присоединялся суффикс причастия [-nt-] и окончание им. пад. ед. ч. [-s]) — ст.-слав. беры [bery], неы [nesy].

Для подтверждения того, что при образовании данной формы причастия использовался суффикс [-nt-] и окончание [-s] в им. пад. ед. ч., ср. следующие примеры из индоевропейских языков: лит. pešĩs < *nešants, др.-инд. bháron (вин. пад. bhárantam), греч. fẽron (вин. пад. fẽronta), лат. ferens (вин. пад. ferentem), гот. bairands.

Следовательно, сочетания [-ons] и [-onts] в конце слова давали один и тот же результат, а именно гласный [y]. Сочетания [-jons] и [-jonts] в конце слова имели другую судьбу. Аналогично сочетаниям [-ons] и [-onts] сочетание [-jonts] совпало с сочетанием [-jons]. После мягкого согласного [j] гласный [o] > [e]. Возникло сочетание [-jens], в котором [e] удлинялся перед следующим сочетанием [ns].

Следовательно, [jens] > [jẽns]. Дифтонгическое сочетание [ẽn], монофтонгизируясь, дало носовой гласный [ẽ]. Конечный согласный [s] вследствие тенденции к открытому слогу утратился.

Таким образом, [jons] > [jens] > [jẽns] > [jẽs] > [jẽ]; [jonts] > [jons] > [jens] > [jẽns] > [jẽs] > [jẽ];

[-jons]: вин. пад. мн. ч. основ на -*o (для юж. славян): [kon'ẽ < *konjons > konjens > konjẽns > konjẽs > kon'ẽ — ст.-слав. конѧ.

У западных и восточных славян при образовании данной формы в конце слова возник гласный [ě], что дает основание некоторым лингвистам предполагать, что в западнославянских и восточнославянских языках гласный [ě] в данной форме некогда был носовым.

[-jonts]: им. пад. ед. ч. причаст. действ. залога наст. вр., муж. и ср. р.: о.-слав. znajẽ < *znajo-nt-s > znajons > znajens > znajẽns > znajẽs > znajẽ — ст.-слав. знаѧ [znajẽ].

Следовательно, в результате изменения сочетаний [-jons] и [-jonts] в конце слова в старославянском языке возникал носовой гласный [ẽ].

§ 79. В связи с ослаблением конечного слога происходило отверждение согласного в этом слоге. Этот процесс протекал в разных славянских языках в разное время. Особенно наглядно это видно на изменении согласного [t'] в формах 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени.

Отверждение согласного [t'] в этих формах в одних славянских языках происходило раньше, в других — позднее. Наиболее рано (к XI в.) произошло отверждение согласного [t'] в болгарской языковой группе. В связи с этим [-tь] > [-tъ]. Окончание [-tъ] отражено в памятниках старославянской письменности: знаѧтъ [znajõtъ], глаголаѧтъ (glagol'õtъ), ведѧтъ (vedetъ) и т. д.

Довольно рано отвердевал согласный [t'] в тех славянских языковых группах, которые легли в основу западнославянских языков. Значительно позднее происходило отверждение [t'] в восточнославянских языках. Ослабление конечного слога в данных формах (3 л. ед. и мн. ч. наст. вр.) привело в дальнейшем к утрате согласного [t]. Эта утрата происходила в славянских языках в разное время. В старославянских памятниках формы без [t] крайне редки. В современных болгарских говорах глагольная форма 3 л.

ед. ч. не имеет окончания [t]. В ряде болгарских говоров произошла утрата [t] и в форме 3 л. мн. числа.

В связи с ослаблением конечного слога происходила редукция конечных долгих гласных. В результате долгие гласные, оканчивающие собой слово, довольно рано подверглись в фонетической системе славян сокращению. Например, *kostī* > *kostī*, *sŭnŭ* > *sŭnŭ*, *voda* > *voda*, *vodŭ* > *vodŭ* и т. д.

ЧЕРЕДОВАНИЕ ГЛАСНЫХ

§ 80. Чередование гласных представляет собой мену гласных в вариантах одной и той же морфемы. Мена гласных отражается в корне, в суффиксе, в приставке и в окончании. При этом наиболее часто чередование гласных наблюдается в корневой морфеме.

Различают фонетическое и морфологическое чередование гласных. В связи с изменением звуковой системы языка фонетическая обусловленность некоторых чередований может утрачиваться. Так, в течение длительного времени происходило обобщение, выравнивание звукового вида основы по родственным формам. В результате этого процесса произошли значительные изменения в отношении чередования гласных в прежних рядах родственных форм, что привело во многих случаях к замене фонетического чередования чередованием грамматическим: тот или иной вид основы или окончания стал указывать на грамматическую категорию слова.

Поэтому чередования, переставшие быть фонетическими вследствие изменения звуковой системы, могут приобретать в языке морфологический характер, т. е. находиться в зависимости от некоторых случаев словообразования или словоизменения.

Чаще всего морфологическое чередование гласных имеет место в корне.

Все морфологические чередования гласных, характерные для современных славянских языков, представляют собой результат фонетических изменений, происходивших в разное время. Одни из них происходили еще в период индоевропейского языка-основы и, следовательно, отразились в той или иной степени во всех индоевропейских языках, другие имели место только в общеславянском языке и ограничены только славянскими языками, третьи же произошли в отдельных славянских языках после выделения их из общеславянского языка.

Формы индоевропейского чередования гласных были унаследованы общеславянским языком, но подверглись в нем изменениям в силу звуковых изменений, происходивших в общеславянском языке. Кроме того, по образцу унаследованных чередований в общеславянском языке создавались новые чередования. Чередование гласных общеславянского происхождения большей частью представляет результат действия закона открытого слога.

Унаследованные из общеславянского языка формы чередования гласных в старославянском языке в свою очередь подверглись известным изменениям.

Различают качественное и количественное чередование гласных. Качественное чередование гласных представляет собой такой вид чередования гласных, когда происходит мена гласных различного качества, но одинакового количества, например, [ĕ]:[ō], [ĕ]:[ō].

Количественным чередованием гласных является чередование гласных, различных по количеству, но одинаковых по качеству, например, [ĕ]:[ĕ], [ō]:[ō].

Бывает также смешанное качественно-количественное чередование гласных, например, [ĕ]:[ō], [ĕ]:[ō].

Причины качественного чередования гласных в индоевропейском языке-основе неясны. Что касается количественного чередования, то оно, по-видимому, находилось в зависимости от положения по отношению к ударению в слове. Объединение качественного и количественного чередования гласных в один ряд дает так называемый ряд чередования гласных звуков.

При чередовании гласных в общеславянском языке различают следующие ступени (степени):

I. Полная ступень, на которой выступали гласные [e]:[o] (по происхождению из [ĕ]:[ō]).

II. Ступень удлинения, на которой выступали гласные [ĕ]:[a] (по происхождению из [ĕ]:[ō]).

III. Ступень редукции, на которой выступали гласные [ъ] и [ь] (по происхождению [ъ] < [ĭ], а [ь] < [ŭ]).

IV. Ступень удлинения редукции, на которой выступали гласные [ĭ] и [ŭ] (по происхождению [ĭ] < [ĭ], а [ŭ] < [ŭ]).

V. Ступень полного исчезновения гласных.

Однако у славян в словах одного корня могли чередоваться гласные, возникающие при монофтонгизации дифтонгов и дифтонгических сочетаний. Например, [oi] > [ĕ], [ei] > [ĭ], [ou] > [u], [op] > [o] и т. д.

Поэтому при определении ступени чередования гласных и для установления искомого корня следует иметь в виду, из какого дифтонга и дифтонгического сочетания возник тот или иной гласный. Если в составе дифтонга или дифтонгического сочетания на положении слогового элемента выступал гласный [e] или [o], то образовавшиеся при монофтонгизации гласные следует относить к полной ступени. У ряда слов наблюдается чередование гласных в корне в позиции перед следующим взрывным или фриктивным согласным.

Рассмотрим несколько примеров.

1. *рѣкъ* (1 л. ед. ч. наст. вр.): *рѣкъ*: *рѣкъ* (1 л. ед. ч. сигм. арх. аориста): *прорицати*: *рѣци* (2-3 л. ед. ч. повел. накл.) — [гекo]:[гокъ]:[гѣчъ]:[прорѣ'ati]:[гъс'и].

В первой форме корневой гласный выступает на полной ступени, а корнем данного слова является [гек-]. Во втором слове

корневой гласный также представлен на полной ступени, а корень выступает в виде [гok-] с гласным [o] перед заднеязычным согласным. В форме [rěchъ] <[*rěkson] > [rěchъ] > [rěchъ] в корне представлен гласный [ě], выступающий на ступени удлинения. В форме [proric'ati] корневой гласный представлен на ступени удлинения редуции. И, наконец, в последней форме в корне употреблен гласный [ь], выступающий на ступени редуции. В двух последних формах произошло также чередование заднеязычного согласного [k], на который оканчивался корень, со свистящей аффрикатой [c'] в результате палатализации.

2. **юмь** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **юи** (2 л. ед. ч. наст. вр.): **ѣтъ** (3 л. мн. ч. наст. вр.): **ѣ** (им. пад. ед. ч. муж. р. причаст. действ. залога наст. вр.) — [jesmь]: [jesi]: [sotъ]: [sy].

Если в первых двух формах в корне представлен гласный [e], выступавший на полной ступени, то в двух последних формах представлена ступень полного исчезновения гласного перед [s].

3. **плетъ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **плотъ**: **ѣплетати** — [pletъ]: [plotъ]: [sɣplētati].

В двух первых формах корневой гласный представлен на полной ступени, а в третьей форме — на ступени удлинения.

4. **година**: **ждати** — [godina]: [ž'dati].

Во второй форме корневой гласный представлен на ступени редуции, а заднеязычный [g] чередуется с шипящим [ž'] по I палатализации.

Аналогичная картина наблюдается и в следующих рядах слов: **хъдѣти** (им. пад. ед. ч. муж. р. причаст. действ. зал. прош. вр.): **хъдѣти** („приходить“): **оушѣти** („беглец“) — [š'ydъ] (<[chydъ]): [choditi]: [prichaž'dati] (<[prichadjati]): [u-š'idъ] (<[uchidъ]); **гребѣти** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **гребѣти** („могила“): **погребѣти**: **гребѣти** — [grebъ]: [grobъ]: [pogrebati]: [grabiti]; **ведѣти** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **ведѣти**: **ведѣти** (1 л. ед. ч. сигм. арх. аориста): **провождати** („сопровождать“) — [vedъ]: [voditi]: [věšъ] (<[vědsъ]): [provaž'dati] (<[provađati]).

§ 81. Особое внимание следует обратить на чередование гласных в корнях слов, в состав которых входили дифтонги или дифтонгические сочетания. Здесь следует помнить, что если дифтонги с неслоговыми [i], [u] или дифтонгические сочетания с неслоговыми [n], [m] употреблялись перед следующим гласным, то происходило изменение структуры слова, так как слогораздел происходил между составными элементами дифтонгов или дифтонгических сочетаний (слоговая часть отходила к предшествующему слогу, а неслоговая часть — к последующему), при этом гласный, выступавший на положении слогового элемента, чередовался в составе корня так, как чередуется корневой гласный в позиции перед следующим взрывным или фрикативным согласным.

В позиции же перед следующим согласным дифтонги с неслоговыми [i], [u] и дифтонгические сочетания с неслоговым [m], [n] монофтонгизировались.

Это привело к тому, что у славян возникло фонетически обусловленное чередование гласных с теми сочетаниями, которые сохранялись перед следующими гласными звуками.

Рассмотрим ряд слов, имевших в доисторический период один корень:

1. **начьнъ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **начати**: **начинати**: **ис кони**: **коньць**: **зачати**: **зачьнъ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **законъ** — [na-č'ьn-ъ] (<[nakъnъ]): [na-č'ь-eti] (<[nakъ-eti]: [na-č'in-ati] (<[nakinati]): [is-kon-i]: [kon-ьcъ]: [za-č'ь-eti] (<[zakъeti]): [za-č'ьn-ъ] (<[zakъnъ]): [zakonъ];

2. **пропънъ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **пропати**: **опона**: **пъто**: **пропинати** — [pro-р'ьn-ъ]: [pro-pe-ti]: [o-pon-a]: [pъ-to]: [pro-pin-ati];

3. **звънѣти**: **збѣжъ**: **збѣжъ**: **збѣжъ** — [zvъn-eti]: [zvъ-kъ]: [zvон-ъ]: [zvъ-kъ];

4. **вѣзъмъ**: **вѣзати** — [vъz-ьm-ъ]: [vъz-eti].

Как показывают приведенные примеры, в составе корня представлено чередование носовых гласных [e] и [o], возникших при монофтонгизации дифтонгических сочетаний с носовым [n], [m], с теми сочетаниями, которые сохранились перед следующим гласным.

При этом гласный в составе этих сочетаний чередуется так, как чередуется корневой гласный перед следующим взрывным или фрикативным согласным. При монофтонгизации дифтонгические сочетания [ьп (ьm)] и [en (em)] дали один и тот же результат — [e], т. е. в данном случае ступень редуции и полная ступень в чередовании гласных совпали.

II. 1. **вити**: **вижъ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **вои** — [biti]: [b'ijъ]: [boi] (<[bojъ]);

2. **гнити**: **гнижъ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **гнои** — [gniti]: [gnijъ]: [gnoi] (<[gnojъ]);

3. **почити**: **почижъ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **покои** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **покаати** **ѣ** — [poč'iti]: [poč'ijъ]: [pokoijъ]: [pokajati sê];

4. **ринѣти** („толкнуть“): **рѣнѣти** „толкать“: **рои** — [rinъti]: [rējati]: [roi] (<[rojъ]).

В составе корней данных слов в индоевропейском языке-основе употреблялись дифтонги с неслоговым [i]. При этом при монофтонгизации дифтонга [ei] возникал гласный [i], а при монофтонгизации дифтонга [oi] — [e]. Если дифтонг [ei] употреблялся перед гласным, то он у славян подвергался изменению, состоявшим в том, что [ei] > [y] > [i].

Для примера разберем чередование гласных в словах первого ряда, а именно **вити**: **вижъ**: **вои**.

Начнем разбор со слова **вижъ** [b'ijъ]. В составе корня в данном слове входит редуцированный гласный [i]. Из изложенного ранее (см. § 22) известно, что редуцированный [i] возник на месте [ь], оказавшегося перед следующим [i] ([ij]). Записанное транскрипцией данное слово дает возможность наглядно увидеть, что в составе корня употреблялся дифтонг, подвергшийся в позиции перед следующим гласным изменению, состоявшему в том, что слогораздел

начал проходить между составными элементами дифтонга: bi-jə=bi-jə.

Но так как редуцированный [i] возник на месте редуцированного [ь], то, следовательно, в более ранний период в составе данного слова употреблялся дифтонг [ьi], который в свою очередь восходит к индоевропейскому дифтонгу [ēi], претерпевшему у славян перед следующим гласным соответствующие изменения.

Следовательно, в составе этого слова в индоевропейском языке-основе употреблялся корень [bej-], куда входил дифтонг [ei], слоговая часть которого на славянской почве подверглась изменению и представлена на ступени редукции. Слово виж [biʃə] представляет собой форму 1 л. ед. ч. наст. вр. от глагола вить [biti]. Если в форме виж [biʃə] употреблялся дифтонг [ei], претерпевший у славян в позиции перед следующим гласным определенные изменения, то в инфинитивной форме вить [biti] дифтонг [ei], находясь в позиции перед следующим согласным, монофтонгизировался и дал гласный [i]. Следовательно, и в данной форме корень слова в индоевропейском языке-основе выступал в виде [bej-].

Что касается последней формы вои [boi] < [bojь], то в данном случае в составе корня в индоевропейском языке-основе употреблялся дифтонг [oi], который у славян в позиции перед следующим гласным подвергся изменению, состоявшему в том, что слогораздел стал проходить между составными элементами дифтонга так, что слоговая часть его отошла к предшествующему, а неслоговая — к последующему слогу.

Конечный гласный [i] в данной форме восходит к сочетанию [jь] ([iь]). То, что здесь действительно в корне был [j] ([i]), подтверждают формы косвенных падежей. Например, род. пад. ед. ч. [boja] вои, дат. пад. ед. ч. [boju] вою и т. д.

В старославянском языке употребление йотованной буквы после гласной указывало на наличие целого слога, состоявшего из сочетания [j] ([i]) с последующим гласным.

Если в косвенных падежах в основе употреблялся [j] ([i]), то, следовательно, такой же должна была быть основа и в им. пад. ед. ч., т. е. в виде [boj-]. А сочетание [j] ([i]) с последующим [ь] (который являлся флексией им. пад. ед. ч. у существительных муж. р. с основой на -*ō) дало у славян гласный [i].

Следовательно, в данной форме в индоевропейском языке-основе корень был представлен в виде [boj-], в состав которого входил дифтонг [oi], где слоговая часть на славянской почве была представлена на полной ступени.

III. 1. плаути: плаж (1 л. ед. ч. наст. вр.): плакити: плажь — [plu-ti]: [plov-ə]: [plav-iti]: [plʲ-ʲ];

2. зокж (1 л. ед. ч. наст. вр.): зкати: призывати — [zov-ə]: [zʲv-ati]: [pri-zʲv-ati];

3. дхжжати: дхжати: доухж — [dʲch-ŋti]: [dych-ati]: [duh-ʲ];

4. рокж: ржати: рыти — [rov-ʲ]: [rʲv-ati]: [ry-ti];

5. слоути: слоко: слака — [slu-ti]: [slov-ə]: [slav-a];

6. оучити: наука: кыкжати — [učʲ-iti] (<[ukiti]): [na-uk-a]: [v-uk-ŋti] (<[uɤkŋti]).

Дифтонги с неслоговым [u] в позиции перед следующим согласным монофтонгизировались. При этом при монофтонгизации на полной ступени выступал гласный [u], на ступени редукции — [ʲ], а на ступени удлинения редукции — гласный [y].

В позиции перед следующим гласным неслоговой [u] изменялся на славянской почве в губно-зубной [v], а слоговая часть дифтонга изменялась так, как изменялся соответствующий гласный в корне в позиции перед взрывным или фрикативным согласным.

IV. 1. мьрж (1 л. ед. ч. наст. вр.): морж: жмьрты: мржти: оумирати [myr-ə]: [mor-ʲ]: [sʲ-mrʲ-ʲ]: [mrʲ-ʲti] (<[mertʲ]): [u-mir-ati];

2. верж (1 л. ед. ч. наст. вр.): жворж: вьрати: вржма: жвирати — [ber-ə]: [sʲ-bor-ʲ]: [bʲr-ati]: [brʲ-mʲ] (<[bermʲ]): [sʲ-bir-ati];

3. кола: келжти: докжжати — [volʲ-a]: [velʲ-ʲti]: [do-vʲl-ʲti];

4. зьржти: позорж: зранж: зража — [zʲr-ʲti]: [po-zor-ʲ]: [zra-kʲ] (<[zor-kʲ]): [zarʲ-a];

5. горжжати: жгарати: жарж — [gorʲ-ʲti]: [sʲ-gar-ati]: [žʲar-ʲ] (<gʲrʲ);

6. градж: жрьд — [grad-ʲ] (<gordʲ): [žʲrd-ʲ] (<gʲrdʲ);

7. прыгж: прагж — [prʲstʲ] (<[prʲstʲ]): [prachʲ] (<[porchʲ] <[*porsos]).

Как показывают приведенные выше примеры, в состав корня перечисленных рядов слов входили дифтонгические сочетания с плавными. Если в состав корня входят такие сочетания, то при объяснении чередования гласных следует помнить об их судьбе в положении перед следующим гласным и согласным. В позиции перед гласным происходило изменение структуры слога так, что слоговой элемент сочетания отходил к предшествующему слогу, а неслоговой — к последующему. При этом слоговой элемент изменялся так, как изменялся корневой гласный перед взрывным или фрикативным согласным.

Если же данные сочетания находились в позиции перед согласным, то тогда следует помнить о судьбе этих сочетаний в старославянском языке. Так, например, [tort] > [trat], [tert] > [trét], [tolt] > [tlat], [telt] > [tlét], [tʲrt] > [tʲt], [tʲrt] > [tʲt], [tʲlt] > [tʲt].

Таким образом, приведенные выше примеры показывают, что чередования гласных в славянских образованиях в основном весьма сложны, а сохранившиеся от них следы зачастую нарушили у славян ощущение связи между словами.

МОРФОЛОГИЯ

ВВЕДЕНИЕ

§ 82. Памятники старославянской письменности дают возможность установить систему форм, характерную для славянских языков в IX—XI вв.

Старославянский язык наряду с другими славянскими языками получил свою систему форм из общеславянского языка-основы, который в свою очередь унаследовал эту систему из индоевропейского языка-основы.

Безусловно некоторые формы старославянского языка, как показывает материал сравнительной грамматики, не восходят к индоевропейскому языку-основе, и их возникновение может быть отнесено только к периоду общеславянского языка. Кроме того, в системе форм старославянского языка наблюдаются довольно значительные изменения по сравнению с той системой, которую можно предполагать для индоевропейского языка-основы и которая, следовательно, была унаследована от него общеславянским языком. Часть этих изменений восходит к эпохе общеславянского языка, другая же, отраженная в старославянских памятниках, заключается в себе новые черты, характеризующие болгарский язык X—XV вв.

§ 83. В старославянском языке выделяются следующие основные грамматические разряды слов (части речи): существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол, наречие, союз, предлог.

Существительные, прилагательные и числительные объединяются как имена. Они противопоставлены тому разряду слов, который называется глаголом. К именам примыкают местоимения, заменяющие определенные названия общими указаниями лиц и предметов.

Многие из перечисленных выше частей речи сложились в очень давнее время и, безусловно, существовали и в общеславянском и в индоевропейском языке-основе. Однако ряд грамматических разрядов слов, встречающихся в старославянском языке, сложился в более позднюю эпоху и не восходит к индоевропейскому языку-

основе. Например, разряд членных, или местоименных, прилагательных сложился в балто-славянскую эпоху.

§ 84. В старославянском языке различалось именное и местоименное склонение, при этом первое противостояло второму. Имена прилагательные и причастия обладали двумя типами склонения с различным значением: именным и местоименным, причем последнее образовалось путем присоединения к формам именного склонения соответствующих форм указательных местоимений.

Имена в старославянском языке различали три грамматических рода: мужской, женский и средний.

Среди глагольных форм в старославянском языке различались спрягаемые и склоняемые формы.

В старославянском языке различалось три числа: единственное, множественное и двойственное. Двойственное число употреблялось тогда, когда речь шла о двух или парных предметах (например, нога — *дѣѣ ногѣ*, око — *очи*, *оухѣ* — *оуши*, *оученикѣ* — *дѣѣ оученика* и под.).

Двойственное число также могло употребляться и в том случае, если имя существительное (или субстантивированное прилагательное, или причастие) стояло при числительном, оканчивающемся на „два“: 12, 22 и т. д.

Имена в старославянском языке различали 7 падежных форм: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный падежи и звательную форму (т. е. падеж обращения). Особая звательная форма имела только у существительных мужского и женского рода в единственном числе.

В отличие от современного русского языка местный падеж (в соответствии с которым теперь — предложный) мог употребляться в старославянском языке без предлога.

Однако не во всех числах каждый падеж имел особую форму. Так, в двойственном числе различались всего три формы: одна для именительного-винительного-звательного, другая для родительного-местного, третья для дательного-творительного падежей.

По мнению некоторых лингвистов, такое употребление форм в двойственном числе говорит о том, что категория двойственного числа начинала выходить из употребления. И, действительно, большинство славянских языков утратило в своем дальнейшем развитии двойственное число как грамматическую категорию, а отдельные сохранившиеся в них формы двойственного числа осознаются как формы множественного числа (например, в русском языке — *очи*, *уши* и т. д.). Лишь только в словенском и лужицком языках формы двойственного числа сохраняются до сих пор.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

§ 85. Имена существительные в старославянском языке различали категорию рода, числа и падежа.

Одним из наиболее продуктивных способов образования существительных являлось их образование с помощью суффиксов. Таких

имен, основа которых представляла бы только корень, в славянских языковых группах с давнего времени нет. Формируясь в общеславянском языке-основе, славянские имена представляли собой корень в сочетании с различными суффиксальными элементами. Основы имен существительных, так же как и прилагательных, обязательно должны были оканчиваться суффиксальными тематическими элементами -o < *ō, -ъ < *ŭ, -у (или перед гласным -ъv) < *ŭ, -ь < *i, -а < *ā, -en (-men), -es (-os), -et, -er (-ter). При этом существительные мужского рода образовывались с тематическими элементами -o < *ō, -ъ < *ŭ, -ь < *i, -а < *ā и -en, существительные среднего рода — при помощи тематических элементов -o < *ō, -en, -es и -et и существительные женского рода — при помощи тематических элементов -а < *ā, -у (или перед гласным -ъv) < *ŭ, -ь < *i и -er (-ter). Перед этими суффиксальными тематическими элементами после корня могли выступать другие суффиксы.

В дальнейшем некоторые суффиксы, войдя в состав корня, стали непродуктивными и утратили свое значение словообразующих элементов. Суффиксальные тематические элементы, указанные выше, в связи со значительными изменениями, пережитыми в славянской фонетической системе, получили с течением времени иное значение и стали относиться не к основе, а к окончанию.

Указанные выше тематические элементы довольно часто выступали в сочетании с другими суффиксальными элементами.

В зависимости от того, какое значение получали существительные, образованные при помощи того или иного суффикса, их можно разделить в основном на следующие группы¹.

1. Отглагольные существительные, обозначающие действующее лицо (nomina agentis), образовывались при помощи суффиксов:

а) -tel'ъ: крытитель (от крытити), дѣлатель — „работник“ (от дѣлати), жателъ — „жнец“ (от жати), мѣчителъ (от мѣжити).

Под влиянием существительных с суффиксом -tel'ъ, образованных от глаголов с инфинитивной основой на -i-, создается возможность образования существительных с суффиксом -itel'ъ от глаголов, у которых инфинитивная основа не оканчивалась на гласный -i-. Например, пожелитель (от пожелѣти), спаситель (от спасити), прѣдатель (от прѣдати).

б) -ьсѣ: жрьцѣ (от жрьж — 1 л. ед. ч. наст. вр. от „жрьжѣти — приносить жертву“), лобьцѣ — „охотник“ (от лобити), творьцѣ (от творити), плясьцѣ — „танцор“ (от плясати).

Суффикс -ьсѣ был очень продуктивным: при помощи его образовывались не только отглагольные существительные, обозначающие действующее лицо, но также уменьшительные существительные мужского рода, существительные, обозначающие молодых животных, и существительные, соотносительные с прилагательным (см. об этом ниже).

¹ При описании данного раздела использован материал, излагаемый в пособии А. Лескина „Грамматика древнеболгарского языка“, Казань, 1915.

в) Значительно реже имен существительных мужского рода образовывались с помощью суффиксов -ьсѣ, -ic'а: мѣща — „обжора“ (от ѣсти [jasti] < *jadtī), гѣщѣ — „палач“ (от гѣшти), оувища (от увити), кинопища (от кино пити).

г) -jъ < *jō: стражъ ([straž'ъ] < *storg-jō-s) (от стрѣжѣ, стрѣжити — „стеречь“), кождѣ (от кодити), кзпѣ (от копити), плачѣ (от плакати).

д) -tajъ: ходатаи (от ходити), ратаи ([ratai] < ortajъ < *ortajos) — „пахарь, земледелец“ (от орати — „пахать“).

2. Отглагольные существительные, обозначающие какое-либо действие, событие или абстрактное понятие, образовывались при помощи следующих суффиксов:

а) Наиболее распространенным было образование этих существительных посредством суффикса -ье (-ije). При этом они главным образом образовывались от страдательных причастий: глаголанье — „говорение“ (от глаголанъ, глаголати — „говорить“), джигенье (от джигенъ, джигжити), прошенье (от прошенъ, прожити), погребенье (от погребенъ), питье (от питъ, пити), житые (от жити), кзхужденье (от кзхуждити).

б) При образовании отглагольных существительных с суффиксом -*ō происходило чередование корневого гласного [e] или [ъ], употребляемого в глаголе, так что в результате у отглагольного существительного в корне выступал гласный [o]: сжворъ — „собрание“ — твор. пад. ед. ч. сжвор-о-мь (от сжверж, сжвѣрати), раздоръ — „трещина, разрыв“ — твор. пад. ед. ч. раздор-о-мь (от раздѣрж, раздѣрати), мракъ ([mrakъ] < morkъ) — твор. пад. ед. ч. мрак-о-мь (от мръкжити), позоръ — „зрелище“ — твор. пад. ед. ч. позор-о-мь (от позрьжѣти — „посмотреть“), потокъ — твор. пад. ед. ч. поток-о-мь (от потѣшти), зконъ — „звук“ — твор. пад. ед. ч. зкон-о-мь (от зкънѣти — „звучать“).

Многие относящиеся сюда существительные мужского рода часто получают конкретное, вещественное значение: гробъ — „могила“ (от грѣж, грѣти — „рыть“), цѣѣтъ (от цѣѣтъ, цѣѣтити), плотъ — „забор“ (от плѣтъ, плѣтити), рокъ — „яма“ (от рыти), гнои — „навоз“ (от гнити), крокъ — „крыша“ (от крыти).

в) Довольно многочисленным было образование существительных женского рода с суффиксом -ь: сжхъвь (от сжхѣѣти), мѣ — „пища, еда“ (от ѣсти), ткарь — „создание“ (от ткорити), кѣдь — „знание“ (от кѣдѣти — „знать“) и т. д.

г) Также довольно многочисленным было образование существительных женского рода с помощью суффикса -ѣ: чѣсть (от чѣтъ, чѣтити — „почитать“), страсть (от страдаѣти), кѣсть — „известие, слух“ (от кѣдѣти), закѣсть (от закъдѣти), власть (от владѣ, властити), сжмрьть (от мръж, мръжити — „умирать“) и т. д.

д) Отглагольные существительные женского рода с основой на -*i могли образовываться при помощи суффиксов -пъ, -спъ, -зпъ, -ѣль: вранъ ([branjъ] < borgъ — „борьба“ (от воржъ ѣ, врати ѣ — „сражаться“), казнь (от казати — „показывать“), данъ (от дати), пѣсь (от пѣти), жизнь (от жити), болѣзнь (от болѣти), воззнь (от волати ѣ), приазнь

(от *принати* — „благоприятствовать, помогать“), *гывѣль*, *погывѣль* (от (по) *гывнѣти*), *печаль* (от *пекѣ ѿ*, *пешти ѿ* — „заботиться“) и т. д.

3. Существительные, обозначающие носителя какого-нибудь качества и соотносимые с прилагательными и причастиями, образовывались посредством суффиксов:

а) *-ікъ*, *-іс'а*: *оученикъ*, *оученица* (от *оученъ*, *оучити*), *мѣченикъ*, *мѣченица* (от *мѣченъ*, *мѣчити*), *златникъ*, *златица* — „золотая монета“ (от *златъ*), *поуштеница* (от *поуштѣнъ*, *поуштити*), *пианица* (от *пианъ*) и др.

б) *-ѣп-ікъ* и *-ѣп-іс'а*: *грѣшникъ*, *грѣшница* (от *грѣшнъ*), *правдѣникъ*, *правдѣница* (от *правдѣнъ*), *длзжѣникъ* (от *длзжѣнъ*).

в) *-ѣс'ѣ* (для жен. р. *-іс'а*): *мрътѣць* (от *мрътѣъ*), *сѣбѣць* (от *сѣбѣъ*), *чръньца* — „монах“, *чръница* — „монахиня“ (от *чрънъ*), *старѣць* — „старик“, *старѣница* — „старуха“ (от *старѣъ*), *пришѣльць* (от *пришѣлъ* — „пришедший“).

4. Существительные мужского рода, обозначающие занятие и соотносимые с другими существительными, образовывались посредством суффиксов:

а) *-аг'ѣ*: *кратарѣ* (от *крата*), *мытарѣ* — „сборщик пошлин“ (от *мыто* — „пошлина“), *рыбарѣ* — „рыбак“ (от *рыба*), *киноградарѣ* (от *киноградъ* — „виноградник“).

б) *-ѣја > -і*: *сѣди* — „судья“ (от *сѣдѣъ*), *кѣтин* — „оратор“ (от *кѣтъ* — „изречение“).

в) *-ѣѣја (-ѣѣѣја, -ѣѣѣја) > -ѣ'і*: *книжѣчин* — „писец“ (от *книга*), *кормѣчин* — „кормчий, рулевой“ (от *корма* — „корма, руль“).

5. Существительные, обозначающие принадлежность к какой-либо стране, месту жительства, к какому-либо классу людей, народу, образовывались при помощи суффиксов:

а) *-іпѣ*, *-ѣп-іпѣ*, *-јап-іпѣ*: *поганинъ* — „язычник“ (от *поганъ*), *слобѣнинъ*, *землянинъ* — „соотечественник“ (от *земля* — „страна“), *галицѣнинъ* (от *галицѣ*), *римлянинъ* (от *Римъ*), *гражданинъ* (от *градъ*), *крѣстианинъ*, *коинъ* — „солдат“, *назарянинъ* и т. д.

Суффикс *-іпѣ* у этих существительных употреблялся только при образовании единственного и двойственного числа, а во множественном числе он опускался: *слобѣнѣ*, *галицѣнѣ*, *римлянѣ*, *гражданѣ*, *погани*, *кои* и т. д.

6. Отглагольные существительные среднего рода, обозначающие орудие, образовывались посредством суффиксов:

а) *-dl-*: *рало* ([*ralo*] < *ordlo*) — „плуг“ (от *орати* — „пахать“, ср. чеш. *rádlo*); *шило* ([*š'ilo*] < *š'idlo*) (от *шити*), ср. чеш. *šídlo*; *зръцало* — „зеркало“ (от *зръцати* — „смотреть“, ср. чеш. *zrcadlo*).

б) *-lo* и *-slo*: *грѣало* — „весло“ (от *грѣти* — „грести“), *число* (от *чѣтъ*, *чѣсти* — „считать“), *кадило* (от *кадити*), *кѣсело* (от *кѣсти*), *магло* (от *мазати*).

С другой стороны, с суффиксом *-lo* образовывались отвлеченные существительные: *дѣло* (от *дѣлати*), *начало* (от *начати*).

в) *-lo*: *пѣто* — „окова“ (от *пѣтъ* *пѣти* — „натягивать“), *крата* (от *крѣти* — „запирать“).

7. Существительные, обозначающие место нахождения какого-либо предмета или указывающие на место действия, образовывались посредством суффиксов:

а) *-ište* < **-iskjo*: *сѣдище* — „судилище“ (от *сѣдѣъ*), *сѣнѣище* — „место собраний“ (от *сѣнѣмъ* — „собрание“), *позорище* — „театр“ (от *позорѣ* — „зрелище“).

Если существительные с этим суффиксом образовывались от глаголов, то в основе всегда употреблялось производное *-l-* от соответствующего глагола: *сѣдалище* — „стул“ (от *сѣдати*), *хранилище* (от *хранити*), *жителище* (от *жити*), *благодѣтелище* (от *благодѣти* — „вкладывать“).

б) *-ѣп-іс'а*: *тѣмѣница* (от *тѣмѣнъ*, *тѣма*), *жѣтѣница* (от *жѣтѣнъ*, *жѣто* — „хлеб“), *ризыница* (от *ризынъ*, *риза* — „платье“).

8. Уменьшительные существительные образовывались посредством суффиксов:

а) *-ѣс'ѣ* для муж. р., *-ѣс'ѣ* для сред. р., *-ѣс'а*, *-іс'а* для жен. р.: *градѣць* (от *градъ*), *агнѣць* (наряду с *агна* — „ягненок“), *тельць* (наряду с *тѣла* — „теленос“), *облачѣць* (от *облакъ*), *чадѣць* (от *чадо*), *дѣшѣца* (от *дѣшка* — „доска“), *дѣрьца* (от *дѣрь*), *ладѣница* (от *ладѣ*).

б) *-ѣт*: *козѣла* — род. пад. *козѣлатѣ* (от *козѣлъ*), *жрѣбѣла* — род. пад. *жрѣбѣлатѣ* (наряду с *жрѣбѣць*), *агна* — род. пад. *агнатѣ* — „ягненок“ (наряду с *агнѣць*), *тѣла* — род. пад. *тѣлатѣ* (наряду с *тельць*), *отрочѣла* — род. пад. *отрочѣлатѣ* — „ребенок“ (от *отрокъ*) и т. д.

Приведенные примеры показывают, что с помощью суффикса *-ѣт* образовывались существительные, обозначающие молодых живых существ (молодых животных или детенышей животных).

9. Существительные женского рода, производные от соответствующих существительных мужского рода, образовывались посредством следующих суффиксов:

а) *-а*: *равѣ* — *рава*, *змиѣ* ([*zmii*] < *zmijѣ*) — „дракон“ — *змиѣа* — „змея“, *дрогѣ* — *дроугѣ*.

б) *-ја*: *тѣсть* — *тѣшта* ([*tbštā*] < *tbstja*), *господѣ* — „господин“ — *госпождѣ* ([*gospožd'a*] < *gospodja*).

в) *-уп'а* > *-уп'і*: *равѣ* — *равѣи*, *кѣназь* — *кѣнагыи*, *богѣ* — *богыи*, *самарянинѣ* — „самарянин“ — *самаряныи* — „самарянка“.

г) *-іс'а*: *цѣсарѣ* — *цѣсарѣица*, *любовѣи* — „развратник“ — *любовѣица*, *пророкъ* — *пророчица*.

10. Значительное количество существительных при помощи суффиксов было образовано от прилагательных и указывало на качество предмета, на его состояние, сущность и т. д.

а) Так, с помощью суффиксов *-ость*, *-ота* образовывались существительные женского рода: *сѣбѣлость*, *сѣбѣлота* (от *сѣбѣлъ*), *старость* (от *старѣ*), *чѣстость*, *чѣстота* (от *чѣтъ*), *благодѣть* (*благѣ*), *тажѣсть* (от *тажѣкъ*), *топлота* (от *топлѣ*), *крѣпѣсть* (от *крѣпѣкъ*), *ништѣта* (от *ништѣ*) и т. д.

Существительные женского рода, соотносимые с прилагательными и указывающие на качество предмета, его состояние, сущ-

ность и т. д., могли образовываться и при помощи следующих суффиксов:

-у (<ū), -уп'а (>уп'і): любви — „любовь“ (от любѣ — „милый“), цѣлы — „целость“ (от цѣлѣ), влагынѣ — „доброта“ (от влагѣ — „добрый“), грьдѣнѣ — „гордость“ (от грьдѣ), свѣтынѣ — „святость, освещение“ (от свѣтѣ);

-ја: чашта — „чаща“ (от чаштѣ), соуша (от соухѣ), ташта — „толщина, тучность“ (от таштѣ);

-ова: зглова (от зглѣ);

-іпа: глѣвина (от глѣвоу), истина (от истѣ — „действительный“), гѣдина (от гѣдѣ), тишина (от тихѣ).

б) Существительные среднего рода образовывались посредством суффиксов:

-је (-ije): гдѣраке (от гдѣракѣ — „здоровый“), келѣе (от келѣѣ), келѣе (от келѣѣ), милосрдѣе (от милосрдѣѣ);

-ѣство: роуатыѣ (от роуатѣ), мнѣжѣ (от мнѣжѣ).

В ряде случаев существительные среднего рода с суффиксом -ѣство могли образовываться от других существительных, обозначая при этом свойства, вытекающие из понятия основного слова: цѣлѣрѣѣ (от цѣлѣрѣ), члѣкѣѣ (от члѣкѣ), дѣѣѣ (от дѣѣ), мѣѣѣ (от мѣѣ), оуѣѣ (от оуѣ), воуѣѣ (от воуѣ) и т. д.

11. Собирательные существительные образовывались главным образом посредством суффикса -је (-ije): троупѣ (от троупѣ), крѣѣ (от крѣѣ), камѣѣ (от камѣ), корѣѣ (от корѣ), роуѣѣ (от роуѣѣ).

§ 86. В старославянском языке встречаются слова, основа которых состояла из двух корней:

а) слова, образованные повторением одного и того же корня: гла-гол-ѣ [glā-gol-ъ] < *gol-gol ~;

б) слова, заключающие разные корни: роу-мѣ-о [ru-mѣ-o].

Корень [ro], представленный в первой части этого слова, тот же, что и в слове [ro-ѣдо] роуѣдо — „рогатый скот“. Только в слове [gimъно] дифтонг [oѣ], оказавшись перед следующим согласным, монофтонгизировался, а в слове [ro-ѣдо] неслоговой [u] в позиции перед следующим гласным перешел у славян в [v]. Во второй части слова [gimъно] представлен корень [mъно] глагольного происхождения. Ср.: [mъно] мѣѣ, [mънѣ'і] мѣѣши, инфинитив [mѣti] мѣти — „мять“. Само же слово [gimъно] роуѣмно получило значение места, где рогатый скот мнет (топчет) колосья.

В старославянских текстах встречается много сложных слов, в которых два разных корня объединялись обычно с помощью специального элемента. Большинство из них являлось дословной передачей греческих сложных слов. Если первая часть в таких сложных словах представляла собой имя, то она соединялась с последующим словом обычно через гласный [o] или [e].

Первая часть сложных слов могла быть выражена: существительным: кодо-ноуѣ, кино-гдѣѣ, крѣѣ-мѣѣ — „кровежадность“, дрѣѣ-

дѣѣ — „плотник“, конѣ-члѣѣ, роуѣ-мѣѣ, кодо-дѣѣѣ, кино-мѣѣѣ, кодо-мѣѣѣ; прилагательным: згло-дѣѣ, любѣ-дѣѣ — „развратник“, лѣѣѣ-пророуѣѣ, кодо-мѣѣѣ, кодо-дѣѣѣ; числительным: тро-зѣѣѣ — „трезубец“ и т. д.

Вторая часть сложений, как показывают приведенные примеры, в качестве самостоятельного слова могла быть существительным.

На положении первого члена сложения могли выступать предлоги и частицы, представлявшие дополнительное определение к существительному, выступающему во второй части сложения. Например, гдѣ-воуѣ, роуѣ-дѣѣѣ, не-мѣѣѣ, не-мѣѣѣѣ, не-коуѣѣ. Сложное слово могло служить обозначением какой-либо вещи или существа, которому в качестве характерного признака свойственно то отношение, какое выражалось в сложении предлога и существительного: гдѣ-мѣѣѣ — „противник“ (дословно — участник места стояния, т. е. мѣѣѣ — „место стояния“), гдѣ-гдѣѣ — „сидящий вместе“ или „имеющий общее место сидения“.

Указанные выше способы словообразования имен существительных в старославянском языке очень давнего происхождения. Однако не все способы словообразования, свойственные индоевропейскому языку-основе, перешли в старославянский язык в качестве активных средств словообразования. Так, например, в старославянском языке не сохранилось в качестве живого средства образования слов с помощью инфиксов, которые в индоевропейском языке-основе являлись активными элементами словообразования.

Большую роль при словообразовании в старославянском языке играло чередование гласных.

ТИПЫ ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ

§ 87. В общеславянском языке имена распределялись по следующим типам склонения:

- I. Склонение имен с основой на -*ō.
- II. Склонение имен с основой на -*ā.
- III. Склонение имен с основой на -*ī.
- IV. Склонение имен с основой на -*y.
- V. Склонение имен с основой на согласный (-en, -es, ę-, -(t)er).
- VI. Склонение имен с основой на -ū.

Однако в связи со значительными изменениями, пережитыми в фонетической системе славянских языковых групп, суффиксальные тематические гласные с течением времени получили иное значение. Они стали относиться не к основе, а к окончанию и, следовательно, стали флексией.

В старославянском языке бывший тематический гласный в любом типе склонения можно всегда обнаружить в форме дательного падежа множественного числа и в форме дательного-творительного двойственного числа.

Например: равх: дат. мн. равомх, дат.-тв. дв. равона
 страна: странах странама
 когы: когых когыма
 (где [ь] < [*i]) и т. д.

Кроме того, в каждом типе склонения имеется ряд падежных форм, где также можно выделить бывший тематический гласный.

Склонение существительных с основой на -*ǫ

§ 88. Данный тип склонения существительных является одним из наиболее продуктивных типов в старославянском языке. По этому типу изменялись существительные мужского и среднего рода.

В старославянском языке существительные мужского рода, изменявшиеся по данному типу склонения, оканчивались в им. пад. ед. ч. на [-ъ] -х, [-ь] -ь или [-i] < [jъ] -и, а существительные среднего рода — на [-о] -о или [-е] -е.

Окончания [-ъ], [-i] и [-е] имели в им. пад. ед. ч. те существительные, у которых перед этими гласными употреблялся мягкий согласный звук¹. Следовательно, этот тип склонения существительных различал твердый и мягкий вариант склонения. В род. пад. ед. ч. существительные данного типа оканчивались на [-а] -а.

Единств. нное число

Им.	равх	конь	краи	селo	полю
Род.	рава	кон'а	крага	села	поля
Дат.	равоу	коню	краю	селоу	полю
Вин.	равх	кон'ь	краи	село	поле
Твор.	равомь	кон'емь	краемь	селомь	полемь
Местн.	равѣ	кон'и	краи	селѣ	поли
Зват.	раве	кон'ю	краю	село	поле

Множественное число

Им.-зват.	раби	кон'и	краи	села	поля
Род.	равх	кон'ь	краи	селх	полъ
Дат.	равомх	кон'емх	краемх	селомх	полемх
Вин.	рабы	кон'ѣ	краѣ	села	
Твор.	рабы	кон'и	краи	селя	поли
Местн.	равѣхъ	кон'ихъ	краихъ	селѣхъ	полихъ

¹ Мягкость была получена благодаря смягчению согласного основы следовавшим за ним [j]: *палаць* [plač'ь] < *plakjos*, *конь* [koňь] < **konjos*, или явилась результатом палатализации задненебных согласных [g] и [k]: *кыназь* [kъnǫdz'ь] < *kъnǫgъ* < **kupingos*, *отьць* [otъc'ь] < *otъkъ* < **otikos*.

Двойственное число

Им.-вин.-зват.	рава	конга	крага	селѣ	поли
Род.-местн.	равоу	коню	краю	селоу	полю
Дат.-твор.	равона	конѣма	краѣма	селона	полѣма

Как показывают приведенные образцы склонения, существительные среднего рода изменялись так же, как и существительные мужского рода, за исключением следующего: 1) форма именительного, винительного и звательного падежей единственного числа у существительных среднего рода всегда оканчивалась на [-о] или [-е]: *село*, *поле*; 2) форма именительного, винительного и зательного падежей множественного числа у существительных среднего рода всегда оканчивалась на [-а]: *села*, *поля*; 3) в форме именительного-винительного-зательного двойственного числа существительные среднего рода получали окончание [-ѣ] в твердом варианте склонения и окончание [-i] в мягком варианте склонения: *селѣ*, *поли*.

Окончанию [-ѣ] после твердых основ соответствует окончание [-i] после мягких основ: местн. пад. ед. ч.: *равѣ* — *кони*, *селѣ* — *поли*, местн. пад. мн. ч.: *равѣхъ* — *конихъ*, *селѣхъ* — *полихъ*; им.-вин.-зват. дв. ч. у существительных среднего рода: *селѣ* — *поли*.

Окончанию [-у] у существительных с твердой основой в твор. пад. мн. ч. соответствует окончание [i] у существительных с мягкой основой: *рабы* — *кони*, *селя* — *поли*.

Окончанию [-у] у существительных муж. р. с твердой основой в форме вин. пад. мн. ч. соответствует окончание [-е] у существительных муж. р. с мягкой основой: *рабы* — *конѣ*.

Гласному [о] в окончании существительных с твердой основой соответствует гласный [е] у существительных с мягкой основой: им. пад. ед. ч. существительных ср. р.: *село* — *поле*, твор. пад. ед. ч. *равомь* — *конемь*, *селомь* — *полемь*, дат. пад. мн. ч. *равомх* — *конемх*, *селомх* — *полемх*, дат.-твор. дв. ч. *равона* — *конѣма*, *селона* — *полѣма*.

Форма винительного падежа ед. ч. у существительных мужского рода, обозначавших одушевленные предметы, совпадала с формой именительного падежа ед. ч. Это объяснялось тем, что в старославянском языке не была еще развита категория одушевленности. Однако в старославянских памятниках уже начинает встречаться употребление формы родительного падежа в значении винительного у этих существительных.

Если основа существительных оканчивалась на задненебный согласный [k], [g] [ch] (к, г, х), то в позиции перед [ѣ] и [i] ([ѣ] и [i] < o) задненебный согласный чередовался со свистящим, а именно [k]:[c'] (к:ц), [g]:[dz'] (г:з), [ch]:[s] (х:с).

Например, от существительных *члвкъхъ*, *крагъхъ*, *грѣхъхъ*, *кѣко* местн. пад. ед. ч. *члвкъѣѣ*, *краѣѣ*, *грѣѣѣ*, *кѣѣѣ*; местн. пад. мн. ч. *члвкъѣѣхъ*, *краѣѣхъ*, *грѣѣѣхъ*, *кѣѣѣхъ*; им. пад. мн. ч. *члвкъѣѣ*, *краѣѣ*, *грѣѣѣ*; им.-вин. дв. ч. *кѣѣѣ*.

В позиции перед гласным [e] в зват. форме ед. ч. задненебный согласный у существительных мужского рода чередовался с шипящим, а именно [k]:[č'] (к:ч), [g]:[ž'] (г:ж), [ch]:[š'] (х:ш). Например: чл^окѣчѣ, кражѣ, грѣшѣ.

Имена существительные мужского рода, оканчивающиеся в им. пад. ед. ч. на [-с'ъ] -цъ, например отъцъ, и на [-dž'ъ] -сь, например кн^азъ, имели зват. форму ед. ч. по образцу существительных с твердой основой. При этом вместо свистящих [с'] ц и [dž'] з здесь выступали шипящие [č'] ч и [ž'] ж: отъчѣ, кн^азѣ.

В остальных падежных формах эти существительные изменялись по мягкому варианту данного склонения.

Существительные мужского рода с суффиксами [-tel'ъ] (-телъ), [-ag'ъ] (-агъ), [-ip'ъ] (-инъ), например дѣлатель, мытарь, гражданинъ, могли во множественном числе получать формы, характерные для склонения с основой на согласный. При этом у существительных с суффиксом [-ip] последний во мн. ч. утрачивался, напр. им. п. гражд^анѣ.

Склонение существительных с основой на -*ā

§ 89. По данному типу склонения изменялись существительные женского рода и некоторые существительные мужского рода. В именительном падеже ед. ч. они оканчивались на гласный [-a] -а. В этом типе склонения различались твердый и мягкий варианты.

Например: страна, сѣстра, земля, дѣвица, овца, строум, слоуга, юноша, владыка и т. д.

В род. пад. ед. ч. существительные твердого варианта склонения получали флексию (-у) -ы, а существительные мягкого варианта — (-е) -а.

Единственное число

Им.	страна	слоуга	дѣвица	земля	строум
Род.	страны	слоугы	дѣвицѣ	землѣ	строумѣ
Дат.	странѣ	слоусѣ	дѣвици	землѣ	строуми
Вин.	странѣ	слоугѣ	дѣвицѣ	землѣ	строумѣ
Твор.	страноу	слоугоу	дѣвицею	землею	строумею
Местн.	странѣ	слоусѣ	дѣвици	землѣ	строуми
Зват.	страно	слоуго	дѣвице	земле	строуме

Множественное число

Им.-зват	страны	слоугы	дѣвицѣ	землѣ	строумѣ
Род.	странѣ	слоугѣ	дѣвицѣ	землѣ	строумѣ
Дат.	странамъ	слоугамъ	дѣвицамъ	землямъ	строумамъ
Вин.	страны	слоугы	дѣвицѣ	землѣ	строумѣ
Твор.	странами	слоугами	дѣвицами	землями	строумами
Местн.	странахъ	слоугахъ	дѣвицахъ	земляхъ	строумахъ

Двойственное число

Им.-вин.-зват.	странѣ	слоусѣ	дѣвици	землѣ	строуми
Род.-местн.	страноу	слоугоу	дѣвицю	землю	строую
Дат.-твор.	странама	слоугама	дѣвицама	земляма	строумама

Гласному [-у] -ы в окончании существительных твердого варианта склонения соответствует гласный [-е] -а в мягком варианте: род. пад. ед. ч. и им.-вин.-зват. мн. ч. страны — землѣ.

Гласному [-ѣ] -ѣ в окончании твердого варианта склонения соответствует гласный [-и] -и в мягком варианте: дат. и местн. пад. ед. ч. и им.-вин.-зват. дв. ч. странѣ — землѣ.

Гласному [o] в твердом варианте склонения соответствует [e] в мягком варианте: твор. пад. ед. ч. страноу — землею, зват. форма ед. ч. стра^но — земле.

Если корень существительных оканчивался на задненебный согласный [k], [g] или [ch], то он в формах дат. и местн. пад. ед. ч. и в им.-вин. зват. дв. ч. в позиции перед [-ѣ] (< ai) чередовался со свистящим, а именно [g]:[dž'] (г:ж), [k]:[c] (к:ц), [ch]:[s'] (х:с): нога — ногѣ, ржа — ржѣ, пазоуха — пазоусѣ.

По мягкому варианту данного типа склонения изменялись существительные женского и мужского родов, оканчивающиеся в им. п. ед. числа на [-ii] -ии: ладии, мазнии (жен. р.), сѣднии, сокачии, крѣмьчии, кн^игъчии (муж. р.).

Сочетание [-jā] (-jā) на ступени редукции в славянской фонетике отразилось в виде [-i] (таково происхождение конечного гласного в окончании перечисленных выше существительных). Такого же происхождения был [i] после мягкого согласного [n'] в суффиксе [-y'ni] -ыни: поугъни, богъни, кн^агъни, рабыни и т. д. Существительные женского рода, оканчивающиеся на [yn'i] -ыни, также изменялись по мягкому варианту склонения существительных с основой на -*ā.

Ед. ч.

Мн. ч.

Им.	сѣднии	рабыни	сѣдницѣ	рабыницѣ
Род.	сѣдницѣ	рабыницѣ	сѣднии	рабыни
Дат.	сѣднии	рабыни	сѣдницамъ	рабыницамъ
Вин.	сѣдницѣ	рабыницѣ	сѣдницѣ	рабыницѣ
Твор.	сѣдницею	рабыницею	сѣдницами	рабыницами
Местн.	сѣднии	рабыни	сѣдницахъ	рабыницахъ
Зват.	сѣдние	рабыне	сѣдницѣ	рабыницѣ

Дв. ч

Им.-вин.-зват.	сѣднии	рабыни
Род.-местн.	сѣднюю	рабыню
Дат.-твор.	сѣдницама	рабыницама

Склонение существительных с основой на -*ŭ

§ 90. Этот тип склонения был малопродуктивным в старославянском языке. К нему относилось незначительное количество существительных мужского рода, оканчивающихся в им. пад. ед. ч. на [-ъ] -ъ, а в род. пад. ед. ч. на [-и] -и: сынъ, домъ, колъ, полъ, крыжъ, медъ.

Предполагают, что к данному типу склонения относились также существительные радъ, чинъ, ганъ, оудъ, садъ, даръ и др., от которых в памятниках старославянского языка сохранились лишь отдельные падежные формы, характерные для склонения существительных с основой на -*ŭ.

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им. сынъ	Им.-зват. сыноуе	Им.-вин.-зват
Род. сыноу	Род. сыноуѣ	сыны
Дат. сыноуи	Дат. *сынъмъ (сынѡмъ)	Род.-местн
Вин. сынъ	Вин. сыны	сыноуѡу
Твор. *сынъмъ (сынѡмъ)	Твор. сынъми	Дат.-твор.
Местн. сыноу	Местн. *сынъхъ (сынѡхъ)	сынъма
Зват. сыноу		

В значении вин. пад. ед. ч. от существительного сынъ в некоторых старославянских памятниках встречается форма, совпадающая с формой род. пад. ед. ч. от существительных с основой на -*ŭ: сына — Зогр. ев., Мф X, 37; XVI, 13; XVI, 28; XXI, 38; XXIII, 15 и др.

Этот тип склонения очень рано начал вытесняться склонением с основой на -*ŏ, о чем свидетельствует тот факт, что в твор. пад. ед. ч., дат. и местн. пад. мн. ч. исконные формы склонения с основой на -*ŭ не сохранялись в старославянских памятниках, а вместо них употреблялись формы, характерные для склонения существительных с основой на -*ŏ

Склонение существительных с основой на -*i

§ 91. К данному склонению в старославянском языке относились существительные мужского и женского рода, оканчивающиеся в им. пад. ед. ч. на [-ъ] -ъ, а в род. пад. ед. ч. — на [-и] -и.

В противоположность мягкому варианту склонения с основой на -*ŏ у существительных мужского рода с основой на -*i согласный основы был твердым, получившим лишь позиционную полумягкость перед тематическим гласным [ъ] < [*i]. Например, огнь [ognь] < *ognis — конь [konъ] < *konjös.

Что касается существительных женского рода, то они могли иметь в основе перед тематическим гласным и мягкий и твердый

согласный с позиционной полумягкостью. Например ношь [noštъ] < *noktis и кошь [kostъ] < *kostis.

	Ед. ч.		Мн. ч.	
Им.	гошь	кошь	гоштыє	кошти
Род.	гошти	кошти	гоштын	коштын
Дат.	гошти	кошти	гоштымъ	коштымъ
Вин.	гошь	кошь	гошти	кошти
Твор.	гошымъ	кошымъ	гоштыми	коштыми
Местн.	гошти	кошти	гошѣхъ	кошѣхъ
Зват.	гошти	кошти	гоштыє	кошти

Дв. ч.	
Им.-вин.-зват.	гости гости
Род.-местн.	гостью гостью
Дат.-твор.	гостѣма гостѣма

В следующих формах в памятниках старославянского языка наряду с написанием буквы ѣ можно встретить написание буквы и (в данном случае буквами ѣ/и обозначался редуцированный гласный [i]):

твор. ед.	кошымъ	кошѣмъ
им.-зват. мн.	гошье	гошѣе
род. мн.	коштын	кошѣи, гоштын — гошѣи
род.-местн. дв.	кошью	кошѣю, гошью — гошѣю

По данному типу склонения образовывали формы двойственного числа существительные оухо и око:

Им.-вин.-зват.	оуши	очи
Род.-мест.	оушню	очню
Дат.-твор.	оушима	очима

Употребление гласного [i] вместо [ъ] в форме дат.-твор. дв. ч. объясняется воздействием со стороны форм им.-вин.-зват. дв. ч.

Склонение существительных с основой на согласный

§ 92. К данному типу склонения относились существительные всех трех родов. При этом основа существительных, изменявшихся по этому склонению, оканчивалась на суффиксы: -en (-men), -es, -et или -er (-ter).

1). Существительные мужского рода получали при склонении суффикс (-en) например, камы: камѣн-, пламы: пламѣн-.

По данному типу склонения изменялись также существительные мужского рода типа: **кремень, ремень, гачмень, корень, дынь** и др.

2. Существительные женского рода получали суффикс **-er(ter)**.
Таких существительных было два: **мати: матер-, джшти: джштер-**.

3. Существительные среднего рода могли получать суффикс **-en, -es, -et**:

- има: имен-, крѣма: крѣмен-, гѣма: гѣмен-** и т. д.;
- слоко: слоке-, оухо: оушер-, око: очек-, небо: небек-** и т. д.;
- тела: телат-, отроча: отрочат-, козыла: козылат-** и т. д.

Единственное число

Им.	камы	има	слоко	тела	мати	дынь
Род.	камене	имене	слокеге	телате	матере	дыне
Дат.	камени	имени	слокеги	телати	матери	дыни
Вин.	камень	има	слоко	тела	матерь	дынь
Твор.	каменьнь	именьнь	слокегьнь	телатьнь	матерььж (-ниж)	дыньнь
Местн.	камене	имене	слокеге	телате	(матери)	дыне

Множественное число

Им.	камене	имена	слокега	телата	матери	дыне
Род.	каменз	именз	слокегз	телатз	матерз	дынз
Дат.	каменьмь	именьмь	слокегьмь	телатьмь	*матерьмь (-ремь)	дыньмь
Вин.	камени	имена	слокега	телата	матери	дыни
Твор.	каменьми	имены	слокегы	телаты	матерьми	дыньми
Местн.	каменьхъ	именьхъ	слокегьхъ	телатьхъ	*матерьхъ (-рехъ)	дыньхъ

Двойственное число

Им.-вин.	камени	именѣ	слокегѣ	телатѣ	(матери)	дыни
Род.-местн.	каменоу	*именоу	слокегоу	телатоу	(матероу)	дыноу
Дат.-твор.	каменьма	именьма	слокегьма	телатьма	(матерьма)	(дыньма)

1. У существительных мужского рода окончание **[-у]** -ы в им. пад. ед. ч. встречается только у двух существительных: **камы** и **пламы** и при этом только в Супрасльской рукописи (**пламы** — 159₁₇, **камы** — 243₆₋₇, 276₁, 300₄, 301₅, 444₁₄, 23, 30, 445₁₉ и др.). В остальных памятниках в значении им. пад. ед. ч. выступают у этих существительных форма вин. пад. ед. ч. **камень, пламень**.

Форма им. пад. мн. ч. обычно заменяется собирательными существительными: **камение, корение, степенение**.

2. По образцу существительных мужского рода с основой на согласный могли образоваться во множественном числе падежные формы существительных мужского рода, оканчивающиеся на **-ниж, -арѣ, -тель**:

Им.	граждане	дѣлателе	мытаре, -ри
Род.	гражданз	дѣлателз, -телѣ	мытарь

Дат.	гражданѣмъ	дѣлателемъ, -тельмъ	мытаремъ, -рьмъ
Вин.	гражданы	дѣлателъ	мытаръ
Твор.	гражданы	дѣлателы, -ли	мытари, -ры
Местн.	гражданехъ	дѣлателъхъ, -лехъ	мытарѣхъ

3. Существительные среднего рода с суффиксом **[-et]** -ат всегда обозначали молодых живых существ.

4. От существительных **мати** и **джшти** формы двойственного числа в старославянских памятниках не засвидетельствованы. В значении вин. пад. ед. ч. наряду с формой **матерь** встречается форма род. пад. **матере**: **любамъ оца ли мѣре** (матере), Сав. кн., Мф. X, 37; Супр. 253₁₀.

Склонение существительных с основой на **-*ŭ**

§ 93. К этому склонению в старославянском языке относились существительные женского рода, оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на гласный **[-у]** -ы: **скєкры** (скєкрък-), **любь** (любък-), **црькы** (црькък-), **воуькы** (воуькък-), **локы** (локък-), **неплоды** (неплодък-) и др.

Бывший тематический гласный **-*ŭ** выступал у славян в позиции перед следующим гласным в виде **[-ъv]** -жк. Благодаря этому основа существительных данного типа склонения стала оканчиваться на согласный звук, что привело к усвоению ими падежных флексий основ на согласный.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	скєкры	скєкръкы	Им.-вин.-зват. (скєкръки)
Род.	скєкръке	скєкръкы	
Дат.	скєкръки	скєкръкамъ	Род.-местн. (скєкръкоу)
Вин.	скєкръкы	скєкръки	
Твор.	скєкръкыж	скєкръками	Дат.-твор. (скєкръкама)
Местн.	скєкръке	скєкръкахъ	

При изучении склонения существительных с основой на **-*ŭ** следует помнить следующее:

1. В твор. пад. ед. ч. наряду с формой **скєкръкыж** можно встретить написание **скєкръкиж**, где чередующимися буквами **ь/и** обозначался редуцированный гласный **[i]**.

2. В дв. ч. в памятниках встречается только форма род.-местн. пад.

3. Своеобразием данного склонения являлось то, что формы дат., твор. и местн. пад. мн. ч. были образованы под влиянием склонения имен с основой на **-*a**.

4. В значении вин. пад. ед. ч. в ряде случаев употребляется форма род. пад.: **скєкръке** — Зогр. ев., Мф. X, 35; Лук. XII, 53; **црькъке** — сб. Кл. I, 121; Зогр. ев., Мр. XV, 29; Супр. 227₂₇ 28, 228₃ и др., **любъке** — Сав. кн., Ио. XIII, 35; **любъке** — Супр. 207₃ и др.

5. К этому склонению принадлежало некогда и слово *крѣкъ*, от которого в памятниках встречаются формы ед. ч. по образцу склонения с основой на *-ѣ, а во мн. ч. — по типу склонения с основой на *-і. Исключение составляет только форма род. пад. мн. ч. *крѣкъ* (вм. *крѣки*), которая образована по типу склонения с основой на *-ѣ.

ПРОЦЕССЫ ИЗМЕНЕНИЯ ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ

§ 94. Исследование памятников старославянского языка показывает, что именное склонение развивалось и изменялось. Основное направление этих изменений состояло в том, что утрачивалось старое деление на типы склонения по характеру тематического гласного (тематического суффикса) основы.

Этот тематический гласный исторически в ряде падежных форм подвергся сильным изменениям, и его во многих случаях уже невозможно обнаружить в старославянском языке. С другой стороны, все ярче проступает тенденция к объединению существительных одного грамматического рода в один тип склонения. Эту тенденцию усиливало еще совпадение звукового вида многих существительных, имевших один грамматический род.

Каким же изменениям подверглись приведенные выше типы склонения в старославянском языке?

I. В памятниках старославянской письменности намечается взаимодействие существительных с основой на *-ѣ и с основой на *-і, т. е. существительных типа *равѣ* — *гынѣ*. Сходство грамматического рода и общность флексии им. п. ед. ч. привели к взаимодействию между ними, вследствие чего существительные с основой на *-і могли употребляться с флексиями существительных с основой на *-ѣ, и наоборот. Особенно это характерно для существительных с основой на *-і, в склонении которых наблюдается сильное колебание между свойственными ему окончаниями и окончаниями склонения существительных с основой на *-ѣ.

Так, наряду с формой род. пад. ед. ч. *гынѣ* значительно чаще употребляется форма *гына*; наряду с формой дат. пад. ед. ч. *гынѣ* чаще встречается форма *гынѣ*; в местн. пад. ед. ч. наряду с формой *гынѣ* употребляется форма *гынѣ*; вместо зват. формы *гынѣ* чаще встречается форма *гынѣ*; в форме им.-вин.-зват. дв. ч. наряду с формой *гынѣ* употребляется форма *гынѣ* и т. д.

Приведенные примеры показывают, что в качестве особого типа склонения склонение с основой на *-і было в ст.-слав. языке уже на пути к исчезновению.

Что касается существительных с основой на *-ѣ, то они также подвергались воздействию склонения с основой на *-і. Распространение окончаний склонения с основой на *-і в склонении с основой на *-ѣ было неодинаковым: оно очень ограниченно проявлялось в единственном числе и более значительно — в именительном и особенно в родительном падеже множественного числа.

Например, им. пад. мн. ч. *доухѣ* — Супр. 237⁸, *попокѣ* — Син. тр. 49¹¹, *гѣдокѣ* — Супр. 301⁸, *зминѣ* — Супр. 77⁸, 227²⁹, 229³⁴, *знокѣ* — Супр. 172²⁹ и т. д. вместо *доуѣ*, *попи*, *гѣди*, *змини*, *знои* и т. д.; род. пад. мн. ч. *вѣтокѣ* — Супр. 40¹⁸, *грѣтокѣ* — Зогр. ев., Сав. кн., Лук. III, 3; Мар. ев., Ассем. ев., Лук. XXIV, 47 и др., *плодокѣ* — Супр. 429³⁰, *зминѣ* — Син. тр. 4^{6/19-21}; Супр. 467³; *знокѣ* — Супр. 301³⁴, *кращѣ* — Зогр. ев., Мр. II, 17; Лук. V, 31; Зогр. ев., Сав. кн., Остр. ев., Мр. V, 26; Супр. 559¹¹ и т. д. вместо *вѣтъ*, *грѣтъ*, *плодѣ*, *змини*, *знои*, *кращѣ* и т. д.

Особенно широко распространилось в памятниках старославянского языка окончание дат. пад. ед. ч. {-ovі} -ѣки (или [-evі] -ѣки в мягком варианте склонения). Однако формы на {-ovі} -ѣки встречаются лишь у имен, обозначающих лицо, главным образом в именах собственных и в иноязычных словах: *в(о)ѣки* — Зогр. ев., Мар. ев., Мр. XII, 17; *мѣжѣки* — Мар. ев., Зогр. ев., Лук. I, 27; *архїе-рѣки* — Зогр. ев., Мар. ев., Мр. I, 44 и др.; *кегарѣки* — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XXII, 17, 21; Мар. ев., Мр. XII, 14 и *кегарѣки* — Мар. ев., Мр. XII, 17; *нерѣки* — Мар. ев., Лук. V, 14; *ногифѣки* — Мар. ев., Мр., XV, 45; *петрѣки* — Мар. ев., Зогр. ев., Мр. VIII, 33; *кнѣ-рѣки* — Мар. ев., Зогр., Лук. XIII, 7; *могѣки* — Мар. ев., Мр. IX, 5; Лук. IX, 33 и т. д. Эта флексия встречается у названий предметов лишь в тех случаях, когда предметы персонифицируются: *глаго-лаѣше ѣдоки* — Супр. 476¹⁸, *намѣ...а не мироки* — Сав. кн., Ио. XIV, 22.

Таким образом, старославянские памятники указывают на идущий процесс сближения этих двух склонений. Тип склонения на *-і, к которому относилось всего несколько слов, в дальнейшем полностью сливается со склонением с основой на *-ѣ, передав ему при этом некоторые флексии.

II. Существительные муж. род. с основой на *-jѣ (типа *конѣ*) взаимодействуют с существительными муж. р. с основой на *-і (типа *гѣтъ*).

Тип склонения с основой на *-і отличался от склонения с основой на *-jѣ тем, что его конечный согласный основы являлся только полумягким, а не мягким, как у существительных с основой на *-jѣ.

Однако это различие, четкое при согласных [d], [t], [b] и других, противопоставленных мягким [ǰd'], [ǰt'], [bǰ'] и другим, было менее надежно в отношении согласных [n], [r], соотносящихся с мягкими [n'], [r']. Поэтому язык легко переходит от *огнь* (огнь) к *огнь* (огнь), от *звѣрь* [zvǣrǰ] к *звѣрь* [zvǣrǰ'] и т. д., и наряду с формой род. пад. ед. ч. *огни* [ogni], *звѣри* [zvǣri] начинает употребляться форма *огни* (огнь'a), *звѣри* [zvǣrǰ'a], в дат. пад. ед. ч. *огню* (огнь'u) и т. д.

Такой переход в склонение с основой на *-jѣ в дальнейшем начинают совершать и другие существительные. Например, от существительного *господѣ* [gospodǰ] очень часто в род. пад. ед. ч. встречается форма *господа* (с вариантом *г(оспод)ѣ* в глаголических памятниках — Зогр. ев., Лук. XVI, 5; Син. пс. 26^{6/27}, 28^{3/5}, 32^{6/13};

сб. Кл. I, 51; II, 20, 59, 732), в дат. пад. ед. ч. г(о)по(д)ю — Зогр. ев., Ас. ев., Мф. IV, 10; Син. пс. 20⁶/₄₈; 26⁶/₃₈, 27²/₃₁ и др.; Син. тр. 60⁶/_{3,9}, 12, 15, 18 и др., г(о)по(д)у — Супр. 62; Сав. кн., Мф. IV, 10, и под влиянием склонения с основой на *-й форма г(о)по(д)е(н)и — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. V, 33; Мр. XII, 36; Лук. I, 17; II, 38; XX, 42 и т. д.

Склонение существительных муж. р. с основой на *-і как особый тип в дальнейшем исчезает, но некоторые характерные для него окончания распространяются внутри существительных с основой на *-jō, со склонением которых оно смешивается. Так, в старославянских памятниках можно встретить в им. пад. мн. ч. форму коумириѣ — Супр. 536, в м. коумири, кождиѣ — Зогр. ев., Мф. XXIII, 16, 24 в м. кожди, в род. пад. мн. ч. встречается форма крачеи — Асс. ев., Мр. V, 26 в м. крачь, наряду с новообразованием крачекъ — Зогр. ев., Мр. II, 17; Лук. V, 31; Зогр. ев., Сав. кн., Остр. ев. Мр. V, 26; Супр. 559₁₁ и т. д.

III. Большие изменения претерпевает склонение с основой на согласный. В старославянских памятниках оно фактически не представляет самостоятельного типа. Основы на согласный, от которых в древнейших памятниках сохранялись еще некоторые характерные формы, теряют свое значение и постепенно вытесняются типами склонений с основой на *-і и *-ō.

1. Существительные муж. р. (типа камы) с древнейших пор взаимодействуют с основами на *-і. Так, в твор. пад. ед. ч., дат.-твор. пад. дв. ч., дат., твор. и местн. пад. мн. ч. формы каменѣмь, каменѣма, каменѣмъ, каменѣни, каменѣхъ имеют два тематических суффикса — [-еп-] и [-ь-], из которых второй суффикс проник в эти формы под влиянием склонения с основой на *-і (ср. гостѣмь, гостѣма, гостѣмъ, гостѣни, гостѣхъ).

Под влиянием этого же склонения в формах род. и местн. пад. ед. ч. наряду с флексией [-е] начинает употребляться флексия [-і]; каменѣи — Мар. ев., Лук. XIX, 44.

Под влиянием склонения с основой на *-і форма вин. пад. ед. ч. вытесняет форму им. пад. ед. ч.: камы — каменѣ. Им.-вин. пад. дв. ч. получил у существительных муж. р. форму основ на *-і: каменѣи и т. д.

2. Существительные ср. р. с основой на согласный взаимодействуют как с существительными с основой на *-і, так и с основами на *-ō.

Так, у них, так же как и у существительных муж. р., под влиянием склонения существительных с основой на *-і издавна употреблялись в твор. пад. ед. ч., дат. и местн. пад. мн. числа и дат.-твор. пад. дв. ч. формы типа глобѣмь, именѣмь, телатѣмь; глобѣмъ, именѣмъ, телатѣмъ; глобѣхъ, именѣхъ, телатѣхъ; глобѣма, именѣма, телатѣма.

В род. и местн. пад. ед. ч. под влиянием этого же склонения наряду с флексией [-е] начинает употребляться флексия [-і]; глобѣи — Ас. ев., Мф. XXII, 46; Зогр. ев., Мф. XVIII, 23; Лук. I,

29; Мар. ев., Мф. XXV, 19; Мр. X, 22; Лук. I, 29; чоудѣи — Супр. 35₁₈, 39₂₇ и т. д.

Вследствие тождества им.-вин. и род. пад. мн. ч. основ на согласный и основ на *-ō у существительных ср. р. преобладание в твор. пад. мн. ч. получила аналогия типу склонения с основой на *-ō: глобѣи, именѣи, телатѣи; то же и в им.-вин. дв. ч. — глобѣи, именѣи, телатѣи.

Особенно сильным было влияние основ на *-ō на существительные с основой на *-es. Этому способствовала общность флексии в им.-вин. пад. ед. ч.: гѣло — глобо. Под влиянием склонения с основой на *-ō появляются формы род. ед. глоба — Супр. 132₁ (наряду с формой глобѣи [-и]), дат. ед. глобоу — Асс. ев., Ио. II, 22 (наряду с формой глобѣи), твор. ед. глобомъ — Зогр. ев., Мф. VIII, 16; Мр. XII, 13; Лук. VII, 7; Мар. ев., Мф. XXII, 15; Мр. XII, 13; Лук. XXIV, 19; Ио. XVII, 20 (наряду с формой глобѣмь) и т. д.

В дальнейшем существительные с основой на *-es полностью переходят в тип склонения с основой на *-ō.

3. Существительные жен. р. мати и дѣшти также подверглись сильному влиянию со стороны склонения с основой на *-і. Так, по аналогии с этими основами существительные мати и дѣшти в твор. пад. ед. ч. получили форму на [ьjō]-ыж: матерѣж (матерѣж), в дат. пад. мн. ч. матерѣмъ (матерѣмъ), в твор. пад. мн. ч. матерѣми, дѣштерѣми. Под влиянием этого же склонения в род. пад. ед. ч., наряду с формой матере, дѣштѣре, употребляется форма матери — Супр. 242₂₄, Син. пс. 25²/₂₀, 25⁶/₂, дѣштерѣи — Син. пс. 8⁶/₁₃, 59²/₃₁, в род. пад. мн. ч. наряду с формой дѣштерѣж, употребляется форма дѣштерѣ(ь)еі — Син. пс. 140⁶/₁₀ и т. д.

IV. Склонение существительных с основой на *-ū подверглось сильному воздействию со стороны склонений на *-і и на *-а. Под влиянием склонения с основой на *-і с древнейших пор были образованы формы твор. пад. ед. ч., им. и вин. пад. мн. ч.: црькыжъ, кекръкыжъ (-иж); црькыжи, кекръкыжи и т. д. Под влиянием этих же основ (типа кость) в род. и местн. пад. ед. ч. начинают употребляться формы с флексией [-і] вместо (-е): црькыжи — Син. пс. 26²/₂₃.

Под влиянием склонения на *-і в дальнейшем форма вин. пад. ед. ч. начинает вытеснять форму им. пад. ед. ч.: кекръкыжъ, црькыжъ и т. д.

В образовании формы дат., твор. и местн. пад. мн. ч. и дат.-твор. пад. дв. ч. с древних пор сказалось влияние склонения существительных с основой на *-а: кекръкыжамъ, кекръкыжами, кекръкыжахъ, кекръкыжама.

Таким образом, материал старославянских памятников показывает, что старый тип деления слов на склонения по тематическому суффиксу разрушается, и в основу такого подразделения кладется уже грамматический род. Благодаря этому происходит перегруппировка типов склонений, и основную роль при объединении слов в такие типы начинает играть грамматический род.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАДЕЖНЫХ ФЛЕКСИЙ

Выше отмечалось, что тематическая структура имен существительных в старославянском языке уже не прослеживается во всех падежных формах, что в ряде случаев она затемнена и что ее во всех типах склонения всегда можно обнаружить только в формах дат. пад. мн. ч. и дат.-твор. пад. дв. ч. Кроме того, в каждом типе склонения выделяются еще и другие падежные формы, где также видна тематическая структура слова. В ряде же падежных форм произошло переразложение основы существительных, и тематический гласный отошел к флексии.

Что же представляют по своему происхождению флексии существительных в старославянском языке?¹

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 95. Именительный падеж

Исторически многие существительные в данной падежной форме не имели флексий. Так, как показывает материал сравнительной грамматики, не имели флексии все существительные с основой на *-ā и существительные с основой на согласный.

Слова типа *страна*, *земля* оканчивались в общеславянском языке на тематический гласный основы, который в старославянском языке в данной падежной форме выступает уже как окончание.

Существительное *камы* (род. пад. *кам-ен-е*) в доисторическую пору обладало суффиксом и в им. пад. Но этим суффиксом был не *[-en]*, а *[-on]*, т. е. *[kam-on]*. В таком виде это слово существовало до тех пор, пока не получило по аналогии с другими существительными окончания *[-s]*: **kamons*. Гласный *[o]* в конечном слоге подвергся усиленной лабиализации и переходил в *[u]*. Под влиянием группы согласных *[ns]* в конечном слоге происходило удлинение предшествующего гласного, а *[u] > [y]*. В связи с действием закона открытого слога конечные согласные утрачивались. Следовательно, **kamons > kamūns > kamū > kamu*².

Существительное *гѣмъ* (**sēm-ēn* (род. пад. *гѣм-ен-е*). Окончание *[-ē]* является видоизмененным тематическим суффиксом, который подвергся монофтонгизации.

Существительное *слово* (**slov-os* (род. пад. *слово-ѣт-е*). Гласный *[o]* в конечном слоге должен был бы сузиться, подвергнуться усиленной лабиализации и дать *[ū] > [ъ]*. Однако здесь произошло только отпадение конечного согласного *[s]*, а гласный *[o]* сохра-

нился без изменения. Считают, что на сохранение этого гласного оказали известную роль местоимения типа *то*, *оно*.

Существительное *мати* (**ma-tēr* (род. пад. *мат-ѣр-е*). После отпадения согласного *[r]* *[ē]* должно было бы измениться в *[ē]* (*ѣ*), однако здесь возникла флексия *[i]*, происхождение которой в достаточной степени не выяснено. По мнению некоторых ученых, на это *[ē]* падало нисходящее ударение, вследствие чего *[ē] > [i]*.

Самой распространенной флексией им. пад. ед. ч. в общеславянский период была флексия *[-s]*. Ее имели существительные с основой на **-ō*, **-ī*, **-ū*, **-ū*:

**-ō*: { *рѣкъ* < **orb-ō-s* > *orbūs* > *rabъ*;
конь < **konj-ō-s* > *konjūs* > *konjъ* > *kon'ъ*;
**-ī*: { *гостъ* < **gost-i-s* > *gosti* > *gostъ*;
кость < **kost-i-s* > *kosti* > *kostъ*;
**-ū*: *сынъ* < **sūn-ū-s* > *sūnū* > *synъ*;
**-ū*: *сѣкры* < **svekr-ū-s* > *svekrū* > *svekry*.

Таким образом, все эти существительные теряли согласный *[-s]*, выступавший в общеславянское время как падежная флексия. Поэтому та флексия, которая представлена в ст.-слав. языке, является видоизменением тематического гласного.

Существительные ср. р. типа *село*, *поле* имели флексию, одинаковую для им. и вин. пад. *[-n (m)]*. Носовой согласный по закону открытого слога отпадал в конце слова, а гласный *[o]* должен был сузиться, подвергнуться усиленной лабиализации и дать *[ъ]* (*[ō] > [ū] > [ъ]*). Но этого не произошло под влиянием местоименных форм типа *то*, *оно*.

§ 96. Родительный падеж

Для данного падежа исконно была типична флексия *[-es]* или *[-s]*. Сами падежные формы отличались друг от друга не только флексиями, но и чередованием тематического гласного.

У существительных с основой на согласный и на **-ū* в качестве флексии выступало *[-es]*:

камене < **kam-en-es* > *kamene*;
сѣкры < **svekr-ū-es* > *svekr-ūc-es* > *svekrъve*.

У существительных с основой на **-ī* и **-ū* флексия выступала в виде *[-s]*:

**-ī* { *гости* < **gost-ej-s*,
кости < **kost-ej-s*;
**-ū*: *сыноу* < **sūn-oj-s*. } Тематический гласный выступал здесь на стадии дифтонга. Монофтонгизирясь, дифтонг *[ej] > [i]*, а *[ou] > [u]*.
Согласный *[s]* утратился по закону открытого слога.

У существительных с основой на **-ō* присоединялось окончание *[-s]*, а тематический гласный получал долготу:

раба < **orb-ō-s* > *raba*;
сѣла < **sel-ō-s* > *sela*.

¹ По вопросу о происхождении большинства славянских падежных флексий нет единого мнения в лингвистической литературе. Поэтому в излагаемом здесь материале мы будем придерживаться той точки зрения, которая нам кажется наиболее убедительной при объяснении происхождения той или иной падежной флексии.

² Полагают, что исходной формой данного существительного в им. п. ед. ч. являлась *kamōn > kamīn > (kamī) > kamū > kamu*.

Однако наряду с этим существуют и другие точки зрения на происхождение флексии род. пад. ед. ч. у существительных с основой на *-ō.

Не вполне ясно происхождение флексии род. пад. у существительных с основой на *-ā. Наличие гласного [-у]-ы свидетельствует об изменении гласного [о] более раннего времени. Гласный же [о] выступал в данном случае на месте [ā]. Усиление лабиального элемента в гласном [о] было вызвано тем, что за ним следовал носовой согласный. Кроме того, произошло удлинение гласного вследствие того, что после него находилось сочетание [ns], которое утрачивалось в конце слова:

*gorans > gorons > gorūns > gorū > gory (ст.-слав. горы).

После мягкого согласного в южнославянских языках было окончание [-е] -а, так же указывающее на носовой элемент в этой форме, т. е. на [ns]. В языках восточнославянских и западнославянских у имен с мягким согласным в основе на положении флексии выступал гласный [-ě]-ѣ: [vol'ě] волѣ, неясный в своем происхождении.

§ 97. Дательный падеж

Окончанием данной формы в общеславянском языке было [-i]. Оно было характерно для существительных с основой на согласный, на *-ū, *-ŭ, *-ī, *-ā:

камени < *kam-en-i > kameni.

Здесь окончание [-i] является сохранившейся старой флексией.

У существительных с основой на *-ŭ хорошо сохранилась старая тематическая структура: сынови < *sŭn-ou-i > synovi (тематический гласный выступал здесь на стадии дифтонга).

У существительных с основой на *-ā наблюдалось следующее: странѣ < *storn-ā-i. На конце слова развивался дифтонг [ai], который, монофтонгизируясь, давал [ě] (дифтонги [ai] и [oi] на славянской почве, как известно, давали один и тот же результат при монофтонгизации). Гласный [ě] после мягких согласных чередовался с [i], т. к. [oi] после мягких переходил в [ei], который, монофтонгизируясь, давал [i] (земѣи). Следовательно, ст.-слав. флексия [-ě]-ѣ и [-i]-и в дат. пад. ед. ч. у существительных с основой *-ā представляет собой результат слияния бывшего тематического гласного и флексии.

Сам старославянский язык имеет указание на дифтонгическое происхождение гласного [ě] в форме дат. пад. ед. ч. у существительных с основой на *-ā. Это подтверждает наличие палатализации в словах, у которых в корне употреблялся задненебный согласный:

рѣцѣ < *ronk-ā-i, ногѣ < *nog-ā-i.

Не вполне ясно происхождение формы дат. пад. ед. ч. у существительных с основой на *-ō.

У существительных с основой на *-ī, по-видимому, в данной падежной форме отсутствовала особая падежная флексия, а тематический суффикс был представлен на стадии дифтонга: гостѣ < *gost-ei > gosti.

§ 98. Винительный падеж

Давним признаком формы вин. пад. ед. ч. во всех индоевропейских языках, в том числе и в славянской языковой группе, был носовой согласный [-n (*-m)]:

*-ō: рабѣ < *orb-ō-n > orbūn > orbū > rabъ;
 *-ŭ: сынѣ < *sŭn-ŭ-n > sŭnū > synъ;
 *-ī { гостѣ < *gost-ī-n > gosti > gostъ;
 когѣ < *kost-ī-n > kosti > kostъ;
 *-ā: странѣ < *storn-ā-m > stranq.

Таким образом, в большинстве форм, за исключением последней, происходило отпадение конечного носового согласного, а предшествовавший ему гласный суживался и давал [ъ] или [ь].

У существительных с основой на *-ā в конце слова возникло дифтонгическое сочетание с долгой слоговой частью, которое, монофтонгизируясь, давало [o].

Следовательно, флексия вин. пад. ед. ч. у существительных с основой на *-ō, *-ŭ, *-ī в старославянском языке представляет видоизменение бывшего тематического гласного, а у существительных с основой на *-ā — результат изменения бывшего тематического гласного и флексии.

В словах типа камы, мати — вин. пад. ед. ч. камень, мать — конечный носовой согласный присоединялся к предшествующему согласному основы и развивал слоговость: kam-en-m. Но слоговые носовые согласные [m] и [n] не удержались у славян. Утрата слоговости шла за счет развития краткого гласного [i] перед слоговым носовым согласным: kam-en-im, а сочетание [im] в конце слова давало у славян редуцированный [ь].

§ 99. Творительный падеж

Довольно широко в данной падежной форме у славян в доисторический период было представлено окончание [-mī]:

*-ō: рабомь < *orb-ō-mī > rabomъ;
 *-ī: гостьмь < *gost-ī-mī > gostъмь;
 *-ŭ: сыномь < *sŭn-ŭ-mī > synъмь.

Таким образом, все эти формы представляют сохранение старой тематической структуры слова и старой флексии.

Некоторое новообразование представлено в словах с основой на согласный звук: каменьмь < *kamenimī. Редуцированный [ь] между согласными [n] и [m] появился здесь в результате древнейшего воздействия основ на *-ī и представляет собой тематический гласный *-ī, перенесенный в основы на согласный из форм типа гостьмь.

Лишь формы существительных женского рода типа страномъ, землемъ, когтемъ, матеремъ, скеркхемъ не поддаются сравнению с дру-

гими индоевропейскими языками. Предполагают, что эти формы не являются первоначальными и обусловлены влиянием местоименного склонения.

§ 100. Местный падеж

В ряде случаев форма местного падежа не имела особого окончания. Это наблюдается в склонениях с основой на *-ī и на *-ū:

*-ī: { гости < *gost-eī } Тематический гласный был представлен
 { когти < *kost-eī } здесь на стадии дифтонга, который моно-
 *-ū: { гыноу < *sūn-oū } фонтизировался в конце слова, причем
 [ei] > [i], [ou] > [u].

Следовательно, старославянская флексия в этих формах представляет собой результат изменения на славянской почве бывшего тематического гласного.

Существительные с основой на *-ā и *-ō в доисторический период имели флексию [*-ī], перед которой выступал тематический гласный:

странѣ < *storn-ā-i > stornaj > straně;
 равѣ < *orb-ō-i > orboj > rabě.

(Звук [i] после гласного в конце слова становился неслоговым. Возникали дифтонги [ai] и [oi], которые, монофтонгизируясь, дали [ě]. После мягкого согласного вместо [ě] выступает [i], т. к. [oi] > [ei] > [i]. Например, коѣи, земѣи).

Подтверждением того, что [ě], возникавший в конце слова у существительных с основой на *-ā и *-ō, был по происхождению из дифтонга [ai] или [oi], служат те существительные, у которых в основе употреблялся задненебный согласный, подвергавшийся в этой падежной форме перед гласным [ě] палатализации: рѣжа — рѣжѣ, нога — ногѣ, крагъ — крагѣ, оученикъ — оученичѣ и т. д.

Следовательно, старославянская флексия местного падежа у существительных с основой на *-ā и *-ō представляет собой результат изменения бывшего тематического гласного и старой флексии.

Местный падеж у существительных с основой на согласный представляет, по-видимому, чистую основу, осложненную частицей пространственного значения [-ēn] (отсюда фонетически у славян возникает [e]). Это [-en] можно встретить и в древних итальянских языках, где оно, примыкая к падежной форме, обозначало место.

На славянской почве [-e] < [en] стабилизировалось уже как падежное окончание.

§ 101. Звательная форма

Особые звательные формы имеются только в склонениях с основой на *-ā и на *-ō. Они образовались путем чередования тематического гласного при отсутствии флексии в данной форме: [a]/[o], [o]/[e]:

*-ā: страна — страно, земля — земле (гласный [o] после мягкого согласного фонетически закономерно переходит в [e]);

*-ō: равъ < *orb-ō-s — равѣ.

Исключение составляет форма существительных мужского рода с основой на *-jō: кою, которая издавна имела окончание [-u], как и в словах с основой на *-ū, и была получена, по-видимому, под влиянием склонения с основой на *-ū.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 102. Именительный падеж

Флексией им. пад. мн. ч. в индоевропейском языке-основе являлось [-*ēs]. Конечное [-*s] у славян утратилось по закону открытого слога и сохранилось только одно [-e]. Подобная флексия представлена в склонении существительных муж. р. с основой на согласный, на *-ī и на *-ū:

камене < *kam-en-es > kamene;
 гостии < *gost-ej-es > gost-ыj-es > gostыe (= gostыje) > gostije;
 гынове < *sūn-oj-es > sūnoves > synove.

Существительные муж. р. с основой на *-ō имеют в старославянском языке флексию [-i], которая восходит к дифтонгу [oi] (ср. греч. lúkoī):

раби < *orb-o-i > orboj > rabě.

(Конечный [i] после гласного становился неслоговым, возникал дифтонг [oi], который, монофтонгизируясь, при нисходящей интонации давал у славян гласный [i]).

То, что эта ст.-слав. флексия [i] восходит к [oi], подтверждают такие слова, у которых в корне употреблялся задненебный согласный, подвергшийся в позиции перед этим [i] палатализации:

отроци < *otrok-o-i,
 друзи < *drug-o-i,
 доуци < *duch-o-i.

Существительные с основой на *-ā имели в старославянском языке в им. пад. мн. ч. окончания [-y] -ы и [-'e] -ѣ: страны, земли.

Ряд ученых предполагает, что по своему происхождению это формы вин. пад. мн. ч.

Аналогичная картина наблюдается и у существительных жен. р. с основой на согласный, на *-ī и на *-ū, которые представляют форму старого винительного падежа: матери, когти, скерзки.

Существительные ср. р. имеют в старославянском языке во мн. ч. в формах им.-вин. пад. флексию [a]: села, поля. Эта флексия восходит к индоевропейскому [a] с собирательным значением. Позднее данная флексия распространилась на все существительные среднего рода: लोकѣа, имена, телата.

§ 103. Родительный падеж

Индоевропейские языки показывают, что род. пад. мн. ч. имел флексию [-*ōn (-*ōm)], произносившуюся при нисходящей интонации (ср. греч. theōn — θεῶν), что на славянской почве приводило к со-

кращению долготы звуков. Отсюда у славян [-on], а из [on] > [ъ] (лабиализация и сужение [o] > [u] > [ъ], утрата носового качества):

равъ < *orb-ō-on > orb-ō-on > orbōn > orbūn > rabъ.

Здесь могла бы возникнуть вторичная долгота звука в результате ассимиляции тематического гласного с гласным окончания. Но нисходящая интонация приводила и в данном случае к сокращению долготы гласного, к усилению его лабиализации и возникновению редуцированного [ъ].

Немного сложнее происхождение ст.-слав. флексии род. пад. мн. ч. у существительных с основой на -*ī и на -*ū:

-*ī: гостин < *gost-ĕi-on > gost-ĕi-on > gost-ъi-on > gost-ъi-ūn > gostъiъ (= gostъjъ) > gostъjъ > gostiī > gostii;

-*ū: сынъ < *sūn-ōu-on > sūn-ōu-on > sūnovūn > synovъ.

Таким образом, у существительных с основой на -*ī и на -*ū тематический гласный в форме род. пад. мн. ч. выступал на стадии дифтонга.

Однако не все ученые считают, что древнейшая флексия род. пад. мн. ч. у славян восходит к [-ōn (-ōm)]. При этом они ссылаются на то, что имеются индоевропейские языки, в которых указанные формы кончаются слогом с кратким гласным. Например, в др.-прусском языке флексией является [-an], а всякое [an] давало у славян [on].

§ 104. Дательный падеж

В дат. пад. мн. ч. прекрасно сохранилась в славянских языках старая тематическая структура слова. Но само окончание [-mъ] -мъ не находит себе единого объяснения. Ряд ученых возводит это окончание к [-*mus], сохранившемся в др.-лит. языке. Другие ученые возводят к окончанию [-*mos], опираясь при этом на данные др.-инд. языка:

-*ā: стран-а-мъ < *storn-ā-mūs;

-*ō: рав-о-мъ < *orb-ō-mūs;

-*ī: гост-ь-мъ < *gost-ī-mūs и т. д.

§ 105. Винительный падеж

Признаком вин. пад. мн. ч. в индоевропейском языке-основе было окончание [-*ns]:

-*ō: { равъ < *orb-o-ns > orbuns > (orbū) > orbū > raby;
конѧ < *konj-o-ns > konjens < konjē > kon'ę;

-*ū: сынъ < *sūn-ū-ns > (sūnū) > sūnū > synu;

-*ī: гости < *gost-ī-ns > gosti > gosti.

То же сочетание [*ns] выступало в этой падежной форме и у существительных муж. и жен. р. с основой на согласный. Носовой согласный [n], оказавшись в позиции между двумя согласными (так же как и в конце слова после согласного), был носителем слога — [n]. На славянской почве вместо слогового [n] развивалось сочетание [in]:

камени < *kam-en-ns > kam-en-ns > kamenins > kamenins > [kamenis] > kameni.

Что касается происхождения флексий у существительных с основой на -*ā (страны, земля), то данные формы не имеют общепризнанного объяснения. Но несомненно, что и здесь также выступала флексия [-*ns].

§ 106. Творительный падеж

В большинстве случаев в данной падежной форме в старославянском языке выступает окончание [-mī] -ми: странами, костями, сынъми, камнями и т. д. Это окончание может восходить к [-*mis], на которое указывает литовский язык.

В основах на -*ō окончания твор. пад. мн. ч. в старославянском языке своеобразны и выступают в виде [-у] -ы и [-'i] -и: рабы, кони, селы, поля. Эти окончания не имеют общепризнанного объяснения. Ряд индоевропейских языков указывает на наличие здесь флексии [-*ois].

Чешский лингвист О. Гуйер так объясняет эти формы: первоначально из [-*ois] в мягких основах фонетически получилось [-i] (konjois > konjeis > kon'i, ст.-слав. кони). В твердых основах этому [-i] могло соответствовать только [-у] -ы: рабы.

§ 107. Местный падеж

Данный падеж имел в индоевропейском языке-основе флексию [-*sū]. На славянской почве она пережила качественное изменение в своем звучании: согласный [s] после и.-е. звуков [i], [u], [r], [k] переходил в [ch]. Поэтому в соответствии с [-*sū] у славян представлена флексия [-chъ], которая и употребляется в старославянском языке:

гостъхъ < *gost-ī-sū > gostъchъ;

сынъхъ < *sūn-ū-sū > synъchъ;

равъхъ < *orb-oj-sū > raběchъ и т. д.

Считают, что в формах равъхъ и конихъ гласные [ě] ѣ и [i] и (по происхождению из [oi]) возникли по аналогии с единственным числом. Ср. равѣ < *orboj, кони < *konjoj.

У существительных с основой на -*ā окончание [-chъ] возникло по аналогии с формами местн. пад. мн. ч. других основ:

странахъ < *storn-ā-sū. Ср. костъхъ < *kost-ī-sū.

ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 108. Им.-вин.-зват. падеж

Чаще всего данная форма образовывалась без особого окончания, путем удлинения тематического гласного:

-*ō: раба < *orb-ō > raba;

-*ī: гости < *gost-ī > gosti;

-*ū: сынъ < *sūn-ū > synu.

В основах на *-*а* и *у* существительных ср. р. с основой на *-*о* в старославянском языке представлено окончание *[-ě]* *-ѣ* и *[-i]* *-и*: *странѣ*, *земѣ*, *селѣ*, *полѣ*.

Эти окончания возникли из дифтонга *[oi]* (*[ai]*) (ср. *ржцѣ* от *ржка*). На наличие здесь дифтонга *[oi]* (или *[ai]*) указывает ряд индоевропейских языков.

Гласный *[i]* возник из дифтонга *[oi]*, изменившегося после мягкого согласного в *[ei]*: *[oi] > [ei] > [i]*.

Существительные ср. р. с основой на согласный получили окончание *[-ě]* *-ѣ* под влиянием основ на *-*о*. Что касается форм существительных муж. и жен. р. с основой на согласный, то они точно не разъяснены, но считают, что они образованы под влиянием существительных с основой на *-*i*.

§ 109. Родительный-местный падеж

Для данной падежной формы следует указать в индоевропейском языке-основе флексию *[-*ou]*, которая на славянской почве фонетически закономерно давала флексию *[-u]* *-у*. Она и встречается в старославянском языке:

рабоу < **orb-o-ou* > *orbōu* > *rabu*;
гостіу < **gost-ei-ou* > *gostī-ou* > *gostīu* (= *gostīju*);
сынѡу < **sūn-ou-ou* > *sūnovu* > *synovu* и т. д.

§ 110. Дательный-творительный падеж

В этой форме в старославянском языке представлена флексия *[-ma]* *-ма*, перед которой сохранился тематический согласный основы. Например: *рабома*, *странама*, *гостѣма*, *сынѣма* и т. д. Однако происхождение этой флексии не вполне ясно.

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 111. В старославянском языке различались личные, возвратное, указательные, притяжательные, вопросительные, определительные, неопределенные и относительные местоимения.

Местоименное склонение противостояло именному склонению. В нем различалось склонение личных и склонение неличных местоимений.

СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

§ 112. В данном типе следует различать склонение местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного местоимения. В старославянском языке не было местоимения 3-го лица, и в его значении выступали указательные местоимения.

В отличие от существительных личные местоимения не различали категории рода. Характерной особенностью их являлось то, что при склонении личных местоимений в разных падежных формах выступали разные основы.

Единственное число			
Им.	азъ	ты	<i>вѣ</i>
Род.	мене	тебе	<i>себе</i>
Дат.	мнѣ, ми	тебѣ, ти	<i>себѣ, си</i>
Вин.	ма, мене	та, тебе	<i>ла, себе</i>
Твор.	мноѡ	товоѡ	<i>овоѡ</i>
Местн.	мнѣ	тебѣ	<i>себѣ</i>

Множественное число			Двойственное число		
Им.	мы	вы	Им.	кѣ	ка
Род.	насъ	васъ	Вин.	на, ны	ка, вы
Дат.	намъ, ны	вамъ, вы	Род.-местн.	наю	ваю
Вин.	ны, насъ	вы, васъ	Дат.-твор.	нама	вама
Твор.	нами	вами			
Местн.	насъ	васъ			

При изучении склонения местоимений 1-го и 2-го л. и возвратного местоимения следует обратить внимание на следующее:

1. Формы местоимений 1-го и 2-го л. и возвратного местоимения в дат. пад. ед. и мн. ч. (*ми*, *ти*, *си*, *ны*, *вы*) являются энклитическими, т. е. такими формами, которые в отношении ударения примыкали к предшествующему слову. При этом гласный в этих формах был по происхождению из дифтонга *[oi]* (ср. в греч. яз. *moi*, *toi*, *Foi*). Например, *даждь ти гѣ по рождѣнїю твоєму* — Син. пс. 23^{а/б}; *взѣл. лю- рогаша ми ла* — Син. пс. 25^{а/б}; (*взлюбивши*) *влюбнаго си* — Сав. кн., Мф. V, 43.

2. Формы вин. пад. ед. ч. *ма*, *та*, *ла* — давнего происхождения (при этом *[e]* < *[ēn]* (*ēm*)). Ср. др.-прус. *mien*, *tien*, *sien*). Данные формы не употреблялись как энклитики и сохраняли самостоятельное значение в отношении ударения. Например, *и ма единого оставите* — Ас. ев., Сав. кн., Ио. XVI, 32 (*мене* — Зограф. ев., Мар. ев., Сав. кн.); *на та оупѣкаша отъци наші* — Син. пс. 25^{а/б}; *и отъ възстагшїиѡхъ на ма възнесеши ма: отъ мажа неправедна избаѣ ма* — Син. пс. 21^{а/49}.

Наряду с этими формами в значении вин. пад. ед. ч. встречаются и формы род. пад.: *мене*, *тебе*, *себе*.

Аналогичная картина наблюдается и в форме вин. пад. мн. ч., где употребляются не только старые формы *ны*, *вы*, но и формы род. пад. *насъ*, *васъ*. Например, *и вы иждѣнѣтъ* — Ас. ев., Ио. XV, 20 (*васъ* — Мар. ев., Зограф. ев., Сав. кн.); *пришеѣл ли еси сѣмо прѣжде крѣмене мѣжитъ насъ* — Зограф. ев., Мар. ев., Мф. VIII, 29; *аште изго- ниши ны поѣли намъ...* Зограф. ев., Мар. ев., Мф. VIII, 31; *гѣ си црѣѣ оуспѣши ны* — Син. пс. 23^{б/10}.

Однако с предлогами обычно употребляются сокращенные формы: *на ма*, *на ны*, *на та*, *прѣдъ ма* и т. д.

3. В Киевском миссале вместо им. пад. мн. ч. от местоимения 1-го л. мы встречается форма **мы** (шесть примеров), представляющая собой старый вин. пад. и осмысленная как форма им. пад., по-видимому, под влиянием форм им.-вин. пад. от местоимения 2-го л. **кы**.

4. В Синайской псалтыри и особенно в Синайском требнике господствующей формой от местоимения 1-го л. в род. пад. ед. ч. является **мне** вместо **мыне**. Предполагают, что эта форма была получена из моравского языка.

СКЛОНЕНИЕ НЕЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Неличные местоимения были очень развиты в старославянском языке.

Среди них можно выделить местоимения, различающие род и число, и местоимения, не различающие рода и числа. Неличные местоимения различают в своем склонении два варианта: твердый и мягкий.

Местоимения, различающие род и число

§ 113. По твердому варианту склонения изменялись такие местоимения, как **тх**, -о, -а; **окх**, -о, -а; **онх**, -о, -а (указательные); **такх**, -о, -а, **какх**, -о, -а, **лукх**, -о, -а, **кыкакх**, -о, -а, **синх**, -о, -а, **тамх**, -о, -а (определятельные); **инх**, -о, -а, **нѣкх**, -о, -а (неопределенные) и т. д.

По мягкому варианту изменялись указательные местоимения **сь(ии)**, **се**, **и**; **и(же)**, **а(же)**, **ю(же)**; притяжательные **мои**, -ю, -а; **твои**, -ю, -а; **кони**, -ю, -а; **кашь**, -е, -а; **нашь**, -е, -а; вопросительные **чи**, -ю, -а и т. д.

Образец склонения

Единственное число

	муж. р.	ср. р.	ж. р.	муж. р.	ср. р.	ж. р.
Им.	тх	то	та	и(же)	ю(же)	а(же)
Род.	того	тогоа		юго	юга	
Дат.	томуу	тои		юмоу	юи	
Вин.	тх	то	тж	и	ю	ж
Твор.	тѣмь	тогж		имь	югж	
Местн.	томь	тои		юмь	юи	

Множественное число

	ти	та	ты	(иже)	(аже)	(аже)
Им.	ти	та	ты	(иже)	(аже)	(аже)
Род.	тѣхъ			нхъ		
Дат.	тѣмъ			нимъ		
Вин.	ты	та	ты	а	а	а
Твор.	тѣми			ими		
Местн.	тѣхъ			нхъ		

Двойственное число

Им.-вин.	та	тѣ	тѣ	(аже)	(иже)	(юже)
Род.-мestн	тоу			юу		
Дат.-твор.	тѣма			има		

Примечания:

1. Когда-то указательное местоимение (мягкий вариант) имело в им. пад. ед. ч. вид **и** [*i* < *jь*], **ю** [*je*], **а** [*ja*]. В старославянском языке это местоимение в таком виде не сохранилось и встречается в им. пад. ед. ч. только в сочетании с частицей **же**: **иже**, **юже**, **аже**. Но в сочетании с частицей **же** данное местоимение получило значение относительного „который, -ое, -ая“.

Аналогичная картина наблюдается в им. пад. мн. ч. и им. пад. дв. ч. 2. В вин. пад. ед. ч. муж. р. вместо формы **и** [*i* < *jь*] после предлога употреблялась форма **ѣ** [*ъ*]: **на ѣ**, **къ ѣ** [*vъ + jь* > *vъpъ*].

Указательные местоимения в старославянском языке в ряде случаев выполняли функцию отсутствующего личного местоимения 3-го л. Обычно в значении им. пад. для местоимения 3-го л. выступало указательное местоимение **онх**, -о, -а, которое во всех других случаях сохраняло свое основное значение: **онх же отхърже а прѣдъ кыѣми гла** — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Мф. XXV, 70; **по синх иде ихъ на онх полх морѣ** — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Ио. VI, 1.

В косвенных падежах для выражения лица брались соответствующие формы от указательных местоимений **и(же)**, **ю(же)**, **а(же)**: **и мизного паче кѣрокаша за слово его** — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Ио. IV, 41; **питѣниѣ нхъ оумножи стада нхъ многоплодна сътвори** — Син. тр. 15^{6/15-17}; **тѣгда запалькаша лице его ꙗко гни емоу дѣша** — Мар. ев., Зогр. ев., Мф. XXVI, 67.

Употребление данных падежных форм с частицей **же** придавало местоимению определятельное значение: **... плоды аже еси даахъ намъ ихъже съидоша а раби твои жатъ** — Син. тр. 12^{6/23-25}; **... дошеды на гровъ ꙗко неже кышеахъ еси на нѣга** — Син. тр. 39^{а/23-24}.

§ 114. Определительное местоимение **кы** имело смешанный тип склонения, где соединялись особенности твердого и мягкого варианта.

Единственное число

Им.	кы	кы	кыа	кыи	кыа	кыа
Род.	кыего	кыегъ		кыѣхъ		
Дат.	кыемоу	кыегъ		кыѣмъ		
Вин.	кы	кы	кыгъ	кыга	кыа	кыа
Твор.	кыѣмь	кыегъ		кыѣми		
Местн.	кыемь	кыегъ		кыѣхъ		

Множественное число

Чередование мягкого и твердого варианта в склонении данного местоимения объясняется следующим. Старой основой данного местоимения является основа **vīso-* (ср. лит. *visas*). Отсюда сла-

§ 115. Вопросительное местоимение **кыи** издавна имело падежные формы разного образования: одни от основы **које-**, другие — по типу сложных прилагательных.

Для двойственного числа засвидетельствована только форма вин. пад. жен. р. и твор. пад. Обе формы встречаются в Супрасльской рукописи (первая — Супр. 431₁₉, вторая — Супр. 40₁₀). Наряду с местоимением *кыи* употребляется местоимение *каторыи*: *каторыи же отъ казъ* — Мар. ев., Зоргр. ев., Ас. ев., Лук. XVII, 7; *катораго отъ гедми...* Мар. ев., Мф. XXII, 28.

МЕСТОИМЕНА, НЕ РАЗЛИЧАЮЩИЕ РОДА И ЧИСЛА

Им.	КЗТО	ЧЬТО
Род.	кого	чего, чьего, чьего, чьего

1. Форма твор. пад. *цѣмь* возникла из **ko-ĩmь* > *koĩmь* > *c'ěmь*. (Дифтонг [oi], монофтонгизируясь, давал гласный [ě], перед которым заднеязычный согласный [k] подвергался смягчению, т. е. палатализовался, изменяясь в [c'].)

Форма род. пад. **чьго** является новообразованием, проникшим в старославянский язык из речи моравян и возникшим, как предполагают, из формы **чего** при быстром темпе речи путем ослабления безударного [е] или вследствие подражания [ь] в форме **чьто**.

4. Сочетание местоимений **кто** и **что** с **нѣ** в начале слова приводило к образованию неопределенных местоимений: **нѣкто**, **нѣчто**, а соединение местоимений **кто** и **что** с отрицанием **ни** — к образованию отрицательных местоимений **никто**, **ничто**.

К отрицательным местоимениям очень часто присоединялась частица *же*: *никтоже*, *ничтоже*. Если эти неопределенные или отрицательные местоимения употреблялись с предлогами, то предлог всегда ставился после *нѣ-* и *ни-*: *нѣ отъ кого*, *ни о комъ же*, *ни о чемъ же*, *ни къ кому же* и т. д.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

При образовании прилагательных в зависимости от их значения использовались следующие суффиксы:

а) о (который в им. пад. ед. ч. у прилагательных муж. р. выступает в виде -ъ): *глоуух* — твор. пад. ед. ч. *глоуух-о-мь* (ср. *оглхунжти*), *гоуух* — твор. пад. ед. ч. *гоуух-о-мь* (ср. *схунжти*), *слѣпъ* — твор. пад. ед. ч. *слѣп-о-мь* (ср. *огльпнжти*) и т. д.

б) -окъ, -ъкъ, -ькъ: кыокъ (ср. кызыкыи гла), жетокъ (ср. ожестити), гажокъ (ср. гажвина), гладъкъ (ср. гладити), гладъкъ (ср. насладити), кротъкъ (ср. кротость), тажъкъ (ср. отажати) и т. д.

в) -лъ, -елъ, -ыль: кржлъ (ср. кржгъ), кыселъ (кыснжти), кѣтълъ (ср. кѣтъгъ, кѣтътити) и т. д.

② Относительные прилагательные в основном образовались посредством следующих суффиксов:

а) -ьпъ: кѣрьпъ (ср. кѣра), врачьпъ (ср. врачъ), законьпъ (ср. законъ), цржкжъпъ (ср. цржкы, род. пад. ед. ч. цржкжъе), истиньпъ (ср. истина), чытъпъ (ср. чытъ) и т. д.

б) -ѣпъ < -ѣпъ (или *-апъ): дрѣбѣпъ (ср. дрѣбо), кожанъ (ср. кожа), можданъ [moždanъ] < mozgѣпъ (ср. мозгъ), класѣпъ (ср. класъ) и т. д.

в) -итъ, -овитъ: маститъ (ср. масъ), именитъ (ср. имя, род. пад. ед. ч. имени), доможитъ (ср. домъ), плодокитъ (ср. плодъ).

г) -атъ: крилатъ (ср. крило), оугтатъ (ср. оугта).

③ Притяжательные прилагательные образовывались посредством следующих суффиксов:

а) -овъ (-'евъ): акраамовъ (ср. акраамъ), змиевъ (ср. змий) [zmii] < [zmiŋ], игемонъ (ср. игемонъ).

б) -ъ > -'ъ: члѣкъъ [č'lověč'ъ] < č'lověkjъ (ср. члѣкъ), фкраамъ [avraam'ъ] < avraamjъ (ср. фкраамъ), отъць [otč'ъ] < otčkjъ (ср. отъць < отъкъ).

в) -ьъ > -ii: вожи [bož'ii] < bogъjъ (ср. богъ), равни (ср. равъ), пыси (ср. пысъ), кражи [vraž'ii] < vrogъjъ (ср. врагъ).

г) -ипъ: боекодинъ (ср. боекода), готонинъ (ср. готона), голжбинъ (ср. голжъ).

§ 118. Имена прилагательные в старославянском языке выступают в двух видах: **нокъ**, **ноко**, **ноба** / и **нокъи** (-ыи), **нокое**, **нокала**. Прилагательные первого вида называют краткими, именными или нечленными, а прилагательные второго вида — полными, местоименными или членными.

Наличие двух форм прилагательных, краткой и полной, было в прошлом свойственно всем славянским языкам. Однако не все из них сохранили эту характерную для общеславянского языка особенность. Так, западнославянские языки почти полностью утратили краткие формы прилагательных, в восточнославянских (в русском языке) они сохранились только в предикативной функции (как именная часть сказуемого), и только южнославянские языки (и именно сербохорватский и словенский) до сих пор сохраняют в известной мере прежнее соотношение кратких и полных форм прилагательных.

Старославянский язык полнее других отражает исконное соотношение кратких и полных форм прилагательных и дает достаточно ясное представление о их первоначальном значении.

Прилагательные в старославянском языке могли выступать в атрибутивной и предикативной функции.

Краткие и полные формы прилагательных в атрибутивной функции выражали отношения определенности того существительного, к которому относится прилагательное. При этом полная форма указывала на то, что предмет, к которому относилось прилагательное,

выделен из общего числа ему подобных предметов, обладающих тем же качеством, индивидуализирован и воспринимается как единственный в своем роде, отличный от множества равных ему по роду. Краткая форма прилагательных чаще всего просто указывала на то или иное свойство (качество) предмета, не давая ему при этом какой-либо дополнительной характеристики. Что касается предикативной функции прилагательных, то во всех случаях в старославянском языке в этой функции достаточно последовательно выступала краткая форма прилагательных.

Краткие прилагательные очень рано распались по категориям рода и в связи с этим получили в своих основах родовые суффиксы: для мужского и среднего рода — *-ō (*-jō), для женского рода — *-ā (*-jā).

Это привело к тому, что краткие прилагательные в старославянском языке изменялись по падежам так же, как и существительные с теми же основами. Следовательно, краткие прилагательные мужского и среднего рода изменялись по типу склонения существительных с основой на *-ō (*-jō); краткие прилагательные женского рода — по типу склонения существительных с основой на *-ā (*-jā).

Флексии кратких прилагательных не зависели от того, к какому типу склонения относилось поясняемое ими существительное. Например:

Ед. ч.	Им.	нокъ	домъ
	Род.	нока	домоу
	Дат.	нокоу	доми и т. д.

Звательная форма у прилагательных обычно совпадала с формой именительного падежа ед. ч., хотя наряду с этим встречаются формы, где краткие прилагательные муж. р. в ед. ч. получали в зват. форме окончание [-e]. Например, **фарисею** **слепе** — Зогр. ев., Мф. XXIII, 26. Однако чаще в звательной форме у прилагательных муж. р. употреблялась форма полного прилагательного в им. падеже: **раве** **лжакы** — Зогр. ев., Мф. XVIII, 32; **оучителю** **благы** — Зогр. ев., Лук. XVIII, 18. Имеются случаи, когда в зват. форме у прилагательных муж. р. одновременно употребляются обе формы: **довры** **раве** **благы** **кѣрьне** — Зогр. ев. XXV, 23 (ср. **довры** **раве** **благы** **кѣрьны** — Зогр. ев., Мф. XXV, 21), Син. тр. 83^а/₂₋₃.

§ 119. Полные формы прилагательных образовывались путем присоединения к именному прилагательному соответствующей падежной формы от указательного местоимения **и**(же), **и**(же), **и**(же). Однако еще в общеславянском языке-основе соотношение между именным прилагательным и местоимением вследствие различных звуковых изменений и подравниваний сделалось неясным.

В старославянском языке при образовании падежных форм полных прилагательных можно наблюдать следующее:

1. К падежной форме именного прилагательного присоединялась соответствующая падежная форма указательного местоимения:

Муж. р. ед. ч. Им. **нокъ-и** **тѣштѣ-и**
 Род. **нока-ѣго** **тѣшта-ѣго**
 Дат. **нокоу-ѣмоу** **тѣштоу-ѣмоу** и т. д.

2. К падежной форме именного прилагательного присоединялась флексия от указательного местоимения:

Жен. р. ед. ч. Род. **нокы-ѣа** **вм. нокы-ѣа**
тѣшта-ѣа **вм. тѣшта-ѣа**
 Дат. **нокѣи** **вм. нокѣи-и**
тѣшти-и **вм. тѣшти-и** и т. д.

3. К основе именного прилагательного присоединялся соединительный гласный [у] **и** или [і] **и**, если основа оканчивалась на мягкий согласный, и соответствующая падежная форма от указательного местоимения:

Муж. р. ед. ч. Твор. **нок-ы-имъ** **вм. нокымъ-имъ**, **тѣшт-и-имъ** **вм. тѣштѣмъ-имъ**;
 Мн. ч. Местн. **нок-ы-ихъ** **вм. нокѣхъ-ихъ**, **тѣшт-и-ихъ** **вм. тѣштихъ-ихъ** и т. д.

Исключение составляет образование формы полных прилагательных **жен. р.** в твор. пад. ед. ч., где имеется случай неразличения формы кратких и полных прилагательных:

краткое прилагательное **нокѣа** **тѣштѣа**,
 полное прилагательное **нокѣа** **тѣштѣа**.

§ 120. Образцы склонения полных прилагательных

Единственное число

	муж. р.	ср. р.	ж. р.	муж. р.	ср. р.	ж. р.
Им.-зват.	нокъи(-и)	нокоѣ	нокаа	тѣшти(-и)	тѣштѣѣ	тѣштаа
Род.	нокаѣго	нокыа		тѣштаѣго	тѣштаа	
Дат.	нокоуѣмоу	нокѣи		тѣштоуѣмоу	тѣшти	
Вин.	нокъи(-и)	нокоѣ	нокѣа	тѣшти(-и)	тѣштѣѣ	тѣштѣа
Твор.	нокыиамъ	нокѣа, нокѣа		тѣштиамъ	тѣштѣа	тѣштѣа
Местн.	нокѣимъ	нокѣи		тѣштиѣмъ	тѣшти	

Множественное число

Им.	нокыи	нокаа	нокыа	тѣшти	тѣштаа	тѣштаа
Род.	нокыихъ			тѣштихъ		
Дат.	нокыимъ			тѣштимъ		
Вин.	нокыа	нокаа	нокыа	тѣштаа	тѣштаа	тѣштаа

Твор. **нокыиамъ** **тѣштиамъ**
 Местн. **нокыихъ** **тѣштихъ**

Двойственное число

Им.-вин. **нокаа** **нокѣи** **нокѣи** **тѣштаа** **тѣшти** **тѣшти**
 Род.-местн. **нокоуѣ** **тѣштѣѣ**
 Дат.-твор. **нокыиамъ** **тѣштимъ**

В дальнейшем в некоторых падежных формах полных прилагательных началось взаимодействие между окончанием именного прилагательного и начальной частью указательного местоимения, приведшее к выработке совершенно своеобразных падежных окончаний.

Так, например, наряду с формой род. ед. **нокаѣго** можно встретить формы **нокааго**, **нокаго**; наряду с формой дат. ед. ч. **нокоуѣмоу** — форму **нокоуѣмоу**, **нокоуѣмоу** и т. д.

Возникновение этих падежных форм явилось следствием утраты [j] в интервокальном положении, ассимиляции гласных и, наконец, их дальнейшего стяжения, т. е.

[aje] > [aɛ] > [aa] > [a], [ije] > [ie] > [ii] > [i],
 [uje] > [ue] > [uu] > [u], [yji] > [yi] > [y].
 [ěje] > [ěe] > [ěě] > [ě]

Однако количественное соотношение между старыми и новыми формами полных прилагательных в разных старославянских памятниках неодинаково даже в одних и тех же падежах. Особенно часты стяженные формы в Саввиной книге.

В ряде старославянских памятников отразился процесс нового образования форм полных прилагательных под влиянием местоимений. Например, **жикого** (Сав. кн.), **влагѣѣрномуу** (Ас. ев.), **нѣѣѣномуу** (Син. тр.), **ѣѣѣмоу** (л. Ундоу.) (ср. того, кого, тому, кому и т. п.).

Именно в таком направлении проходил процесс воздействия местоименных форм на формы прилагательных в восточнославянских языках.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ

§ 121. Прилагательные, обозначающие признак или качество предмета, могли иметь степени сравнения.

Суффиксами сравнительной степени в общеславянском языке-основе являлись **-jъs-(-jes-)** и **-ě-jъs-(-ě-jes-)**.

Суффиксы **-jъs-** и **-jes-** при образовании сравнительной степени присоединялись к основе тех бессуффиксальных прилагательных, которые имели на корневом слоге **нисходящую интонацию**. При этом суффикс **-jes-** входил в образование основы только для им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. Для всех других форм основа образовывалась с помощью суффикса **-jъs-**.

Например, при образовании им. пад. ед. ч. сравн. степени от прилагательных *chudъ*, *suchъ*, *moldъ* (ст.-слав. *чудъ*, *судъ*, *младъ*) наблюдалось *chudъjs-*, *chudjes-*; *suchъjs-*, *suchjes-*; *mol-dъjs-*, *moldjes-*.

Конечный согласный [s] по закону открытого слога был утрачен; [j] ассимилировался с предшествующим согласным, смягчая его. В результате в болгарской языковой группе в форме им. пад. ед. ч. ср. рода возникали формы: *chudjes* > *chužd'e* (ст.-слав. *чуждѣ*); *suchjes* > *suš'e* (ст.-слав. *судше*); *moldjes* > *mlažd'e* (ст.-слав. *младѣ*).

К форме им. пад. ед. ч. муж. р. был прибавлен еще гласный [i], по-видимому, под влиянием тех форм сравн. степени муж. р., которые образовывались с помощью суффикса *-ē-jъs-*; например: *chudъjs* > *chužd'ъ + i* > *chužd'ii* (ст.-слав. *чуждин*) (редуцированный [ъ] ассимилировался последующему гласному [i], в результате чего возник редуцированный [i]); *suchъjs* > *suš'ъ + i* > *suš'ii* > *suš'ii* (ст.-слав. *судшин*); *moldъjs* > *mlažd'ъ + i* > *mlažd'ii* > *mlažd'ii* (ст.-слав. *младшин*).

В косвенных падежах основа мужского и среднего рода была осложнена суффиксом *-*jō*. Это привело к тому, что прилагательные в сравн. степени муж. и ср. р. получили те же падежные окончания, что и существительные с основой на *-*jō*. Например, образование вин. пад. ед. ч. муж. р. можно представить так:

chudъjs-jō-n > *chudъjsjūn* > *chužd'ъš'ъn* > *chužd'ъš'ъ*. (Гласный [ō] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, в результате чего возникал [ū], который давал у славян [ъ]. Согл. [j] ассимилировался с предшествующим согласным, смягчая его: [dj] > [žd'], [sj] > [š']. Конечный согласный [n] утрачивался по закону открытого слога, а вместо [ъ] после мягкого согласного возникал [ь]).

Основа сравн. степени прилагательных жен. р. была осложнена суффиксом **-jā*. В им. пад. ед. ч. был представлен ослабленный вид этого суффикса в виде *-jī*: *chudъjs-jī* > *chužd'ъš'ī*. (Ср. вин. ед. *chudъjs-jā-m* > *chužd'ъš'ō*).

Дифтонгическое сочетание [ām], монофтонгизируясь, давало [o]. Согласный [j] смягчал предшествующий согласный: [dj] > [žd'], [sj] > [š'].

Формы сравн. степени с суффиксом *-jъs-(-jes-)* могли образовываться также и от тех прилагательных, которые в положительной степени были осложнены суффиксами *-окъ*, *-ъкъ* или *-ькъ*: *высокъ*, *низъкъ*, *крѣпъкъ*, *горъкъ* и т. д.

Однако при образовании сравн. степени эти суффиксы опускались, а суффикс *-jъs-(-jes-)* присоединялся непосредственно к корню:

Им. пад. ед. ч. муж. р. *vys-jъs* > *vyš'ъ + i* > *vyš'ii* > *vyš'ii*, ст.-слав. *вышин*;

Им. пад. ед. ч. ср. р. *vys-jes* > *vyš'e*, ст.-слав. *выше*;

Им. пад. ед. ч. жен. р. *vys-jъs-jī* > *vyš'ъš'ī*, ст.-слав. *вышшин*.

Формы сравн. степени с суффиксом *ē-jъs-(-jes-)* образовывались как от бессуффиксальных прилагательных, имевших на корневом слоге восходящую интонацию, так и от суффиксальных прилагательных, входивших вместе со своими суффиксальными элементами в состав основы сравн. степени.

Например:

от слабъ:	<i>slab-ē-jъs</i> > <i>slabēi</i> ,	ст.-слав. <i>слабѣи</i> ; М
	<i>slab-ē-jes</i> > <i>slabēje</i> ,	ст.-слав. <i>слабѣе</i> ; СР
	<i>slab-ē-jъs-jī</i> > <i>slabēiš'ī</i> ,	ст.-слав. <i>слабѣиши</i> ; Ж
от добръ:	<i>dobr-ē-jъs</i> > <i>dobrēj</i> ,	ст.-слав. <i>добрѣи</i> ;
	<i>dobr-ē-jes</i> > <i>dobrēje</i> ,	ст.-слав. <i>добрѣе</i> ;
	<i>dobr-ē-jъs-jī</i> > <i>dobrēiš'ī</i> ,	ст.-слав. <i>добрѣиши</i> ;
от мнѡгъ:	<i>mъnog-ē-jъs</i> > <i>mъnož'ai</i> ,	ст.-слав. <i>мнѡжан</i> ;
	<i>mъnog-ē-jes</i> > <i>mъnož'aje</i> ,	ст.-слав. <i>мнѡжане</i> ;
	<i>mъnog-ē-jъs-jī</i> > <i>mъnož'aiš'ī</i> ,	ст.-слав. <i>мнѡжанши</i> ;
от горъкъ:	<i>gorъk-ē-jъs</i> > <i>gorъč'ai</i> ,	ст.-слав. <i>горъчан</i> ;
	<i>gorъk-ē-jes</i> > <i>gorъč'aje</i> ,	ст.-слав. <i>горъчане</i> ;
	<i>gorъk-ē-jъs-jī</i> > <i>gorъč'aiš'ī</i> ,	ст.-слав. <i>горъчанши</i> ;
от макъкъ:	<i>mękъk-ē-jъs</i> > <i>mękъč'ai</i> ,	ст.-слав. <i>макъчан</i> ;
	<i>mękъk-ē-jes</i> > <i>mękъč'aje</i> ,	ст.-слав. <i>макъчане</i> ;
	<i>mękъk-ē-jъs-jī</i> > <i>mękъč'aiš'ī</i> ,	ст.-слав. <i>макъчанши</i>

и т. д.

Следовательно, при образовании форм сравнительной степени с суффиксом *ē-jъs-(-jes-)* задненёбные согласные смягчались перед [ē] в шипящие, а после шипящих [ē] > [a].

§ 122. У некоторых прилагательных сравн. степень образовывалась (или могла образовываться) от другой основы. Например:

	муж. р.	жен. р.	ср. р.
малъ:	мьнѣи	мьнѣши	мьнѣе, мьнѣше
бѣликъ:	болѣи	болѣши	болѣе, болѣше
мнѡгъ:	каштѣи	каштѣши	каштѣше
благъ:	{ лѡучѣи	{ лѡучѣши	{ лѡучѣе, лѡучѣше
добръ:	{ оуѣи	{ оуѣши	{ оуѣше
зълъ:	{ горѣи	{ горѣши	{ горѣше
	{ поуѣи	{ поуѣши	{ поуѣше

Образец склонения

	Единственное число		
	Муж. р.	Ср. р.	Жен. ср.
Им.	болѣи	болѣе	болѣши
Род.	болѣша		болѣша
Дат.	болѣшоу		болѣши
Вин.	лѡучѣшь, болѣи	болѣе, болѣше	болѣшѣ

Твор.	во́льше ^{мь}	во́льше ^ѣ
Мест	во́льши	во́льши
	Муж. р.	Ср. р.
Им.	мѣножан	мѣножаѣ
Род.	мѣножаниша	мѣножаниша
Дат.	мѣножанишоу	мѣножаниши
Вин.	мѣножан	мѣножаѣ
Твор.	мѣножанише ^{мь}	мѣножанише ^ѣ
Местн.	мѣножаниши	мѣножаниши

Множественное число

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Им.	во́льше	во́льша	во́льша
Род.	во́льшь	во́льшь	во́льшь
Дат.	во́льше ^{мъ}	во́льша ^{мъ}	во́льша ^{мъ}
Вин.	во́льша	во́льша	во́льша
Твор.	во́льши	во́льша ^{ми}	во́льша ^{ми}
Мест.	во́льшихъ	во́льшахъ	во́льшахъ

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Им.	мѣножанише	мѣножаниша	мѣножаниша
Род.	мѣножанишь	мѣножанишь	мѣножанишь
Дат.	мѣножанише ^{мъ}	мѣножаниша ^{мъ}	мѣножаниша ^{мъ}
Вин.	мѣножаниша	мѣножаниша	мѣножаниша
Твор.	мѣножаниши	мѣножаниша ^{ми}	мѣножаниша ^{ми}
Местн.	мѣножанишихъ	мѣножанишахъ	мѣножанишахъ

Двойственное число

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Им.-вин.	во́льша	во́льши	во́льши
Род.-местн.	во́льшоу		
Дат.-твор.	во́льше ^{ма}	во́льша ^{ма}	

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Им.-вин.	мѣножаниша	мѣножаниши	мѣножаниши
Род.-местн.	мѣножанишоу		
Дат.-твор.	мѣножанише ^{ма}	мѣножаниша ^{ма}	

При изучении склонения кратких форм прилагательных в сравнительной степени следует обратить внимание на следующее:

1. Наряду с формой во́ли встречается форма во́льи, где буквами и и ъ передается редуцированный [i].

2. Им. пад. мн. ч. муж. р. сохранил старое окончание основ на согласный — [e]: мѣньше, во́льше, доврѣше, мѣножанише и т. д.

Наряду с этим окончанием начинает конкурировать новое окончание [-i] -и, которое становится преобладающим в Ассеманиевом евангелии и Супрасльской рукописи.

3. В им. и вин. пад. мн. ч. ср. р. наряду с обычными формами на [-š'a]-ша встречаются также формы на [-š'i] -ши: во́льши — Супр. рук. 23_{1а}, горѣши — Зогр. ев., Лук. XI, 26.

4. Вин. пад. ед. ч. муж. р. имеет обычно форму, совпадающую с им. пад., или форму, совпадающую с род. пад., при существительных, обозначавших одушевленные предметы: во́ли гѣ^ѣхъ — Мар. ев., Ио. XIX, 11; о^ѣца ... старѣша — Супр. 278_{1б}. Особое окончание [-ъš'ь]-шь засвидетельствовано только в сб. Клоца.

От во́ли вин. пад. в виде во́льшь не встречается. Употребляется или форма во́ли или лоу^ѣшь.

5. В вин. пад. ед. ч. ср. р. наряду с формами доврѣше, мѣше, во́ше, чѣстѣше встречаются иногда формы с окончанием -ъš'е или -iš'е (-ше или ише): чѣстѣише — Супр. 74₁, во́льше — Супр. 407₆ и т. д. Эта же форма проникает иногда и в им. пад. ед. ч.

§ 123. Полные формы сравнительной степени образовывались путем прибавления к краткой форме прилагательного в сравнительной степени соответствующей падежной формы от указательного местоимения и(же), ѡ(же), ѡ(же) (см. раздел об образовании полных прилагательных § 119).

Им. ед.	во́ли во́льше ^ю во́ле ^ю во́льши мѣножан мѣножанише ^ю мѣножаниши
	во́льша ^{го} во́льша ^{ма} мѣножаниша ^{го} мѣножаниша ^{ма}
	во́льшоу ^{емоу} во́льши мѣножанишоу ^{емоу} мѣножаниши

и т. д. (см. раздел о склонении полных прилагат. § 120).

Им. пад. ед. ч. муж. р. у полных форм сравн. степени прилагательных не отличается от кратких форм и имеет те же варианты в окончании -и, -ьи: во́ли, во́льи.

Им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. оканчивается обычно на [-š'eje]-шею: во́льшею, чѣстѣишею. Наряду с этим встречаются формы типа во́лею, горѣю, кышею, тачаю.

Им. п. мн. ч. муж. р. представлен формой на [-ъš'i] -ьши: мѣножѣши — Зогр. ев., Мф. XXI, 8, горѣши — Супр. 385₃₀ и т. д. В более поздних памятниках она не засвидетельствована, почему отсутствует и ожидаемая форма на [-š'ei]-шеи.

Форма им.-вин. пад. мн. ч. ср. р. встречается очень редко.

Приставка наи- могла усиливать сравнительную степень, придавая ей значение превосходной: наикѣше, наикорѣше, наидоѣше, наистарѣше. Однако подобные формы очень редки в старославянских памятниках.

Превосходная степень могла передаваться также описательно: кыѣхъ мѣни, кыѣхъ нечѣише.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 124. В старославянском языке различались количественные порядковые и собирательные числительные.

§ 125. Таблица количественных и порядковых числительных.

Количественные числительные	Порядковые числительные
1. еДИНЪ, еДЫНЪ -о, -а	пРЬБЪ, -о, -а
2. дѢКА муж. р., дѢКѢ — ср. и жен. р.	кѢТОРЪ, -о, -а
3. трѢ (трѢ) — муж. р., трѣ — ср. и жен. р.	трѢТІИ (-тъи), -іи, -иѧ
4. чѢтыре — муж. р., чѢтыри — ср. и жен. р.	чѢТЪРѢТЪ, -о, -а
5. пѢТЬ	пѢТЪ, -о, -а
6. шѢСТЬ	шѢСТЪ, -о, -а
7. сѢДМЬ	сѢДМЪ, -о, -а
8. оСМЬ	оСМЪ, -о, -а
9. дѢКАТЬ	дѢКАТЪ, -о, -а
10. дѢСѢТЬ	дѢСѢТЪ, -о, -а
11. еДИНЪ (-о, -а) на дѢСѢТЕ	пРЬБЪ на дѢСѢТЕ, еДИНАдѢСѢТЪ
12. дѢКА на дѢСѢТЕ	кѢТОРЪ на дѢСѢТЕ, дѢКАНАдѢСѢТЪ, дѢКАНАдѢСѢТЪНЪ
13. трѢ (трѣ) на дѢСѢТЕ	трѢИ на дѢСѢТЕ, трѢИНАдѢСѢТЪ
14. чѢтыре (-ри) на дѢСѢТЕ и т. д.	чѢТЫРЕНАдѢСѢТЪ, чѢТЫРЕНАдѢСѢТЪНЪ и т. д.
20. дѢКАдѢСѢТИ	дѢКАдѢСѢТЪ, дѢКАдѢСѢТЪНЪ, дѢКОдѢСѢТЪ
30. трѢНАдѢСѢТИ (-тѢ)	трѢНАдѢСѢТЪНЪ
40. чѢтыре (-ри) дѢСѢТЕ (-ти)	чѢТЫРЕдѢСѢТЪ, чѢТЫРЕдѢСѢТЪНЪ
50. пѢТЬдѢСѢТЪ	пѢТЬдѢСѢТЪ, пѢТЬдѢСѢТЪНЪ
60. шѢСТЬдѢСѢТЪ	шѢСТЬдѢСѢТЪ
70. сѢДМЬдѢСѢТЪ	сѢДМЬдѢСѢТЪНЪ, сѢДМЬдѢСѢТЪНЪ
80. оСМЬдѢСѢТЪ	оСМЬдѢСѢТЪ, оСМЬдѢСѢТЪНЪ
90. дѢКАТЬдѢСѢТЪ	дѢКАТЬдѢСѢТЪ, дѢКАТЬдѢСѢТЪНЪ
100. сѢТО	сѢТЪНЪ
200. дѢКѢ сѢТѢ	дѢКОсѢТЪНЪ
300. трѢ сѢТА и т. д.	трѢсѢТЪНЪ и т. д.
1000. тыСѢШТА (тыСѢШТА)	тыСѢШТЪНЪ (тыСѢШТЪНЪ)
10 000. тѢМА, нѢСѢКѢДА	

Для названия „10 000“ употребляли имена тьма — „темнота“ или неяснѣда — „непонятность“. Эти же имена употреблялись в значении „бесчисленное количество“.

§ 126. Склонение количественных числительных.

Числительное **единиц**, **-о**, **-а** склонялось по типу указательных местоимений **тх**, **то**, **та**:

		Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Ед. ч.	Им.	ЕДИНЪ	ЕДИНО	ЕДИНА
	Род.	ЕДИНОВАГО	ЕДИНОВАГО	ЕДИНОВОЯ
	Дат.	ЕДИНОВОУ	ЕДИНОВОУ	ЕДИНОВИ И Т. Д.

Числительные два, три, четыре с различием грамматического рода имели при склонении следующие формы:

	Муж. р.	Ср. р	Жен. р.
Им.-вин.	дѣка	дѣкѣ	дѣкѣ
Род.-местн.		дѣкою	
Дат.-твор.		дѣкѣма	
Им.	триѣ (трыѣ)	три	три
Род.		трии (трыи)	
Дат.		трымѣ, тремѣ	
Вин.		три	
Твор.		трыми	
Местн.		трыхѣ, трехѣ	
Им. четыре	четыри		четыри
Род.	четырь, четырь		
Дат.	четырьмѣ, четыремѣ		
Вин.	четыри		
Твор.	четырьми		
Местн.	четырьхѣ, четырехѣ		

Как показывают приведенные формы склонения этих числительных, числительное *дэка* для муж. р. и *дэктэ* для ср. и жен. р. имело только формы двойственного числа и изменялось по типу склонения указательных местоимений *тэ, тэ, та*.

Числительные три для муж. р., три для ср. и жен. р. и четыре для муж. р., четыре для ср. и жен. р. имели формы множественного числа. При этом первое из них склонялось по типу основ на *-*i*, а второе — по типу основ на согласный.

Числительные от *единиц* до *четыре* выступали как прилагательные, согласуясь с именем, которое они сопровождали: *единиц члокѣкк, джа члокѣка, трине, четыре члокѣци*.

Количественные числительные от пять до девять включительно являлись именами с основой на *-i*, производными от соответствующих порядковых числительных *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять* и склонялись так же, как существительные *гость*, *козь* в ед. ч., сопровождаясь в качестве дополнения существительными в форме род. п. мн. ч.

§ 127. Числительное *дѣлѣть* изменялось в целом по основам на согласный.

Единственное число		Множественное число
Им.	<i>дѣлѣть</i>	<i>дѣлѣте, дѣлѣти</i>
Род.	<i>(дѣлѣте), дѣлѣти</i>	<i>дѣлѣтъ</i>
Дат.	<i>дѣлѣти</i>	<i>дѣлѣтъмъ, дѣлѣтемъ</i>
Вин.	<i>дѣлѣть</i>	<i>дѣлѣти</i>
Твор.	<i>дѣлѣтиѣ, дѣлѣтыѣ</i>	<i>дѣлѣты</i>
Местн.	<i>дѣлѣте, дѣлѣти</i>	<i>дѣлѣтъхъ, дѣлѣтехъ</i>
Двойственное число		
Им.-вин.	<i>дѣлѣти (дѣлѣтъ)</i>	
Род.-местн.	<i>(дѣлѣтоу)</i>	
Дат.-твор.	<i>дѣлѣтъма</i>	

Существительное, связанное с числительным *дѣлѣть*, стоит при нем в род. пад. мн. ч.

У числительных от 11 до 19 склонялись только единицы, за которыми следовало застывшее выражение на *дѣлѣте*. Поэтому имена существительные, связанные с этими числительными, как правило, согласовывались с числительным, обозначавшим единицы. Например, *дѣла на дѣлѣте оученика, четыре на дѣлѣте оученици, пять на дѣлѣте оученикъ* и т. д.

Числительное *ѣхто* изменялось так же, как существительные ср. р. с основой на *-*ѡ*: род. ед. *ѣхта*, дат. ед. *ѣхтоу* и т. д., а числительные *тъма* и *тыѣшта* (*тыѣшта*) изменялись по типу имен с основой на **-а* (при этом второе из них — по мягкому варианту данного склонения): род. ед. *тъмы, тыѣшта*, дат. ед. *тъмѣ, тыѣшти* и т. д.

§ 128. Сложные числительные образовывались из простых путем соединения их союзом *и* или *ти*: *ѣхто и пѣтъдѣлѣтъ* и *три* — Мар. ев., Зогра. ев., Ас. ев., Ио. XXI, 11; *четыре дѣлѣти ти шѣтъ* — Супр. 177₂₀; *дѣла дѣлѣти і пѣтъ* — Зогра. ев., Ио. VI, 19.

Существительное, связанное со сложным числительным, согласуется с последней его частью: *дѣла дѣлѣти і пѣтъ ітади* — Зогра. ев., Ио. VI, 19. Но существительное могло выступать также в качестве приложения к числительному, и тогда оно согласовывалось с ним в падеже: *о дѣлѣти дѣлѣтъ* и *дѣлѣти прѣбѣдѣнницѣхъ* — Мар. ев., Лук. XV, 7.

В связи с тем, что система числительных с их различными по происхождению и построению элементами являлась очень сложной, в старославянском языке уже с самого начала появилась тенденция к ее упрощению. Так, срастается и перестает склоняться группа *дѣкадѣлѣти*. В связи с чем, например, в род. пад. можно встретить: *дѣкадѣлѣти ти пѣти* — Супр. 230₁₂. То же самое наблюдается

и в отношении *три дѣлѣти* в местном падеже: *по дѣлѣти ѣхтъ і три-дѣлѣти* — Супр. 9₂₅.

С другой стороны, при склонении сложного числительного в род. пад. начинает наблюдаться тенденция склонять только первую его часть, например, *дѣлѣти дѣлѣтъ і дѣлѣтъ* — Зогра. ев., Лук. XV, 4; Ас. ев., Мф. XVIII, 12.

§ 129. Порядковые числительные представляли собой формы прилагательных и изменялись по основам на *-*ѡ* в муж. и ср. р. и по основам на *-*ѧ* в жен. р. Например, ед. ч. им. пад. *дѣлѣтъ*, род. пад. *дѣлѣта*, дат. пад. *дѣлѣтоу* и т. д.

Значительно чаще в памятниках старославянской письменности порядковые числительные встречаются в полной форме. Например, ед. ч. им. пад. *дѣлѣтъзи*, род. пад. *дѣлѣтаѣго*, дат. пад. *дѣлѣтоуѣмоу* и т. д.

Сложные порядковые числительные образовывались от простых порядковых путем соединения их союзом *и* или *ти*: *ѣдмѣдѣлѣтъѣмоу* и *дѣлѣтоѣ* — Супр. 295₆, а также без союза: *ѣхтъѣнаго ѣхтъѣтаѣго* — Супр. 302₁₉.

При образовании основы порядковых числительных название единиц иногда было представлено с тематическим гласным [о]: *дѣконадѣлѣтъѣмъ, ѡсмонадѣлѣтъѣмъ, дѣкодѣлѣтъ* и др.

§ 130. Собирательные числительные в ед. ч. выступали в ср. р., а во мн. и дв. ч. имели формы всех трех родов. В ед. ч. они были представлены формами *дѣѡѣ* и *ѡѡѣ*, *трѡѣ*, *ѣтѡѡѣ*, *пѡѡѣ*, *шѣѡѡѣ*, *ѣдѡѡѣ*, *ѡѡѡѣ*, *дѣѡѡѡѣ*, *дѣѡѡѡѣ*.

Собирательные числительные *дѣѡѣ*, *ѡѡѣ*, *трѡѣ* изменялись по местоименному склонению; например, в ед. ч. род. пад. *дѡѡѣго*, *ѡѡѡѣго*, *трѡѡѣго*, дат. пад. *дѡѡѣмоу*, *ѡѡѡѣмоу*, *трѡѡѣмоу* и т. д., а от *ѣтѡѡѣ* до *дѣѡѡѣго* — по именному склонению, т. е. они склонялись так же, как краткие (именные) формы прилагательных; например, род. пад. ед. ч. *ѣтѡѡѣ*, *пѡѡѣ*, *дѣѡѡѣ* и т. д.

Если при собирательном числительном было представлено собирательное существительное, то тогда числительное употреблялось в ед. ч., а согласованное с ним собирательное существительное имело форму род. пад.: *дѣѡѡѣ братѣ* — Супр. 279₁₅. Если собирательные числительные употреблялись во мн. или дв. ч., то согласованное с ними существительное ставилось в том же числе; например, вин. пад. мн. ч. *прѣтъ... ѡѡѡѣ, рѣѣныѣ і ножныѣ* — Супр. 268₄; им. пад. мн. ч. *дѣѡѡѣ людѣ* — сб. Кл. I, 840—841; твор. пад. мн. ч. *ѡѡѡѣми дѡѡѡѣми* — Супр. 146₅, дв. ч. *ѡѡѡѣ выѡѡѣте пѣтъ* — Супр. 417₂₉.

ГЛАГОЛ

§ 131. В области глагольной системы для старославянского языка были характерны те же наклонения, которые есть и в современном русском языке, т. е. изъявительное, повелительное, условное. Однако формы времени старославянского языка суще-

ственно отличались от современных русских форм. Так, например, прошедшее время было представлено четырьмя формами, из которых две служили для передачи простого прошедшего (аорист и имперфект), а две употреблялись для передачи сложного прошедшего времени (перфект и плюсквамперфект).

Старославянский глагол имел ту же категорию числа, что и имя — единственное, множественное и двойственное.

Спрягаемые глагольные формы изменялись по лицам, которых, как и в современном русском языке, было три. Старославянский язык располагал целым рядом неспрягаемых глагольных форм, которые или склонялись (причастия) или представляли собой несклоняемые застывшие падежные формы (инфинитив и супин).

В отношении категории вида все глаголы старославянского языка распались на две основные группы: глаголы имперфективные и глаголы перфективные. Имперфективные глаголы — это глаголы, выражающие длительное действие (например, *тѣкорити*, *дѣлати*). Перфективные глаголы — это глаголы, которые обозначают действие, находящееся в определенном отношении к законченности или с оттенком законченности (например, *зѣтѣкорити*, *зѣдѣлати*). Категория вида в старославянском языке только еще складывалась, поэтому видовые отношения там зачастую передавались формами времени. Так, например, аорист, обозначавший действие точечное, непротяженное, указывал на совершенность действия, а имперфект, передававший действие линейное, протяженное, указывал на несовершенность действия.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

§ 132. Глагольные формы в старославянском языке могли образовываться от двух основ: от основы настоящего времени и от основы инфинитива. От основы настоящего времени в старославянском языке образовались настоящее время, повелительное наклонение, причастия настоящего времени.

Обычно основу настоящего времени выделяют или по форме 2-го л. ед. ч. настоящего времени или по форме 3-го л. мн. ч.

От основы инфинитива образовывались имперфект, аорист, причастия прошедшего времени, инфинитив, супин.

Основу инфинитива выделяют путем отбрасывания от формы инфинитива суффикса [-ti] -ти. Однако не всегда основа инфинитива выделяется таким образом.

Так, если в составе инфинитива употреблялся сложный согласный [št'] шт (например, [moš't'i] мошти, [reš't'i] решти, [peš't'i] пешти), то нельзя выделить основу инфинитива, отбросив суффикс [-ti]. Следует помнить, что [št'] развился здесь на месте бывшей группы [kt (gt)] перед гласным переднего ряда.

Аналогичная картина может наблюдаться и в тех случаях, когда в составе инфинитива употреблялась группа [st] ст, развившаяся на месте бывшей группы [dt (tt)]: [vesti] вѣсти, [plesti] плести.

В обоих случаях основа инфинитива равна корню, оканчивающемуся или на заднеязычный согласный [k], [g], или на зубной [d], [t]: *mog-ti, *rek-ti, *pek-ti, *ved-ti, *plet-ti.

В зависимости от соотношения основ все глаголы в старославянском языке делятся на пять классов. Классы эти устанавливаются по виду основы настоящего времени. В качестве дополнительного признака, т. е. внутри каждого из устанавливаемых классов, глаголы делятся еще по виду инфинитивной основы.

Основа настоящего времени характеризовалась суффиксальными, тематическими элементами. Лишь у немногих глаголов она не имела этих элементов.

Тематический суффикс употреблялся между корнем и окончанием. Все глаголы, у которых личное окончание в формах настоящего времени присоединялось к корню с помощью тематического суффикса, получили название тематических глаголов. Среди них принято различать глаголы I—IV классов.

На положении суффиксальных тематических элементов основ настоящего времени выступали следующие звуки:

1. Тематический гласный [-e-], чередовавшийся с [-o-]. Например, от инфинитива [nesti] нести 2-е л. ед. ч. наст. вр. [nes-e-š'i] несеши. Тематический гласный [-o-] выступал при образовании формы 3-го л. мн. ч. наст. вр. и при образовании форм повел. накл. и причастий наст. вр. Например, 3-е л. мн. ч. наст. вр. от этого глагола несятъ [nesotъ] < *nes-o-nti.

Глаголы, у которых основа настоящего времени имела тематический суффикс [e/o], объединяются в I класс.

2. Тематический суффикс [-ne-], чередовавшийся с [-po-] в тех же формах, как и в основах на [e/o]. Например, от инфинитива дѣигнѣти 2-е л. ед. ч. наст. вр. [dvig-ne-š'i] дѣигнеши, 3-е л. мн. ч. дѣигнѣтъ [dvignotъ] < *dvig-po-nti.

Глаголы, у которых в основе настоящего времени выступал тематический суффикс [ne/no], объединяются во II класс.

3. Тематический суффикс [-je-], чередовавшийся с [-jo-] в тех же формах, как и в основах на [e/o]. Например, от инфинитива знѣти 2-е л. ед. ч. наст. вр. [zna-je-š'i] знаеши, 3-е л. мн. ч. знаѣтъ [znajotъ] < *zna-jo-nti.

Глаголы, у которых в основе настоящего времени выступал тематический суффикс [je/jo], объединяются в III класс.

4. Тематический суффикс [-i-]. Например, от инфинитива молати 2-е л. ед. ч. наст. вр. [mol-i-š'i] молиши, 3-е л. мн. ч. молатъ [molotъ] < *mol-i-nti.

Глаголы с тематическим суффиксом [-i-] в основе настоящего времени объединяются в IV класс.

Глаголы, у которых личное окончание при образовании настоящего времени присоединялось непосредственно к корню, получили название нетематических глаголов (V класс). Таких глаголов было немного: быти, яти, дати, кѣдѣти и в некоторой степени глагол

имѣти, который образовывал 1-е л. ед. ч. по типу нетематических глаголов. В других лицах и числах окончания у него были такие же, как и у тематических глаголов, хотя и присоединялись к основе настоящего времени без тематического суффиксального элемента.

§ 133. С учетом инфинитивной основы глаголы в каждом из классов делятся следующим образом:

Глаголы I класса

а) Инфинитивная основа равна корню, оканчивающемуся на согласный звук:

нести [nes-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. несеши [nes-e-š'i],
решти [rešt'i] < *rek-ti	речеши [reč-e-š'i],
вести [vesti] < *ved-ti	ведеши [ved-e-š'i]

б) Основа инфинитива равна корню и оканчивается на [-е-], -а-, который чередуется в основе настоящего времени в позиции перед гласным с сочетанием [-ьп- (-ьм-)] -ьн- (-ьм-):

класти [klę-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. клънеши [klъn-e-š'i],
мати [mę-ti]	мънеши [mъn-e-š'i],
начати [nač'e-ti]	начънеши [nač'ъn-e-š'i],
яти [ję-ti]	имеши [im-e-š'i]

в) Основа инфинитива равна корню и оканчивается на гласный [-у-] -оу-, который в основе настоящего времени в позиции перед гласным чередовался с сочетанием [-ов-] -ок-:

плоути [plu-ti] < *plou-ti	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. плокеши [plov-e-š'i] < pločęš'i,
слоути [slu-ti] < *slou-ti	слокеши [slōv-e-š'i] < sločęš'i

г) Основа инфинитива равна корню + гласный [а]:

рзкати [rъva-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. рзкеши [rъv-e-š'i],
вьрати [bъra-ti]	вереши [ber-e-š'i],
зкати [zъva-ti]	зокеши [zov-e-š'i],
гзнати [gъna-ti]	женеши [ž'en-e-š'i]

д) Основа инфинитива оканчивается на неполногласное сочетание [-гѣ-] -рѣ-, которое в основе настоящего времени в позиции перед гласным чередуется с сочетанием [-ьг-] -ьр-:

мрѣти [mrě-ti] < merti	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. мьреши [mъr-e-š'i],
пожрѣти [požrě-ti] < pogerti	пожьреши [požъr-e-š'i],
опрѣти [oprě-ti se] < operti se	опьреши [opъr-e-š'i se]

е) У ряда глаголов основа настоящего времени образуется неправильно и полностью отличается от основы инфинитива:

доути [du-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. дхмѣши [dъm-e-š'i],
обрѣти [obrě-ti] < obrěti	обращеши [obrešt'-e-š'i]

Глагол обрѣти фактически образует основу наст. вр. по типу глаголов III класса.

Глаголы II класса

Этот тип представлен в старославянском языке значительным количеством глаголов, в частности большим количеством перфективных глаголов. Большинство из них являются производными от имперфективных. Например: доути — доунжти, грысти — грызнжти, оуѣшти — оуѣкнжти, лати — ланжти и т. д.

Инфинитивная основа у глаголов II класса всегда оканчивается на [-п-] -нж- (исключение составляет только глагол стати [sta-ti], у которого основа наст. вр. [stane-]; ср. 2-е л. ед. ч. станѣши [stane-š'i]):

доунжти [dunō-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. доунеши [dune-š'i],
зинжти [zinō-ti]	зинеши [zine-š'i],
пинжти [plinō-ti]	пинеши [pline-š'i]
дкигнжти [dvignō-ti]	дкигнеши [dvigne-š'i],
коснжти [kosnō-ti]	коснеши [kosne-š'i],
постигнжти [postignō-ti]	постигнеши [postigne-š'i]

Глаголы III класса

а) Инфинитивная основа равна корню и оканчивается на гласный [-ѣ-], [-и-], [-у-], [-у-] или [-а-] (ѣ, и, у, оу, а):

оумѣти [umě-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. оумѣеши [umě-je-š'i]
немѣти [nemě-ti]	немѣеши [nemě-je-š'i]
бити [bi-ti]	биеши [bi-je-š'i]
гнити [gni-ti]	гниеши [gni-je-š'i]
крыти [kry-ti]	крыеши [kry-je-š'i]
мыти [my-ti]	мыеши [my-je-š'i]
чоути [č'u-ti]	чоуеши [č'u-je-š'i]
обоути [obu-ti]	обоуеши [obu-je-š'i]
знати [zna-ti]	знаеши [zna-je-š'i]
дѣлати [děla-ti]	дѣлаеши [děla-je-š'i]

б) Основа инфинитива оканчивается на суффикс [-а-], который утрачивается в основе настоящего времени:

глаголати [glagola-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр. глаголеши [glagol'-e-š'i] < glagol-je-š'i
талати [taja-ti]	таеши [ta-je-š'i]
плакати [plaka-ti]	плачеши [plač'-e-š'i]
	< plak-je-š'i

искати [iska-ti]

трепетати [trepet-a-ti]

иштеши [išt'-e-š'i] <
< isk-je-š'i

трепештеши [trepešt-e-
-š'i] < trepet-je-š'i

в) Основа инфинитива оканчивается на суффикс [-va-] ка:

оубикати [ubiva-ti] — 2-е л. ед. ч. наст. вр. оубикаеши [ubiva-je-š'i]
оумыкати [umyva-ti] оумыкаеши [umyva-je-š'i]

г) Основа инфинитива оканчивается на суффикс [-ova-] -ока-, который чередуется в основе настоящего времени с гласным [-u-] -оу-:

кѣрокати [vĕrova-ti] — 2-е л. ед. ч. наст. вр. кѣроуеши [veru-je-
-š'i],

радокати ѿ [radova-ti sę] радоуеши ѿ [radu-je-
-š'i sę],

цѣлокати [c'ĕlova-ti] цѣлоуеши [c'elu-je-
-š'i],

минокати [minova-ti] миноуеши [minu-je-š'i]

д) *Неправильные глаголы.* Значительную часть этих глаголов составляют те, у которых в основе наблюдаются чередования el/lĕ, ol/la, or/ra. При этом первая форма выступает перед гласным в основе настоящего времени, а вторая — перед согласным в основе инфинитива. У всех этих глаголов основа инфинитива представляет собой односложный корень:

млѣти [mlĕ-ti] < — 2-е л. ед. ч. наст. вр. мѣлеши [mel'-e-
< *melti -š'i] < mel-je-š'i

клати [kla-ti] < колеши [kol'-e-š'i] <
< *kolti < kol-je-š'i

брати ѿ [bra-ti sę] < бореши ѿ [bor'-e-š'i
< borti sę < bor-je-š'i sę

прати [pra-ti] < пореши [por'-e-š'i] <
< porti < por-je-š'i

Следует также отметить глагол пѣти [pĕti], у которого основа инфинитива оканчивалась на [ĕ] < [oi]. Ср. 2-е л. ед. ч. наст. вр. поеши [po-je-š'i].

Глаголы IV класса

а) Основа инфинитива оканчивается на [-i-] -и-:

молити [moli-ti] — 2-е л. ед. ч. наст. вр. молиши [mol-i-š'i]

просити [prosi-ti] просяиши [pros-i-š'i]

Как показывают приведенные примеры, у этих глаголов основа инфинитива и основа настоящего времени одинаковы.

б) Основа инфинитива оканчивается на [-ĕ-] -ѣ- или на [-a-] после шипящих или [j]:

мынѣти [mьnĕ-ti] — 2-е л. ед. ч. наст. вр. мыниши [mьn-i-š'i]

слышати [slyš'a-ti] слышиши [slyš'-i-š'i]

стојати [stoja-ti] стоиши [sto-i-š'i] < stoj-i-
-š'i

в) Только у одного глагола основа инфинитива оканчивается на гл. [-a-] после твердого согласного:

сѣпати [sъpa-ti] — 2-е л. ед. ч. наст. вр. сѣпиши [sъp-i-š'i].

По типу глаголов IV класса образовывалась форма 3-го л. мн. ч. наст. вр. от хотѣти [chotĕ-ti] — хотятъ [chotetъ] < chot-i-nti. Остальные формы наст. вр. от этого глагола образовывались по типу III класса: 1-е л. ед. ч. хошѣ [chošĕ], 2-е л. ед. ч. хоштеши [chošt'eš'i] < chot-je-š'i и т. д.

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 134. В соответствии с приведенным выше подразделением на глагольные классы, формы наст. вр. от тематических глаголов имеют следующий вид:

I класс нести	II класс дѣйгнѣти
Ед. ч. 1-е л. несѣ	дѣйгнѣ
2-е л. несеши	дѣйгнѣши
3-е л. несѣтъ	дѣйгнѣтъ
Мн. ч. 1-е л. несѣмъ	дѣйгнѣмъ
2-е л. несѣте	дѣйгнѣте
3-е л. несѣтъ	дѣйгнѣтъ
Дв. ч. 1-е л. несеѣтъ	дѣйгнѣѣтъ
2-е л. несеѣта	дѣйгнѣѣта
3-е л. несеѣте	дѣйгнѣѣте
III класс знати	IV класс молити
Ед. ч. 1-е л. знаѣ	молиѣ
2-е л. знаеши	молиши
3-е л. знаѣтъ	молиѣтъ
Мн. ч. 1-е л. знаѣмъ	молиѣмъ
2-е л. знаѣте	молиѣте
3-е л. знаѣтъ	молиѣтъ
Дв. ч. 1-е л. знаѣѣтъ	молиѣѣтъ
2-е л. знаѣѣта	молиѣѣта
3-е л. знаѣѣте	молиѣѣте

Если у глаголов I класса перед тематическим гласным [e] употреблялся задненёбный согласный, то происходила I палатализация, вследствие чего задненёбный чередовался с соответствующим шипящим [k]:[č] к:ч, [g]:[ž] г:ж.

Например: рѣшти [rešt'i] < *rekti, мошти [mošt'i] < *mogti.

Ед. ч. 1-е л. рѣж	мож	Мн. ч. рѣчимъ	можемъ
2-е л. рѣшиши	можеш	рѣчете	можете
3-е л. рѣшетъ	можетъ	рѣжѣтъ	можѣтъ
Дв. ч. 1-е л. рѣчѣѣ	можѣѣ		
2-е л. рѣчѣта	можѣта		
3-е л. рѣчѣте	можѣте		

При образовании 1-го л. ед. ч. от глаголов IV класса наблюдалось смягчение согласного корня. Это объяснялось следующим: тематический гласный [i] в позиции перед следующим гласным по законам славянской речи становился неслоговым [i] ([j]), который ассимилировался с предшествующим согласным, смягчая его.

Например, от глагола любити 1-е л. ед. ч. наст. вр. [l'ubl'ɔ] любѣмъ (йотованная буква в данном случае указывает на мягкость предшествующего согласного), от глагола прохити — прошѣмъ, от видѣти — видѣмъ и т. д.

Процесс шел таким образом: pros-i-ɔ > prosjo > proš'ɔ; vid-i-ɔ > vidjo > vižd'ɔ и т. д.

Таким образом, при образовании 1-го л. ед. ч. наст. вр. от глаголов IV класса в глагольной основе происходили изменения, характерные для изменения сочетаний согласных с последующим [j] на славянской почве. Аналогичные изменения происходили и у глаголов III класса, если тематический суффикс [je/jo] присоединялся к корню, оканчивающемуся на согласный звук. Причем эти изменения происходили во всех лицах и числах.

Например: плакати писати трепѣтати

Единственное число

1-е л. плачѣ	пишѣ	трепѣштѣ
2-е л. плачѣши	пишѣши	трепѣштѣши
3-е л. плачѣтъ	пишѣтъ	трепѣштѣтъ

Множественное число

1-е л. плачѣмъ	пишѣмъ	трепѣштѣмъ
2-е л. плачѣте	пишѣте	трепѣштѣте
3-е л. плачѣтъ	пишѣтъ	трепѣштѣтъ

Двойственное число

1-е л. плачѣѣ	пишѣѣ	трепѣштѣѣ
2-е л. плачѣта	пишѣта	трепѣштѣта
3-е л. плачѣте	пишѣте	трепѣштѣте

§ 135. Образцы спряжения нетематических глаголов

бѣти ѣсти дати бѣдѣти имѣти

Единственное число

1-е л. ѣмъ	ѣмъ	дамъ	бѣмъ (бѣдѣ)	имамъ
2-е л. ѣси	ѣси	даси	бѣси	имаси
3-е л. ѣтъ	ѣтъ	датъ	бѣтъ	иматъ

Множественное число

1-е л. ѣмъ	ѣмъ	дамъ	бѣмъ	имамъ
2-е л. ѣте	ѣте	даге	бѣте	имате
3-е л. ѣтъ	ѣтъ	дадатъ	бѣдатъ	имѣтъ

Двойственное число

1-е л. ѣѣ	ѣѣ	даѣѣ	бѣѣѣ	имаѣѣ
2-е л. ѣта	ѣта	даге	бѣге	имате
3-е л. ѣте	ѣте	даге	бѣге	имате

В старославянских памятниках наряду с окончанием 1-го л. мн. ч. -мъ встречается еще окончание -мы. В одних случаях такое окончание могло появиться фонетически закономерно вместо редуцированного [-ъ] перед гласным [i] следующего слова. Например, оутѣмѣи — Мар. ев., Мф. XXVIII, 14. В этом случае буквой ѣ передавался редуцированный гласный [y]. Однако наряду с этим имеются случаи, когда подобное окончание [-ту] -мы было обусловлено не артикуляцией следующего гласного [i], а возникло под влиянием местоимения 1-го л. мн. ч. мы. Особенно распространено подобное окончание в Супрасльской рукописи. Например, бѣмы — Зогр. ев., Ио. IX, 29; Супр. 438₂₇; имамы — Супр. 435₁₇, 540₁₇; наплѣмѣмы — Супр. 431₉; бѣштѣмѣмы — Супр. 380₂.

В 3-м л. ед. и мн. ч. нормой являлось окончание [-тъ] -тъ. Однако в позиции перед местоимением и (вин. п. ед. ч. муж. р.) встречаются формы с окончанием [-ту] -ты, в которых [y] возник на месте [ъ], оказавшегося в позиции перед гласным [i]. Например, поштѣтити — Мар. ев., Мф. XXIV, 47; емлетити — Мар. ев., Лук. IX, 39; оутѣтити — Мар. ев., Ио. XI, 9. Наряду с этим встречаются формы без окончания [-тъ]. Наиболее часты подобные примеры в Супрасльской рукописи. Например, да не вѣде — Мар. ев., Мр. XIII, 18; достѣи — Зогр. ев., Мр. III, 4; може ли — Супр. 27_{24, 26}; ѡтъгони — Супр. 509₆; желѣе — Супр. 237₇; покѣдоуѣ — Супр. 325₂₇ и др.

В 3-м л. дв. ч. нормой являлось окончание [-те] -те. Однако наряду с этим встречаются формы с окончанием [-та] -та. Например, дѣка вѣдѣта — Зогр. ев., Сав. кн., Остр. ев., Мф. XXIV, 40 (вѣдѣте — Мар. ев., Ас. ев.). Особенно распространено окончание [-та] в 3-м л. дв. ч. в Саввиной книге и Супрасльской рукописи.

В этом окончании конечный гласный [а] был получен под влиянием существительных муж. р. с основой на -*ѡ, употребленных в форме им.-вин.-зват. пад. дв. числа.

§ 136. В индоевропейском языке-основе каждая глагольная спрягаемая форма образовывалась с помощью особого окончания. Принято различать два вида глагольных окончаний: первичные и вторичные (названия эти условны).

С помощью первичных глагольных окончаний образовывались формы настоящего времени, с помощью вторичных — формы повелительного наклонения, имперфекта и аориста. При этом вторичные глагольные окончания отличались от первичных не во всех формах, а только в ед. ч. и в 3-м л. мн. ч. Во всех же остальных формах вторичные глагольные окончания были такие же, как и первичные.

В соответствии с первичными глагольными окончаниями в старославянском языке в формах настоящего времени представлены следующие окончания:

Ед. ч. 1-е л. -ѡ, -мь	Мн. ч. 1-е л. -мѣ	Дв. ч. 1-е л. -кѣ
2-е л. -ши, -и	2-е л. -тѣ	2-е л. -та
3-е л. -тъ	3-е л. -ѣтъ, -ѣтъ	3-е л. -тѣ

Эти старославянские флексии возникли следующим образом.

1-е л. ед. ч. Окончание 1-го л. ед. ч. нетематических глаголов [-тъ] -мь восходит к $^{-*m\bar{i}}$. На славянской почве краткий гласный [i] > [ъ]. Окончание [-mi] можно встретить, например, в греческом языке — $\epsilon\acute{i}m\acute{i}$, и в литовском — $esm\acute{i}$.

Происхождение окончания 1-го л. ед. ч. тематических глаголов [-ѡ] -ѡ точно не разъяснено. Одни ученые объясняют его как окончание более древней формы конъюнктива, оканчивавшегося на $\bar{a}m$ ($\bar{a}n$). Ср., например, в латинском языке $fer\bar{a}m$. Другие считают, что это славянское окончание восходит к дифтонгическому сочетанию [$\bar{o}m$ ($\bar{o}n$)], в котором гласный [ō] представлял собой первичное окончание (ср., например, греч. $\acute{\epsilon}\acute{\epsilon}\tau\bar{o}$, лат. $fer\bar{o}$), а согласный [m (n)] был присоединен к [ō] из вторичного глагольного окончания.

2-е л. ед. ч. Окончание 2-го л. ед. ч. нетематических глаголов [-si] -и и тематических глаголов [-š'i] -ши восходит к $^{-*s\bar{i}}$. Ср., например, др.-инд. $bh\acute{a}rasi$ — „несешь“. Не совсем ясно, почему у славян сохранился в данной флексии гласный [i] < [$\bar{i}$], в соответствии с которым у славян должен был быть [ъ]. В дальнейшем по славянским языкам произошла редукция конечного гласного [i].

Что касается возникновения у тематических глаголов шипящего [š'] в этой флексии, то это объясняется тем, что согласный [s] в позиции после гласного [i] (у глаголов IV класса) перешел фонетически закономерно в [ch], который под воздействием следующего за ним гласного переднего ряда подвергся I палатализации и перешел в [š']. По аналогии с глаголами IV класса соглас-

ный [š'] в окончании 2-го л. ед. ч. был перенесен и в окончание этой формы всех тематических глаголов.

3-е л. ед. ч. Старославянское окончание 3-го л. ед. ч. восходит к $^{-*t\bar{i}}$. Ср., например, греч. $\acute{\epsilon}st\acute{i}$, др.-инд. $bh\acute{a}rati$. В соответствии с индоевропейским окончанием $^{-*t\bar{i}}$ в старославянском языке должно было быть окончание [-тъ]. Но утрата палатализации конечным согласным [t] в конце слова привела к веляризации следовавшего за ним гласного: [t̥] > [t̶̥].

Этот процесс по славянским группам происходил в разное время. Наиболее позднее отверждение в форме 3-го л. было в восточнославянских языках (особенно в северновеликорусских и в западноукраинских говорах).

1-е л. мн. ч. Старославянское окончание [-тъ] -мѣ восходит к $^{-*m\bar{o}s}$. Ср., например, в латинском языке окончание $-mus$ < mos . На славянской почве в соответствии с древнейшим окончанием $^{-*m\bar{o}s}$ произошли следующие изменения: гласный [ō] в конечном слоге подвергся усиленной лабиализации и перешел в [ū], который давал у славян [ъ]. Конечный согласный [s] по закону открытого слога утратился.

2-е л. мн. ч. Старославянское окончание [-те] -тѣ восходит к $^{-*te}$. Ср., например, в греческом языке $\acute{\epsilon}f\acute{e}re\acute{t}e$, $\acute{\epsilon}st\acute{e}$.

3-е л. мн. ч. В индоевропейских языках в данной форме было представлено окончание $^{-*nti}$. Ср., например, в греческом языке $\acute{\epsilon}f\acute{e}rus$ < $\acute{\epsilon}f\acute{e}ronti$, в древнеиндийском $bh\acute{a}ranti$. На славянской почве носовой согласный [n] вступил во взаимодействие с предшествующим ему тематическим гласным [o] (у глаголов I—III классов) или [i] (у глаголов IV класса). В результате возникло дифтонгическое сочетание [on] или [in], которое, монофтонгизируясь, дало у славян носовой гласный [q] или [e]. А сочетание [-ti], входившее в состав окончания 3-го л. мн. ч., подверглось тем же изменениям, что и в ед. ч. (см. происхождение окончания 3-го л. ед. ч.). В результате в старославянском языке представлены окончания [-ѣтъ] -ѣтъ и [-ѣтъ] -ѣтъ.

1-е л. дв. ч. Старославянское окончание 1-го л. дв. ч. [-vě] -кѣ возникло под влиянием формы им. пад. дв. ч. от местоимения 1-го л. кѣ [vě].

2-е л. дв. ч. В соответствии со старославянским окончанием 2-го л. дв. ч. [-ta] -та в литовском языке в этой форме находим окончание $-ta$ < $^{-*t\bar{o}}$, в др.-инд. — $-thah$.

3-е л. дв. ч. В соответствии со старославянским окончанием 3-го л. дв. ч. [-te] -тѣ в греческом языке находим окончание $-ton$ (чередование [e/o] в глагольных окончаниях — вполне закономерное явление).

Что касается вторичных глагольных окончаний, то в индоевропейском языке-основе они были представлены в следующем виде:

Ед. ч. 1-е л. -m (n)	Мн. ч. 1-е л. (-mos)
2-е л. -s	2-е л. (-te)
3-е л. -t	3-е л. -nt

Каким изменениям подверглись у славян эти вторичные глагольные окончания, рассматривается в разделах об имперфекте, аористе и повелительном наклонении.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 137. Повелительное наклонение в старославянском языке встречается во всех числах и сохраняется для всех лиц, кроме 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. и дв. ч. При этом форма для 2-го и 3-го л. ед. ч. была в старославянском языке одинакова.

Повелительное наклонение в старославянском языке образовывалось от основы настоящего времени, к которой присоединялся суффикс повел. накл. и личные окончания.

В качестве суффикса повел. накл. у тематических глаголов выступали гласные [i] и [ě] ѣ.

С помощью суффикса [i] образовывались формы повел. накл. во 2-м и 3-м л. ед. ч. от глаголов I—IV классов и в формах 1-го и 2-го л. мн. и дв. ч. от глаголов III и IV классов. А суффикс [ě] использовался в старославянском языке для образования форм 1-го и 2-го л. мн. и дв. ч. от глаголов I и II классов.

Образцы спряжения

I класс нести		II класс дѣигнѣти	
Ед. ч.	2-е л. неси	дѣигни	
	3-е л. неси	дѣигни	
Мн. ч.	1-е л. нестѣмъ	дѣигнѣмъ	
	2-е л. нестѣте	дѣигнѣте	
Дв. ч.	1-е л. нестѣѣѣ	дѣигнѣѣѣ	
	2-е л. нестѣта	дѣигнѣта	
III класс знати		IV класс молѣти	
Ед. ч.	2-е л. знаи	молѣи	
	3-е л. знаи	молѣи	
Мн. ч.	1-е л. знаимъ	молѣимъ	
	2-е л. знаите	молѣите	
Дв. ч.	1-е л. знаикѣѣ	молѣикѣѣ	
	3-е л. знаита	молѣита	

Особое внимание следует обратить на образование форм повел. накл. от глаголов I класса, у которых корень оканчивался на задненёбный согласный, например от *решти* [rešt'ɪ] < *rekti, *мошти* [mošt'ɪ] < *mogti, *пешти* [pešt'ɪ] < *pekti и т. д.

Задненёбный согласный у этих глаголов в формах повел. накл. перед суффиксом [i] и [ě] (< [oi]) чередовался при палатализации со свистящим, а именно [k]:[c] (к:ц), [g]:[dʒ'] (г:з). Если в корне этих глаголов употреблялся гласный [e], то он в формах повел. накл. заменялся на [ь], т. е. здесь происходила редукция:

решти пешти мошти

Единственное число

2-е л. рѣци пѣци моѣи

3-е л. рѣци пѣци моѣи

Множественное число

1-е л. рѣѣмъ пѣѣмъ моѣѣмъ

2-е л. рѣѣте пѣѣте моѣѣте

Двойственное число

1-е л. рѣѣѣѣ пѣѣѣѣ моѣѣѣѣ

2-е л. рѣѣѣта пѣѣѣта моѣѣѣта

От нетематических глаголов формы повел. накл. представлены в следующем виде:

быти дати ѣсти кѣдѣти имѣти

Единственное число

2-е л. бѣди даждь ѣждь кѣждь имѣи

3-е л. бѣди даждь ѣждь кѣждь имѣи

Множественное число

1-е л. бѣѣмъ дадимъ ѣдимъ кѣдимъ имѣимъ

2-е л. бѣѣте дадите ѣдите кѣдите имѣите

Двойственное число

1-е л. бѣѣѣѣ дадикѣ ѣдикѣ кѣдикѣ имѣикѣѣ

2-е л. бѣѣѣта дадита ѣдита кѣдита имѣѣита

От глаголов *дати*, *ѣсти*, *кѣдѣти* формы повелительного наклонения во 2-м и 3-м л. ед. ч. образованы чередованием [d:žd'] (д:жд), появившимся вследствие прибавления в доисторический период при образовании этих форм к основе настоящего времени суффикса [jъ]: *dad-jъ* > *dažd'ъ*, *jad-jъ* > *jažd'ъ*, *věd-jъ* > *věžd'ъ*.

То, что действительно в основе настоящего времени у этих глаголов употреблялся согласный [d], подтверждает форма 3-го л. мн. ч. наст. вр.: *дадатъ* [dadetъ], *ѣдатъ* [jadetъ], *кѣдатъ* [vedetъ].

Формы 1-го и 2-го л. мн. и дв. ч. образовывались у этих глаголов прибавлением суффикса [i] и личных окончаний.

Для глагола *выти* издавна использовались для образования повел. накл. формы от иной основы — [bɔd-] *вѣд-*, при этом во мн. и дв. ч. выступал суффикс [ě] ѣ.

Отсутствующие формы повел. накл. в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. восполнялись в старославянском языке описательными формами, которые состояли из союза *да* и соответствующей формы наст. вр. Например: 1-е л. ед. ч. *да неѣж*, 3-е л. мн. ч. *да неѣжѣтѣ*. Только для глагола *выти* в некоторых памятниках можно иногда встретить в 3-м л. мн. ч. форму *вѣдѣж* в значении „пусть будут“. Однако гораздо чаще и здесь встречается описательная форма *да вѣдѣжѣтѣ*. Например, *вѣдѣж чрѣсла каша прѣпоѣсана* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Лук. XII, 35 (*да вѣдѣжѣтѣ* — Остр. ев.).

Для 3-го л. ед. числа иногда употреблялась описательная форма. Это объясняется тем, что форма 3-го л. ед. ч. повел. накл. совпала с формой 2-го л. ед. ч. и поэтому смешивалась с ней, а у ряда глаголов (IV класс) она совпадала и с формой аориста.

В старославянских памятниках XI в. имеются формы повел. накл. для глаголов III класса с гласным [a] перед окончанием мн. и дв. ч.: *иштатѣ* — Зогр. ев., Сав. ев., Лук. XII, 31 (*иштите* — Мар. ев.); *ицѣтѣ* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн., Мф. VII, 7; *сѣкажѣтѣ* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Мф. XIII, 30; *плачѣтѣ* — Сав. кн., Лук. VIII, 52 (*плачите* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев.); *покажѣтѣ* — Мар. ев., Зогр. ев., Лук. XX, 24; Сав. кн., Остр. ев., Мф. XXII, 19 (*покажите* — Мар. ев., Ас. ев.), *покажѣтѣ* — Сав. кн., Лук. XVII, 14 (*покажите* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев.); Супр. 69_а и т. д. (вместо *иштите*, *сѣкажите*, *плачите*, *покажите*). Гласный [a] в этих формах появился на месте [ě], перешедшего в [a] после мягких согласных. А гласный [ě] возникал здесь под влиянием форм повел. накл., образованных от глаголов I и II классов, например *неѣжѣтѣ*, *дѣи҃жѣтѣ* и т. д.

Происхождение форм повелительного наклонения

§ 138. В значении повел. накл. у славян с доисторической поры выступали формы желательного наклонения (optativus). Образовывались формы повел. (желательного) накл. в славянских языках следующим образом: к основе наст. вр. присоединялся гласный [i], представлявший собой суффикс оптативной основы, и вторичные глагольные окончания.

I класс нести

Ед. ч. 2-е л. *nes-o-i-s* > *nesi*

3-е л. *nes-o-i-t* > *nesi*

(Тематический гласный [o] вступал во взаимодействие с последующим [i]. Возникал дифтонг [oi], который, монофтонгизируясь,

при нисходящей интонации давал на славянской почве гласный [i], а конечный согласный [s] или [t] утрачивался по закону открытого слога).

Мн. ч. 1-е л. *nes-o-i-mōs* > *nesoimus* > *nesěmъ*

(Гласный [i] в позиции после другого гласного становился неслоговым. Возникал дифтонг [oi], который, монофтонгизируясь, давал [ě]. Гласный [o] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации и переходил в [ū], который изменялся у славян в редуцированный [ъ]. Конечный согласный [s] отпадал по закону открытого слога.)

2-е л. *nes-o-i-te* > *nesěte*

Дв. ч. 1-е л. *nes-o-i-vě* > *nesěvě*

2-е л. *nes-o-i-ta* > *nesěta*

Аналогичная картина в образовании форм повелительного наклонения наблюдается и у глаголов II класса (*дѣи҃жѣти*):

Ед. ч. 2-е л. *dvig-no-i-s* > *dvignojs* > *dvigni*

3-е л. *dvig-no-i-t* > *dvignojt* > *dvigni*

Мн. ч. 1-е л. *dvig-no-i-mos* > *dvignoimus* > *dvigněmъ*

2-е л. *dvig-no-i-te* > *dvignoite* > *dvigněte*

Дв. ч. 1-е л. *dvig-no-i-vě* > *dvignoivě* > *dvigněvě*

2-е л. *dvig-no-i-ta* > *dvignoita* > *dvigněta*

III класс знати

Ед. ч. 2-е л. *zna-jo-i-s* > *znajejs* > *znajis* > *znai*

3-е л. *zna-jo-i-t* > *znajejt* > *znajit* > *znai*

(Гласный [o] после мягкого согласного [j] переходит в [e]. Гласный [i] в позиции после гласного становился неслоговым, возникал дифтонг [ei], который, монофтонгизируясь, давал у славян [i]; сочетание [ji] > [i], а конечный согласный [s] или [t] утрачивался по закону открытого слога.)

Мн. ч. 1-е л. *zna-jo-i-mos* > *znajeimus* > *znajimъ* > *znaimъ*.

(Гласный [o] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, возникал [ū], который давал у славян редуцированный [ъ]. Конечный согласный [s] отпадал по закону открытого слога.)

2-е л. *zna-jo-i-te* > *znajeite* > *znajite* > *znaitе*

Дв. ч. 1-е л. *zna-jo-i-vě* > *znajeivě* > *znajivě* > *znaivě*

2-е л. *zna-jo-i-ta* > *znajeita* > *znajita* > *znaita*

IV класс молити

Ед. ч. 2-е л. *mol-i-i-s* > *molis* > *moli*

3-е л. *mol-i-i-t* > *molit* > *moli*

(Гласный [i], на который оканчивалась основа настоящего времени у глаголов IV класса, сливался с последующим гласным [i], представлявшим суффикс оптативной основы, в результате чего возникал долгий гласный [i], который давал у славян [i], а конечный согласный [s] или [t] отпадал по закону открытого слога.)

Мн. ч. 1-е л. mol-i-i-mos > molimus > molimъ
 2-е л. mol-i-i-te > molite > molite
 Дв. ч. 1-е л. mol-i-i-vě > molivě > molivě
 2-е л. mol-i-i-ta > molita > molita

Таким образом, происхождение форм повел. накл. от глаголов I—IV классов показывает, что старославянский суффикс повел. накл. [i] или [ě] (и или ѣ) имел различное происхождение. Если в старославянском языке форма повел. накл. во 2-м и 3-м л. ед. ч. от глаголов I—IV классов всегда оканчивается на [i], то происхождение его будет различным: у глаголов I и II классов он восходит к дифтонгу [oi], у глаголов III класса к сочетанию [ji], в котором [i] < [ei] < [oi], а у глаголов IV класса — [i]. Аналогичная картина во мн. и дв. ч.: у глаголов I и II классов суффикс [ě] < [oi], у глаголов III класса суффикс [i] возник на месте сочетания [ji], в котором гласный [i] < [ei] < [oi], у глаголов IV класса суффикс [i] < [i].

ИМПЕРФЕКТ

§ 139. Имперфект обозначал в старославянском языке простое прошедшее время с оттенком длительности действия и образовывался в основном от имперфективных глаголов. Однако он мог образовываться и от перфективных глаголов, указывающих на действие, повторяющееся в прошлом, или обозначающих совокупность однородных недлительных действий.

На русский язык формы имперфекта следует переводить глаголами несовершенного вида.

Образовывался имперфект в старославянском языке следующим образом: к основе инфинитива присоединялись суффикс имперфекта и личные окончания.

Образцы спряжения

Единственное число

	нести	знати	крыти	просити
1-е л.	несѣахъ	знаахъ	крыаахъ	прошаахъ
2-е л.	несѣаше	знааше	крыааше	прошааше
3-е л.	несѣаше	знааше	крыааше	прошааше

Множественное число

1-е л.	несѣахомъ	знаахомъ	крыаахомъ	прошаахомъ
2-е л.	несѣашете	знаашете	крыаашете	прошаашете
3-е л.	несѣахъ	знаахъ	крыаахъ	прошаахъ

Двойственное число

1-е л.	несѣахотѣ	знаахотѣ	крыаахотѣ	прошаахотѣ
2-е л.	несѣашета	знаашета	крыаашета	прошаашета
3-е л.	несѣашете	знаашете	крыаашете	прошаашете

В качестве суффикса имперфекта использовались [-ach] -ах и [-ěach] < ěach -ѣахъ.

Суффикс [-ach] присоединялся к тем основам инфинитива, которые оканчивались на гласный [a] или [ě]. Такая инфинитивная основа могла быть:

1. У глаголов I класса: върати [bъrati] — 1-е л. ед. ч. въраахъ [bъra-ach-ъ].

2. У глаголов III класса: знати [znati] — знаахъ [zna-ach-ъ], оумѣти [uměti] — оумѣахъ [umě-ach-ъ].

3. У глаголов IV класса: видѣти [viděti] — видѣахъ [vidě-ach-ъ], кричати [krič'ati] — кричаахъ [krič'a-ach-ъ].

Суффикс [-ěach] < ěach присоединялся к инфинитивным основам следующих глаголов:

1. К инфинитивным основам на согласный у глаголов I класса: нести [nesti] — 1-е л. ед. ч. несѣахъ [nes-ěach-ъ].

а) Если в инфинитиве было сочетание [st], выступавшее на месте сочетания [dt(tt)], то при образовании имперфекта зубной согласный основы восстанавливался: вести [vesti] < *vedti — 1-е л. ед. ч. ведѣахъ [ved-ěach-ъ].

б) Задненёбный согласный основы [g] или [k], выступавший в инфинитиве в затемненном виде (входил в сочетание [št'] < [kt] или [gt] перед гласным переднего ряда), при образовании имперфекта восстанавливался. Однако под влиянием следовавшего за ним суффиксального гласного [-ě-] задненёбный согласный подвергался I палатализации и чередовался с соответствующим шипящим ([k]:[č'], [g]:[ž']), а [ě] после возникшего шипящего давал на славянской почве [a], а не [ě]. Поэтому суффикс имперфекта выступает у этих глаголов в виде [-aach]: рещти [rešt'i] < *rekti — рѣчаахъ [reč'aachъ] < rek-ěach-ъ; мошти [mošti] < *mogti — можаахъ [mož'aachъ] — mog-ěach-ъ.

2. К инфинитивным основам глаголов II класса. При образовании имперфекта носовой гласный основы [ɔ] (-ж) утрачивался, и суффикс имперфекта присоединялся непосредственно к согласному [n]: двигнѣти [dvignoti] — двигнѣахъ [dvign-ěach-ъ].

3. К инфинитивным основам на гласный [i] у глаголов IV класса: локити [loviti] — локлаахъ [lovl'aach-ъ] < *lovi-ěach-ōn > lovīěachūn

(= lovjěachŭn) > lovjěachъ < lovŭ'aachъ; просити [prosiŭti] — прошаахъ [proš'aach-ъ] < *prosi-ěach-ŭn > prosjěachŭn (-prosjeachŭn) > pro-sjeachъ > proš'aachъ.

У данных глаголов гласный [i], на который оканчивалась основа инфинитива, в позиции перед следующим гласным (в данном случае перед [ě]) по законам славянской речи становился неслоговым — [i (j)], который ассимилировался с предшествующим согласным. Гласный же [ě] после возникшего мягкого согласного изменялся в [a]. Поэтому суффикс имперфекта у этих глаголов и выступает в виде [-'aach].

4. С суффиксом [-ěach] образовывался имперфект и от нетематического глагола *мѣти* [jasti] < *jadtī — *мѣтахъ* [jaděachъ].

Следует обратить внимание на образование форм имперфекта от глаголов, у которых инфинитивная основа была односложной и оканчивалась на гласные [-y]-ы, [-i]-и, [-u]-у. Например: *крыти*, *чоути*, *вити*.

При образовании имперфекта от подобных глаголов к глагольной основе присоединялся суффикс [-'aach]-аахъ: *крыти* [kryti] — *крыаахъ* [kryjaachъ], *чоути* [č'uti] — *чоуаахъ* [č'ujaachъ], *вити* [biti] — *биаахъ* [bijaachъ].

Если в основе инфинитива содержались неполногласные сочетания [-la-], [-lě-], [-ra-], то образование имперфекта фактически шло от основы настоящего времени, к которой присоединялся суффикс [-'aach]. Например: *клати* [klati] < *koltī — *колаахъ* [kol'aachъ], *млѣти* [mlěti] < *meltī — *мелаахъ* [mel'aachъ], *врати* [brati] < *bortī — *бораахъ* [bor'aachъ].

Аналогичная картина наблюдалась и при образовании форм имперфекта от глагола *пѣти* [-pěti]: — *поаахъ* [rojaachъ].

Для глагола *выти* в значении имперфекта в памятниках старославянского языка употреблялись две формы: а) первая и по образованию и по значению была формой имперфекта, б) вторая по образованию являлась формой аориста, а по значению — формой имперфекта:

а) Ед. ч. 1-е л. вѣахъ	Мн. ч. 1-е л. вѣахѹмъ
2-е л. вѣаше	2-е л. вѣашете
3-е л. вѣаше	3-е л. вѣахъ

б) Ед. ч. 1-е л. вѣхъ	Мн. ч. 1-е л. вѣхѹмъ
2-е л. вѣ	2-е л. вѣгте
3-е л. вѣ	3-е л. вѣшл

а) Дв. ч. 1-е л. вѣахѹкѣ
2-е л. вѣашета
3-е л. вѣашете

б) Дв. ч. 1-е л. вѣхѹкѣ
2-е л. вѣста
3-е л. вѣгте

В памятниках старославянского языка XI в. можно встретить ряд изменений, происшедших в образовании имперфекта.

1. Все чаще имперфект начинает образовываться от основы настоящего времени. Например, от *зѣкати* — *зѣкааше* — Мар. ев., Ио. VII, 37; Супр. 473₁₆, но *зѣкѣаше* — Супр. 516₆; *зѣкаахъ* — Мар. ев., Мф. XXI, 9, но *зѣкѣахъ* — Супр. 322₁₂.

2. Во 2-м л. мн. ч. и во 2-м и 3-м л. дв. ч. наряду с исконными окончаниями имперфекта начинают употребляться окончания [-aste] -асте и [-asta] -аста, которые были получены под влиянием форм сигматического аориста. Например, 2-е л. мн. ч.: *помышлѣашете* — Зогр. ев., Мар. ев., Мр. IX, 33, но *помышлѣасте* — Ас. ев., Остр. ев.; 2-е л. дв. числа: *искаашета* — Мар. ев., Лук. II, 49 (*искашета* — Зогр. ев.), но *искаста* — Сав. кн., Остр. ев.; 3-е л. дв. числа: *кзпиѣшете* — Мар. ев., Мр. XX, 31, но *кзпиѣасте* — Ас. ев., *кзпиѣаста* — Сав. кн. и т. д.

3. В результате фонетических процессов (ассимиляция и стяжение гласных) начинают употребляться стяженные формы имперфекта. Например, от *слоужити* — *слоужаше* — Мар. ев., Зогр. ев., Мр. I, 31, но *слоужаше* — Сав. кн., Ио. XII, 2; Мф. VIII, 15; от *кзпрашати* — *кзпрашааше* — Мар. ев., Зогр. ев., Мр. VIII, 23, но *кзпрашаше* — Мар. ев., Мр. V, 9; Сав. кн., Мф. II, 4; Лук. XV, 26; от *исхоудити* — *исхождааше* — Зогр. ев., Мар. Ас. ев., Мр. I, 5; Лук. VI, 19, но *исхождааше* — Сав. кн., Мр. I, 5; Лук. VI, 19 и т. д.

Нестяженные формы имперфекта значительно преобладают над стяженными в Зографском, Мариинском, Ассеманьевом, Остромировом евангелиях. Стяженные формы несколько чаще встречаются в Супрасльской рукописи и исключительно преобладают в Саввиной книге.

Происхождение форм имперфекта

§ 140. Образование славянского имперфекта, сложившегося в общеславянском языке, не имело себе соответствия в формах имперфекта других индоевропейских языков.

Происхождение суффиксов имперфекта [-ěach] и [-ach] неясно. В общеславянском языке славянский имперфект образовывался с помощью вторичных глагольных окончаний, которые присоединялись к основе имперфекта с помощью соединительного гласного [o/e] (гласный [o] употреблялся в формах 1-го л. ед., мн. и дв. ч. и 3-го л. мн. ч., в остальных формах использовался гласный [e]). Например, от глагола *знати* формы имперфекта возникли следующим образом:

Ед. ч. 1-е л. zna-ach-ŭn > znaachŭn > znaachъ.

(Гласный [o] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации и переходил в [ŭ], который давал на славянской почве редуцированный [ъ], а согласный [n] в конце слова по закону открытого слога утрачивался.)

2-е л. *zna-ach-e-s* > *znaaš'e*.

(Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога, а согласный [ch] перед гласным переднего ряда [e] подвергался I палатализации и изменялся в „š“.)

3-е л. *zna-ach-e-t* > *znaaš'e*.

(Конечный согласный [t] утрачивался по закону открытого слога, а согласный [ch] перед гласным [e] подвергался I палатализации.)

Мн. ч. 1-е л. *zna-ach-o-mōs* > *znachomŭs* > *znachomъ*.

(Гласный [o] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации и переходил в [ŭ], который давал на славянской почве редуцированный [ъ]. Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. *zna-ach-e-te* > *znaaš'ete*.

(Согласный [ch] перед гласным переднего ряда [e] подвергался I палатализации.)

3-е л. *zna-ach-o-nt* > *znachot* > *znachō*.

(Дифтонгическое сочетание [on] в позиции перед согласным монофтонгизировалось и давало [o], а конечный согласный [t] утрачивался.)

Дв. ч. 1-е л. *zna-ach-a-vě* > *znachově*.

2-е л. *zna-ach-e-ta* > *znaaš'eta*.

(Согласный [ch] перед гласным переднего ряда [e] подвергался I палатализации.)

3-е л. *zna-ach-e-te* > *znaaš'ete*.

(Согласный [ch] перед гласным переднего ряда [e] подвергался I палатализации.)

АОРИСТ

Аорист представлял в старославянском языке простое прошедшее время, указывающее на то, что действие в прошлом длилось короткий промежуток времени и было закончено. Образовывался аорист главным образом от перфективных глаголов. На русский язык формы аориста следует переводить глаголами совершенного вида.

В старославянских памятниках встречается два вида аориста: простой и сигматический.

Простой аорист

§ 141. Простой аорист образовывался от инфинитивной основы, оканчивающейся на согласный звук, к которой непосредственно присоединялись личные окончания. Возможно было образование простого аориста от глаголов II класса с инфинитивной основой на суффикс [-nō]-нѣ, которому предшествовал согласный (например, *ишѣзѣнѣти*). Суффикс [-nō] в форму простого аориста не входил.

Следовательно, эти формы в данном случае образовывались не от инфинитивной основы, а от корня.

Однако не от всех инфинитивных основ на согласный были представлены в старославянском языке формы простого аориста. Кроме того, если у глаголов с инфинитивной основой на согласный в корне употреблялся гласный [e], то формы простого аориста от этих глаголов зафиксированы в старославянских памятниках только во 2-м и 3-м л. ед. ч.

Образцы спряжения

Единственное число

	мошти	ити	иштѣзнѣти
1-е л. могъ	идъ	иштѣзъ	
2-е л. можѣ	идѣ	иштѣзѣ	
3-е л. може	идѣ	иштѣзѣ	

Множественное число

1-е л. могомъ	идомъ	иштѣзомъ
2-е л. можете	идете	иштѣзете
3-е л. могъ	идъ	иштѣзъ

Двойственное число

1-е л. могокъ	идокъ	иштѣзокъ
2-е л. можете	идета	иштѣзета
3-е л. можете	идете	иштѣзете

Формы простого аориста были сходны с формами настоящего времени. Сравните, например, формы простого аориста от глагола *ити* с соответствующими формами настоящего времени:

Настоящее время	Аорист	Настоящее время	Аорист
Ед. ч. 1-е л. идъ	идъ	Мн. ч. 1-е л. идемъ	идомъ
2-е л. идеши	идѣ	2-е л. идете	идете
3-е л. идетъ	идѣ	3-е л. идѣтъ	идъ

Настоящее время Аорист

Дв. ч. 1-е л. идекъ	идокъ
2-е л. идета	идета
3-е л. идете	идете

В дальнейшем формы простого аориста начали выходить из употребления и заменялись формами сигматического аориста. При этом простой аорист передал сигматическому формы 2-го и 3-го л. ед. ч.

В Супрасльской рукописи встречается только один пример с формой простого аориста, что говорит о том, что для живой речи XI в. эти формы были уже не характерны.

Происхождение форм простого аориста

§ 142. Образовывался простой аорист в общеславянском языке следующим образом: к основе инфинитива на согласный присоединялись вторичные глагольные окончания с помощью соединительного гласного [o/e] (гласный [o] выступал в формах 1-го л. ед., мн. и дв. ч. и в 3-м л. мн. ч., а [e] — во всех остальных формах).

Например, от глагола *мошти* [mošt'ɪ] < *mogti простой аорист образовывался так:

Ед. ч. 1-е л. *mog-ō-n* > *mog-ŷ-n* > *mogъ*.

(Гласный [ō] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации и переходил в [ŷ], который на славянской почве давал [ъ]. Конечный согласный [n] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. *mog-e-s* > *mož'e*.

(Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога, а заднебный [g] перед гласной переднего ряда [e] подвергался I палатализации.)

3-е л. *mog-e-t* > *mož'e*.

(Конечный [t] утрачивался по закону открытого слога, а заднебный [g] подвергался I палатализации.)

Мн. ч. 1-е л. *mog-o-mös* > *mog-o-mŷs* > *mogomъ*.

(Гласный [ō] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, возникал [ŷ], который на славянской почве давал [ъ]. Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. *mog-e-te* > *mož'ete*.

(Заднебный [g] подвергался I палатализации.)

3-е л. *mog-o-nt* > *mogot* > *mogo*.

(Дифтонгическое сочетание [on] в позиции перед следующим согласным монофтонгизировалось и дало [o]. Конечный согласный [t] утрачивался по закону открытого слога.)

Дв. ч. 1-е л. *mog-o-vě* > *mogově*.

2-е л. *mog-e-ta* > *mož'eta*.

(Заднебный [g] подвергался I палатализации.)

3-е л. *mog-e-te* > *mož'ete*.

(Заднебный [g] подвергался I палатализации.)

Сигматический аорист

§ 143. При образовании сигматического аориста личные окончания присоединялись не непосредственно к основе инфинитива, а с помощью суффикса [-s] (по-гречески буква s называется „сигмой“, с этим термином связано и название аориста), на месте которого мог выступать [-ch], чередующийся с [-š].

Сигматический аорист в старославянском языке образовывался от глаголов с инфинитивной основой на гласный и на согласный. При образовании этого аориста от глаголов с инфинитивной основой на гласный суффикс аориста присоединялся непосредственно к основе инфинитива.

Образцы спряжения сигматического аориста

	мошти	знати	чоути	видѣти
Единственное число				
1-е л.	молихъ	знахъ	чоухъ	видѣхъ
2-е л.	моли	зна	чоу	видѣ
3-е л.	моли	зна	чоу	видѣ
Множественное число				
1-е л.	молихомъ	знахомъ	чоухомъ	видѣхомъ
2-е л.	молисте	знасте	чоусте	видѣсте
3-е л.	молиша	знаша	чоуша	видѣша
Двойственное число				
1-е л.	молихоуѣ	знахоуѣ	чоухоуѣ	видѣхоуѣ
2-е л.	молиста	знаста	чоуста	видѣста
3-е л.	молисте	знасте	чоусте	видѣсте

Наиболее долго сохранялись формы сигматического аориста с суффиксом [-s] в том случае, когда они были образованы от глаголов с инфинитивной основой на носовой гласный [-e] -л. Формы сигматического аориста от этих глаголов чаще всего встречаются в Марииинском евангелии, Ассеманиевом евангелии и в Синайской псалтыри.

Например, от глагола (по)пити: *попихъ* — Мар. ев., Лук. XIV, 20 (*попихъ* — в Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн.), *пихомъ* — Мар. ев., Лук. V, 5 (*пихомъ* — Зогр. ев., Ас. ев., Остр. ев.); от глагола *начати*: *начасъ* — Мар. ев., Мф. XXVI, 22 (*начасъ* — Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн.); от глагола *распати*: *распасъ* — Ас. ев., Мф. XXVII, 38 (*распасъ* — Зогр. ев., Сав. кн., Остр. ев.).

Однако наряду с такими формами, как в этих памятниках, так особенно в других, начинает отражаться процесс обобщения аористного суффикса [-ch/-š]. В Саввиной книге и Супрасльской рукописи совсем уже нет форм аориста с суффиксом [-s].

В памятниках старославянского языка от глаголов с инфинитивной основой на гласный встречаются во 2-м и особенно в 3-м л. ед. ч. формы сигматического аориста, распространенные посредством окончания [-tъ]. Например, от *пити* — *питъ* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Ио. IV, 12 (*питъ* — Остр. ев.); от *кѣпѣти* — *кѣпѣтъ* — Зогр. ев., Мар. ев., Мр. XIV, 68, 72; *кѣпѣтъ* — Син. тр. 4^{6/13} (*кѣпѣтъ* — Сав. кн., Ио. XVIII, 27; Супр. 326₁); от *начати*: *начатъ* —

Сав. кн., Ас. ев., Мар. ев., Зогр. ев., Мф. XXVI, 37; Ио. XIII, 5 (нача — Сав. кн., Мр. XIII, 31) и др.

От глаголов **выти** и **дати** во 2-м и 3-м л. ед. числа встречаются формы сигматического аориста, распространенные посредством окончаний [-stъ]. Например, от **выти** — **выстъ** — Сав. кн., Лук. XXII, 44; XV, 14; II, 42; Мф. XXVIII, 2; XXV, 6; Мр. IX, 21; Ио. I, 30 (**вы** — Сав. кн., Лук. XVI, 22); от **дати** — **дастъ** Мар. ев., Зогр. ев., Мр. V, 19; XIV, 23; Сав. кн., Мф. XXVI, 48; Ио. XVIII, 11, Мар. ев., Зогр. ев., Ио. XIII, 3; (**кзз**)**да** — Сав. кн., Лук. XVII, 16; (**отъ**)**да** — Мар. ев., Зогр. ев., Сав. кн., Лук. VII, 42, 43 ((**отъ**)**дастъ** — Ас. ев.) и т. д.

Окончания (-tъ) и [-stъ] проникли в сигматический аорист под влиянием формы 3-го л. ед. ч. настоящего времени.

§ 144. Сигматический аорист, как указывалось выше, мог образовываться и от глаголов с инфинитивной основой на согласный. При этом принято различать два его вида: сигматический аорист архаический и сигматический аорист нового типа.

Сигматический архаический аорист образовывался в старославянском языке посредством присоединения суффикса аориста непосредственно к основе инфинитива. При этом в основе аориста происходили фонетические изменения, сводившиеся к следующему: корневой гласный удлинялся, а корневой согласный перед суффиксом аориста [s] утрачивался. Например, от глагола **востъ** [bostî] < *bodti — 1-е л. ед. ч. **вастъ** [basъ] > bōdsъ;

от глагола **нестъ** [nestî] — 1-е л. ед. ч. **нѣстъ** [nēsъ] < nēsъ.

Образцы спряжения сигматического архаического аориста

нестъ	рѣстъ
Единственное число	
1-е л. кѣстъ	рѣхъ
2-е л. кѣе	рече
3-е л. кѣе	рече
Множественное число	
1-е л. кѣомъ	рѣхомъ
2-е л. кѣте	рѣте
3-е л. кѣа	рѣша
Двойственное число	
1-е л. кѣокѣ	рѣокѣ
2-е л. кѣста	рѣста
3-е л. кѣте	рѣте

При образовании сигматического архаического аориста формы 2-го и 3-го л. ед. ч. по своему происхождению представляли формы простого аориста и всегда оканчивались на гласный [-е].

Характерной особенностью аориста нового типа являлось то, что при его образовании суффикс аориста присоединялся к основе инфинитива не непосредственно, а с помощью соединительного гласного [о]. Однако формы 2-го и 3-го л. ед. ч. по-прежнему оставались по происхождению формами простого аориста. Так, от глаголов **рѣстъ** [rēst'î] и **нестъ** [vestî] формы сигматического аориста нового типа имели в старославянском языке следующий вид:

Единственное число	
1-е л. рѣкохъ	кѣдохъ
2-е л. рече	кѣе
3-е л. рече	кѣе
Множественное число	
1-е л. рѣкохомъ	кѣдохомъ
2-е л. рѣкоте	кѣдоге
3-е л. рѣкоша	кѣдоша
Двойственное число	
1-е л. рѣкохѣ	кѣдохѣ
2-е л. рѣкоста	кѣдоста
3-е л. рѣкоге	кѣдоге

§ 145. Формы аориста от нетематических глаголов

выти	кѣдѣти	нѣсти	дати	имѣти
Единственное число				
1-е л. вухъ	кѣдѣхъ	нѣхъ, нѣхъ	дахъ	имѣхъ
2-е л. вы, выстъ	кѣдѣ	нѣстъ	дастъ, да	имѣ
3-е л. вы, выстъ	кѣдѣ	нѣстъ	дастъ, да	имѣ
Множественное число				
1-е л. вухомъ	кѣдѣхомъ	нѣсомъ, нѣхомъ	дахомъ	имѣхомъ
2-е л. выте	кѣдѣте	нѣсте	дасте	имѣсте
3-е л. выша	кѣдѣша	нѣа, нѣша	даша	имѣша
Двойственное число				
1-е л. вухѣ	кѣдѣхѣ	нѣокѣ, нѣхѣ	дахѣ	имѣхѣ(ѣ)
2-е л. выста	кѣдѣста	нѣста	даста	имѣста
3-е л. выте	кѣдѣте	нѣте	дасте	имѣсте

Происхождение форм сигматического аориста

§ 146. Сигматический аорист в общеславянском языке образовывался следующим образом: к основе инфинитива присоединялся

суффикс аориста [s] и вторичные глагольные окончания. При этом в 1-м л. ед., мн. и дв. ч. личные окончания присоединялись к основе аориста с помощью соединительного гласного [o].

Если основа инфинитива оканчивалась на индоевропейские звуки [i], [u], [r], [k], то суффикс [-s] в позиции после этих звуков переходил в общеславянском языке в [-ch-]. Но если согласный [s] входил в сочетание [st], то он сохранялся без изменения.

Под влиянием форм, где суффикс аориста [-s] фонетически закономерно переходил в [ch], этот же суффикс [-ch] начал употребляться и в тех формах аориста, которые образовывались от инфинитивных основ, оканчивающихся на [-ě]-t и [-a]-a.

Разберем происхождение форм сигматического аориста от глагола *молити* [moliti].

Ед. ч. 1-е л. *moli-s-ōn* > *molichŭn* > *molichъ*.

(Согласный [s] после гласного [i] переходил в [ch]. Гласный [o] в конечном слоге подвергался более усиленной лабиализации. Возникал гласный [ŭ], который давал на славянской почве [ъ]. Конечный согласный [n] по закону открытого слога отпадал.)

2-е л. *moli-s-s* > *moli*.

(Группа [ss] в конце слова по закону открытого слога утрачивалась.)

3-е л. *moli-s-t* > *moli*.

(Группа [st] в конце слова по закону открытого слога утрачивалась.)

Таким образом, возникшая форма 2-го и 3-го л. ед. ч. [moli] по своему происхождению представляет чистую инфинитивную основу.

Мн. ч. 1-е л. *moli-s-o-mōs* > *molichomŭs* > *molichomъ*.

(Согласный [s] после гласного [i] переходил в [ch]. Гласный [ō] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, возникал [ŭ], который давал на славянской почве [ъ]. Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. *moli-s-te* > *moliste*.

3-е л. *moli-s-nt* > *molisnt* > *molichint* > *molichet* > *molish'e*.

(Согласный [n] между двумя согласными развивал слоговость. Но слоговые носовые согласные не были характерны для славян. Утрата слоговости шла за счет развития гласного [i] перед носовым [ŋ]. Возникало дифтонгическое сочетание [in], которое, монофтонгизируясь, давало [e]. Конечный [t] утрачивался по закону открытого слога. Согласный [s] после гласного [i] переходил в [ch], который перед гласным переднего ряда подвергался I палатализации и переходил в [š].)

Дв. ч. 1-е л. *moli-s-o-vě* > *molichově*.

(Согласный [s] после [i] переходил в [ch].)

2-е л. *moli-s-ta* > *molista*.

3-е л. *moli-s-te* > *moliste*.

Что касается происхождения форм сигматического архаического аориста от инфинитивных основ на согласный, то здесь наблюдалось следующее.

Например, от глагола *vesti* [vesti] < **vedti*:

Ед. ч. 1-го л. *vēd-s-ō-n* > *vēsŭn* > *vēsъ*.

(Сочетание [ds] было невозможно в славянской фонетической системе, оно упрощалось за счет утраты согласного [d]. Корневой гласный [ē] давал у славян [ě].)

Гласный [ō] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, возникал [ŭ], который давал у славян редуцированный [ъ]. Конечный согласный [n] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. *ved-e-s* > *vede*.

(Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога.)

3-е л. *ved-e-t* > *vede*.

(Конечный согласный [t] утрачивался по закону открытого слога.)

Формы 2-го и 3-го л. ед. ч. по своему происхождению представляли собой формы простого аориста.

Мн. ч. 1-е л. *vēd-s-o-mōs* > *vēsomŭs* > *vēsomъ*.

(Упрощение сочетания [ds] шло за счет утраты [d]. Корневой гласный [ē] давал у славян [ě]. Гласный [ō] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, переходил в [ŭ], который давал у славян редуцированный [ъ]. Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. *vēd-s-te* > *vēste* > *vēste*.

3-е л. *vēd-s-nt* > *vēdsnt* > *vēsint* > *vēsēt* > *vēsē*.

(Согласный [n] в позиции между двумя согласными развивал слоговость. Слоговые носовые согласные не были характерны для славян. Утрата слоговости шла за счет развития перед [ŋ] краткого гласного [i]. Возникало дифтонгическое сочетание [in], которое, монофтонгизируясь, давало [e]. Конечный [t] утрачивался по закону открытого слога. Упрощение группы [ds] шло за счет утраты [d]. Корневой гласный [ē] давал на славянской почве [ě].)

Дв. ч. 1-е л. *vēd-s-o-vě* > *vēsově* > *vēsově*

2-е л. *vēd-s-ta* > *vēsta* > *vēsta*

3-е л. *vēd-s-te* > *vēste* > *vēste*

ПРИЧАСТИЯ

В старославянском языке употреблялись причастия действительного и страдательного залога, которые в свою очередь могли иметь формы настоящего и прошедшего времени.

Причастия действительного залога настоящего времени

§ 147. Причастия действительного залога настоящего времени образовывались в старославянском языке с помощью суффиксов [-oš't'] -жшт или [-eš't'] -ашт, присоединявшихся к глагольной основе.

Посредством суффикса [-ošt'] происходило образование причастий от глаголов I, II, III классов, а посредством суффикса [-ešt'] — от глаголов IV класса. Например, I класс нести — нежшт- [nesošt'-]; II класс двигнѣти — джигнжшт- [dvignošt'-]; III класс знати — знажшт- [znajošt'-]; IV класс молити — молашт- [molešt'-].

К образованной таким образом основе причастия присоединялись соответствующие падежные окончания.

При этом причастия действительного залога настоящего времени мужского и среднего рода изменялись по типу склонения существительных с основой на -*jō (т. е. по мягкому варианту склонения с основой на -*ō) и получали такие же флексии, как и существительные типа конь и полѣ. Исключение составляли только: 1) форма им. пад. ед. ч., где причастия действ. зал. наст. вр. муж. и ср. р. имели вид: I класс — негы, II класс — джигны, III класс — знага, IV класс — мола; и 2) форма им. пад. мн. ч. для муж. р., где причастия получали флексию [e] под влиянием склонения имен с основой на согласный.

Причастия жен. р. изменялись по типу склонения существительных с основой на -*jā (т. е. по мягкому варианту склонения с основой на -*ā) и получали такие же флексии, как существительные типа равьини, земля.

При этом суффикс [-ošt'] -жшт или [-ešt'] -шт выступает во всех падежных формах причастий жен. р. В форме им. пад. ед. ч. причастия жен. р. всегда оканчиваются на [-i].

Таким образом, причастия действ. зал. наст. вр. склонялись следующим образом:

Единственное число

Мужской род

Им.	негы	знага	мола
Род.	нежштя	знажштя	молаштя
Дат.	нежштю	знажштю	молаштю
Вин.	нежштѣ	знажштѣ	молаштѣ
Твор.	нежштѣмь	знажштѣмь	молаштѣмь
Местн.	нежшти	знажшти	молашти

Средний род

Им.	негы	знага	мола
Род.	нежштя	знажштя	молаштя
Дат.	нежштю	знажштю	молаштю
Вин.	нежштѣ	знажштѣ	молаштѣ
Твор.	нежштѣмь	знажштѣмь	молаштѣмь
Местн.	нежшти	знажшти	молашти

Женский род

Им.	нежшти	знажшти	молашти
Род.	нежштя	знажштя	молаштя
Дат.	нежштю	знажштю	молаштю
Вин.	нежштѣ	знажштѣ	молаштѣ
Твор.	нежштѣмь	знажштѣмь	молаштѣмь
Местн.	нежшти	знажшти	молашти

Множественное число

Мужской род

Им.	нежште	знажште	молаште
Род.	нежштѣ	знажштѣ	молаштѣ
Дат.	нежштѣмь	знажштѣмь	молаштѣмь
Вин.	нежштя	знажштя	молаштя
Твор.	нежшти	знажшти	молашти
Местн.	нежштихъ	знажштихъ	молаштихъ

Средний род

Им.	нежштя	знажштя	молаштя
Род.	нежштѣ	знажштѣ	молаштѣ
Дат.	нежштѣмь	знажштѣмь	молаштѣмь
Вин.	нежштя	знажштя	молаштя
Твор.	нежшти	знажшти	молашти
Местн.	нежштихъ	знажштихъ	молаштихъ

Женский род

Им.	нежштя	знажштя	молаштя
Род.	нежштѣ	знажштѣ	молаштѣ
Дат.	нежштѣмь	знажштѣмь	молаштѣмь
Вин.	нежштя	знажштя	молаштя
Твор.	нежштями	знажштями	молаштями
Местн.	нежштихъ	знажштихъ	молаштихъ

Двойственное число

Мужской род

Им.-вин.	нежштя	знажштя	молаштя
Род.-местн.	нежштю	знажштю	молаштю
Дат.-твор.	нежштѣма	знажштѣма	молаштѣма

Средний род			
Им.-вин.	негжшти	знагжшти	молашти
Род.-местн.	негжштю	знагжштю	молаштю
Дат.-твор.	негжштиема	знагжштиема	молаштиема

Женский род			
Им.-вин.	негжшти	знагжшти	молашти
Род.-местн.	негжштю	знагжштю	молаштю
Дат.-твор.	негжштиама	знагжштиама	молаштиама

От нетематических глаголов, т. е. глаголов V класса, формы причастий действ. зал. наст. вр. были представлены в следующем виде:

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
от выти:	Ед. ч. Им. <i>гы</i>	<i>гы</i>	<i>гжшти</i>
	Род. <i>гжштя</i>	<i>гжштя</i>	<i>гжштя</i> и т. д.
от дати:	Ед. ч. Им. <i>дады</i>	<i>дады</i>	<i>даджшти</i>
	Род. <i>даджштя</i>	<i>даджштя</i>	<i>даджштя</i> и т. д.
от ясти:	Ед. ч. Им. <i>яды</i>	<i>яды</i>	<i>яджшти</i>
	Род. <i>яджштя</i>	<i>яджштя</i>	<i>яджштя</i> и т. д.
от кѣдѣти:	Ед. ч. Им. <i>кѣды</i>	<i>кѣды</i>	<i>кѣджшти</i>
	Род. <i>кѣджштя</i>	<i>кѣджштя</i>	<i>кѣджштя</i> и т. д.

Наряду с краткими формами причастий действ. зал. наст. вр. употреблялись полные формы, которые образовались так же, как и полные прилагательные, т. е. к соответствующей форме кратких причастий присоединялась форма от указательного местоимения *и(же)*, *и(же)*, *и(же)*:

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Ед. ч. Им.	<i>негын</i>	<i>негжштие</i>	<i>негжштиа</i>
Род.	<i>негжштиаго</i>	<i>негжштиаго</i>	<i>негжштиа</i>
Дат.	<i>негжштиемоу</i>	<i>негжштиемоу</i>	<i>негжшти</i>
Вин.	<i>негжшты (негжштин)</i>	<i>негжштие</i>	<i>негжштыгж</i>
Твор.	<i>негжштинь</i>	<i>негжштинь</i>	<i>негжштыгж</i>
Местн.	<i>негжштинь</i>	<i>негжштинь</i>	<i>негжштин</i>
Мн. ч. Им.	<i>негжштен</i>	<i>негжштиа</i>	<i>негжштиа</i>
Род.	<i>негжштиньх</i>	<i>негжштиньх</i>	<i>негжштиньх</i>
Дат.	<i>негжштиньх</i>	<i>негжштиньх</i>	<i>негжштиньх</i>
Вин.	<i>негжштыа</i>	<i>негжштыа</i>	<i>негжштыа</i>
Твор.	<i>негжштинь</i>	<i>негжштинь</i>	<i>негжштинь</i>
Местн.	<i>негжштиньх</i>	<i>негжштиньх</i>	<i>негжштиньх</i>

	М	* ер.
Дв. ч. Им.-вин.	<i>негжштиа</i>	<i>негжштин</i>
Род.-местн.	<i>негжштю</i>	<i>негжштю</i>
Дат.-твор.	<i>негжштиньа</i>	<i>негжштиньа</i>

Как видно из приведенного образца склонения полных форм причастий действ. зал. наст. вр. ср. р., в образование им. пад. ед. ч. входила именная форма, равная вин. пад. ед. ч. и оканчивающаяся на [-š'te] -шtie: негжштие.

При образовании полной формы причастий муж. р. в им. пад. мн. ч. в памятниках старославянского языка встречается именная форма с окончанием на [i]: гжштин, неакидаштин.

Происхождение форм причастий действительного залога настоящего времени

§ 148. Эти причастия в общеславянский период образовывались от основы настоящего времени, к которой присоединялся суффикс [-nt] и соответствующие падежные окончания.

Таким образом, форма им. пад. ед. ч. причастий действ. зал. наст. вр. для муж. р. возникла следующим образом:

От глагола нести [nesti]: Им. ед. *neso-nt-s* > *nesōns* > *nesūns* > *nesy*, ст.-слав. негы.

(Сочетание [ts] было невозможно на славянской почве, и упрощение данной группы согласных шло за счет утраты [t]. Гласный [o] удлинялся благодаря следовавшей за ним группе согласных [ns] и подвергался усиленной лабиализации в конечном слоге. Возникший долгий гласный [ū] давал на славянской почве [y], а конечные согласные [ns] по закону открытого слога утрачивались.)

От глагола знати [znati]: Им. ед. *znao-nt-s* > *znajēns* > *znaje*, ст.-слав. знага.

(Группа согласных [ts] упрощалась благодаря утрате [t], гласный [o] после мягкого согласного [j] передвигался в передний ряд, и возникал гласный [e], который удлинялся за счет следовавшей за ним группы согласных [ns]. Дифтонгическое сочетание [en], монофтонгизируясь, давало [e], а конечный [s] утрачивался согласно закону открытого слога.)

От глагола молити [moliti]: Им. ед. *moli-nt-s* > *molins* > *mole*, ст.-слав. мола.

(Группа согласных [ts] упрощалась за счет утраты [t], дифтонгическое сочетание [in], монофтонгизируясь, давало [e], а конечный согласный [s] на славянской почве утрачивался по закону открытого слога.)

Что касается других падежных форм, то там основа причастия для муж. и ср. р. осложнялась дополнительным суффиксом -*jō, который был характерен для имен с основой на -*ō (мягкий вариант склонения)¹.

¹ Именно поэтому причастия действ. зал. муж. и ср. р. имеют в старославянском языке флексии, характерные для имен с основой на -*ō (мягкий вариант), а причастия жен. р. — для имен с основой на -*ā (мягкий вариант).

Рассмотрим это на примере образования вин. пад. ед. ч. для муж. р.:

От нести: $\text{neso-nt-j}\ddot{o}\text{-n} > \text{neso}\hat{\text{st}}'\ddot{u}\text{n} > \text{neso}\hat{\text{st}}'\text{ъ} > \text{neso}\hat{\text{st}}'\text{ъ}$ ст.-слав. негашть.

(Сочетание [tj] давало у славян [št], дифтонгическое сочетание [on], монофтонгизируясь, давало [o]. Гласный [ö], в конечном слоге подвергаясь усиленной лабиализации, переходил в гласный [ü], который у славян давал редуцированный [ъ]. Звук [ъ] после мягкого согласного передвигался в передний ряд и изменялся в [ь]. Конечный согласный [n] утрачивался по закону открытого слога.)

От знати: $\text{zna}\ddot{o}\text{-nt-j}\ddot{o}\text{-n} > \text{zna}\ddot{o}\hat{\text{st}}'\ddot{u}\text{n} > \text{zna}\ddot{o}\hat{\text{st}}'\text{ъ} > \text{zna}\ddot{o}\hat{\text{st}}'\text{ъ}$ ст.-слав. знагашть.

От молити: $\text{moli-nt-j}\ddot{o}\text{-n} > \text{mole}\hat{\text{st}}'\ddot{u}\text{n} > \text{mole}\hat{\text{st}}'\text{ъ} > \text{mole}\hat{\text{st}}'\text{ъ}$ ст.-слав. молашть.

Что касается причастий действ. зал. наст. вр. жен. р., то они также образовывались от основы наст. вр. с помощью суффикса [nt]. Но основа причастия во всех падежных формах осложнялась еще суффиксом [-*ja], который был характерен для имен с основой на -*ā (мягкий вариант). При этом в им. пад. ед. ч. данный суффикс выступал в ослабленном виде [-ji]:

Им. ед. $\text{neso-nt-ji} > \text{neso}\hat{\text{st}}'\text{i} > \text{neso}\hat{\text{st}}'\text{i}$, ст.-слав. негашти.

Вин. ед. $\text{neso-nt-j}\ddot{a}\text{-m} > \text{neso}\hat{\text{st}}'\ddot{a}\text{m} > \text{neso}\hat{\text{st}}'\ddot{o}$, ст.-слав. негаштиж.

Таким образом, старославянский суффикс [-ošt'] -жшт восходит к сочетанию [ontj], где [o] представлял собой гласный, на который оканчивалась основа наст. вр., сочетание [nt] являлось древнейшим суффиксом причастий, а [j] входил в состав суффикса [-*jō] (или [-*jā]), которым осложнялась основа причастия и который был характерен для имен с основой на -*jo (или на -*ja).

Старославянский суффикс [-ešt'] -ашт восходит к сочетанию [-intj], в котором гласный [i] представлял собой окончание основы наст. вр., сочетание [nt] — древнейший суффикс причастий, [j] входил в состав суффикса [-*jō] (или [-*jā]), которым осложнялась основа причастия и который был характерен для имен с основой на -jō (или на -jā).

Причастия действительного залога прошедшего времени

§ 149. Причастия действ. зал. прош. вр. в старославянском языке образовывались от основы инфинитива, к которой присоединялся суффикс [-ъš'] -хш или [-vъš'] -вхш и соответствующие падежные окончания.

С помощью суффикса [-ъš'] -хш образовывалась основа причастий от глаголов, у которых инфинитивная основа оканчивалась на согласный: от нести [nes-ti]: негхш- [nesъš'-]; от кести [vesti] < ved-ti: ведхш- [vedъš'-]; от оумрети [umrēti] < umer-ti: оумерхш- [umerъš'-]; от прострети [prostrēti] < proster-ti: простерхш- [prosterъš'-].

Суффикс [-vъš'] -вхш присоединялся к инфинитивным основам, оканчивающимся на гласный звук: от вити [bi-ti]: виххш- [bivъš'-]; от видѣти [vidē-ti]: видѣххш- [vidēvъš'-]; от писати [pisa-ti]: писавххш- [pisavъš'-]; от минѣти [minq-ti]: минѣххш- [minqvъš'-].

При этом следует иметь в виду:

1. Если у глаголов II класса перед суффиксом инфинитивной основы [-nq] -нж употреблялся согласный звук, то образование основы причастия прош. вр. шло с помощью суффикса [-ъš'] -хш, который присоединялся непосредственно к корню без суффикса инфинитивной основы. Например: вззакнигнѣти [vъzdvignqti]: вззакнигхш- [vъzdvignъš'-].

2. У глаголов IV класса с инфинитивной основой на гласный [i] основа причастия действ. зал. прош. вр. в более ранний период образовывалась с помощью суффикса [-ъš'] -ьш. Например: хвалити [chvali-ti]: хвалѣхш- [chvalъš'-]; пристѣпнѣти [pristopi-ti]: пристѣплѣхш- [pristoplъš'-]; родити [rodi-ti]: рождѣхш- [rozdъš'-].

При этом гласный [i], на который оканчивалась инфинитивная основа, перед следующим гласным изменялся в [i (j)], который ассимилировался с предшествующим согласным, смягчая его. А после мягкого согласного редуцированный [ъ] > [ь].

Позднее в обоих этих случаях основа причастия начинает образовываться и с помощью суффикса [-vъš'] -вхш. Например, вззакнигнѣти: вззакнигнѣхш- [vъzdvignqvъš'-], вззакнижѣти: вззакнижѣхш- [vъzdvchnqvъš'-], хвалити: хвалихш [chvalivъš'-], пристѣпнѣти: пристѣпнѣхш- [pristopivъš'] и т. д.

Особенно часто причастия действ. зал. прош. вр. с такой основой от этих глаголов встречаются в Супрасльской рукописи.

К образованной таким способом основе причастия присоединялись соответствующие падежные окончания. При этом причастия муж. и ср. р. изменялись по типу склонения существительных с основой на -*ō (мягкий вариант), т. е. как существительные типа копь и поле, а причастия жен. р. — по типу склонения существительных с основой на -*ā (мягкий вариант), т. е. как существительные типа равни, земли.

Особый вид имели формы причастий в им. пад. ед. ч. для муж. и ср. р., где суффикс причастия выступал в неполном виде: кести — кедѣх, нести — негѣх, ити — шѣдѣх, дикнѣти — дикгѣх, знати — знагѣх, хвалити — хвалѣх и т. д.

В им. пад. мн. ч. причастия муж. р. имели флексию [-е] под влиянием склонения с основой на согласный: кедѣше, негѣше, знагѣше, хвалѣше.

Единственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	негѣх	негѣх	негѣши
Род.	негѣшиха	негѣшиха	негѣшиха
Дат.	негѣшихю	негѣшихю	негѣшихи

Вин.	негъшь	негъше	негъшѣ
Твор.	негъшьемь	негъшьемь	негъшьемѣ
Местн.	негъши	негъши	негъши

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	знакъ	знакъ	знакъши
Род.	знакъша	знакъша	знакъша
Дат.	знакъшю	знакъшю	знакъши
Вин.	знакъшь	знакъше	знакъшѣ
Твор.	знакъшьемь	знакъшьемь	знакъшьемѣ
Местн.	знакъши	знакъши	знакъши

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	хкаль	хкаль	хкальши
Род.	хкальша	хкальша	хкальша
Дат.	хкальшю	хкальшю	хкальши
Вин.	хкальшь	хкальше	хкальшѣ
Твор.	хкальшьемь	хкальшьемь	хкальшьемѣ
Местн.	хкальши	хкальши	хкальши

Множественное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	негъше	негъша	негъша
Род.	негъшь	негъшь	негъшь
Дат.	негъшьемъ	негъшьемъ	негъшьамъ
Вин.	негъша	негъша	негъша
Твор.	негъши	негъши	негъшами
Местн.	негъшихъ	негъшихъ	негъшихъ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	знакъше	знакъша	знакъшѣ
Род.	знакъшь	знакъшь	знакъшь
Дат.	знакъшьемъ	знакъшьемъ	знакъшамъ
Вин.	знакъша	знакъша	знакъша
Твор.	знакъши	знакъши	знакъшами
Местн.	знакъшихъ	знакъшихъ	знакъшихъ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	хкальше	хкальша	хкальша
Род.	хкальшь	хкальшь	хкальшь
Дат.	хкальшьемъ	хкальшьемъ	хкальшамъ

Вин.	хкальша	хкальша	хкальша
Твор.	хкальши	хкальши	хкальшами
Местн.	хкальшихъ	хкальшихъ	хкальшихъ

Двойственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	негъша	негъши	негъши
Род.-местн.	негъшю	негъшю	негъшю
Дат.-твор.	негъшьема	негъшьема	негъшьама

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	знакъша	знакъши	знакъши
Род.-местн.	знакъшю	знакъшю	знакъшю
Дат.-твор.	знакъшьема	знакъшьема	знакъшьама

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	хкальша	хкальши	хкальши
Род.-местн.	хкальшю	хкальшю	хкальшю
Дат.-твор.	хкальшьема	хкальшьема	хкальшьема

Наряду с краткими формами причастий действ. зал. прош. вр. употреблялись полные формы, которые образовывались так же, как полные прилагательные и полные причастия действ. зал. наст. вр. Например:

Ед. ч. Им. Муж. р. негъши(негъши), Ср. р. негъшьемь, Жен. р. негъшша
Род. негъшаюго негъшаюго негъшша

и т. д.

Кроме рассмотренных выше причастий действ. зал. прош. вр., в старославянском языке употреблялись еще причастия с суффиксом [-l] -л, которые изменялись только по родам и числам и служили для образования сложных и описательных глагольных времен и форм. Например:

кѣти [vesti] < vedti: кѣл [velъ] < vedlъ, кѣло, кѣла;
негъти: негъл, негъло, негъла;
знати: знал, знало, знала и т. д.

Происхождение форм причастий действительного залога прошедшего времени

§ 150. Причастия действительного залога прошедшего времени представляли некогда формы с основой на согласный. Основа этого причастия образовывалась от основы инфинитива с присоединением суффикса [üs] > [ъs] или [үüs] > [въs]. Во всех падежных формах (за исключением им. пад. ед. ч.) основа причастия для муж. и ср. р.

распространялась суффиксом [*-jǫ], а для жен. р. — суффиксом [*-jā] (им. пад. ед. ч. имел ослабленный вид этого суффикса [*-jī]). При этом [j] ассимилировался с предшествующим ему согласным, смягчая его. В результате [sj] > [šʹ].

Таким образом, ст.-слав. суффикс [-ъšʹ] < -ǫsj, а [-vъšʹ] < -ǫǫsj.

Рассмотрим, как образовывалась форма причастия действ. зал. прош. вр. в им. пад. ед. ч. для муж. р.

От негти: nes-ǫs-s > nesǫs > nešъ, ст.-слав. негъ. (Конечные согласные ассимилировались и дали один согласный [s], который по закону открытого слога утрачивался, а краткий гласный [ǫ] > [ъ].)

От знати: zna-ǫs-s > znǫs > znavъ, ст.-слав. знакъ. (Конечные согласные ассимилировались: [ss] > [s], который утрачивался по закону открытого слога. Неслоговое [ǫ] в позиции перед следующим гласным переходило на славянской почве в [v], а краткий гласный [ǫ] > [ъ].)

От родити: rodi-ǫs-s > rodǫs (= rodjǫs) > rožd'ъ > rožd'ъ, ст.-слав. рождь. (Конечные согласные [ss] ассимилировались и дали [s], который утрачивался по закону открытого слога. Гласный [i], на который оканчивалась инфинитивная основа, в позиции перед следующим гласным становился неслововым и ассимилировался с предшествующим ему согласным, смягчая последний. В результате [dj] > [ždʹ]. Краткий гласный [ǫ] > [ъ], который после мягких согласных передвигался в передний ряд, т. е. [ъ] > [ь].)

В других падежных формах, как отмечалось выше, основа причастий муж. и ср. р. распространялась суффиксом [*-jǫ]. Так, например, вин. пад. ед. ч. у причастий муж. р. образовывался следующим образом:

От негти: nes-ǫs-jǫ-n > nesǫš'ǫn > nešъš'ъ > nešъš'ъ, ст.-слав. негъшь. (Согласный [j] ассимилировался с предшествующим ему согласным [s]: [sj] > [šʹ]. Гласный [ǫ] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, возникал [ǫ]. Конечный согласный [n] отпадал согласно закону открытого слога. Краткий гласный [ǫ] > [ъ]. После мягкого согласного [ъ] > [ь].)

От знати: zna-ǫs-jǫ-n > znǫš'ǫn > znavъš'ъ > znavъš'ъ, ст.-слав. знакъшь.

От родити: rodi-ǫs-jǫ-n > rodǫš'ǫn (= rodjǫš'ǫn) > rožd'ъš'ъ > rožd'ъš'ъ, ст.-слав. рождъшь.

Страдательные причастия

§ 151. Основа страдательных причастий настоящего времени в старославянском языке образовывалась с помощью суффикса [-m]-м, который присоединялся к глагольной основе настоящего времени: I класс негти: негом- [neso-m-]; III класс знати: знаем- [znaje-m-]; IV класс любви: любим- [l'ubi-m-].

К образованной таким образом основе причастия присоединялись соответствующие падежные окончания. В им. пад. ед. ч. данные причастия представлены в следующем виде:

негомъ, негомѡ, негома;
знаемъ, знаемѡ, знаема;
любимъ, любимѡ, любима.

Страдательные причастия настоящего времени муж. и ср. р. изменялись по типу склонения имен с основой на *-ǫ, т. е. как существительные равъ и село, а причастия жен. р. — по типу склонения имен с основой на *-ā, т. е. как существительное страна.

Единственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	негомъ	негомѡ	негома
Род.	негома	негома	негомы
Дат.	негомоу	негомоу	негомѣ
Вин.	негомъ	негомѡ	негомъ
Твор.	негомомъ	негомомъ	негомомъ
Местн.	негомѣ	негомѣ	негомѣ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	знаемъ	знаемѡ	знаема
Род.	знаема	знаема	знаемы
Дат.	знаемоу	знаемоу	знаемѣ
Вин.	знаемъ	знаемѡ	знаемъ
Твор.	знаемомъ	знаемомъ	знаемомъ
Местн.	знаемѣ	знаемѣ	знаемѣ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	любимъ	любимѡ	любима
Род.	любима	любима	любимы
Дат.	любимоу	любимоу	любимѣ
Вин.	любимъ	любимѡ	любимъ
Твор.	любимомъ	любимомъ	любимомъ
Местн.	любимѣ	любимѣ	любимѣ

Множественное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	негоми	негома	негомы
Род.	негомъ	негомъ	негомъ
Дат.	негомомъ	негомомъ	негомомъ

Вин.	неґомы	неґома	неґомы
Твор.	неґомы	неґомы	неґомами
Местн.	неґомѣхъ	неґомѣхъ	неґомахъ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	знаѣми	знаѣма	знаѣмы
Род.	знаѣмъ	знаѣмъ	знаѣмъ
Дат.	знаѣмомъ	знаѣмомъ	знаѣмамъ
Вин.	знаѣмы	знаѣма	знаѣмы
Твор.	знаѣмы	знаѣмы	знаѣмами
Местн.	знаѣмѣхъ	знаѣмѣхъ	знаѣмахъ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	любими	любима	любимы
Род.	любимъ	любимъ	любимъ
Дат.	любимомъ	любимомъ	любимамъ
Вин.	любимы	любима	любимы
Твор.	любимы	любимы	любими
Местн.	любимѣхъ	любимѣхъ	любимахъ

Двойственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	неґома	неґомѣ	неґомѣ
Род.-местн.	неґоמוу	неґоמוу	неґоמוу
Дат.-твор.	неґомама	неґомама	неґомама

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	знаѣма	знаѣмѣ	знаѣмѣ
Род.-местн.	знаѣмоу	знаѣмоу	знаѣмоу
Дат.-твор.	знаѣмама	знаѣмама	знаѣмама

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	любима	любимѣ	любимѣ
Род.-местн.	любимоу	любимоу	любимоу
Дат.-твор.	любимама	любимама	любимама

§ 152. Основа страдательных причастий прош. вр. образовывалась в старославянском языке с помощью суффиксов [-n]-н, [-t]-т или [-en]-ен, которые присоединялись к основе инфинитива.

1. Суффикс [-en] присоединялся к инфинитивным основам, равным корню и оканчивающимся на согласный звук: плѣсти [plesti] < pletti — плѣтен-[plet-en], рѣшти [rešt'i] < rekti — рѣчен-[reč'en] < reken- и т. д.

Посредством этого суффикса образовывалась основа причастия и от глаголов II класса, если перед суффиксом инфинитивной основы [-n] был согласный: двигнѣти [dvignōti] — двигнен-[dviž'en] < gvižen-. Этот же суффикс использовался при образовании основы страдат. причастия прош. вр. от глаголов IV класса с инфинитивной основой на гласный [-i]: любити [l'ubiti] — любѣнен-[l'ubl'en-], проити [prošiti] — прошен-[proš'en-] и т. д. При этом гласный [i], на который оканчивалась инфинитивная основа, в позиции перед следующим гласным изменялся в неслоговой [i(j)], который ассимилировался с предшествующим согласным, смягчая его.

Суффикс [-en]-ен входил в состав основы причастий, образованных от инфинитивных основ, оканчивающихся на [-y]-ы: покрыти [pokry-ti] — покрен-[pokr'even-]; забыти [zaby-ti] — забрен-[zab'ven-].

Как видно из примеров, вместо гласного [y], на который оканчивалась инфинитивная основа, в основе страдательных причастий выступает сочетание [-ъv] -зк.

2. Посредством суффикса [-n] образовывалась основа причастий от глаголов с инфинитивной основой на гласный [-a] или суффиксальный гласный [-ě]: знати [znati] — знан-[znān-]; видѣти [vidēti] — видѣн-[vidēn-]; сѣдѣлати [sědēlati] — сѣдѣлан-[sědēlan-].

3. Суффикс [-t] использовался при образовании причастий от глаголов с инфинитивной основой, оканчивающейся на неполногласное сочетание [-rě]-рѣ или на гласный корня [-e]-а, [-i]-и, [-ě]-ѣ, [-u]-у: бити [biti] — бит-[bit-]; кити [viti] — кит-[vit-]; пѣти [pēti] — пѣт-[pēt-]; клѣти [kleṭi] — клѣт-[kleṭ-]; начати [nač'eti] — начат-[nač'et-]; оуоути [obuti] — оуоут-[obut-]; проотрѣти [ptōstrēti] — проотрѣт-[prostr't-]; пожрѣти [pož'rēti] — пожрѣт-[pož'rt-].

От глаголов III класса с инфинитивной основой на [-i] встречается также основа страдат. причастия прош. вр. с суффиксом [-en]-ен: бити [biti] — бижен-[bijen-]. Страдат. причастия прош. вр. изменялись по падежам так же, как и страдат. причастия наст. вр., а именно: причастия муж. и ср. р. получали флексии, характерные для имен с основой на *-ō, т. е. склонялись по типу существительных равъ и село, а причастия жен. р. изменялись по типу склонения имен с основой на *-ā, т. е. как существительное страна:

	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч. Им.	плѣтенъ начатъ	плѣтено начато	плѣтена начата
Род.	плѣтена начата	плѣтена начата	плѣтены начаты
Дат.	плѣтеноу начатоу	плѣтеноу начатоу	плѣтенѣ начатѣ
и т. д. по типу склонения имен с основой на *-ō.		и т. д. по типу склонения имен с основой на *-ō.	и т. д. по типу склонения имен с основой на *-ā.

Наряду с краткими формами страдат. причастий в памятниках старославянского языка встречаются их полные формы, которые образовывались так же, как и полные формы прилагательных, т. е.

кратким формам причастий присоединялись соответствующие падежные формы от указательного местоимения и (же), ю (же), я (же):

Им. ед. муж. р.	овоутъ — овоутъи (овоутыи), кедомъ — кедомъи (кедомыи)
ср. р.	овоутъо — овоутъою кедомо — кедомою
жен. р.	овоутъа — овоутъаю кедома — кедомая
Род. ед. муж. р.	овоутъа — овоутъаюго кедома — кедомаяюго и т. д.
ср. р.	овоутъа — овоутъаюго кедома — кедомаяюго и т. д.
жен. р.	овоутъа — овоутъаю кедомы — кедомыи и т. д.

По своему происхождению старославянские суффиксы страдательных причастий [-m], [-t], [-n], [-en] восходят для муж. и ср. р. к *-mō, *-tō, *-nō, *-enō, а для женского рода к *-mā, *-tā, *-nā, *-enā.

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 153. Формы условного наклонения передавались в старославянском языке описательно, а именно: причастие действ. зал. прош. вр. с суффиксом [-l], образованное от спрягаемого глагола, соединялось с особыми формами от глагола *быти*. В древнейших старославянских памятниках формы вспомогательного глагола *быти* для условного наклонения образовывались таким образом:

Ед. ч. 1-е л. бимь	Мн. ч. 1-е л. бимъ
2-е л. би	2-е л. бигтѣ
3-е л. би	3-е л. бж (виша)

Формы двойственного числа условного наклонения от *быти* не сохранились в памятниках старославянского языка. Например, да и бж обавьтиши словомъ — Мар. ев., Зогр. ев., Мр. XII, 13; i аште не виша прѣкратиши да дже ти — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XXIV, 22; не би была спасена кзѣтка пашъ — Мар. ев., Зогр. ев., Мр. XIII, 20; да съ другы мои кзкеселиши да бимь — Зогр. ев., Лук. XV, 29.

Некоторые ученые (например, А. М. Селищев) предполагают, что эти формы от *быти* по своему происхождению представляли остатки давних форм желательного наклонения.

Позднее наряду с этой формой условное наклонение начинает передаваться с помощью форм аориста от *быти*, которые в дальнейшем вытесняют первую форму:

Ед. ч. 1-е л. выхъ	Мн. ч. 1-е л. выхомъ	Дв. ч. 1-е л. выхотѣ
2-е л. вы	2-е л. выгтѣ	2-е л. выста
3-е л. вы	3-е л. выша	3-е л. выгтѣ

При этом следует иметь в виду, что во 2-м и 3-м л. ед. ч. для передачи условного наклонения не использовалась форма аориста *выгтѣ*.

Например, да съ другы мои кзкеселиши да выхъ — Остр. ев., Сав. кн., Лук. XV, 29 (бимь — Зогр. ев., Мар. ев.).

Сопоставление этих двух форм от глагола *быти* показывает, что между ними очень рано начала обнаруживаться связь. Наиболее ранним отражением этой связи является употребление формы 2-го л. мн. ч. *выгтѣ* с окончанием -гтѣ, что было вызвано влиянием формы аориста *выгтѣ*. Форма 3-го л. мн. ч. *виша*, которая могла употребляться наряду с формой *бж*, также возникла под влиянием формы аориста 3-го л. мн. ч. *выша*.

ПЕРФЕКТ

§ 154. Перфект представлял собой сложное прошедшее время, и им в старославянском языке обозначалось такое действие в прошлом, результаты которого были представлены в настоящем. Образовывались формы перфекта в старославянском языке следующим образом: к причастию действительного залога прошедшего времени с суффиксом [-l], образованному от спрягаемого глагола, присоединялась форма настоящего времени от глагола *быти*.

Например, для глагола «дати» форма перфекта имела такой вид:

	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч. 1-е л. даахъ есмь,	даахъ есмь,	даахъ есмь,	даахъ есмь
2-е л. даахъ еси,	даахъ еси,	даахъ еси,	даахъ еси
3-е л. даахъ естъ,	даахъ естъ,	даахъ естъ,	даахъ естъ
Мн. ч. 1-е л. даахъ есмъ,	даахъ есмъ,	даахъ есмъ,	даахъ есмъ
2-е л. даахъ естѣ,	даахъ естѣ,	даахъ естѣ,	даахъ естѣ
3-е л. даахъ ештѣ,	даахъ ештѣ,	даахъ ештѣ,	даахъ ештѣ
Дв. ч. 1-е л. даахъ естѣ,	даахъ естѣ,	даахъ естѣ,	даахъ естѣ
2-е л. даахъ еста,	даахъ еста,	даахъ еста,	даахъ еста
3-е л. даахъ есте,	даахъ есте,	даахъ есте,	даахъ есте

Например, мьнѣ николиже не даахъ еси козымѣ — Зогр. ев., Мар. ев., Ас. ев., Сав. кн., Остр. ев., Лук. XV, 29.

Вспомогательный глагол в формах перфекта опускается редко, да и то только в 3-м лице ед. ч. Из всех старославянских памятников пропуск вспомогательного глагола в форме 3-го л. ед. ч. перфекта встречается часто лишь в Супрасльской рукописи; например, чюдо сътворихъ зхрѣстниимъ чинамъ же напѣвниимъ и печаль . . . оутѣшиахъ — 93²³⁻²⁶.

ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ

§ 155. Плюсквамперфект представлял собой сложное прошедшее время, и им обозначалось в старославянском языке такое действие, которое произошло ранее другого прошедшего действия. Образовывались формы плюсквамперфекта, так же как и формы перфекта, описательным способом, а именно: к причастию действительного залога прошедшего времени с суффиксом [-l], образованному от спрягаемого глагола, присоединялась форма имперфекта или аориста (с имперфектным значением) или перфекта от глагола *быти*:

- I. Ед. ч. 1-е л. *далъ* (дало, дала) *бѣхъ* и т. д.
 II. » » » *далъ* (дало, дала) *бѣхъ* и т. д.
 III. » » » *далъ* (дало, дала) *быхъ* (было, была) *югъ* и т. д.

Например, *иже и бѣхъ кидѣи* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн., Ио. IX, 8; *иже бо бѣ знамение далъ имъ* — Мар. ев., Зогр. ев., Лук. XXII, 47.

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 156. Формы будущего времени передавались в старославянском языке несколькими способами:

1. Получили значение будущего времени формы настоящего времени перфективных глаголов: *падъ*, *рѣкъ*, *къзымъ* и т. д. Значение будущего времени получили также формы гл. *быти* с супплетивным корнем *вѣд* [bɔd-]:

Ед. ч. 1-е л. <i>вѣдъ</i>	Мн. ч. <i>вѣдемъ</i>	Дв. ч. <i>вѣдѣтъ</i>
2-е л. <i>вѣдѣши</i>	<i>вѣдѣте</i>	<i>вѣдѣта</i>
3-е л. <i>вѣдѣтъ</i>	<i>вѣдѣтъ</i>	<i>вѣдѣте</i>

Например, *что оубо вѣдѣтъ намъ* — Ас. ев., Мф. XIX, 27; *мнози же вѣдѣтъ прѣки послѣднии и послѣднии прѣки* — Ас. ев., Мф. XIX, 30; *вѣдѣтъ бо тогда скръвь великъ* — Мар. ев., Мф. XXIV, 21.

2. Будущее время могло образовываться и описательно: к инфинитиву спрягаемого глагола присоединялись формы настоящего времени вспомогательного глагола. В качестве такого глагола выступал обычно один из следующих: *начати*, *имѣти*, *хотѣти*. Например, *оуглашати же имате врани* — Мар. ев., Мф. XXIV, 6; *что хощете ми дати* — Зогр. ев., Ас. ев., Мф. XXVI, 15; *и не наидѣти ѿдъ начнѣтъ* — Сав. кн., Мф. XXIV, 10; *и начнѣтъ бити клебрѣты кою* — Мар. ев., Мф. XXIV, 48 и т. д.

3. Будущее время образовывалось описательным способом также и в том случае, если оно служило для выражения будущего предварительного и, следовательно, указывало на такое действие, которое должно было предшествовать другому будущему действию.

Образовывались формы будущего предварительного следующим образом: к причастию дейст. зал. прош. вр. с суффиксом [-l] от

спрягаемого глагола присоединялась форма наст. вр. от глагола *быти* (с основой *вѣд*-):

- 1-е л. *вѣдѣхъ* *хѣтворихъ*, -ло, -ла.
 2-е л. *вѣдѣши* *хѣтворихъ*, -ло, -ла.
 3-е л. *вѣдѣтъ* *хѣтворихъ*, -ло-, -ла и т. д.

ИНФИНИТИВ. СУПИН

§ 157. Инфинитив и супин принадлежали к именным формам глагола.

По происхождению инфинитив представлял собой окаменевшую форму дат. пад. ед. ч. от имен с основой на *-i. Приметой инфинитива является окончание [-ti], которое присоединяется к основе. Например, *зна-ти*, *ви-ти*, *кры-ти*, *нес-ти* и т. д.

Если основа инфинитива оканчивалась на согласный [d], [t], [k], [g], то в сочетании с окончанием [-ti] данные согласные подвергались фонетическим изменениям, которые сводятся к следующему. Сочетание [kt(gt)] перед гласным переднего ряда [i] изменялось в [št'], а сочетание [tt(dt)] — в [st]:

rekti > *rešt'i*, ст.-слав. *рѣшти*; *mogti* > *mošt'i*, ст.-слав. *мошти*;
vedti > *vesti*, ст.-слав. *вѣсти*; *pletti* > *plesti*, ст.-слав. *плѣсти*.

Супин по своему происхождению представляет собой окаменевшую форму вин. пад. ед. ч. имен с основой на *-ŷ. По значению это был винительный цели. В связи с этим его значением он применялся при глаголах движения. Второй особенностью супина являлось то, что он требовал после себя дополнения в родительном падеже, что также указывает на его именное значение. Отличительной приметой супина являлось его окончание [-тъ], которое присоединялось к основе инфинитива. Например, *видѣ-тъ*, *искоуши-тъ*, *локи-тъ*. Например, *идѣ рыбъ локитъ* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн., Ио. XXV, 3; *пришелъ еси гѣмо прѣжде крѣмене мѣчитъ насъ* — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн., Мф. VIII, 29; *иже иде коупно утро напатъ дѣлателъ киноградоу коупноу* — Мар. ев., Ас. ев., Сав. кн., Мф. XX, 1. Однако если основа инфинитива оканчивалась на заднеязычный согласный [k] или [g], то под влиянием форм инфинитива образовывались формы супина типа *рѣштъ*, *жѣштъ* вместо *рѣтъ* [reť] < *rektъ*, *жѣтъ* [ž'etъ] < *gegť*.

В дальнейшем в славянских языках форма супина заменяется инфинитивом. Только в двух славянских языках сохранилось применение супина — в словенском и нижнелужицком. Некоторые следы супина сохраняются в северных русских говорах, где представлен инфинитив на твердый [t] в выражениях типа „иду пахат“.

ЗОГРАФСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

1

15. Поздѣ же выхашю. пристѣпиша кз нѣмоу. оученици его глѣшше. поучито естѣ мѣсто. і година минѣ юже. отзпоустити народы. да шыдѣше кз вѣнѣнаѣа градыца. коупатѣ вѣрашна сѣвѣ. 16. ѿи же рече имѣ. не трѣвоужитѣ отити. дадите имѣ кѣ ѿти. 17. они же глѣша емоу. не имамѣ сѣде. тѣкмо. дѣ. хлѣвѣ. і. вѣ. рыбѣ. 18. онѣ же рече. принестѣте ми сѣмо. 19. і покелѣкѣ народомѣ кѣзлешти на трѣбѣ. і примѣ. дѣ. хлѣвѣ. . вѣ. рыбѣ. кѣзѣрѣкѣ на нѣво вѣлѣки. і прѣломы хлѣвы. дайтѣ оученикомѣ. оученици же народомѣ. 20. і ѣша кѣи і насытитиша сѣ. і кѣзаша изѣмытѣкѣ оукроуужѣ. вѣ. коша іспѣлѣ. 21. ѣдѣшиѣх же вѣваше мѣжѣ. патѣ тыгашѣ. разѣѣ жѣнѣ і дѣти. 22. і авѣе оувѣди оученикѣ кѣлѣсти кѣ коравѣ. і карити і на ономѣ полоу донѣдеже отзпоуститѣ народы. кон. 23. і отпоуштѣ народы кѣзидѣ на горѣ помолитѣ сѣ. поздѣ же выхашю единѣ вѣ тоу. 24. коравѣ же вѣ по сѣрѣдѣ морѣ кѣлаѣ сѣ вѣзнами. вѣ во протикѣнѣ кѣтрѣ. 25. кѣ четѣрѣтѣжѣ же стражѣ ношти. іде кѣ нѣмѣ ѿи. хода по морю. 26. і видѣвѣше и оученици ходѣшѣ по морю. сѣмѣтоша сѣ глѣшше. ѣко призракѣ естѣ. і отѣ страѣ кѣзѣпиша. 27. авѣе же рече имѣ ѿи глѣ. дрѣзѣнтѣ азѣ сѣмѣ не боите сѣ. 28. вѣтѣкѣштакѣ же петрѣ рече емоу. ги аште ты еси. покелѣ ми прити кѣ тебѣ по водамѣ. 29. онѣ же рече приди. і изѣлѣзѣ іс коравѣлѣ петрѣ. хождааше на водахѣ. і приде кѣ нѣки. 30. кѣда же вѣтры кѣлѣпѣкѣ оувоѣ сѣ. і начѣнѣ оутапати. кѣзѣпи глѣ ги спѣ ма. 31. авѣе же ѿи простѣрѣ рѣкѣ сѣтѣ і. і глѣ емоу малокѣре. по чѣто сѣ оуѣжѣмѣ. 32. і кѣлѣзѣшѣма іма кѣ коравѣ. прѣста кѣтрѣ. 33. сѣштѣі же кѣ коравѣ. пришѣдѣше поклонѣша сѣ емоу глѣшше. кѣ істинѣ сѣ. вѣжи еси. (Мф. XIV, 15—33.)

17. кѣ прѣкѣ же дѣнь опрѣлѣнѣкѣ пристѣпиша оученици кѣ ѿи. глѣшше кѣ нѣмоу. кѣде хожтеши і оуготокаемѣ ти ѣсти пасѣа. 18. онѣ же рече ідѣте кѣ градѣ кѣ ѣтероу. і рыцѣте емоу. оучитѣлѣ глѣтѣ. кѣрѣма мое вѣлизѣ естѣ оу тебѣ сѣтѣкорѣ пасѣхѣ сѣ оученикѣ ікоіми. 19. і сѣтѣкориша оученици. ѣкоже покелѣ имѣ ѿи. і оуготокаша пасѣхѣ. 20. кѣчероу же выхашю. кѣзлѣже сѣ овѣма на дѣлатѣ. оученикома. 21. і ѣдѣштемѣ имѣ рече. ѣко единѣ отѣ вѣсѣ прѣдастѣ ма. 22. і сѣрѣвѣаште зѣло начаша глѣти емоу. ѣдинѣ кождо іхѣ. ѣда азѣ сѣмѣ ги. 23. онѣ же отѣкѣштакѣ рече. омычи сѣ мноѣ кѣ солило рѣкѣ. тѣ ма прѣдастѣ. 24. сѣнѣ же чѣкѣ ідѣтѣ ѣкоже естѣ пѣано о нѣмѣ. горѣ же чѣоу томоу. имѣже сѣнѣ чѣкѣ прѣданѣ вѣждѣтѣ. доврѣе емоу вѣ было. аште сѣ вѣ не родилѣ чѣкѣ тѣ. 25. вѣтѣкѣштакѣ же іуда прѣдакѣ его рече. ѣда азѣ сѣмѣ равѣи. глѣ емоу ты рече. 26. ѣдѣштемѣ же имѣ. примѣ ѿи. хлѣвѣ і вѣлѣкиѣ. прѣломи і. і даѣше оученикомѣ ікоімѣ і рече. примѣте ѣдите. сѣ естѣ тѣло мое. 27. і примѣ чашѣ. і хѣлаѣ кѣздакѣ дастѣ имѣ глѣ. питѣ отѣ нѣма кѣи. 28. сѣ естѣ крѣкѣ моѣ. нѣкаѣго закѣта. проликаемѣ за мноѣ. кѣ отпоуштенѣе грѣхѣомѣ. (Мф. XXVI, 17—28.)

3

1. Ютроу же выхашю. сѣкѣтѣ сѣтѣкориша. кѣи арѣхиѣрен. і старѣци лѣудѣци на іса. ѣко оувѣти і. 2. і сѣказѣкѣше и кѣдоша. і прѣдаша пѣжнѣтѣскоумоу пѣлатоу. іпѣмоноу. 3. Тѣгда кѣдѣ іуда. прѣдакѣ его. ѣко ождѣиша и. расѣлѣкѣ сѣ кѣзѣратѣ. пѣ. сѣрѣвѣрѣнѣкѣ. арѣхиѣреомѣ і старѣцемѣ. 4. глѣ. сѣгрѣшнѣх прѣдакѣ крѣкѣ нѣпокинѣнѣ. они же рѣша чѣто естѣ намѣ. ты оуѣриши. 5. і покѣрѣгѣ е кѣ цѣркѣе отидѣ. і ошѣдѣ кѣзѣѣи сѣ. 6. арѣхиѣреі же приѣмѣшѣ сѣрѣвро рѣша. не достоіно естѣ кѣложити его кѣ карѣбанѣ. по нѣже цѣна крѣкѣ естѣ. 7. сѣкѣтѣ же сѣтѣкорѣше коупѣша имѣ сѣло сѣкѣдѣлѣнѣкоѣ. кѣ погрѣѣвание странѣнѣмѣ. 8. тѣмѣ же нарече сѣ сѣло то сѣло крѣкѣ до сѣго дѣне. 9. тѣгда сѣвѣстѣ сѣ речѣное прѣрокомѣ іерѣминѣмѣ. глѣштемѣ. і приѣша. пѣ. сѣрѣвѣрѣнѣкѣ. цѣнѣ цѣнѣнаѣго. его же цѣнѣиша отѣ сѣнокѣ іѣсѣкѣ. 10. і даша на сѣлѣ сѣкѣдѣлѣнѣчи. ѣко же сѣказа мѣтѣ ги. 11. ѿи же сѣта прѣдѣ іпѣмоноѣ. і кѣзѣпросѣ нѣмонѣ глѣ. ты ли еси цѣрѣ іудѣкѣкѣ. ѿи же рече емоу ты глѣши. (Мф. XXVII, 1—11.)

4

16. Хода же при мори галѣлѣісѣѣмѣ кѣдѣ симѣона. і анѣдрѣа вѣрата того симѣона. кѣметѣшѣта мѣрѣжа кѣ морѣ. вѣѣшѣте во рѣварѣ. 17. і рече

іма ѿс. прѣдѣта кѣ слѣдѣ мене. і сѣткорѣж кѣ быти локыца чкомѣ. 18. і авне оставыша мрѣжа по немѣ ідогте. 19. і прѣш'дѣ мало отъ тѣдоу. оузырѣ іѣкока зекедока. іоѣна брата его. і та кѣ ѡл'днѣ заказажыта мрѣжа. 20. і авне кѣзѣка ѣ. і оставыша оца своего зекедѣта кѣ ладнѣ. сѣ наіменьны по немѣ ідогте. (Мр. I, 16—20.)

5

29. і авне ішыдыше ісхнзмишта. прѣдѣ кѣ домѣ снмонокѣ і андрѣокѣ сѣ іѣкокомѣ. і ѡанномѣ. 30. Тѣшта же снмонокѣ. лежааше огнемѣ жегома. і авне глѣаша емоу о неі. 31. і прѣтѣплѣ кѣзѣкнже ѣ. імѣ за рѣжѣ еѣ. і остѣкн ѣ огнѣ. і слоужааше емоу. 32. поздѣ же выѣтѣши. егда же захочааше сѣхнѣце. прѣношаахѣ кѣ немѣу кѣлѣ недѣжыныѣ. 33. і вѣ кѣхѣ градѣ сѣбралѣ сѣ кѣ дѣвремѣх. 34. і нѣцѣлѣ многы недѣжыныѣ. імѣшта разлнчныѣ глѣзѣ. і вѣкѣ многы ізгнѣ. і не оставѣлѣаше глѣтѣ вѣкѣхѣ ѣко вѣдѣахѣ і. (Мр. I, 29—34.)

6

47. і вечерѣ выѣхышо. вѣ во корабѣ по рѣдѣ мѣрѣ. ѡ сѣ едннѣ на землѣ. 48. і кнѣѣхѣ сѣ страждѣштѣ кѣ гревеннѣ. вѣ во вѣтрѣхѣ прѣтнѣхнѣ імѣ. і прѣ четѣрѣтѣхѣ стражнѣ нѣштѣнѣнѣ. і прѣде кѣ ннмѣхѣ по мѣрѣу хѣдѣ. і хотѣ мннѣжнѣ сѣ. 49. онѣ же кнѣѣхыше і по мѣрѣу хѣдѣштѣ. не пыште-вѣашѣ прѣзѣрѣкѣ бытнѣ. і кѣзѣкѣашѣ. 50. кѣнѣ во кнѣѣхыше і. і кѣзмѣтошѣ сѣ. онѣ же ѡвѣе глѣ сѣ ннмѣ. і рече імѣхѣ. Дрѣзѣйте ѡзѣ еѣмѣ не воите сѣ. 51. і кѣннѣде кѣ ннмѣхѣ кѣ корабѣлѣ. і оулеже вѣтрѣхѣ. і сѣло із лнѣхѣ днѣлѣахѣ сѣ. і оуѣагаахѣ сѣ. 52. не разѣумѣшѣ во ѡ хлѣвѣхѣхѣ. нѣ вѣ рѣдѣце іхѣ окамѣненѣ. і прѣѣхѣкѣше прѣдошѣ кѣ землѣхѣ ѣеннѣгарѣтѣкѣхѣ. і прѣсташѣ. 54. іш'дышемѣхѣ же імѣхѣ ісѣ корабѣлѣ. ѡвѣе познашѣ нѣ. 55. і прѣ-тѣшѣ кѣхѣ странѣхѣ тѣхѣ. і начѣсѣ прѣноннѣтнѣ. на одрѣхѣхѣ волѣштѣлѣ. ідеже слышѣахѣ нѣ ѣко тоу еѣтѣ. (Мр. VI, 47—55.)

7

5. ізидѣ сѣлѣнѣ сѣкѣтѣхѣ сѣмѣне сѣоего. і егда сѣлѣше. око падѣ прѣ пѣжнѣ. і попѣранѣо вѣ. і пѣтнѣца нѣвѣскѣмѣхѣ позѣвошѣ е. 6. ѡ дѣругѣе падѣ на камѣне. і прѣзѣвѣхѣ оуѣхыше. за не не імѣлѣше клѣгѣ. 7. ѡ дѣругѣе падѣ по рѣдѣтѣ тѣрнѣхѣ. і кѣзѣрѣаѣтѣ тѣрнѣе і подѣкнѣ е. 8. ѡ дѣругѣе падѣ на землѣнѣ дѣвѣрѣ. і прѣзѣвѣхѣ сѣтѣкорнѣ плодѣхѣ. сѣтѣорнѣцеѣхѣ. сѣ глѣ кѣзѣглѣснѣ. імѣлѣнѣ оушнѣ слышѣатнѣ да слышнѣтѣхѣ. (Лук. VIII, 5—8.)

МАРИНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

1

1. Не оѣждѣнтѣ да не оѣждѣннѣ вѣдѣтѣ. 2. імѣже во сѣдомѣхѣ сѣднѣтѣ сѣдѣтѣ камѣхѣ. і кѣ ннѣже мѣрѣжѣ мѣрнѣтѣ кѣзмѣрнѣтѣ сѣ камѣхѣ. 3. Чѣто же кнѣннѣшнѣ сѣжѣцѣхѣ кѣ оцѣхѣ вѣратѣрѣ тѣкоего. ѡ вѣрѣкѣнѣ еѣже еѣтѣ кѣ оцѣхѣ тѣкоемѣ не чѣеши. 4. лнѣ како речеши вѣратѣроу тѣкоему. оставнѣ нѣ ізѣмѣжѣ сѣжѣцѣхѣ нѣзѣ очѣе тѣкоего. і сѣ вѣрѣкѣнѣ кѣ оцѣхѣ тѣкоемѣ. 5. лнѣцѣмѣтѣре. ізѣмнѣ прѣжѣтѣ вѣрѣкѣнѣ нѣзѣ очѣе тѣкоего. і тогда оузырнѣшнѣ ізѣтнѣ сѣжѣцѣхѣ нѣзѣ очѣе вѣратѣрѣ тѣкоего. 6. не даднѣтѣ сѣтаго пѣсѣмѣхѣ. ннѣ помѣтѣнтѣ ннѣсѣрѣзѣ кѣашнѣхѣхѣ прѣдѣхѣ сѣкннѣнѣмнѣ. да не попѣрѣжѣтѣ ннѣхѣ ногѣмнѣ сѣконнѣмнѣ. і кѣрѣщѣше сѣлѣ рѣстѣрѣзнѣжѣтѣхѣ кѣ :· 7. Прѣснѣтѣ нѣ даѣтѣхѣ сѣлѣ камѣхѣ. ішѣтѣ нѣ оѣраѣштѣ. тѣлѣцѣтѣ нѣ отѣрѣзѣтѣхѣ сѣлѣ камѣхѣ. 8. кѣѣтѣкѣхѣ во прѣсѣлѣнѣ прѣемѣлѣтѣхѣ. і ннѣлѣнѣ оѣвѣрѣтѣаѣтѣхѣ. і тѣлѣкѣжѣцѣмоу отѣрѣзѣаѣтѣхѣ сѣлѣ :· (Мф. VII, 1—8.)

2

14. і прѣшѣдѣхѣ ннѣхѣ кѣ домѣхѣ пѣтѣрокѣхѣ. кнѣдѣ тѣцѣлѣ его лѣжащѣхѣ. огнѣмнѣхѣ жѣгомѣхѣ. 15. і прѣкѣонѣжѣ сѣлѣ рѣцѣтѣхѣ сѣлѣ. і оставнѣ ѣхѣ огнѣ. і кѣзѣтѣ нѣ слоужааше емоу. 16. Поздѣ же выѣхышоу. прѣкѣсѣлѣ кѣ немѣу. вѣсѣзѣнѣ лнѣзѣнѣгѣ. і ізгнѣна сѣлокомѣхѣ дѣхѣ. і кѣсѣлѣ недѣжѣжѣнѣмѣхѣ ннѣцѣлѣнѣ. 17. да сѣвѣдѣтѣхѣ сѣлѣ реченое прѣ-рокомѣхѣ. іканѣмѣхѣ глѣжѣцѣемѣхѣ. тѣхѣ. недѣжѣгѣ нѣашѣ прѣнѣжѣтѣхѣ. нѣ волѣзѣннѣ понѣеѣ. 18. оузырѣтѣ же ннѣхѣхѣ мѣногѣхѣ народѣхѣ оѣрѣжѣтѣ сѣеѣ. покѣлѣтѣ ннѣтнѣ на онѣхѣ полѣхѣ. 19. і прѣстѣплѣ едннѣхѣ кѣзннѣжѣзннѣкѣхѣ рече емоу. оучнѣтелѣу нѣдѣжѣ по тѣеѣтѣ. ѣможе кѣолнѣжѣдѣо нѣдѣешнѣ. 20. глѣ емоу ннѣхѣ. лнѣсѣхѣ ѣзѣзннѣ ннѣжѣтѣхѣ. і пѣтнѣца нѣвѣскѣмѣхѣ гнѣѣзѣда. ѡ сѣнѣ чѣвѣскѣхѣ не ннѣмѣтѣхѣ кѣдѣ глѣбѣхѣ подѣжѣклоннѣтнѣ. 21. дѣругѣхѣнѣ же отѣхѣ оучѣннѣкѣхѣ рече емоу гнѣ. покѣлѣнѣ. мнѣ прѣѣждѣ ннѣтнѣ. і попѣрѣтнѣ. отѣца мѣоего. 22. гнѣ же глѣ емоу. глѣаднѣ по мѣнѣтѣ. і оставнѣ мѣрѣтѣкѣмѣхѣ попѣрѣтнѣ сѣкоѣхѣ мѣрѣтѣкѣцѣлѣ... 23. і кѣлѣѣзѣхышоу емоу кѣ корабѣ по немѣ нѣдѣжѣ оучѣннѣцнѣ его. 24. і сѣ тѣрѣжѣхѣ кѣелнѣкѣхѣ бытѣхѣ кѣ мѣорнѣ. ѣко покѣрѣжѣатнѣ сѣлѣ корабѣлю кѣлѣзнѣмнѣ. ѡ тѣхѣ сѣлѣпѣше. 25. і прѣшѣдѣхыше оучѣннѣцнѣ его. кѣзѣвоуднѣшѣ нѣ глѣжѣцѣе гнѣ. сѣлѣпнѣ нѣ погѣвѣлѣемѣхѣ. 26. і глѣ ннѣмѣхѣ. чѣто страшнѣкнѣ еѣтѣ малѣ-кѣѣрнѣ. тогда кѣзѣтѣкѣхѣхѣ запѣрѣтнѣ вѣтѣромѣхѣ нѣ мѣорнѣ. і бытѣхѣ тнѣшннѣна кѣелнѣтѣ. 27. чѣлѣкнѣ же чѣоднѣшѣ сѣлѣ глѣцѣе. кѣтѣо сѣ еѣтѣхѣ ѣко вѣѣтрнѣ нѣ мѣоре попѣлоу-шѣлѣжѣтѣхѣ его :· (Мф. VIII, 14—27.)

3

2. і сѣ прѣнѣсѣлѣ емоу оѣслабѣленѣхѣ жнѣлѣмнѣ на одрѣхѣхѣ лѣжащѣхѣ. і кнѣдѣѣхѣ ннѣхѣхѣ вѣѣрѣжѣхѣ ннѣхѣ. рече оѣслабѣленѣмоу емоу. дрѣзѣжѣ чѣдѣо отѣпѣоушѣтѣлѣжѣтѣхѣ сѣлѣ гѣрѣснѣ тѣконѣ. 3. і сѣ едннѣ отѣхѣ кѣзннѣжѣзннѣкѣхѣ рѣшѣлѣ кѣ сѣеѣтѣ. сѣ кѣлѣскнѣмѣлѣѣтѣхѣ. 4. і кнѣдѣѣхѣ ннѣхѣхѣ помѣшѣленнѣтѣхѣ ннѣхѣхѣ рече. кѣзѣкѣжѣжѣ кѣ мѣыслнѣтѣхѣ зѣло кѣ рѣдѣцнѣхѣхѣ

кашнхъ. 5. чѣто ко еѣхъ оудовѣ рѣшѣти. отхпоуцаѣхъ еѣ грѣсѣи тѣои. ли
рѣци кѣстакъ ходи. 6. нѣ да оубѣтѣ бѣо класѣи иматъ сѣбѣ члѣчскы на
земѣи отхпоуцати грѣхы. тѣгда глѣ обѣлабленоумоу кѣстакъ козьми ложѣ
тѣое. і нѣи кѣ домъ еѣои. 8. кнѣбѣкше же народи чюдѣиша еѣ и прогласѣиша
бѣ. дакѣшааго класѣи такъ члѣкомъ. (Мф. IX, 2—8.)

3. ...Се изиде г҃ѣи да г҃ѣтъ. 4. і г҃ѣшѣшѣмоу. о҃ка оу҃бо падѣ при
пяти. і приѣдѣ птица небескыѣ и позубоша ꙗ҃. 5. Дроугаа же падѣ на
каменехѣх. ꙗ҃же не имѣша земля многы. і авѣе прозавѣх. зане не имѣше
г҃лабины земли. 6. клзницю же когнѣхшию прикладѣ. і зане не имѣхѣх
корениꙗ изхѣх. 7. а дроугаа падѣ въ трзнии. і възиде трзние и подави ꙗ҃.
8. дроугаа же падѣ на земли добръ. і даѣхѣх плодѣх. о҃ко съто. о҃ко шесть
десятѣх. о҃ко три десѣти. 9. имѣи оуши слышати да слышитѣх. (Мф. XIII,
3—9.)

11. вѣ же тоу стадо скино пасомо велие при горѣ. 12. і молиша и бѣси вѣси гл҃аште. позлаи ны къ скинниа да къ на бѣндемь. 13. і авие побелѣ имъ ихъ. і ишедъше д҃си нечистии. бѣнидѣ къ скинниа. і оустрѣми сѧ стадо по вѣргоу къ морю. вѣ же ихъ бѣко дѣхѣ тыгъшти. і оутѣпаахъ къ морю. 14. і пасъшти скинниа вѣжаши. і възбѣстиша къ градѣ и на селѣхъ. і приидѣ бѣдѣтъ что естъ въкышере. (Мр. V, 11—14.)

[illegible]

21. і приклоучышу сѧ дѣни потрѣбнѣи егда иродъ рождаѣтсѣи своєму
вечерѣи творѣаше княземъ своимъ и тысящѣинымъ. і старѣишинамъ
галилейскимъ, 22. и вѣсѣдѣши дѣштери сѧ иродѣи. і плакавши и

оужаѣши нродоби. і кзлѣжаштнмаѣ ѣз ннма. рече црѣ дѣвнцн прогн
оу мене емоуже аште хоѣши и дамъ ти. 23. і калтъ ѣа ен. ѣко егоже
аште прогнши дамъ ти. до полѣ црѣгѣнѣ моего. 24. она же ншѣдѣши
рече кѣ матери своѣ. чѣсо прошѣ. Она же рече главою нона крѣтнтелѣ.
25. і кшѣдѣши авнѣ ѣз тѣштннѣмъ кѣ црѣю. прогн глаѣшн хоѣѣ да
даѣи мн отѣ неѣа на бѣаѣ главою нона крѣтнтелѣ. 26. і прскрѣвѣнѣ
вытѣ црѣ за калѣтѣ. и кзлѣжашннхъ ѣз ннма. не кзхотѣ отѣреѣи ѣа ен.
(Мр. VI, 21—27.)

36. Молѣаше же и единъ отъ фарисѣи да ви ѣлъ ехъ нимъ. і кшѣдъ ехъ домъ фарисѣеъ възлѣже. 37. і се жена ехъ градѣ бже въ гоѣшницѣ. і оукѣдѣвши ѣко възлѣжитъ. ехъ храминѣ фарисѣеѣ. принеши алакастръ муроу. 38. і ставши задѣ при ногоу его. плачущи сѣ начатъ мочити носѣ его слъзѣми. и клѣны главы екоѣ отирааше. і облобызааше носѣ его и мазааше муромъ. 39. видѣхъ же фарисѣи кзъкавы его рече къ себѣ глѣ. ехъ аште ви былъ прѣхъ. кѣдѣхъ ви оубо кто и какоѣ жена прикасатъ сѣ емъ. ѣко гоѣшница естъ. (Лук. VII, 36—39.)

33. Рече ѿ притѣжъ снѣжъ, чѣмъ единъ бѣ богаты, иже нагади киноградъ
и ископа къ немъ точило, и прѣдастъ і дѣлательмъ и ѡтиде. 34. и егда
же приде крѣмъ ѣмѣти і пошла равъ скоѡ кз дѣлательмъ имѣтъ кина
скоеро. 35. и имѣше дѣлатель равъ еѣго. виша, а дроугыѡ оубиша. ѡкы же
камениемъ повиша. 36. пакы пошла ины равы множиша прѣкыхъ, и тѣмъ
створиша такожде. 37. послѣди же пошла снѣ скоеро кз нимъ глѡ, постыдаѣтъ
сѡ снѣ моеро. 38. дѣлатель же видѣкыше снѣ еѣго рѣша кз себѣ, се естъ
наслѣдникъ придѣте да оубиѣмъ сего, и оудръжимъ наслѣди еѣго. 40. и югда
оубо приде ѿ киноградоу, что створи тѣ дѣлательмъ, глѡ емоу. 41. злѡмъ
злѣтѣ повитѣ, и киноградъ прѣдастъ ииѣмъ дѣлательмъ, иже въздааѣтъ
емоу, плодъ кз крѣмена скоѡ (Мф. XXI, 33—41.)

1. ...тогда пошла. ѿ оученика скола 2. гла ѿма. идѣта къ къ ѿже
ѣстѣ прѣмо кама. ѿ авиѣ ѡбращѣта ѡшла приказано. ѿ жрѣба съ нимѣ.
отрѣшиша прикѣдѣта ѣ сѣмо. 3. ѿ аще речѣтъ кто кама что. рыцѣта ѿко
гѣ трѣвоуѣтъ ѣю. ѿ пошла ѿ. (Мф. XXI, 1—3.)

30. члвх ѣднх схжодаше отъ нѣрлѣма кх ѣрнх. и кх развоинны
бхпаде. иже схлхкхше і. и лзкы кхзложше остаклхше і. ѣлѣ жного жца
отиде. 31. по приключаю же нѣреі ѣднх. идѣше пхтхмь тѣмь. и кидѣх
і минойде. 32. такожде же і леовугитх вых на томь мѣстѣ. пришхх и
кидѣх і минойде. 33. самарѣннх же ѣтерх грады приде кх немюу. и
кидѣх і маѣрдока. 34. и притхпѣ ѡваза лзкы ѣго кхзлнкарѣ ѡлѣ і кино.
кхзлхх же і на скотх своі. приѣде же і кх господх. и прилѣжаше ѣмь.
35. и на оутрнѣ шххх. и кхзлхх. ѣ. пѣназа. дастъ гостыннкоу. и рече
прилѣжн ѣмь. и аще. что ижданѣшн. азъ ѣгда кхзкращѣмъ. кх. кхздамъ тн.
(Лук. X, 30—35.)

16. рече ꙗко притѣчѣ снѣгъ, чѣкоу единому богатоу оуговѣзи ꙗко нѣка.
17. и помышлѣше ꙗко сѣвѣ глѣ, что сътворѣ. ꙗко не и(ма)мѣ къде събрати
плодъ моуѣхъ. 18. и рече се створѣ. разорѣ. житѣннѣхъ моуѣхъ. и большѣхъ
съзидѣхъ. и съберѣхъ тоу всѣ житѣ моѣ. и добрѣе сѣе. 19. и рекѣ дѣши
сѣе. и мѣши много добрѣ. лежѣще на лѣтѣ много. почнѣ иждѣ пѣ
вѣсѣи ꙗко. 20. рече же емоу бѣ безоумѣю. всѣ снѣгъ поцѣхъ въземѣхъ
дѣшѣ твоѣ. а иже оуготовѣ. кому бѣдѣхъ. 21. тако и събирѣи сѣвѣ. а не
всѣ бѣ богаты ꙗко. се глѣ възгѣи. и мѣи оуши слышати да слышитѣ.
(Лук. XII, 16—21.)

Въ оно^в 1. 33. пришедше вои на место рекомое голгафа. еже нарицаѣтъ г. краниеко мѣсто. 34. даша ёмоу оцѣхъ пити. изъ злѣчигъ смѣшенъ. и къкоушъ не хотѣше пити. 35. распънъше же раздѣлиша ризы ёго. и меташа жрѣвнѣ. 36. и сѣдъше стрѣжахъ 1 тоу. 37. и положиша въ руху главы ёго кинъ написанъ. гдѣ ёсть црхъ юдеискъ. 38. тогда распаша изъ нмъ. б. развоиника. единого о дегнѣжѣ. и единого о лѣкѣжѣ. 39. мимоходяще же хоуахъ 1. покыбѣжѣе главами скоими. (Мф. XXVII, 33—39.)

АССЕМАНИЕВО ЕВАНГЕЛИЕ

1. И҃сѹ рождѣшю ѿ бѣдѣи нѹдѣистѣмъ. бѣ дѣни рождѣ цр҃ѣ. се
бѣзвѣкѣ отъ бѣзвѣтокѣ. прѣидѣ бѣ ермѣз. 2. гл҃ашѣ. кѣдѣ естѣ рождѣи ѿ цр҃ѣ

¹ ВЪ ОНС — КЪ ОНО ВРЪМЯ.

иудейскѣ. видѣхомъ бо свѣздахъ его на вѣстоцѣхъ. и придомъ поклонитъ сѧ
емоу. 3. Слышавъ же родъ црѣхъ сѣмате сѧ. и бѣхъ иеремъ сѧ нимъ.
4. ѿ сѣбѣхъ вѣхъ архiereй и книжники людскыя. кзпрашаше сѧ къде
хъ раждаетъ сѧ. 5. они же рѣша емоу. кз кидлеоми иудейстѣхъ. тако во
писано естъ. 7. тогда родъ тѣхъ призываетъ блххъхъ. ипыта шъ нхъ. крѣма
блхшаша сѧ свѣздахъ. 8. И посылаетъ сѧ кз кидлеомъ. рече. шедъше испы-
тантѣ извѣстнѣно о отрочахъ. и егда обратятѣ. вѣзвѣститѣ мѣ. да и азъ
шедъ поклонѣхъ сѧ емоу. 9. Они же поглоушавъше црѣхъ нѣхъ. и се свѣзда
хъхъ кидша на вѣстоцѣхъ. идѣше прѣдъ нимъ. дондеже пришедши ста
вхъхъ. идѣхъ вѣхъ отроча. 10. Видѣхъше же свѣздахъ кззradoкaшa сѧ
радостнѣхъ вемѣхъ сѣло. 11. и кзшедъше кз хрaминъ. идеша отроча
сѧ маріежъ. мтрѣхъ его. и падъше поклоншa сѧ емоу. и откзвъше
скрѣпцѣхъ скоѣхъ. принѣхъ емоу даръхъ. Злато и ливанъ и зѣмрѣхъ. 12. и откзѣхъ
прѣмъше кз сѣмѣхъ. не кззкратѣхъ сѧ къ родоу. нхъ и нѣхъхъ пѣтемъ. отидъ
кз странъхъ скожъ. (Мф. II, 1—5, 7—12.)

11. чѣкъ етеръ имѣ дѣка сны. 12. и рече менши снѣ оцю. ѡчѣ даждѣ
ми достоннѣмъ часть имѣніе. и раздѣли има имѣніе. 13. и не по мноствѣхъ
дзнецѣхъ. събракъ бысѣ мьни снѣ. отиде на странѣ далече. и тоу сы
расточи имѣніе свое. жибы блаженно. 14. иждившоу же емоу крѣ. къ
глазѣхъ крѣпокѣхъ на странѣ тон. и тѣхъ начатѣ лишати сѣ. 15. и шедѣхъ прилѣпи
сѣ единомѣ. ѡтѣхъ житель страны тоѣ. и позла и на села скоѣхъ парѣхъ скнии.
16. и желаше насытити сѣ. ѡтѣхъ рожець гажѣ бѣдавѣхъ скнии. И никто же
даѣше емоу. 17. въ себѣ же пришедѣхъ рече. коікоу насмизникѣ оца моего
изываюхъ хлѣви. азъ же сѣде гладомѣхъ губавѣхъ. 18. вѣстакѣхъ идѣхъ къ оцю.
и рекѣхъ емоу очѣ изгрѣшихъ на нбо и прѣдѣхъ товоѣхъ. 19. юже не достоннѣхъ
емѣхъ нареци сѣ снѣ твоѣ. изтворѣ ма бѣко единого ѿ насмизникѣхъ твоихъ.
20. и вѣстакѣхъ понде къ оцю своему. (Лук. XV, 11—20).

12. вѣсх^ѣо^ѣд^ѣа^ѣщ^ѣю и^ѣгоу вѣс^ѣ к^ѣе^ѣр^ѣъ е^ѣт^ѣе^ѣр^ѣж^ѣ с^ѣр^ѣб^ѣт^ѣе и. д^ѣе^ѣс^ѣа^ѣт^ѣъ п^ѣо^ѣк^ѣа^ѣж^ѣе^ѣн^ѣъ м^ѣж^ѣъ.
и^ѣже с^ѣт^ѣав^ѣк^ѣш^ѣе и^ѣз^ѣд^ѣа^ѣл^ѣе^ѣч^ѣе. 13. и т^ѣи вѣс^ѣз^ѣн^ѣѣ^ѣа г^ѣл^ѣа^ѣс^ѣъ. г^ѣл^ѣш^ѣт^ѣе. и^ѣже н^ѣа^ѣс^ѣт^ѣав^ѣк^ѣн^ѣи^ѣч^ѣе
п^ѣо^ѣм^ѣи^ѣл^ѣо^ѣуи н^ѣз^ѣи. 14. и к^ѣи^ѣд^ѣѣ^ѣв^ѣк^ѣъ с^ѣа р^ѣе^ѣч^ѣе н^ѣм^ѣъ. ш^ѣе^ѣд^ѣз^ѣш^ѣе п^ѣо^ѣк^ѣа^ѣж^ѣи^ѣт^ѣе с^ѣа и^ѣѣ^ѣр^ѣе^ѣо^ѣм^ѣъ.
и вѣс^ѣи н^ѣд^ѣж^ѣи^ѣе^ѣм^ѣъ н^ѣм^ѣъ. и^ѣч^ѣи^ѣс^ѣт^ѣи^ѣщ^ѣи^ѣа с^ѣа. е^ѣд^ѣи^ѣн^ѣъ ж^ѣе ѡ^ѣт^ѣъ н^ѣн^ѣх^ѣъ к^ѣи^ѣд^ѣѣ^ѣв^ѣк^ѣъ. т^ѣѣ^ѣко и^ѣц^ѣѣ^ѣб^ѣл^ѣѣ^ѣ.
вѣс^ѣз^ѣв^ѣр^ѣа^ѣт^ѣи с^ѣа. г^ѣл^ѣа^ѣс^ѣо^ѣм^ѣъ вѣс^ѣл^ѣн^ѣе^ѣм^ѣъ с^ѣл^ѣа^ѣа **Ѣа**. 16. и п^ѣа^ѣд^ѣъ н^ѣи^ѣц^ѣъ н^ѣа к^ѣо^ѣл^ѣѣ^ѣн^ѣо^ѣу е^ѣго.
х^ѣл^ѣа^ѣж^ѣ е^ѣмо^ѣу вѣс^ѣз^ѣд^ѣа^ѣс^ѣт^ѣъ. (Лук. XVII, 12—16.)

14. ..оуслыши мѧ ^{вѣрѣнноте} ꙗко твоего ~ 15. ꙗко мѧ отъ вреніѧ да не оуглазѧхъ ~ избави отъ ненакідаштихъ мѧ ~ і отъ глѣбокихъ козѧхъ ~ 16. да не потопитъ мене воуруѣ кодынаѣ ~ ни пожретъ мене глѣбина ~ ни съѣдетъ о мнѣ рокыникъ оутѧхъ твоихъ ~ 17. Оуслыши мѧ ^ѣ ꙗко блага естъ милость твоѧ ~ по мзножытѧ оушѧдротѧ твоихъ призри на мѧ ~ 18. не отъверати лица твоего отъ отрока твоего ~ ꙗко скръбѧхъ ѿдро оуслыши мѧ ~ 19. вонзани ѧши мѧ і отъ мѧхъ ~ врагѧ мои хъ ради избави мѧ ~ 20. Ты бо съѣхѧ поношеніе мѧ і стѧудѧ мои і срамѧ мѧхъ ~ Прѣдъ тобою съѧхъ въ сѧтѧжѧхъ мѧхъ ~ 21. Поношеніѧ причѧѧ ѧша мѧ і страсти ~ і жѧдѧхъ нѧе со мзною поскръбѧхъ і не бѣхъ ~ (гл. LXVIII, 14—21.)

4. Ёко испазни сѧ зѡла дѡша моѣ і жикѡтѡ моѣ адѣ приблѡжи сѧ ~
 5. Прѣмѣненъ выхъ сѧ низхождѡштинѡи кѡ рокѡ ~ выхъ ёко. 6. члѡвѣкъ
 всѣ помѡщѣ оу мрѡткыхъ ꙗкобѡдѣ ~ ёко ёзъкѡи ꙗспѡшѣ кѡ грѡвѣхъ ꙗхъже
 нѣсѣ помѣнѡлѡ кѡ томоу ~ і нѣ тѣ отъ рѡкѡи тѡбѡи отъринокѡени вышѡлѡ.
 7. Положишѡ мѡѡ кѡ рокѣ прѣисподѡниѡи ~ вѣхъ темныхъ кѡ сѣни сѡмрѡтѡнѣ ~
 8. На мѡѡ оутѡрѡди сѧ ёроутѣ тѡѡѣ ~ і кѡлѡ блѡжны тѡѡѡ накеѡде на мѡѡ ~
 9. Оудѡлѡлѡ есѣ знѡнѣи моѣ отъ мѡѡе ~ положишѡ мѡѡ кѡ мрѡзѡетѣ
 сѡвѣ ~ Прѣдѡнѡ выхъ и не ꙗхѡждѡахъ ~ 10. ѡчи моѣ ꙗзѡможете отъ
 ништѡтѣ ~ вѣздѡтѣхъ рѡцѣи моѣ ~ 11. Ёдѡ мрѡтѡиѡи сѡтѡѡришѣ чѡдѡѡѡ ~
 ѡи блѡлѡ ѡѡкрѡѡѡтѡи ѡѡпѡѡѡдѡтѡи сѧ ~ тебѣ ~ (Гл. LXXXVII, 4—11.)

9. Прѣдѣла положн егже не прѣдѣлѣтъ: ни обрѣтѣтъ ѿ покрьтѣ
земля: ~~~ 10. Погылаа источныкы ко двѣрехъ: Попрѣдѣ горъ проидѣтъ
ды: ~ 11. Наполатъ къста зѣбри сѣзныма: Жидѣтъ аонагри къ жаждѣ...
скож: ~~~ 12. На ты пытица нѣныма прѣбѣтагѣтъ: Ѿтъ сѣды камынь
дадѣтъ глаго: 13. Напѣла горы отъ прѣбѣсприхѣтъ скоихъ: Ѿтъ лада дѣла
тѣоихъ насытитъ ѿ земля: ~ 14. Прозвѣдан пажитъ скотомъ і трава на
сложьва чѣмъ: ~ Извѣстѣ хлѣвъ отъ земля: и кино възвѣселитъ глѣце
чѣкоу: ~ 15. Сумѣтитѣ лице оубѣмъ: и хлѣвъ глѣце чѣкоу оукрѣпитъ
16. Насытитъ ѿ дрѣва польскаа: Вѣдры лѣвѣмъ-ѿ-же еси нага-
дѣа: ~~~ 17. Тоу пытица оугнѣздѣтъ ѿ: Бродоко жилище обладаетъ
ими: ~~~ 18. Горы кысокыа еленѣмъ: камѣнъ прѣбѣжище зашѣмъ ~
(Гл. СIII, 9—18.)

...Ходатаю нашъ. і док^од^ителю. к^ъ о^ую т^ое^му н^ек^ому^у. моли^мъ т^а
о к^ст^ухъ на^сх. нед^осто^ин^ыхъ р^ав^нхъ т^ои^ххъ. Нын^ѣ же п^аче к^ып^ие^мъ о Б^рат^ѣ
на^ше^мъ. і р^ав^нхъ т^ое^мъ с^ем^ь. не пр^ѣд^аж^и е^го г^и по^но^ше^нь^ю б^ез^оу^мн^ымъ.
ни б^ро^ст^иж^а о^бл^ичи. Ни г^нб^омъ т^ои^мъ по^ка^жи на^сх. з^аб^аж^и г^рѣ^хы е^го.
і и^цѣ^ли и от^х о^др^жж^аща^га б^ол^ѣз^ни. Д^а не по^гр^ам^ен^ъ в^ѣд^ѣт^ь. з^на^ме^на^жи с^а
к^ъ и^ма т^ое^м. і х^ва^ла с^а о т^еб^ѣ. (Гл. 27⁶, 2—16.)

Скѣтъз очю моею і тѣ нѣтъз съ мноѡжъ/. Дроузи мои і ближикы мои.
Прѣмо мнѣ приближиша сѧ и сташа. Ближнии мои далече сташа/.
И нѣждахъ сѧ искѡщии дѣша мѡеѡ. искѡще зла мнѣ глахъ. Соуетънаѡ
и лѣстънаѡ кѣмъ дѣнь поучахъ сѧ/. азъ же бѣко и глаухъ не слысахъ.
И бѣко нѣмъз не отвѣрзяхъ оустъз сконхъ/. И выхъ бѣко чкъ не слыша.
і не имы въ оустѣхъ сконхъ обличеніѣ/. бѣко на тѧ гѣ оупѣвахъ. і ты
оуслыши ма гѣ вѣе мои. (Гл. 76^б, 1—15.)

ПОДОВЗНО ЕСТЬ ЦРѢТКО НЫСКОЕ. ЧКОУ ЦРЮ. ЕЖЕ СЪТКОРИ БРАКЪ СМОУ
СКОЕМОУ. І ПОЗЛА РАБЫ СКОА. ПРИЗКАТИ ЗКАНЫѦ НА БРАКЪ. І НЕ ХОТѢАХЪ
ПРИТИ. ПАКЫ ПОЗЛА ИНЫ РАБЫ ГЛА. РЫЦѢТЕ ЗКАНЫМЪ. СЕ ОБѢДЪ МОИ ОУГО-
ТОКАХЪ. І ЮНЫЦІ МОИ ОУПНІТѢНАА ИСКОЛЕНА. І БѢТѢ ГОТОКА. ПРИДѢТЕ НА БРАКЪ.
УНИ ЖЕ НЕ РОЖДЫШЕ ОТИДѢ. УВЪ НА СЕЛО СКОЕ. УВЪ ЖЕ НА КОУПАЖ СКОА.
А ПРОЧИ ЕМЪШЕ РАБЫ ЕГО. ДОАДИША ИМЪ. И ИЗБИША СѦ. І СЛЫШАКЪ ЦРЪ
ТЪ РАЗГНѢКА СѦ. І ПОЗЛАКЪ КОА СКОА ПОГОУБИ ОУВИНИЦА ТЫ. И ГРАДЪ ІХЪ
ЗАЖЕЖЕ. ТОГДА ГЛА РАБОМЪ СКОИМЪ. БРАКЪ ОУГОТОКАМЪ ЕСТЬ. А ЗКАНИИ НЕ
БѢША ДОСТОИИИ. ІДѢТЕ ОУБО НА ИХОДИЩА ПЖТИ. І ЕЛИКО АЩЕ ОБРАЩЕТЕ.
ПРИЗОВѢТЕ НА БРАКЪ. І ИШЕДЪШЕ РАБИ ТИ НА ПЖТИ. СОВЪРАША БѢА ОБРѢТЪ.
ЗЛАМЪ ЖЕ И ДОБРЫ. И ПЛАНИША БРАКЪ БЪЗЛЕЖАЩИИХЪ. ВИШЕДЪ ЖЕ ЦРЬ
ТЪ КИДѢТЪ БЪЗЛЕЖАЩИИХЪ. ВИДѢ ТОУ ЧКА НЕ ОБАЧЕНА. КЪ ОДѢНИИ БРАЧЬНОЕ.
І ГЛА ЕМОУ ДРОУЖЕ. КАКО БЫИДЕ СѢМО. НЕ ИНЫ ОДѢНИИ БРАЧЬНААГО. ОНЪ ЖЕ
ОУМЪЧА. ТОГДА РЕЧЕ ЦРЬ СЛОУГАМЪ. СКАЗАКЪШЕ И ПО РЖЦѢ И ПО НОЗѢ.
ВИЗМѢТЕ И КЪВЪЗѢТЕ И. КЪ ТЪМЪ КРОМѢЩЫИМЪ. ТОУ ВЪДѢТЪ ПЛАЧЪ И
СКРЪЖЕТЪ ЖЪБОМЪ МНОЗИ ВО СЪТЪ ЗКАНИИ. МАЛО ЖЕ ИЗБРАНЫХЪ. (Гл. 106^а,
9—25, гл. 106^б, 1—26.)

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ

Житиѣ и дѣлание прѣподобнаго а́нны.

Покелѣ же нѣкому отъ братьѣ теши къ паницици. и пришед'шимъ отъ пѣти. жад'номъ съштемъ кождъ принести. онъ же рече ꙗко не имать паницица воды никакоже. и то само оуиштааше братъ. ꙗкоже прѣжде малы сконима рѣкама самъ тѣмъ останахъ кождъ. пришед'шимъ к ѿному стран'нымъ принесе. Пракъдхныи же слышавъ то. и къздѣхъ рѣцѣ на небо. кротцѣ и тихо братоу рече. нди къ има гнѣ. и надѣхъ сѧ ꙗкоже обратиши кождъ. и шздъ отърѣзе дѣри паницица. и обрѣте ѿ исплѣнь. и къздикѣ сѧ и оужасѣ. и прослави хъ. почрхъ принесе жаждѣштимъ. покедаа имъ злоучишаша сѧ чоудеса вѣни. стави же собоѣ чоудо то. и отътои отъ скоюго троуда готовити кождъ. на питие стран'нымъ. кодоноѣ протикъ коюи снѣ оуготовки. безъ лѣности сѧ тихомъ лицемъ. ношааше кождъ отъ рѣкы ефрата. на рамоу скою. и пидѣхъ приходаштин к ѿмѣ. къ ношти же то торааше. начѣхъ носити отъ вечера дожи и до зорѣ. не ставыа пѣни. нз присно ѿмъ сѧхршаа по ксемоу пѣти... кззѣмъ кодоноѣ. нача ити пѣтѣмъ на рѣкѣ. прѣжде же дошѣтиа ѿмѣ прѣполокѣнниа пѣти. обрѣте сѧ кодоноѣ исплѣна воды. аѣи же сѣньмъ ѿмъ и постанкѣ на земли. прѣклоникъ колѣнѣ и плака и моли сѧ. и кзсѣхъ къздѣ рѣцѣ скон на небо. и благодари бога. кззѣмъ же кодоноѣ кззврати сѧ къ манастирь скои. Пришдѣхшии же к ѿному стран'ни. видѣхше ꙗкоже кззврати сѧ не дошдѣхъ рѣкѣ. мнѣхъ ѿному разболѣти сѧ. и не мошти по оустав'ноуоумоу ѿго дойти до ефрата. и текъ ѿдинъ отъ врати на сѣрѣтѣнѣ ѿго. къзати кодоноѣ отъ ѿго. и ити и почрѣти къ ѿго мѣсто отъ рѣкы. и дотекъ стааго. обрѣте ѿже на рамоу ѿго кодоноѣ исплѣнь воды. оужасъ же сѧ братъ. кззврати сѧ. само то ѿбѣаа. сѧбравъше сѧ оужасѣни же выхъше. и дикѣхше сѧ выхъшоуоумоу славыхъ бѣ. (Гл. 549₂₂—550₁₁, Гл. 550₂₃—551₉)

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ

1

13. Създѣшемъ же кзхѣомъ. сѣ ангѣлъ гнѣ къ сѣнѣ ꙗки сѧ носифоу гла кзсѣхъ. помни отроча. и матеръ ѿго. и вѣжи къ егуп'тѣ и вѣди тоу. дондѣже ти рекъ хоцетъ во иродѣ искати отрочѣте. да погоубитъ ю. 14. онъ же кзсѣхъ. пошатъ отроча. и матеръ ѿго ношиа. и отиде къ егуп'тѣ. 15. и вѣ тоу. до оумьртна иродока. да сѧждетъ сѧ рече-ноѣ отъ гѣ. прохъмъ глѣшѣмъ отъ егуп'та кззѣхъ сѣи мои. 16. тогда

и родъ. видѣхъ ꙗко порѣганъ бысть отъ кзхѣхъ. разгнѣка сѧ зѣло и похлѣхъ. изви кѣсѧ отроки сѧщѣмъ къ видѣемѣ и къ кѣтѣхъ прѣдѣлѣхъ юа. отъ дхѣомъ лѣтоу. и ниже по вѣмени ѿже испѣта отъ кзхѣхъ. 17. тогда сѧбыть сѧ реченоѣ. иереимѣмъ прохъмъ глѣшѣмъ. 18. глахъ къ рамѣ. слышавъ бысть плачь и рыдание и кзпѣ мзнохъ рѣхнѣмъ плачѣщи сѧ. чадъ сконхъ и не хотѣаше оутѣшити сѧ ꙗко негѣтъ. 19. оумьрхъ же иродоу. сѣ ан'гѣлъ гнѣ къ сѣнѣ ꙗки сѧ носифоу къ егуп'тѣ 20. гла. кзсѣхъ. помни отроча и матеръ ѿго. и нди къ землиа излѣкъ измѣшѣ во ицѣшѣи доушѣ отрочѣте. (Мф. II, 13—20.)

2

17. тѣ во иродѣ похлѣхъ сѧтѣ ноана. и сѧкзѣхъ и кзсѣди къ тѣмнищѣ. иродѣады ради жены филипа брата скоюго. ꙗко жени сѧ юа. 18. глааше во ноанѣ иродоки ꙗко не достонѣтѣ тебѣ имѣти. жены брата тѣюго. 19. иродѣа же гнѣкаше сѧ на нь. и хотѣаше и оубити. и не можааше. 20. иродъ во боааше сѧ ноана. вѣды мѣжа пракъдѣна и сѣта. и храниаше и. и похлѣшѣа ѿго мзногѣмъ тѣорѣаше. и къ сласть ѿго похлѣшѣаше. (Мр. VI, 17—20.)

Сравните между собой следующий отрывок по Зографскому, Мариинскому, Ассеманиеву, Остромирову евангелиям и Саввиной книге.

ЗОГРАФСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

16. ...кѣхъ естеръ сѧтѣкорѣ вечеръ кельѣ. и кззѣка мзногы. 17. и похлѣ равѣ скоа къ годинѣ вечера. рече зѣканымъ градѣте. ꙗко оуже готока сѧтѣ кѣтѣ. 18. и начаша къ коупѣ отърицати сѧ вѣи. прохъмъ рече емоу. село коупнѣхъ. имамъ нѣждѣ изити. и видѣти е моѣмъ тѣ имѣи мѣ отъречена. 19. и другы рече емоу. сѧпрѣхъ колохнѣхъ. коупнѣхъ пѣть. и градъ искоуситъ ихъ. моѣмъ тѣ имѣи мѣ отрѣкша сѧ. 20. и другы рече. жени похлѣхъ. и сѣго ради не можъ прити. 21. пришдѣхъ равѣ покѣда гноу скоемоу. Тогда разгнѣкахъ сѧ гнѣ домоу. рече равѣ скоемоу. изиди на распѣтѣ и сѧгнѣ града и ништаа и вѣдѣнѣмъ. и хромѣа и сѣпѣмъ. кзкѣди сѣмо. 22. и рече равѣ. гнѣ вы еже покелѣ и еше мѣсто естѣ. 23. и рече гнѣ равѣ. изиди на пѣти. и хлѣжѣ. и оубѣди кѣнѣти. да напѣзнѣтѣ сѧ домъ мой. (Лук. XIV, 16—23.)

МАРИНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

[illegible]

АССЕМАНИЕВО ЕВАНГЕЛИЕ

16. чѣкъ естерѣ ѡткорі кечерѣ келѣж. и зѣка многѣхъ. 17. и поглыба раба своего въ годъ кечерѣ. рещи зѣканнымъ. грядѣте ѣко оуже оуготована сѣтъ вѣтъ. 18. и начаша кзкоупъ отзрицати сѣ кзгѣ. прѣхъи рече емоу. село коупнѣхъ и имамъ нѣждѣ нзгити и вѣдѣти є. моужъ тѣ имѣти ма отрочына. 19. и друугъ рече емоу. жпрѣжъ колобзизинѣхъ коупнѣхъ пѣтъ. и грядѣ нкоупитѣ нѣхъ. моужъ тѣ имѣти ма отрочына. 20. и друугъ рече жѣнѣ поѣхъ. и сего радѣ не можъ прити. 21. и пришедѣ рабѣ тѣ покѣда гспднѣоу. своему сѣн. тогда разгнѣкаб сѣ гнѣ домоу. рече рабоу своему. изиди скоро на распжгѣ. и стѣгны града. и нишѣа и бѣдныѣа. и хромзныѣа и слѣпыѣа кзвѣди сѣмо. 22. и рече рабѣ гднѣоу своему. вѣ еже покѣдѣ. и ещѣ мѣсто єстѣ. 23. рече же гнѣ рабоу. изиди на пѣти и халѣжнѣ. и оубѣди кзнити. да напѣзнить сѣ домъ мон. (Лук. XIV, 16—23.)

САВВИНА КНИГА

16. ...чакъ ётеръ створи кечеръ великъ и зъка многы. 17. и пошла рабы скоа къ годъ кечера. реши зъканымъ идѣте. яко ѡже готово ёстъ къе. 18. и начаша къ коупъ отърицати сѧ къи. прѣвы рече ёмоу. село коупиуъ и имамъ нѣждъ изити и идѣти ё. молъ тѧ имѣи ма отъреши сѧ. 19. и другы рече ёмоу сѧпрѣжъ колокъныхъ коупиуъ. ё. и сѧ идъ искоушатъ ихъ. молъ тѧ имѣи ма отърекыша сѧ. 20. и другы рече женъ полъхъ. и сего ради не можъ ити. 21. и пришдъ рабъ тѧ поклѧ гоу

своему. тогда разгнѣкака са гнз домоу. рече равоу своему. изиди скоро на распятии. и на стѣгны градоу. и събери нища и вѣдныя. и хромыя и слѣпыя кжеди сѣмо. 22. и рече рава ги бысть также поклѣ. и еще мѣсто естъ. 23. и рече гь равоу. изиди на пѣти. и халжгы. и оубѣди кыити да напавити са храмы мон (Лук. XIV, 16—23.)

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ

16. ...чѣхъ нѣкъи. сѣткори кечерѣ великѣ. и зѣка многы. 17. и поглагола рабѣхъ скон. чѣхъ годѣхъ кечери. рещи зѣканымъ. придѣте. яко оуже оугото-
кана сѣть къа. 18. и начаща кзкоупѣ отърицати сѣ къи прѣкыи рече
иемоу село коупиухъ. и имаамъ ноуждѣхъ изити и кидѣти не могахъ тѣ. имѣи
ма отърочна. 19. и друугы рече сѣпрѣжѣ колобѣныхъ. коупиухъ пѣть и
хощѣхъ искжити нѣхъ могахъ тѣ имѣи ма отърочна. 20. и. друугы рече женѣхъ
поглаголахъ. и сего ради не могахъ прити. 21. и пришедѣхъ рабѣхъ тѣхъ покѣда госпо-
диноу еиемоу се тогда разгнѣкахъ сѣ гѣ домоу. рече рабѣхъ еиемоу.
изиди скоро. на распѣтиа. и стѣгны градоу и нищамъ. и бѣдныамъ. и хро-
мыамъ и слѣпыамъ кзкеди сѣмо. 22. и рече рабѣхъ. гѣ бысть иже побелѣ и
ище мѣсто юсть. 23. и рече гѣ равоу. изиди на пѣти и халѣгы. и оубѣди
кзкити. да напакити сѣ домъ мой. (Лук. XIV, 16—23.)

СЛОВА ПОД ТИТЛАМИ

$\tilde{\text{Б}}\tilde{\text{Х}} = \text{БОГЪ}$, $\tilde{\text{В}}\tilde{\text{А}}\tilde{\text{Г}}\tilde{\text{О}} = \text{ВЛАГО}$, $\tilde{\text{В}}\tilde{\text{Л}}\tilde{\text{Г}}\tilde{\text{С}}\tilde{\text{К}}\tilde{\text{И}} = \text{ВЛАГОСЛОВИ}$, $\tilde{\text{В}}\tilde{\text{Л}}\tilde{\text{Г}}\tilde{\text{Н}}\tilde{\text{З}} = \text{ВЛАГОСЛОВ(Л)ЕНЪ}$,
 $\tilde{\text{Б}}\tilde{\text{Ы}} = \text{БЫТЪ}$; $\tilde{\text{Б}}\tilde{\text{А}}\tilde{\text{К}}\tilde{\text{А}} = \text{БЛАДЫКА}$; $\tilde{\text{Г}}\tilde{\text{В}}\tilde{\text{И}} = \text{ГОСПОДЕКИ}$, $\tilde{\text{Г}}\tilde{\text{Д}}\tilde{\text{Ь}} = \text{ГОСПОДЬ}$, $\tilde{\text{Г}}\tilde{\text{И}} = \text{ГОСПОДИ}$, $\tilde{\text{Г}}\tilde{\text{Л}}\tilde{\text{А}} = \text{ГЛАГОЛА}$, $\tilde{\text{Г}}\tilde{\text{Л}}\tilde{\text{А}}\tilde{\text{Т}}\tilde{\text{И}} = \text{ГЛАГОЛАТИ}$, $\tilde{\text{Г}}\tilde{\text{Л}}\tilde{\text{Ш}}\tilde{\text{Т}}\tilde{\text{Е}} = \text{ГЛАГОЛѢШТЕ}$, $\tilde{\text{Г}}\tilde{\text{Л}}\tilde{\text{З}} = \text{ГЛАГОЛѢ}$, $\tilde{\text{Г}}\tilde{\text{Л}}\tilde{\text{А}} = \text{ГЛАГОЛѢ}$, $\tilde{\text{Г}}\tilde{\text{Л}}\tilde{\text{А}}\tilde{\text{Ш}}\tilde{\text{Е}} = \text{ГЛАГОЛАША}$, $\tilde{\text{Г}}\tilde{\text{Л}}\tilde{\text{А}}\tilde{\text{Х}}\tilde{\text{Ж}} = \text{ГЛАГОЛАХЪ}$, $\tilde{\text{Г}}\tilde{\text{Н}}\tilde{\text{Ь}} = \text{ГОСПОДЬНЬ}$; $\tilde{\text{Д}}\tilde{\text{У}}\tilde{\text{Х}} = \text{ДОУХЪ}$, $\tilde{\text{Д}}\tilde{\text{У}}\tilde{\text{Ш}}\tilde{\text{И}} = \text{ДОУШИ}$; $\tilde{\text{И}}\tilde{\text{Р}}\tilde{\text{М}}\tilde{\text{З}}$, $\tilde{\text{И}}\tilde{\text{Е}}\tilde{\text{Р}}\tilde{\text{С}}\tilde{\text{М}}\tilde{\text{Ъ}} = \text{Иероусалимъ}$; $\tilde{\text{И}}\tilde{\text{З}} = \text{И (Н)СОВЪ}$; $\tilde{\text{К}}\tilde{\text{О}}\tilde{\text{Н}}\tilde{\text{Ь}}\tilde{\text{Ц}}\tilde{\text{Ь}}$; $\tilde{\text{М}}\tilde{\text{Л}}\tilde{\text{О}}\tilde{\text{Г}}\tilde{\text{Р}}\tilde{\text{Ь}}\tilde{\text{Д}}\tilde{\text{О}}\tilde{\text{К}}\tilde{\text{А}} = \text{МИЛОСРДІЯ}$; $\tilde{\text{Н}}\tilde{\text{Б}}\tilde{\text{О}} = \text{НЕБО}$, $\tilde{\text{Н}}\tilde{\text{Б}}\tilde{\text{С}}\tilde{\text{К}}\tilde{\text{З}} = \text{НЕБЕСЫСКЪ}$, $\tilde{\text{Н}}\tilde{\text{Б}}\tilde{\text{С}}\tilde{\text{Н}}\tilde{\text{З}} = \text{НЕБЕСНЫ}$, $\tilde{\text{Н}}\tilde{\text{Е}}\tilde{\text{В}}\tilde{\text{Е}}\tilde{\text{Р}}\tilde{\text{Е}}$; $\tilde{\text{О}}\tilde{\text{Ц}}\tilde{\text{Ь}} = \text{ОТЬЦЬ}$, $\tilde{\text{О}}\tilde{\text{Ч}}\tilde{\text{Е}} = \text{ОТЬЧЕ}$; $\tilde{\text{П}}\tilde{\text{Р}}\tilde{\text{К}}\tilde{\text{З}}$, $\tilde{\text{П}}\tilde{\text{Р}}\tilde{\text{Р}}\tilde{\text{К}}\tilde{\text{З}} = \text{ПРОРОКЪ}$; $\tilde{\text{С}}\tilde{\text{П}}\tilde{\text{И}} = \text{СПАСИ}$, $\tilde{\text{С}}\tilde{\text{П}}\tilde{\text{Е}}\tilde{\text{Н}}\tilde{\text{И}}\tilde{\text{Е}} = \text{СПАСЕНИЕ}$, $\tilde{\text{С}}\tilde{\text{Р}}\tilde{\text{Д}}\tilde{\text{Ц}}\tilde{\text{Е}} = \text{СРДЦЕ}$, $\tilde{\text{С}}\tilde{\text{Т}}\tilde{\text{Ъ}} = \text{СКАТЪ}$, $\tilde{\text{С}}\tilde{\text{Н}}\tilde{\text{З}} = \text{СЫНЫ}$, $\tilde{\text{С}}\tilde{\text{Т}}\tilde{\text{М}}\tilde{\text{З}} = \text{СКАТЫМЪ}$; $\tilde{\text{Т}}\tilde{\text{Л}}\tilde{\text{О}} = \text{ТѢЛО}$; $\tilde{\text{Х}}\tilde{\text{З}} = \text{ХРИСТОЗЪ}$; $\tilde{\text{Ц}}\tilde{\text{Р}}\tilde{\text{Ь}} = \text{ЦѢРЬ}$, $\tilde{\text{Ц}}\tilde{\text{Р}}\tilde{\text{Ь}}\tilde{\text{К}}\tilde{\text{З}} = \text{ЦѢРЬСЬКЪ}$, $\tilde{\text{Ц}}\tilde{\text{Р}}\tilde{\text{Ю}} = \text{ЦѢРЬЮ}$, $\tilde{\text{Ц}}\tilde{\text{Р}}\tilde{\text{С}}\tilde{\text{Т}}\tilde{\text{В}}\tilde{\text{О}} = \text{ЦѢРЬСЬСТВО}$, $\tilde{\text{Ц}}\tilde{\text{Р}}\tilde{\text{С}}\tilde{\text{Т}}\tilde{\text{К}}\tilde{\text{И}}\tilde{\text{Е}} = \text{ЦѢРЬСЬСТІИ}$; $\tilde{\text{Ч}}\tilde{\text{К}}\tilde{\text{З}}$, $\tilde{\text{Ч}}\tilde{\text{Л}}\tilde{\text{К}}\tilde{\text{З}} = \text{ЧЛОВѢКЪ}$, $\tilde{\text{Ч}}\tilde{\text{Л}}\tilde{\text{О}}\tilde{\text{У}} = \text{ЧЛОВѢЧУ}$, $\tilde{\text{Ч}}\tilde{\text{Л}}\tilde{\text{В}}\tilde{\text{Ь}}\tilde{\text{Ч}}\tilde{\text{С}}\tilde{\text{К}}\tilde{\text{З}}$.

А

а — а, но
 абию, абью — тотчас, немедленно, скоро
 авити СМ. швити
 абасти са СМ. швасти са
 агньць, агнець — ягненок, барашек
 адъ — ад, преисподняя, пекло
 аоръ — воздух
 азъ (местоимение) — я
 ако СМ. шко
 акы (наречие) — как, как-то
 алебастръ — сосуд из алебастра
 али — но, однако
 алъдин СМ. лъдин
 алъкнию, алъкнью — голодание
 ал(ь)кати, алъкуъ — голодать, ощущать голод, поститься
 аминь — истинно
 аонагръ — дикий осел
 архиерон, архьерон — архиерей, первосвященник
 архисумагогъ — старейшина собора
 архитриклимъ — распорядитель пира
 ацъ — все-таки, тем не менее
 аште — если (ли)
 ашоуъ — напрасно

Б

ба — бога
 багъраинца — пурпур
 балин — врач
 бо вм. воз — перед фриктивных и шумными согласными
 безаконие, безаконью — беззаконие
 безвѣстнѣ — безвестный, неизвестный
 безгода — бесчисленное множество
 без-д-разума — без разума
 бездѣла — бездна, пропасть

безочуство — бесстыдство, наглость
 безочумьль — безумный
 бескверньнь — неоскверненный
 бесплатьнь — бесплотный, бестельный
 бестоуднь — бесстыдный, наглый
 бесѣда — разговор, говор, речь
 бесѣдовати, бесѣдоуъ — разговаривать, беседовать
 бештисльмъ (от возтисльмъ) — бесчисленный
 бештьсти (от возъсти) — без чести
 бештьстию (от возъстие) — бесчестие
 бештадъ (от возтадъ) — бездетный
 бисеръ — бисер, жемчуг
 бити, биш — бить, ударять
 благо — добро, имущество, благо
 благоволити, благоволамъ — благоволить, проявлять расположение к кому-либо
 благовѣстити, благовѣштъ — сообщать хорошую весть
 благодѣти — благодать
 благъ — хороший, добрый
 блазмити, блазмижъ — соблазнять, искушать, обольщать
 близникъ — близкий родственник
 блюсти, блюджъ — наблюдать, присматривать
 блудити, блуджъ — блудить, развратничать
 блудньмъ — непристойный, неприличный; распутный, развратный, безнравственный
 бо — потому что, ведь, же
 болен, бои — больший
 бости, боджъ — бодать
 бошти са, бош са — бояться
 бракъ — свадьба, женитьба
 браниш, бранижъ — защищать
 брань — война
 брати са, борж са — бороться, воевать

братни — братия
 братъ — брат
 брашьмо — пища
 бридъжъ — жестокий, суровый
 брьини, брьиню, брини — грязь, тина, глина
 брьвмо — балка, перекладина, бревно
 брьма — груз, ноша, бремя
 брьшти, брьжъ — беречь, заботиться
 боуи — глупый, безумный
 боукъ — написанное, письмо, запись, расписка
 бовсть — глупость, безумие
 бѣ — богъ
 бѣдръ — бодрый
 бѣдѣти, бѣждъ — бодрствовать
 бѣдѣти СМ. бѣдѣти
 бѣрати, бержъ — брать, собирать
 бѣдѣ — необходимость, нужда
 бѣжати, бѣжжъ — бежать
 бѣсьмъ — бесноватый

В

варити, варжъ — обманывать
 карити, каржъ — предупредить, обгонять, опережать
 варъ — жар, зной
 ведро — ясно
 велии, велъи, велижъ — большой
 вельзеволъ — дьявол, сатана
 велъи — много, очень
 вести, веджъ — вести
 вель СМ. вель
 вельхъ — старый, ветхий
 веворъ — вечер
 веворъ, вевора — пир, обед, угощение
 видѣти, виджъ — видеть
 виноградъ — возделывающий виноград
 винопица — винопиец, пьяница
 витати, витжъ — останавливаться для отдыха; гнездиться (о птицах)
 влассиислати, влассиисламъ — проклинать, злословить, богохульствовать
 влассииню — злословие, хула, клевета, богохульство
 влассъ — волос
 вльма — волна
 вльхъ — волхв, ясновидец, предсказатель; волшебник
 вльшти, вльжжъ — влечь, тащить
 водоносъ — ведро, сосуд для ношения воды
 вои — воин; лагерь, стан; в вин. п. мн. ч. — вои — войско
 вонъ СМ. вель
 вонжъ — запах, аромат
 враниш — вражеский
 враждѣл — неприятель, вражда
 вратѣр — привратник

вратѣл — лечение, исцеление
 вратити са, вратжъ са — возвращаться
 врьхоуъ — наверху
 врьхъ — верх
 врьма — время
 врьшти, врьжъ — бросать
 вьвьршти, вьвьржжъ — бросать, ввергать
 вьдоуица — вдова
 вьждѣвати (от вьжѣвати), вьждѣламъ — пожелать, хотеть, иметь желание
 вьжѣшти, вьжѣжжъ — зажечь
 вьжизати, вьжизламъ — зажигать
 вьзъ (предлог) — на
 вьзла(ь)кати, вьзла(ь)ламъ — почувствовать голод
 вьзвѣудити, вьзвѣуджъ — возбудить, разбудить, пробудить
 вьзвратити са, вьзвратжъ са — возвратиться
 вьзвратшати са, вьзвратшжъ са — возвращаться
 вьзвѣсити, вьзвѣшжъ — повесить
 вьзвѣстити, вьзвѣштжъ — возвестить, оповестить
 вьзгласити, вьзгласжъ — издать сильный возглас, позвать кого-нибудь, выкрикнуть
 вьзгласшати, вьзгласшжъ — издавать сильный возглас, звать кого-либо, выкрикивать
 вьздаѣти, вьздамъ — воздать
 вьздавати, вьздаламъ — воздавать
 вьздакигити, вьздакигжъ — воздвигнуть, поднимать
 вьздѣрадовати са, вьздѣрадоуъ са — возрадоваться
 вьздѣрати, вьздѣражъ — вырасти
 вьздѣрѣсть — возраст
 вьздѣроути, вьздѣрожъ — зареветь
 вьздѣрѣшати са, вьздѣрѣшжъ са — задремать
 вьдѣрѣжати, вьдѣрѣжжъ — воздержаться
 вьдѣхнѣти, вьдѣхнжъ — вздохнуть
 вьдѣххати, вьдѣххжъ — вздыхать
 вьзимати, вьзимати, вьзимжъ — брать
 вьзити, вьзиджъ — взойти
 вьзлѣжати, вьзлѣжжъ — питаться, есть (в лежачем положении)
 вьзлѣшати, вьзлѣшжъ — прилечь
 вьзлѣжити, вьзлѣжжъ — поставить, положить
 вьзлюбити, вьзлюбламъ — возлюбить
 вьзмошти, вьзможъ — быть в состоянии, смочь
 вьзмасти, вьзматжъ — смешать, спутать, сбить; смутить, возмутить
 вьзъвати, вьзѣжжъ — воззвать, позвать
 вьзъинити, вьзъинжъ — закричать, воскликнуть
 вьзърати, вьзържжъ — поглядеть на кого-либо, взглянуть

пои́е — потому что, хотя, по крайней мере
 понеж́е — с тех пор как
 поносите́, понош́а — укорять, упрекать
 попл́рати, поплер́а — попать
 поплри́ште — верста, миля
 пораз́ити, пораз́а — поразить
 пореш́ти, пореж́а — назначить, упрекнуть, оскорбить
 послоу́шати, послоу́шаа — слушать, выслушивать
 послэ́ди, послэ́да — после
 послэ́ждэ — после, позднее, потом
 посрам́ити, посрам́аа — посрамить, опозорить
 посэ́шти, посэ́жа — отсечь, отрубить
 потра́сти, потра́ж — потрясти, растряхсти
 почисти́, почт́а — почтить
 почит́ати, почит́аа — почитать
 поу́тити, поу́тиа — успокоиться, предаться отдыху; умереть
 поу́рати, поу́раа — почерпнуть
 поу́ати, поу́аа — взять
 правд́аа, правд́оа — праведный, правдивый
 правд́а — правда
 праз́даа — праздный, пустой
 прати́, порж́а — пороть
 прикля́зтити, прикля́заа — притаскивать
 прикля́штити, прикля́шаа — привлечь
 прива́зати, прива́заа — привязать
 пригва́ждати, пригва́ждаа — пригвозждать
 пригвоз́дтити, пригвоз́даа — пригвоздить
 призь́рати, призь́раа — обратить внимание, позаботиться
 принима́ти, принима́а — принимать
 приключ́ати — случай, случайность; по приключ́аау — случайно
 прикосн́ити сá, прикосн́а сá — прикоснуться, дотронуться
 прилеж́ати, прилеж́а — стараться, заботиться
 прилеш́ти, прила́га — прилечь
 прилеп́ити сá — прилепиться
 принести́, прине́ж — принести
 приникн́ити, приникн́а — приникнуть
 приоб́рести, приоб́раш́а — приобрести
 присва́ждати, присва́даа — вянуть (от жары)
 пристáпити, пристáпиаа — приступить, подойти
 присно́ — всегда, постоянно, вечно
 присэ́ждати, присэ́ждаа — сесть около кого-нибудь, присесть
 прити́, прид́а — прийти
 прит́аа — короткий рассказ с поучительным или нравоучительным содержанием, иносказание
 при́яти, при́аа — принять, взять
 проков́сти, проков́а — проколоть, пронзить
 прогна́тити, прогна́тиа — прогнать
 прода́ти, прода́а — продать

прода́тити, прода́тиа — продавать
 прозь́рати, прозь́раа — прозреть
 прожа́зати, прожа́заа — прорасти, взойти, дать ростки
 прожа́вжити, прожа́ваа — прорасти, всходить
 прожа́вень — прокаженный, больной проказой
 прокла́тити, прокла́тиа — проклясть
 пропáтити, пропáтиа — распять
 прореш́ти, прореш́а — предсказать
 прорич́тити, прорич́тиа — предсказывать, пророчествовать
 просити́, прош́а — просить
 простр́ахтити, простр́ахаа — растянуть, простереть, протянуть
 против́аа — против
 прр́к, прр́а, прр́аа — пророк
 прь́ва — первый
 прь́си — груди
 прь́ста — перст, палец
 прь́дати, прь́даа — предасть
 прь́да́тити, прь́да́тиа — предавать
 прь́да́ль — граница
 прь́а́стити, прь́а́стаа — прельстить
 прь́а́полокити, прь́а́полокаа — делить пополам, наполовину
 прь́ра́зтити, прь́ра́заа — упрекнуть, возразить
 прь́аста́тити, прь́аста́тиа — перестать, прекратить
 прь́астэ́жити, прь́астэ́жаа — идти, проходить мимо
 прь́эшт́ити, прь́эшт́аа — перейти, перебежать
 прь́эшт́аа, прь́эшт́аа — запрещать, препятствовать
 прда́тити, прда́тиа — прыгать, скакать
 поу́ст — пустой
 поу́штени́ца — разведенная жена
 пь́рати, пер́а — давить, мять
 пь́рати сá, пер́а сá — спорить, состязаться
 пь́сати, пиш́а — писать
 пь́са — собака, пес
 пь́ма́са — серебряная римская монета
 пь́ма́жени́к — 1) меняла, разменивающий деньги; 2) меняльный стол
 пь́ти, по́а — петь
 пь́тиа — пятница
 пь́ти — пять
 пь́то — пути, оковы
 пь́ти — путь, дорога
 пь́тиа — бездна, морская глубина

Р

раба́ — рабыня, слуга
 рако́зтити, рако́заа — служить в качестве раба
 ра́ва — раб, слуга

ра́кыи — рабыня, слуга
 ра́к(ь)ки — из др.-еврейского „мой учитель“
 ра́кыа — ровный, одинаковый
 ради́ — ради, для
 разкь́рзати, разкь́рзаа — раскрывать, развертывать
 разкь́рзтити, разкь́рзаа — раскрыть, развернуть
 разкь́а — кроме
 раздрóушени́е — разрушение
 раздр́ахтити, раздр́ахаа — освободить, развязать
 разд́а́тити, разд́а́тиа — разделить
 разд́а́жтити, разд́а́жаа — разлучить
 разды́шлэтити, разды́шлэаа — размышлять
 разор́ити, разор́а — разорить, разрушить
 рла́о — плуг, лемех, соха
 рзма́ — г. Рама
 рлмо́ — плечо
 рана́ — болезнь, недуг, наказание
 раска́тити сá, раска́а сá — раскаться
 распа́тити, распа́тиа — распять
 распáтити — дорога, улица, скрещивание дорог
 раста́тити, раста́таа — растрчивать, рассеивать
 расто́тити, расто́а — растратить, рассеить
 растр́гтити, растр́гаа — разорвать
 растр́зтити, растр́заа — растерзать, разорвать
 расх́тити, расх́тиа — разграбить, ограбить
 раш́иртити, раш́ираа — расширять
 раш́ити (от расх́ити), раш́тиа — считать
 реш́ти, реш́а — сказать
 риза́ — платье, верхнее платье, одежда
 рикати́, рика́а — реветь, рычать
 рин́тити, рин́а — бросить, толкнуть
 ров́а — ров, могила
 родити́, рожд́а — родить
 ро́жени́е — ветви, розги
 ро́жэа, ро́жэа — уменьшительное от ро́г
 ры́льа — ропот
 ры́ваа — рыбак
 ры́дтити, ры́даа — рыдать, плакать
 рь́зтити, рь́жаа — резать, сечь
 рь́с(ь)ютá — истина
 рж́гати сá, рж́гаа сá — насмехаться над кем-либо
 рж́а — рука

С

сáдити, сáдаа — садить, сажать
 сáмарэ́жени́к — самарянин
 само́ — только
 сэ́пог — обувь, сандалия
 сэ́кэнтэ — свекровь
 сэ́вини — свинья

сэ́кэтити, сэ́кэтиа — светить
 сэ́кэ́таа — светлый
 сэ́кэ́штити — свеча
 сэ́кэ́штити — подсвечник
 сэ́кэ́тити, сэ́кэ́тиа — святить
 сэ́кэ́тиа — святой
 сэ́а — вот
 сэ́аа — семь
 сэ́ао — поле, нива
 сэ́а́а — полевой, сельский
 сэ́а — такой
 сэ́аа — так
 сэ́аа — такой
 сэ́аа, сэ́аа — сиять
 сэ́а́ааа — соблазн, искушение
 сэ́а́аа — сквозь
 сэ́а́аа — нечисть, мерзость
 сэ́аа — домашний скот
 сэ́а́а — скорбь
 сэ́а́аа — скрежет
 сэ́а́а́а́а́а, сэ́а́а́а́а́а — горшечник, гончар
 сэ́а́а́а́а́а́а — гончарный, керамический
 сэ́а́а́а́а — славить
 сэ́а́а́а — славный
 сэ́а́а́а́а, сэ́а́а́а́а — служить
 сэ́а́а́а, сэ́а́а́а — слыть
 сэ́а́а́а — молва, слух
 сэ́а́а́а — солнце
 сэ́а́а — слеза
 сэ́а́а́а́а, сэ́а́а́а́а — слушать
 сэ́а́а́а́а́а — смоковница, фиговое дерево
 сэ́а́а́а́а — повар
 сэ́а́а́а́а́а — см. сэ́а́а́а́а́а
 сэ́а́а́а́а, сэ́а́а́а́а — срамить, позорить
 сэ́а́а́а́а — посрамление, позор
 сэ́а́а́а́а — сердце
 сэ́а́а́а́а́а — первый, главный, глава
 сэ́а́а́а́а — старик
 сэ́а́а́а, сэ́а́а́а — устоять, остаться на месте
 сэ́а́а́а́а, сэ́а́а́а́а — страдать, лишаться
 сэ́а́а́а́а — чужой
 сэ́а́а́а — страна, область, земля
 сэ́а́а́а́а — управление
 сэ́а́а́а́а, сэ́а́а́а́а — стеречь, сторожить
 сэ́а́а́а́а́а — колодец
 сэ́а́а́а́а — стыд
 сэ́а́а́а́а, сэ́а́а́а́а — узкая улица, переулочек
 сэ́а́а́а́а сá, сэ́а́а́а́а сá — стыдиться
 сэ́а́а́а — стезя, дорожка
 сэ́а́а́а́а́а — чаша
 сэ́а́а́а — тщетный
 сэ́а́а́а́а, сэ́а́а́а́а — собирать
 сэ́а́а́а́а́а́а сá, сэ́а́а́а́а́а́а сá — соблазнять-ся, возмущаться
 сэ́а́а́а́а́а́а, сэ́а́а́а́а́а́а — соблазнить
 сэ́а́а́а́а сá, сэ́а́а́а́а сá — сбыться, осуществиться, исполниться

свѣрати, свѣрж — собрать
свѣзати, свѣзати — снять, раздеть
свѣсть — совесть, сознание
свѣтъ — совет, совещание
свѣзати, свѣзати — посоветоваться, сговориться
свѣзати, свѣзати — связать
сдравъ — здоровый
сжогши, сжогши — сжечь
сзвати, сзвати — созвать
сзвати, сзвати — созывать
сзвати, сзвати — построить
сзвати, сзвати — спускаться
сзати — сгорбленный, скорченный
смотрити, смотри — смотреть
сморъ — смерть
смасти са, смасти са — смутиться
снати, снати — сойти, спуститься
снь — сон
сньмиште — место собрания
сньмъ — собрание, сбор
сньдъ — пища
снати, снати — снять
сързати, сързати — встретить
сѣтворити, сѣтворити — сделать
сѣто — сто
сѣторича — сотня
сѣтажати, сѣтажати — приобрести, добыть
сѣтажати са, сѣтажати са — спорить
сѣтажати, сѣтажати — надоедать, быть в тягость
сѣтажати, сѣтажати — мучить, угнетать
сѣхнати, сѣхнати — сохнуть
сѣхидити, сѣхидити — спускаться
сѣ, си, сѣ — этот, -а, -о
сѣде — здесь
сѣмьтъмъ — смертный
сѣдалиште — место сидения
сѣдѣти, сѣдѣти — сидеть
сѣмо — сюда
сѣма — семья
сѣнь — тень
сѣсти, сѣдѣти — сестъ
сѣтъ — сеть
сѣшти, сѣшти — сечь, рубить
сѣшти, сѣшти — сеять
сѣдни — судья
сѣдити, сѣдити — судить
сѣдѣти — суд
сѣпрѣжъ — упряжь, пара волов в одной упряжи; супруг, муж
сѣпръ — противник
сѣсѣдѣти — сосед
сѣтъчѣ — сучек

га — я так
тамо — так
такъ — такой

такъже, такъже — так же
таалъ — вес и определенная монета у древних греков и римлян
тамо — там
тати — вор
тѣрь — создание
тѣорити, тѣорити — делить
тѣоръчѣ — творец
тѣрьдѣ — твердый, сильный, здоровый
те — и
тѣльчѣ — теленок, бычок, молодое животное
тѣти, тѣти — бить, колотить
тѣшти, тѣшти — течь, бежать
тѣшнати, тѣшнати — толкнуть
тѣшти, тѣшти — толкать, стучать, ударять
тольма — столько
тоуило — корыто, чан, в котором выжи-мают виноград
тоуити, тоуити — наливать, источать
трию, трию — три
трѣгъ — базар
трѣжниште — торговое место, рынок; со-брание
трѣжнникъ — торговец
трѣнию — терновник
трѣнь — терн, колючка
трѣзати, трѣзати — терзать, рвать
трѣпати, трѣпати — терпеть
трѣбовати, трѣбовати — требовать
трѣва и трѣва — трава
трѣвъ — трезвый
трѣсавица — дрожь, лихорадка
трасти, трасти — трясти
трѣсъ — сотрясение, землетрясение
тоу — здесь, там
тоуѣдѣ — нужой
тъ, тѣ, то — этот, -а, -о
тъгда — тогда
тъкмо — только
тъма — десять тысяч, громадное коли-чество
тъшта — теща
тысѣшти, тысѣшти — тысяча
тъма — тъма
тъмъ же — следовательно
тъма — темя
тягота — тяжесть
тяжель — тяжелый
тѣдоу, тѣдѣ — туда

ОУ

оуѣкати, оуѣкати — убивать
оуѣница — убийца
оуѣити, оуѣити — убить
оуѣити, оуѣити — убивать
оуѣо — же, итак, ведь, пото

оуѣоуѣ — бедный, убогий
оуѣоуѣ — платок
оуѣрзати, оуѣрзати — открыть, приоткрыть
оуѣзати, оуѣзати — узнать
оуѣзати, оуѣзати — уверить, убедить
оуѣзати, оуѣзати — угождать кому-либо
оуѣзати, оуѣзати — угасать
оуѣзати, оуѣзати — угасить
оуѣзати, оуѣзати — угаснуть
оуѣзати, оуѣзати — погрузиться, увяз-нуть
оуѣзати са, оуѣзати са — получить хо-роший урожай, плодоносить
оуѣзати, оуѣзати — угодить
оуѣзати, оуѣзати — готовить что-либо для кого-либо
оуѣзати, оуѣзати — приготовить что-либо для кого-либо
оуѣзати — удобно, легко
оуѣзати — удобный, легкий
оуѣзати, оуѣзати — удерживать
оуѣзати — член
оуѣзати — ужас
оуѣзати — уже
оуѣзати, оуѣзати — увидеть
оуѣзати, оуѣзати — указать
оуѣзати, оуѣзати — укротить, смирить, успокоить
оуѣзати — кусок, крошка
оуѣзати, оуѣзати — укрыть, скрыть
оуѣзати, оуѣзати — стихнуть, успокоиться
оуѣзати, оуѣзати — намазать
оуѣзати, оуѣзати — замолчать
оуѣзати, оуѣзати — умирать
оуѣзати — смерть
оуѣзати вместо юность
оуѣзати, оуѣзати — вооружить
оуѣзати, оуѣзати — уподобить
оуѣзати, оуѣзати — уповать
оуѣзати, оуѣзати — отрезать
оуѣзати, оуѣзати — усердие
оуѣзати — рот
оуѣзати са, оуѣзати са — устремиться
оуѣзати — губа
оуѣзати, оуѣзати — уснуть
оуѣзати, оуѣзати — засохнуть
оуѣзати, оуѣзати — отсечь, отрубить; погубить
оуѣзати, оуѣзати — положить в гроб (мертвеца)
оуѣзати са, оуѣзати са — усомниться
оуѣзати, оуѣзати — утопать, тонуть
оуѣзати, оуѣзати — убитъ
оуѣзати, оуѣзати — утопить
оуѣзати — утро
оуѣзати — завтра
оуѣзати, оуѣзати — учить
оуѣзати — беглец, беглый раб
оуѣзати, оуѣзати — уязвить, нанести рану

Ф

фарисей, фарисей — фарисей (так называ-лись сторонники религиозно-полити-ческой партии в древней Иудее, пред-ставлявшие интересы зажиточных слоев городского населения и отли-чавшиеся фанатизмом и лицемерным исполнением правил наружного бла-гочестия)

Х

халъга — изгородь, ограда
хала — хвала, похвала, награда
халати, халати — хвалить
ходатаи — посредник, заступник, ходатай
ходити, ходити — ходить
хотѣти, хотѣти — хотеть
хранина — дом, помещение, жилище, зда-ние
храмъ — дом
хризма — благовонное масло
хромъ — хромоу
хоуѣти, хоуѣти — клеветать, злословить, ругать
хъ — Христосъ
хытрость — искусство, умение, мастер-ство
хыштение — грабеж, ограбление

Ц

цѣсти, цѣсти — цвести
цѣръ — цѣсарьскъ
цѣръ — церковь
цѣръ — цѣсарь
цѣство — цѣсарство
цѣлѣти, цѣлѣти — лечить, врачевать
цѣлованию — приветствие
цѣль — здоровый
цѣсарь — государь, царь
цѣсарствие — царство

У

уасъ — час
уаша — чаша
уашти, уашти — ожидать; надеяться
уни — чей
уисма — число
уисти, уисти — считать
уѣкъ — уѣкъ
уѣръ — червь
уѣръ — черный
уѣрта — черта
уѣрко — живот, чрево, желудок

уоудити са, уоудѣа са — удивляться
уоути, уоуш — слышать
уѣто, уѣто — что
уѣсть — честь
уюдити са см. уоудити са
уюти см. уоути
уадо — дитя, ребенок
уастъ — часть, доля

Ш, ШТ (Ш)

шити, шинѣ — шить
штедрота — щедрость
штоуѣа — чужой
штадѣти, штаждѣ — щадить, беречь
шоѣи — левый
шоѣица — левая рука
шюи см. шоѣи
шюица см. шоѣица

Ю

юже см. оуже
юность — молодость, юность
юнѣ — молодой
юнѣць — бычок, молодой вол
ютро см. оутро

Ѡ (Ѣ)

Ѡвѣити, Ѡвѣаѣ — явить
Ѡвѣити са, Ѡвѣаѣ са — явиться
Ѡдѣ — еда
Ѡдѣца — обжора
Ѡдѣа — рана
Ѡзѣомѣ — уязвленный
Ѡзѣити, Ѡзѣаѣ — ранить
Ѡзѣвѣиѣ — убитый, раненый
Ѡно, Ѡно — потому что, что, тогда, так
что, как
Ѡновѣ — какой
Ѡноже — как, как-то
Ѡнѣ — какой
Ѡрость — гнев, ярость
Ѡсти, Ѡмѣ — есть
Ѡхати, Ѡдѣ — ехать
Ѡште см. Ѡште

Ю

югда — когда
юда — не, чтобы не
юдинѣ — один
юдѣа — едва
юже — что касается
юзеро — озеро
юлико — сколько
юлико — который
юль крѣты — сколько раз, что
юаѣ — почти
юмѣати (вм. юмѣати), юмѣаѣ — брать
ютерѣ — некто, некоторый
юште — еще

Ѡ

Ѡдро — быстро, скоро
Ѡза, Ѡза — болезнь, недуг, слабость
Ѡзѣиѣ — язык, народ
Ѡзѣиѣмѣ — языческий, народный
Ѡти, Ѡмѣ — взять
Ѡтры — жена брата мужа
Ѡуѣомѣ — ячмень

Ѣ

Ѣгѣ — угол
Ѣдоу — откуда
Ѣже — цепь, окопы
Ѣжикѣ — родственник (близкий)
Ѣзѣиѣ — узкий
Ѣтроѣа — утроба
Ѣтрѣ — внутри
Ѣтрѣиѣ — внутренний
ѢтрѣѢдоу — внутрь

Ѣ

ѢдоуѢже — откуда

Ѥ

Ѥпокрѣти — лицемер
Ѥпостѣа — сущность, существо, материя,
вещество, субстанция
Ѥтро см. оутро

ЛИТЕРАТУРА

- А. Вайан, Руководство по старославянскому языку. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1952.
Н. Ван-Вейк, История старославянского языка. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1957.
В. Вондрак, Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915.
Сб. „Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков“. Изд-во АН СССР, М., 1956.
Э. Георгиев, Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. Изд-во Болгарской Академии наук, София, 1952.
Э. Георгиев, Основные вопросы возникновения старославянской (староболгарской) литературы и старославянского (староболгарского) литературного языка. См. сб. „Славянская филология“, т. I. изд-во АН СССР, 1958.
Е. Э. Гранстрем, О происхождении глаголической азбуки. См. Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР, т. XI, 1955.
P. Diels, Altkirchenslavische grammatik, 1—2. Heidelberg, 1932—1934.
A. Dostál, Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954
С. М. Кульбакин, Древнецерковнославянский язык. Изд. 3-е, Харьков, 1917.
П. А. Лавров, Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
А. Лескин, Грамматика древнерусского (древнецерковнославянского) языка. Казань, 1915 г.
T. Lehr-Spławiński, Zarys grammatyki języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Kraków, 1949.
H. G. Lant, Old church slavonic Grammar. Mouton, 1955.
А. Мейе, Общеславянский язык. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1951.
B. Rozenkranz, Historische Laut und Formenlehre des Altbulgarischen (Altkirchenslavischen). Heidelberg, 1955.
А. М. Селищев, Старославянский язык. ч. I, Введение. Фонетика. 1951.
Ч. П. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М., 1952.
А. М. Селищев, Славянское языкознание, т. Учпедгиз М., 1941.
N. Trubetzkoy, Altkirchenslavische Sprache. Wien, 1933.
Л. В. Черепнин, Русская палеография. Госполитиздат, М., 1956.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

ВВЕДЕНИЕ

Наука о старославянском языке и ее задачи (§ 1—3)	5
Возникновение старославянской письменности (§ 4)	9
О народно-языковой основе старославянского языка (§ 5—7)	11
Славянские азбуки (§ 8—14)	17
Памятники старославянского языка (§ 15—17)	27

ФОНЕТИКА

Звуковая система старославянского языка второй половины IX в. (§ 18) . .	34
Система гласных (§ 19—20)	35
Позиционное изменение гласных звуков (§ 21—23)	37
Употребление гласных в начале слова (§ 24)	38
Система согласных (§ 25—28)	40
Позднейшие звуковые процессы, отразившиеся в памятниках XI и отчасти X в. (§ 29)	43
Судьба редуцированных [ъ] и [ь] (§ 30—33)	43
Редуцированные [ŷ] и [i] (§ 34)	49
Следствия падения редуцированных [ъ] и [ь] (§ 35)	50
Процессы, не связанные с падением редуцированных (§ 36—39)	52
Звуковая система старославянского языка в сравнительно-историческом освещении (§ 40—41)	59
Происхождение гласных в общеславянском языке (§ 42—51)	60
Дифтонги и дифтонгические сочетания (§ 52—56)	66
Дифтонгические сочетания с плавными [r] и [l] (§ 57)	71
Дифтонгические сочетания с плавными [r] и [l] в середине слова между согласными (§ 58)	72
Дифтонгические сочетания с плавными в начале слова (§ 59)	74
Сочетания редуцированных с плавными (§ 60)	75
Система согласных звуков (§ 61—63)	77
Происхождение звука [ch] (§ 64)	79
Палатализация заднеязычных согласных (§ 65—67)	81
Изменение групп согласных перед гласными переднего ряда (§ 68) . .	84
Сочетания согласных с последующим [j] (§ 69—73)	86
Упрощение групп согласных (§ 74)	91
Явления конца слова (§ 75—79)	95
Чередование гласных (§ 80—81)	100

МОРФОЛОГИЯ

Введение (§ 82—84)	106
Существительные (§ 85—86)	107
Типы именного склонения (§ 87)	113
Склонение существительных с основой на -*ǫ (§ 88)	114
Склонение существительных с основой на -*ā (§ 89)	116
Склонение существительных с основой на -*ū (§ 90)	118
Склонение существительных с основой на -*ī (§ 91)	118
Склонение существительных с основой на согласный (§ 92)	119
Склонение существительных с основой на -*p (§ 93)	121
Процессы изменения именного склонения (§ 94)	122
Происхождение падежных флексий (§ 95—110)	126
Местоимение (§ 111)	134
Склонение личных местоимений (§ 112)	134
Склонение неличных местоимений. Местоимения, различающие род и число (§ 113—115)	136
Местоимения, не различающие рода и числа (§ 116)	138
Прилагательные (§ 117—120)	139
Сравнительная степень (§ 121—123)	143
Числительные (§ 124—130)	148
Глагол (§ 131)	151
Глагольные основы (§ 132—133)	152
Настоящее время (§ 134—135)	157
Глагольные окончания в настоящем времени и их происхождение (§ 136)	160
Повелительное наклонение (§ 137)	162
Происхождение форм повелительного наклонения (§ 138)	164
Имперфект (§ 139)	166
Происхождение форм имперфекта (§ 140)	169
Аорист	170
Простой аорист (§ 141)	—
Происхождение форм простого аориста (§ 142)	172
Сигматический аорист (§ 143—145)	—
Происхождение форм сигматического аориста (§ 146)	175
Причастия	177
Причастия действительного залога настоящего времени (§ 147)	—
Происхождение форм причастий действительного залога настоящего времени (§ 148)	181
Причастия действительного залога прошедшего времени (§ 149)	182
Происхождение форм причастий действительного залога прошедшего времени (§ 150)	185
Страдательные причастия (§ 151—152)	186
Условное наклонение (§ 153)	190
Перфект (§ 154)	191
Плюсквамперфект (§ 155)	192
Будущее время (§ 156)	—
Инфинитив. Супин (§ 157)	193
Тексты	194
Словарь к текстам	208

Нина Максимовна Елкина
СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Редакторы *В В Иванов* и *Г П Смолицкая*
Художник *И Д Кричевский*
Художественный редактор *Б М Кисин*
Техн редактор *Н П Цирульников*
Корректор *В М Фомичева*

* * *

Сдано в набор 30/V 1959 г. Подписано
к печати 11/I 1960 г 60 × 92¹/₁₆ Печ л. 14
Уч.-изд л 13,89 Тираж 17 тыс. экз.
А-01813.

* * *

Учпедгиз Москва, 3-й проезд
Марьиной рощи, 41

Ленинградский Совет народного
хозяйства Управление полиграфической
промышленности. Типография № 1
„Печатный Двор“ им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

Заказ № 1194.

Цена без переплета 2 руб 80 коп,
переплет 1 р 50 к.